

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России

ЛИТЕРАТУРНАЯ АРОДИЯ

Ан

Ан

Ан

Ан

Ан

Ан

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Владимир Короленко Иннокентий Аннен
Александр Измайлов Абель Петр Нильски
Сергей Торный Саша Черный Корней Чуко
Дон Аминадо Александр Архангельский
Александр Орлит Михаил Зоценко Владими
Александр Розенберг Александр Гринкель Эсте
Николай Акимов Сергей Швецов Юрий
Никита Богословский Владимир Лифши
Наталья Ильина Бронислав Кежун Сергей Сми
Владлен Бахнов Владимир Волин Лазарь
Борис Козлов Павел Хмара Юрий Шанин
Войнович Аркадий Арканов Тригорий Тори
Зиновий Вальшонок Леонид Карабчиев
Виталий Резников Евгений Вербин
Александр Иванов Марк Розовский Владими
Хайт Борис Брайнин Валерий Попов
Инна Савельева Александр Хорт Леонид
Владимир Новиков Новелла Матвеева Семен
Михаил Казовский Дмитрий Храповиц
Лесин

нский Иван Бунин Александр Куприн
ни О.А. Д'Ор Грритцен Александр Блок
овский Михаил Пустышн Евгений Венский
и Аркадий Бухов Константин Линскеров
ир Масс Арго Илья Ильф Евгений Петров
тер Паперная Владимир Набоков Виктор Ардов
Казарновский Сергей Васильев Ян Сашин
нц Морис Слободской Александр Раскин
ирнов Зиновий Паперный Юрий Левитанский
азарев Бенедикт Сарнов Станислав Рассадин
Грелике Ефимов Грелике Ефимов Владимир
ин Владимир Владиин Виктор Рубанович
вский Иосиф Линкин Алексей Пьянов
Анатолий Житницкий Виктор Завадский
ир Высоцкий Александр Курляндский Аркадий
в Вадим Дабужский Лион Измайлов
и Грилатов Вадим Жук Михаил Задорнов
н Альтов Теннадий Попов Андрей Яхонтов
цкий Виктор Мендерович Евгений

Владимир Короленко Иннокентий Ан
Александр Измайлов Абель Петр Пиле
Сергей Торный Саша Черный Корней
Дон Аминадо Александр Архангельск
Александр Орлит Михаил Зощенко Влад
Александр Розенберг Александр Гринкел
Ардов Николай Акимов Сергей Швецов
Жикита Богословский Владимир Лиф
Наталья Ильина Бронислав Кежун Сергей
Владлен Бахнов Владимир Волин Лазар
Борис Козлов Павел Хмара Юрий Ман
Войнович Аркадий Арканов Тригорий
Зиновий Вальшонок Леонид Карабч
Виталий Резников Евгений Вербин
Александр Иванов Марк Розовский Влади
Хайт Борис Брайнин Валерий Ног
Инна Савельева Александр Хорт Леон
Владимир Новиков Новелла Матвеева Се
Михаил Казовский Дмитрий Храпо

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Групповой шарж И.Игина.

*Слева за столом — В.Луговской. Далее (по часовой стрелке)
 М.Светлов, Л.Ошанин, С.Щипачев, В.Соколов, С.Марков,
 А.Твардовский, С.Маршак, Я.Смеяков, Я.Хелемский,
 Р.Рождественский, С.Смирнов, Н.Асеев, Е.Долматовский,
 И.Сельвинский, М.Луконин, Л.Мартынов, В.Инбер,
 А.Безыменский, С.Кирсанов, С.Михалков, А.Яшин, К.Симонов,
 С.Васильев, В.Коваленков, М.Матусовский, Э.Паперный,
 Б.Пастернак, П.Антокольский.*

*А*нтология Сатиры и Юмора России XX века

н^л ИТЕРАТУРНАЯ
АРОДИЯ

«ЭКСМО-Пресс» 2000

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)
Л 64

АНТОЛОГИЯ САТИРЫ И ЮМОРА РОССИИ XX ВЕКА Литературная пародия

Серия основана в 2000 году

Редколлегия:

Аркадий Арканов, Никита Богословский, Игорь Иртеньев,
проф., доктор филолог. наук Владимир Новиков,
Лев Новоженков, Александр Ткаченко,
академик Вилен Федоров, Леонид Шкурovich

Главный редактор, автор проекта
Юрий Кушак

Автор серийного оформления
Евгений Поликашин

Составители тома — Борис Брайнин, Игорь Мазнин,
Юрий Кушак

Консультант — доктор филологических наук, профессор
В. И. Новиков

Оформление тома — Евгений Поликашин, Лев Яковлев

В фотоальбоме использованы шаржи И. Игина,
М. Лисогорского, Кукрыниксов, силуэты Е. Кругликовой

Подготовка макета — творческое объединение
«Черная курица» при Фонде Ролана Быкова.

Л 64 **Литературная пародия. Антология Сатиры и Юмора
России XX века. Том 9. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс,
2000. — 544 с., илл.**

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 5-04-005978-7 (Т.9)
ISBN 5-04-003950-6

© Новиков В.И., вступ. статья, 2000
© Брайнин Б.Н., составление, 2000
© Кушак Ю.Н., Мазнин И.А.,
составление, примечания, 2000
© Поликашин Е.А., Яковлев Л.Г.,
оформление, 2000

Содержание

Владимир Новиков. Мастера умного смеха	8
Литературная пародия	
Владимир Короленко	15
Инокентий Анненский	17
Иван Бунин	18
Александр Куприн	19
Александр Измайлов	23
Авель	31
Петр Пильский	34
О.Л. Д'Ор	36
Александр Блок	47
Сергей Горный	49
Саша Черный	52
Горитцхен	53
Корней Чуковский	56
Михаил Пустынин	57
Евгений Венский	61
Дон Аминадо	67
Александр Архангельский	69
Аркадий Бухов	102
Константин Липскеров	108
Александр Флит	109
Михаил Зощенко	123
Владимир Масс	131
Арго	138
Илья Ильф, Евгений Петров	154

Александр Розенберг,	
Александр Финкель, Эстер Паперная	158
Владимир Набоков	175
Виктор Ардов	176
Николай Акимов	185
Сергей Швецов	189
Юрий Казарновский	191
Сергей Васильев	196
Ян Сапин	201
Никита Богословский	203
Владимир Лифшиц	209
Морис Слободской, Александр Раскин	222
Наталья Ильина	228
Бронислав Кежун	237
Александр Раскин	239
Сергей Смирнов	249
Зиновий Паперный	255
Юрий Левитанский	268
Владлен Бахнов	281
Владимир Волин	295
Назарь Лазарев,	
Бенедикт Сарнов, Станислав Рассадин	297
Борис Козлов	316
Навел Хмара	318
Юрий Шанин	322
Греликс Ефимов	324
Владимир Войнович	328
Аркадий Арканов, Григорий Горин	329
Владимир Влади́н	334
Виктор Рубанович	344
Зиновий Вальпонок	351

Леонид Карабчиевский	357
Иосиф Липкин	362
Новелла Матвеева	369
Алексей Пьянов	371
Виталий Резников	375
Евгений Вербин	379
Анатолий Житницкий	384
Виктор Завадский	386
Александр Иванов	390
Марк Розовский	403
Владимир Высоцкий	409
Александр Курляндский, Аркадий Хайт	411
Борис Брайнин	435
Валерий Попов	448
Вадим Дабужский	450
Лион Измайлов	452
Инна Савельева	455
Александр Хорт	458
Леонид Филатов	463
Вадим Жук	473
Михаил Задорнов	482
Владимир Новиков	487
Семен Альтов	499
Теннадий Попов	502
Андрей Яхонтов	506
Михаил Казовский	512
Дмитрий Храповицкий	515
Виктор Шендерович	517
Евгений Лесин	520
Примечания	522

Мастера умного смеха

Когда появилась пародия

и кто был первым пародистом?

Доподлинно этого не знает никто, но известно, что уже в конце VI или в начале V века до нашей эры появилась «Война мышей и лягушек» (по-гречески «Батрахомихомакхия») — шуточная поэма, комически повторявшая «Илиаду» Гомера, с той разницей, что вместо Ахилла и Агамемнона и прочих доблестных героев там сражались друг с другом мелкие представители фауны, причем победа досталась лягушкам, на помощь которым олимпийские боги в решающий момент направили еще и раков. С тех пор так и повелось в истории мировой словесности: большую литературу всегда сопровождает и передразнивает пародия. Без этого смешливого и фамильярного жанра уже невозможно представить развитие художественной культуры. Пародия моментально схватывает характерные черты стиля настоящих мастеров, издевается над штампованными приемами эпигонов и ремесленников, а главное — веселит читателей, убеждая их в том, что литература не музей, что ни один шедевр не защищен табличкой «Руками не трогать». Смеяться можно над всем и над всеми — если, конечно, делать это с умом, с толком и с пользой.

В литературном процессе пародия играет роль, сходную с ролью критики. Еще в XVIII веке Сумароков спорил с Ломоносовым не только теоретически, но и на языке пародии, сочиняя свои «вздорные» оды. Николай Полевой и Николай Добролюбов были и критиками, и пародистами. К пародии как средству спора с литературными

противниками прибегали Пушкин и Некрасов. Легендарная фигура Козьмы Пруtkова, созданная А.К. Толстым и братьями Жемчужниковыми, поначалу сложилась как сатирическая модель для наглядной критики эпигонов романтизма. Все отжившее, устаревшее попадает под пародийный обстрел, и таким образом пародия ускоряет развитие литературы.

А бывает пародия, подобная дружескому шаржу, где характерные, неповторимые черты поэта или прозаика остроумно подаются в утрированном виде. В таких случаях читатель вслед за пародистом не смеется над недостатками и слабостями, а весело угадывает под пародийной маской симпатичное ему лицо, заново переживает радость узнавания. Такие доброжелательные пародии сочиняются не только на литераторов-современников, но и на классиков, что опять подтверждает их, классиков, нетленность и подлинность. И сегодня никому не возбраняется вновь пародировать Гомера, Шекспира или Ахматову, только занятие это требует большой технической изощренности.

Все эти возможности веселого жанра были в полной мере реализованы русскими пародистами двадцатого столетия. Его яркое начало, получившее потом наименование «серебряный век», было исполнено и смелых творческих поисков, и глубоких трагических предчувствий, и искрометного пародийного веселья.

Практически все литературные звезды этого времени становились «жертвами» ехидных пародистов, среди которых особо выделялись Евгений Венский, автор сборника «Мое копыто», и Александр Измайлов — название его пародийной книги «Кривое зеркало» стало общепринятой метафорой пародии как таковой. Блестящие образцы пародий оставили Куприн и Блок. В той или иной мере пародийную «тренировку» прошли почти все значительные мастера серебряного века.

Традиция тонкой пародийной иронии и самоиронии продолжала развиваться и в двадцатые годы. Пародия оставалась своеобразной школой подлинной культуры. Так, Михаил Зощенко нашел свой неповторимый стиль, упражняясь в пародиях на авторитетных критиков Корнея Чуковского и Виктора Шкловского, а потом и сам

стал объектом множества пародий. Уникальный художественный эксперимент предприняли в 1925 году харьковские филологи Э.Паперная, А.Розенберг и А.Финкель: они создали маленькую пародийную энциклопедию русской и мировой литературы под названием «Парнас дыбом», где изложили шуточные сюжеты о попе и собаке, сереньком козлике и Веверлее стилем Юлия Цезаря и Данте Алигьери, Мандельштама и Маяковского... Виртуозной портретной точностью отличаются произведения признанного классика этого жанра Александра Архангельского, доказавшего своей творческой практикой, что пародия — не «приложение» к настоящей литературе, а ее неотъемлемая часть, что веселому жанру доступна подлинная художественная высота.

Лучшие пародисты советского периода оценивали литературу не по партийным идеологическим предписаниям, а по эстетическому «гамбургскому счету», помогая тем самым этот счет не утратить, сохранить верность истинным идеалам отечественной словесности. Александр Флит, Александр Раскин, Владимир Лифшиц, Александр Иванов, трио критиков-пародистов Л.Лазарев, Б.Сарнов, Ст. Рассадин — все эти мастера неизменно и резко высмеивали литературный официоз и конъюнктуру и в то же время дружелюбно подтрунивали над своими друзьями и единомышленниками, не давая им «забронзоветь» и утратить необходимую истинному художнику самокритичность. Пародийная смелость отнюдь не поощрялась властями, она сталкивалась с жесткой цензурой, а порой была обречена на существование в виде «самиздата» — как убийственно-беспощадные пародии Сергея Смирнова и Зиновия Паперного на сталинистский роман Всеволода Кочетова «Чего же ты хочешь?». Обе пародии смогли быть опубликованы только в годы перестройки, зато они отлично читаются и сегодня, а ходульный роман Кочетова остался в памяти литературы только благодаря пародистам.

Особенное направление в пародии 60—70-х годов создал замечательный поэт Юрий Левитанский, удоставивший пародирования главным образом больших мастеров стиха и излагавший от их имени историю зайчика, вышедшего погулять. Зайчик этот оказался несомнен-

ной родней античным лягушкам и мышам, а попадание в «персонажи» Левитанского, в его книгу «Сюжет с вариациями» сделалось почетной литературной наградой.

Пародийная стихия часто становилась важным элементом больших литературных жанров. В романах Михаила Булгакова и Владимира Набокова, в знаменитой дилогии Ильи Ильфа и Евгения Петрова пародия нередко выскакивает неожиданно, из-за угла, а порой подается под видом полной серьезности, становясь мистификацией. К концу столетия, особенно в девяностые годы, пародия вообще, по существу, растворилась в «серьезных» жанрах, став доминантой лирики Александра Еременко и Тимура Кибирова, особым сюжетным пластом в прозе Владимира Сорокина и Виктора Пелевина. Думается все же, что «нормальная» пародия еще вернется к нам в своем первозданно-классическом виде и откликнется на те художественные открытия, которые явятся в грядущем столетии.

Сочинение пародий — занятие дьявольски трудное, но ужасно увлекательное. Поэтому в него втягивались служители разных муз: режиссеры (в начале века Николай Евреинов, а затем Николай Акимов, Марк Розовский), актеры (Владимир Высоцкий, именно с пародий начавший свой путь в поэзии, его коллега по Театру на Таганке Леонид Филатов), композитор Никита Богословский — эти яркие, многогранные творческие личности оставили свои ценные «автографы» на скрижалях той веселой литературной истории, которая творится пародийными средствами.

Несколько слов о характере и предназначении этого тома. Количество литературных пародий, написанных на русском языке в XX веке, исчисляется тысячами. И все они нуждаются в собирании, изучении и комментировании. Такой работой еще непременно займутся филологи, поскольку для них любая пародия — это значимый литературный документ. Скажем, пародии на Блока по большей части неудачны, грубы, примитивны, но специалистам-блоковедам они могут пригодиться как свидетельство восприятия поэзии Блока его недалекими и консервативными современниками. В советские годы

пародия иногда смыкалась с догматической, «проработочной» критикой, безапелляционно нападая на любую творческую оригинальность и нестандартность, доходя порой до элементарного хамства. Бывали случаи, когда за сочинение пародий принимались люди, в культурном отношении совершенно «девственные» (как охарактеризовал булгаковский Мастер поэта Ивана Бездомного), да еще и лишенные остроумия. Перечитывая их опусы, можно посмеяться лишь над ними самими, а отнюдь не над теми, кого они пытались спародировать. Такие опусы опять-таки любопытны и поучительны для историков литературы, но едва ли заслуживают внимания широкого читательского круга.

Книга, которую вы держите в руках, включает в себя пародии, сохранившие до настоящего времени свою «читабельность» и не нуждающиеся в подробных комментариях. Составители этого тома стремились представить творчество наиболее заметных и влиятельных пародистов уходящего столетия, следя одновременно и за тем, чтобы «команда» пародируемых авторов состояла прежде всего из достойных противников, а не из жалких и давно забытых сочинителей. «Бросая в воду камешки, смотри на круги, ими образуемые; иначе такое бросание будет пустою забавою» — учил нас классик нашего жанра Козьма Прутков. В соответствии с этим принципом книга построена так, чтобы она могла и «позабавить» читателя, доставив ему удовольствие, и в то же время показать, как в «кривом зеркале» пародии отразилась русская словесность уходящего столетия, как смотрится через призму веселого жанра — воспользуемся формулой Анны Ахматовой — «настоящий двадцатый век».

Обратим внимание читателей на то, как выстроен литературный материал этого тома. Принцип прост: по датам рождения авторов пародий, что в основном соответствует периодам отечественной истории и литературы XX века и позволяет проследить развитие этого неунывающего жанра.

ЛИТЕРАТУРНАЯ НАРОДИЯ

Георгий ЧУЛКОВ

Биография декадента

Морщил кловом, двигал веком,
Был он, был он человеком.

Он родился, не рождаясь,
Насыщался, не питаясь,
Кушал ухом, слушал брюхом
И гордился острым слухом.

Все в нем было необычно,
Декадентски фантастично,
Точно вечер — спозаранку
Или разум — наизнанку.

Думать он умел — ноздрями,
Обонял всегда — глазами,
Различал цвета — печенкой,
Изъяснялся — селезенкой!

Умудрялся он — незнаньем,
Наслаждался лишь страданьем,
Тишина ему гремела,
Темнота пред ним блестела.

Светской жизнью жил в пустыне,
Груши рвал он на осине,
И, влюбившись в бегемота,
Убежал за ним в болота.

Там жилось ему несладко,
Сапоги варил он всмятку,
«Расставаясь, оставался»,
С дядькой в Киеве встречался.

Гиппиус он звал — папашей,
Мережковского — мамашей,
Бабушкой он звал Бальмонта,
Род свой вел от мастодонта.

Раз, не целясь, промахнулся,
Лежа как-то спотыкнулся,
На воде, под лопухами,
Забеременел стихами.

«На деревьях — древеницы»,
А в стихах все — небылицы,
Но в восторге — все болото:
Смыслу нет... Зато есть что-то!

Константин БАЛЬМОНТ

В море любви

Сонет

Моя душа — оазис голубой.

Моя душа — эбеновый гобой,
И пусть я ниц упал перед кумиром,
С тобой, дитя, как с медною трубой,
Мы все ж, пойми, разъяты целым миром.

О, будем же скорей одним вампиром,
Ты мною будь, я сделаюсь тобой,
Чтоб демонов у Яра тешить пиром,
Будь ложкой мне, а я тебе — губой...

Пусть демоны измаялись в холере,
Твоя коза с тобою, мой Валерий,
А Пантеон открыл над ними зонт,
Душистый зонт из шапок волькамерий.
Постой... Но ложь — гобой,
и призрак — горизонт.
Нет ничего нигде — один Бальмонт.

Анна АХМАТОВА

Поэтесса*

Большая муфта, бледная щека,
Прижатая к ней томно и любовно;
Углом колени, узкая рука...
Нервна, притворна и бескровна.

Все принца ждет, которого все нет,
Глядит с мольбою, горестно и смутно:
«Пучков, прочтите новый триолет...»
Скучна, беспола и распутна.

* Основой этой пародии, принявшей вид эпиграммы, послужило стихотворение-автопортрет А.Ахматовой 1913 г. из сб. «Подорожник» (1921):

На шее мелких четок ряд,
В широкой муфте руки прячу,
Глаза рассеянно глядят
И больше никогда не плачут.

И кажется лицо бледней
От лиловеющего щелка.
Почти доходит до бровей
Моя незавитая челка.

СКИТАЛЕЦ

* * *

Я колокол! Я пламя! Я таран!
Безбрежен я и грозен, точно море!
Я твердый дуб! Я медный истукан!
Я барабан в литературном хоре!

Я вихрь и град! Я молния и страх!
Дрожите же, наперсники тиранов!
Я утоплю вас всех в моих стихах,
Как в луже горсть презренных тараканов!

Иван БУНИН

Пироги с груздями

Сию я у окна, задумчиво жую мочалу, и в дворянских глазах моих светится красивая печаль. Ночь. Ноги мои окутаны дорогим английским пледом. Папироска кротко дымится на подоконнике. Кто знает, может быть, тысячу лет тому назад так же сидел, грезил и жевал мочалу другой, неведомый мне, поэт?

Ржи, овсы и капуста уходят в бесконечную даль, а там, на самом краю озимого поля, у одинокого омета, важно гуляет грач; правда, ночью мне его не видно, но он мне нужен для пейзажа. Суслик мягко свистит на дереве под моим окном.

Отчего мне так кисло, и так грустно, и так мокро? Ночной ветер ворвался в окно и шелестит листьями шестой книги дворянских родов. Странные шорохи бродят по старому помещицкому дому. Быть может, это мыши, а быть может, тени предков? Кто знает? Все в мире загадочно. Я гляжу на свой палец, и мистический ужас овладевает мной!

Хорошо бы сейчас поесть пирога с груздями. Но как он делается? Сладкая и нежная тоска сжимает мое сердце, глаза мои влажны. Где ты, прекрасное время пирогов с груздями, борзых густопсовых кобелей, отъезжего поля, крепостных душ, антоновских яблок, выкупных платежей?

С томной грустью на душе выхожу я на крыльцо и свисту лиловому облезлому индюку. Старый, бельmistый седомордый кобель Завирай чешет хребтистую шелудивую спину о балконную балясину. Садовник Ксенофонт идет мимо, не ломает шапки. В прежнее время я бы тебя, хама, на конюшню...

Я возвращаюсь в свою печальную комнату. Из сада пахнет дягелем, перпетуем и царскими петушками. Меланхолично курлыкает на пряслах за овинами бессонная потатуйка. От чего у меня болит живот? Кто знает? Тихая тайная жалость веет на меня незримым крылом.

Все в мире непонятно, все таинственно! Скучный, вялый и расслабленный, как прошлогодняя муха, подхожу я к двери, открываю ее и кричу в зловещую темноту:

— Марфа, иди сюда!.. Натри меня на ночь бобковой мазью.

Максим ГОРЬКИЙ

Дружочки

I

В тени городского общественного писсуара лежали мы втроем: я, Мальва и Челкаш.

Длинный, худой, весь ноздреватый, Челкаш был похож на сильную хищную птицу. Он лениво почесывал бо-сой грязной пяткой другую пятку и сочно сплевывал в сторону.

Мальва была прекрасна. Сквозь дыры старых лохмотьев белела ее ослепительная шкура. Правда, отсутствие носа красноречиво намекало на ее прежние маленькие заблуждения, а густой рыбий запах исходивший от ее одежды на тридцать пять сажен в окружности, не оставлял сомнений в ее ремесле: она занималась потрошением рыбы на заводе купца Деревякина. Но все равно я видел ее прекрасной.

II

— Все чушь! — сказал хрипло Челкаш. — И смерть чушь, и жизнь чушь. Изведал я всю жизнь насквозь. И скажу прямо в лицо всем хамам и буржуям: черного кобеля не отмоешь добела.

Мальва хихикнула и в виде ласки треснула Челкаша ладонью по животу.

— Ишь ты... Кокетка!.. — промолвил Челкаш снисходительно. — И еще скажу. Влез бы на Исаакиевский собор или на памятник Петру Великому и плюнул бы на все. Вот говорят: Толстой, Толстой. И тоже — носятся с Достоевским. А по-моему, они мещане.

III

— Зарезал я одного купца, — продолжал Челкаш сонно. — Толстый был. Пудов в десять, а то и в двенадцать. Кабан. Ну, освежевал я его... Там всякие кишки, печенки... Сальник один был в полтора пуда. Купца ежели резать — всегда начинай с живота. Дух у него легкий, сейчас вон выйдет...

— Известно, — сказал я.

Челкаш поглядел на меня пристально и жестко усмехнулся.

— А ты прежде отца в петлю не суйся... — сказал он с расстановкой. — Твоя речь впереди... Потом пошел я на его могилу. И такое меня зло взяло. «Подлец, ты, подлец!» — думаю. И харкнул ему на могилу.

— Все дозволено, — произнесла Мальва.

— Аминь, — подтвердил Челкаш набожно, — так говорил Заратустра.

IV

Стало смеркаться. От писсуара легла длинная тень. Мальва, которая до сих пор внимательно занималась исследованием недр своего носа, вдруг зевнула и сказала томно:

— Пойдем что ли, Челкаш?

— Ну-к, что ж, пойдем. — Он поднялся и потянулся. — Прощай что ли, товарищ, — обратился он ко мне. — Увидимся так увидимся, а не увидимся, так и черт с тобою. Страсть меня как эти самые бабы любят.

Они ушли — оба молодые, стройные, гордые...

Я все еще лежал в тени городского писсуара. Звенело солнце, и смеялось море тысячами улыбок...

«Падающего толкни!» — подумал я, встал, плюнул еще раз и поплелся в ночлежку.

Константин БАЛЬМОНТ

* * *

Я вижу Толедо,
Я вижу Мадрид,
О белая Леда! Твой блеск и победа
Различным сияньем горит..

Я плавал по Нилу,
Я видел Ирбит.
Верзилу Вавилу бревном придавило,
Вавила у виллы лежит.

Мне сладко блеск копий
И шлемов следить.
Слуга мой Прокопий про копи, про опий,
Про кофий любил говорить.

Вознес свою длань я
В небесную высь.
Немые желанья пойми, о Маланья! —
Не лань я, не вепрь и не рысь!..

О щель Термопилы,
О Леда, о рок!
В перила вперила свой взор Неонила,
Мандрила же рыла песок...

* * *

Жили-были я да он:
Подружились с похорон.
Приходил ко мне скелет
Много зим и много лет.
Костью крепок, сердцем прост —
Обходили мы погост.
Поминал со смехом он
День веселых похорон:
Как несли за гробом гроб,
Как ходил за гробом поп,
Задымил кадилом нос.
Толстый кучер гроб повез.
«Со святыми упокой!»
Придавили нас доской.
Жили-были я да он.
Тили-тили-тили-дон!

Тили-тили-тили-бом,
Загорелся кошкин дом.
Ах, не месяц — целый год
Будет плакать рыжий кот.
Насандалил повар нос,
Дремлет в юрте эскимос.
В монопольке торгу нет,
Для поэта все сюжет:
Келья, зори и кабак,
С дыркой старый четвертак,
Запах жареных котлет,
Генеральский эполет,
Новобранцев узкий лоб,
Гроб на дрогах, рядом поп,
Бриллиант или берилл,
Павиан или мандрилл,
Мрак и правда, свет и ложь,
Пара стоптанных калош,
Сколопендры острый нос
И довременный Хаос,
И Гоморра и Содом —
Тили-тили-тили-бом.

Сергей ГОРОДДЕЦКИЙ

* * *

Свет от света оторвется,
В недра темные прольется,
И пробудится яйцо.
Хаос внуку улыбнется...

Тучи в кучу взбаламучу,
Проскачу волчком качучу,
Треском рифм наполню свет.

Как звонки двуконных конок,
Стих мой тонок, ломок, звонок —
Звону много, смыслу нет.

Я нашел под подворотней
Приболотный, приворотный
Легкой славы корешок...

Трех чертяк с лесных опушек,
Двух поповен, трех старушек
На Парнас я приволок.

Сколь приятно в вечер росный
Поблудить с старушкой постной —
Бородавки пощипать,

До утомы и одышки
У косматых ведьм подмышки,
Щеки-щетки щекотать...

Ой, Ярило, в бор за прудом
Приходи, займемся блудом, —
И, взглянувши нам в лицо,

Древний Хаос воссмеется,
И с моих стихов прольется
Смертным — всмятку яйцо.

Зинаида ГИППИУС

* * *

И я такая добрая:
Влюблюсь — так присосусь.
Как ласковая кобра я,
Лаская, обовьюсь.

И опять сожму, сожму,
Винт медленно ввинчу,
Буду грызть, пока хочу,
Я верна — не обману.

Углем крути начерчу,
Надушусь я серою,
К другу сердца подскачу
Сколопендрой серою.

Плоть усталую взбодрю,
Взвизгну драной кошкою,
Заползу тебе в ноздрю
Я сороконожкой.

Вся в мистической волшбе,
Знойным оком хлопая,
Буду ластиться к тебе,
Словно антилопа я.

Я свершений не терплю,
Я люблю — возможности.
Всех иглой своей колю
Без предосторожности.

Винт зеленый в глаз ввинчу
Под извив мелодии.
На себя сама строчу
Злейшие пародии...

Михаил КУЗМИН

* * *

Ах, уста, целованные столькими,
Столькими другими устами.
Вы пронзаеете стрелами горькими —
Горькими стрелами, стами...

Ах, любовь минувшего лета
За Нарвской заставой, ставой,
Ты волнуешь сердце поэта,
Уж увенчанного славой, авой.

Где кончался город-обманщик,
Жили банщики в старой бане.
Всех прекрасней был Федор-банщик
Красотою ранней, анней.

Ах, горячее глаз сверканье,
Сладость губ мужских и усатых!
Ах, античное в руку сморканье,
Прелесть ног волосатых, сатых!..

Не сравнить всех радостей света
С Антиною красой величавой!
Ах, любовь минувшего лета
За Нарвской заставой, ставой!..

Иван РУКАВИШНИКОВ

* * *

Я один, конечно. Но я жду кого-то.
Пусть я жду кого-то... Но один ли я?
Не один, конечно. Я забыл кого-то.
Правда ли? Нас двое? Не один ли я?
Нет. Не нужно. Страшно. Нас, конечно, двое.
Двое, чтобы не был смертен ни один.
Правда? Нам не страшно? Правда?
Нас ведь двое?
Правда? — Нет. Неправда. Страшно.
Я один.

Сплю или проснулся? Ночи час, утра ли?
На плечах одна ли, две ли головы?
Будто как одна. Ужель одну украли?
Где я? Еду в Вену или близ Невы?

Я один, конечно. Нас как будто двое?
Кто ж второй со мною? Как установить?
Пусть голов и две, но — думаю одною...
Я самец иль самка?.. Быть или не быть?..

Двое ль нас? В меня ли просто клин вогнали?
Я один, конечно? Страшно, хоть умри!
Ах, второй — извозчик!.. Прочь порыв печали!
С ним нас точно — двое. С лошастью нас — три.

Из цикла
«История русской лирики»

1750 год

Любовь ложноклассическая

Школа Тредиаковского

Купид твоих ланитах на
Уст томных поцелуй слагает.
Вонь роз, тюлипов и вина
Твоей перед воней стихает.
В твой зрак возрев, о Лисавета,
Во прах мечусь пред зраком света.

1800 год

Любовь сентиментальная

Школа Карамзина

Прелесту видел я в несчастье в цвете лет.
Над мертвым мотыльком склоняясь, она рыдала.
И, вздохнув, сказал поэт:
«О, сколь чувствительность красе Прелест пристала!»

1880 год

Любовь идеальная

Надсоновская школа

Какое блаженство над книгой раскрытой,
Под песнь соловья в задремавшем саду,
Склониться вдвоем с молодою подругой,
Забиться от жизни в блаженном чаду.

И с юной головкою слиться мечтами,
И плакать, и рваться с земли роковой,
Из царства Ваала к лучам идеала,
В сверкающий мир красоты вековой.

1900 год

Константин БАЛЬМОНТ

Любовь inferнальная

Мы с тобой сплетемся в забыти

.....

Я увижу волны, блеск, зари,

Рыб морских чуть дышащие жабы.

Хочу быть смелым, хочу быть храбрым,

Любви примеры иной явить.

Хочу лобзать я у женщин жабы,

С тигрицей хищной блаженство пить.

Люблю протяжность я ласк суккуба,

К объятьям юных колдуний слаб.

Давайте мертвых! К ним страсть сугуба!

Химер нотр-дамских и черных жаб!

Мне опостыли тела людские —

Хочу русалок из бездн морских...

О, прячьте кошек! Я весь стихия!..

Я сам не властен в страстях своих!..

Валерий БРЮСОВ

Жизнь

«О братья: человек! бацилла! тигр! гвоздика!»
О Ломоносовых и Тредьяковских хор!
О Мерзляков, писавший столь же дико,
Как я сейчас – себе наперекор!
И людям невдомек: из-за каких укусов
Им позавидовал поэт Валерий Брюсов?

Даниил РАТГАУЗ

* * *

Без четверти в семь я ее полюбил,
А в семь, под мелодию весел,
В гондоле я с нею реку бороздил
И в семь с половиною бросил.

Без четверти в восемь другую узнал,
И в восемь мы были в гондоле.
Я тут же стихи ей о том написал,
Что я не люблю ее боле.

А в девять я письма застал на столе —
Упреки рабынь недовольных...
Как мало, однако, мужчин на земле
И женщин как много гондольных!

Александр РОСЛАВЛЕВ

Метла веков

Куплю метлу рубля за полтора —
Метлу веков, огромное метлище! —
Ее купить давно, давно пора.

Приду туда, где все равны и нищи,
Где рай нагих и плотская игра,
И вымету там все как можно чище.

И сонмы тел бичующей метлой
Я выгоню из бань мужских и женских
И увлеку на площадь за собой.

Составлю речь из Брюсовых, Каменных
И крикну всем: «Позор вам вековой
От портерной до пирамид вселенских!»

Не убоюсь притом городских —
Вокруг меня сомкнется цепь живая,
И буду я, метлою помавая,
Плаголом жечь сердца людей нагих.

Потом с метлой полторарублевой
Пойду домой — за дерзостью новой,

Лидия ЗИНОВЬЕВА-АННИБАЛ

Электричество

(Сборник «Белые ночи»)

На этот раз я решила пить кофе в столовом вагоне.

Узывчивый, но не улыбочивый лакей с полным живото́м и пустым взглядом принес мне кофе. Это было кстати, ибо мое бестелесное тело уже умирало в тускленьких и остреньких ознобах.

Возле меня уселась высокая сиреневая немка с приятно опухшим от оргазма лицом.

— Бутылку коньяку три звездочки! — сказала она скрипучим, словно непричесанным голосом кастрата.

— Но почему коньяк, а не кофе, раз я пью кофе? — себе самой возразила недоуменно она.

— Когда я пью кофе, — сейчас же пояснила она проникновенно и грустно, — у меня болит живот и разыгрывается геморрой.

Опухшая, вся приятно лазоревая от синяков, немка встала и мягко и плавно выкатилась из вагона.

Но, братья мои во Дионисе, какое вам дело до немки? И какое дело до нее мне?

Сухо и четко разрядив в вагоне несколько электрических разрядиков, я вышла оттуда, из предосторожности даже не допив оставшийся в бутылке коньяк.

Петр Нильский (1879—1942)

Лев ТОЛСТОЙ

Царствие Божие не в конституции

...и то, что это была конституция,

т. е. то, что 9/10 людей, живущих на земле, считают единственно важным и единственно почетным, а не Царство Божие, т. к. то, что на самом деле единственно важно и единственно полезно потому, что единственно важно и единственно полезно божеское, а не человеческое, или то, что кажется людям оно человеческим, — и сделали то люди, собравшись несколько сот тысяч человек на одном небольшом пространстве земли, стали убивать друг друга, т. е. делать то, что называется конституцией, потому что то, что называется конституцией, есть то, что люди считают конституцией.

Антон ЧЕХОВ

Дама с птичкой

...А потом все гуляли, и Сонечка, шедшая впереди, думала о том, что казни — грех, и убийство — грех, и сама она, такая тоненькая и белокурая, — тоже грех, и что Лазаревский плохо подражает Чехову. На шестьдесят восьмой версте разорвалась ракета, потянулась к небу, но разбилась о него и упала на землю к самым ногам белокурой Сонечки. «Через 200 или 300 лет так же вот, — подумала Сонечка, — будут ходить люди, и сзади меня будет идти Чехов, и ему будет подражать Борис Лазаревский, и так же ракеты опять будут разбиваться о далекое печальное небо». И всем стало грустно.

Когда возвратились на дачу, ночь была темной, и в соседнем городе убили губернатора. «Да, — сказала вслух в темноту Сонечка, — убийство — грех, но и я — грех. И заплакала. Прямо перед окнами пробежала тень. «И тень — грех», — мелькнуло в уме Сонечки... И грех Лазаревскому подражать Чехову.

Р.н.

Максим ГОРЬКИЙ

Муж «Матери»

...Хотя он был слесарем, но борода у него была

черная, глаза маленькие и злые, как у тарантула, и звали его Михаилом Власовым.

С начальством он держался грубо, тем не менее его никто не любил и многие неохотно переносили его побои. Это страшно обижало Михаила Власова.

Неоднократно его пробовали бить, но безуспешно. Когда Власов видел, что на него идет тысячная толпа с дрюклями, он хватал в руки первый попавшийся ему предмет: дом, церковь, молотилку, ножку от стула, калошу.

Он гордо становился, широко расставив ноги, и вдохновенно говорил, чудно сверкая глазами:

— Ну, расходишь, сволочь!..

При этом он потрясал своим оружием и крупные желтые зубы сверкали у него сквозь густые усы... Люди разбегались, как презренные ужи, и Михаил Власов, как гордый сокол, шел следом за ними и вызывал на бой:

— Ну, кто смерти хочет?

Но никто не хотел. А если кто хотел, то старался, скрыть это от Михаила Власова.

II

Был у Михаила Власова сын Павел.

Когда Павлу Михайловичу исполнился год и его отняли от груди, отец почувствовал к нему нежное родительское чувство и пожелал оттащить сына за волосы.

Но Павел подполз к дверям, взял в руки стоявший там тяжелый молот и кротко сказал:

— Не тлони!..

— Чего? — спросил отец, надвигаясь на сына, как бременосец на миноноску.

— Не дамся! — сказал Павел Михайлович, сверкнув глазками и голым животиком, выглянувшим из распашонки.

Отец усмехнулся и сказал:

— Ладно!

Потом вздохнул и добавил:

— Эх ты, сволочь!..

— От такого слышу! — хотел сказать Павел Михайлович. Но сдержался из уважения к родителю.

В тот же день Власов сказал жене:

— Больше денег давать не буду. Пусть Пашка тебя прокормит.

Жена хотела что-то сказать, но Михаил сердито прервал ее:

— Молчи, сволочь! Ты кормила его год. Теперь пусть тебя кормит... Не маленький он, чай, тринадцатый месяц пошел...

Он ударил кулаком по столу, потом по лицу жены. Стол затрепал. Жена заплакала.

III

Михаил Власов зажил особой внутренней жизнью. Была у него собака, грустная, умная, с пышным хвостом. Он никогда не ласкал ее и не бил. Она его тоже никогда не лизала и не кусала. Собака ходила с ним на фабрику и в кабак. Власов работал или пил водку, а собака тихо грустила, поджидая его. Ужинали они из одной чашки. При чем собака почти всегда обходилась без помощи ложки и вилки. После ужина Власов ставил на стол бутылку водки и принимался пить.

Собака водки в рот не брала, но она неизменно сидела возле хозяина и странно смотрела ему в глаза. После третьего стакана Власов начинал петь.

Какие-то дикие заунывные звуки хрипло вылетали из его груди. Слов нельзя было разобрать, так как они путались и вязли в усах

Иногда только с трудом в некрасивых воющих звуках можно было уловить слова:

— Хвала тебе, собака!

Собака лежала рядом с ним и выла...

В этом вое иногда тоже как будто слышались слова:

— Хвала тебе, хозяин.

IV

Умер он скоропостижно от грыжи, и долго умирал.

Дней пять он скрипел зубами, ворочался на постели.

Жена, боясь, чтобы он не выздоровел, позвала доктора.

— Пошел к черту! — крикнул он. — И сам умру... Сволочь!..

И, действительно, он сдержал слово.

Он умер утром. В гробу он лежал злой, с сердито нахмуренными бровями.

Хоронили его жена, сын и собака. Слобожане, встречая на улице гроб, говорили друг другу:

— Чай, Пелагея-то рада-радешенька, что помер он.

И все жалели собаку.

Когда гроб зарыли, люди ушли, а убитая горем собака осталась и, сидя на свежей земле, долго и молча нюхала могилу.

Она не выла, ибо горе ее было так велико, что его трудно было выразить воем...

Через несколько дней ее нашли в лесу мертвой. Одни говорили, что ее убили; другие — что она сама наложила на себя лапы.

Леонид АНДРЕЕВ

Проклятие зверя

I

Не только рублевые, но и трехрублевые галстуки томились огромной, бездонной, стихийно-зеленой скукой.

Зияло манжетами белье. Молчаливо-загадочно извивались змеи-чулки.

И манекены в витринах у портных, безголовые, одетые в тужурки, сюртуки и пиджаки, были похожи друг на друга, как писатели в «Кружке молодых».

...Возлюбленная моя!

II

Все пустынное, все уже, все люднее, все шире становились улицы.

Почему на улице нет никого, когда людей так много?

Почему маленькие люди ходят, а огромные церкви и великаны дома стоят на одном месте?

Репортер видит репортера, купец — купца, издатель — издателя. А Казанский собор еще ни разу не видел ни адмиралтейской иглы, ни памятника Петру, ни Исаакия.

Впрочем, вот проехал извозчик. Почему люди на дрожках, а лошадь в оглоблях?

Вот пролетела птица и пробежала собака. Почему птица летает, а животные ходят по земле?

...Возлюбленная моя!

III

Я не хотел ехать прямо к ней. Почему? Не знаю.

Вы видели, как люди сморкаются?

Для этого нужно иметь две вещи — носовой платок и нос.

И у всех людей имеются носы. И все они приходят сморкаться на Невский проспект.

...Возлюбленная моя!

IV

Я поехал в ресторан.

«Человек» снял с меня пальто. Почему у всех людей пальто, а у всех «человеков» по две руки?

И вдруг я понял: ведь в ресторанах едят! Режут, жуют, глотают. И у всех открытые рты. Все едят с открытыми ртами. Куда ни посмотришь — рты.

Налево — рты; направо — рты; в центре — рты.

Мой взгляд нечаянно падает на зеркало, и я вижу там жующий рот. Над ртом нос. На носу прыщик.

Боже мой! Ведь это мой нос! Следовательно, и мой рот. Следовательно, и я ем ртом?!

Я со злостью подношу ложку к уху и начинаю тыкать вилкой в нос.

Ухо — ничего. Носу больно. Я поворачиваюсь затылком к еде и лицом к слуге.

— Послушайте, — говорю я слуге, указывая на свой череп, — он хочет вина!

Слуга смотрит на меня с участием... Однако — приносит вино.

И от вина мои мысли принимают более естественное, даже несколько смешливое направление.

Вдруг я ясно вижу, что это не люди, которые обедают, а звери. Тысяча зверей и животных, которых привели сюда кормить.

Я так уверен в этом, что обращаюсь к сидящей рядом со мной даме со словами:

— Госпожа корова! Вы давно из Холмогор?

Но дама багровеет и кричит на весь ресторан:

— Как вы смеете? Я служу в оперетке. Я не какая-нибудь...

...Возлюбленная моя!

V

Автомобиль мчит меня в зоологический сад.

Чахлые деревья. 30 копеек за вход. Пожелтевшая трава.

У клетки большого зверя стоит маленькая девочка в порванном платъице и с голодным личиком.

Гордый человеческий детеныш!..

И большой зверь не делает зла маленькой девочке, как часто делают маленькие звери большим девушкам...

— Милый! — шепчет девочка.

— Милая! — хочет прошептать зверь, но не может.

Вот и львы. В клетке! Как они смеют сидеть а клетках, раз они львы!

А вот и орлы. Тоже в клетках? Товарищи! Разбейте оковы...

Было тяжело смотреть, и я пошел к выходу.

Вдруг откуда-то из глубины сада пронесся громкий странный крик.

Иеремия, Иов, Амос, Исаия — что значит их благородный гнев в сравнении с этим криком?

Это кричал зверь. Он проклинал...

Проклинал город, галстуки, автомобили, носовые платки.

И все как бы рушилось вокруг меня! И встали из гробов какие-то гигантские окровавленные тени.

И небо заволокло туманом. И зверь оказался не зверем, а рыбой...

— Послушайте! Послушайте! Что же это такое! — схватил я за плечо своего соседа, лицо которого, как зеркало, отразило мое побледневшее, искаженное болью лицо.

— Он каждый день так! — сумрачно ответил сосед.

Ах, зачем они льют мне на голову холодную воду?!

...Возлюбленная моя!

Федор СОЛОГУБ

Навыи чары

Глава первая

I

Беру человека, живого и крепкого, и творю из него яичницу, ибо я — Сологуб.

Беру сладостную женщину и раздеваю ее всенародно перед светлым ликом Пламенного Змия, ибо я — поэт.

Я — Дмитрий Цензор. Я — почти Гудин.

С чего начну?

Начну с середины. Начну с конца. Вовсе не начну или брошусь в Юнг-Фрау, в реку Миссисипи. Но лучше начать с того, что красиво и приятно, что купается летом и носит юбку. Начнем с женщины.

И вот они купались.

Они купались, и тем не менее они были наги и мокры, и звали их Елисавета и Елена. Они плавали вдоль и поперек реки, прекрасные, как две миноги.

А желтый Дракон целовал их розовые тела и ругал себя:

— Ах я телятина! Не захватил фотографического аппарата.

Но утешал себя:

— Завтра обязательно попрошу у Марса кодачек и сфотографирую их.

Девушки были прелестны. Пухленькие, розово-желтые, черноволосые, загадочно-страстные.

Но говорили они о приват-доценте, недавно поселившемся в городе Скородоже, Георгии Сергеевиче Триродове.

Триродов был химик и вообще странная загадочная личность.

Все на свете кончается, даже купанье молодых девушек. Вышли. Как-то вдруг. На землю. На воздух. На. Подножие неба.

II

Постояли. Нежились лобзанием Змия. В. Купальню. Стали одеваться.

Елисаветин наряд был очень прост. Чулки и соломенная шляпа.

Елена кроме чулок и шляпы носила пояс с перламутровой пряжкой. Она любила одеваться.

Наконец оделись, пришли домой. Поссорились с братьями и пошли гулять. Пошли по направлению к усадьбе Тридорова. Их влекла туда судьба и любопытство. Но шли они сами. Волновались.

— Надо вернуться!

В кустах у изгороди послышался тихий шорох. Кусты раздвинулись. Выбежал бледный мальчик. Открыл калитку. Исчез.

— Недотыкомка! — сказала Елисавета.

Елена незаметно перекрестилась. Громко сказала:

— Если это нежить или нечисть, то очень интересно...

Ах, как интересно!

Пошли вперед. Наконец перед ними открылась небольшая прогалина. На ней было много детей. Разного возраста.

В различных местах сидели. Летали. В середине десятка три мальчиков и девочек пели:

— «Эх распошел, грай-пошел, хорошая моя...»

Все дети и наставницы их были одеты очень просто и легко.

Девочки — в подвязках, мальчики — в одних подтяжках.
«Одежда должна защищать — а не закрывать, одевать — а не окутывать».

Дети, которые не играли, обступили сестер. Одна маленькая девочка сказала:

— А мне дядя Дю-Лу белочку подалил. А я как кликнула! А он как побежит!

Из-за куста выглянули два белых мальчика.

— Кто это? — спросила Елисавета.

Маленькая девочка весело ответила:

— Это тихие мальчики. Они живут в главном доме у Геолгия Селгеевича.

— Что же они там делают?

Маленькая девочка таинственно прошептала:

— Не знаю. Они к нам не приходят. Их там стележет злой дядя Кузмин.

Перед сестрами открылась тихая долина. Пошли.

Глава вторая

Триродов был один. Вспоминал. Мечтал о прошлом. О ней...

Комары томили...

И нарушено было уединение вторжением холодно-чувственной любви.

Пришла. Начала как всегда:

— Я пришла к вам по делу.

И стала раздеваться.

Алкина была человек партийный. Даже раздеваясь, говорила об агитаторах, даже в объятьях думала о пролетариате.

Так и теперь. Расстегнула сзади крючки. Сказала:

— Сегодня к вечеру будет агитатор.

Помолчала. Вздрогнула. Сказала, берясь за лиф:

— Накрыли типографию. Арестовали.

Проворно и ловко разделась. Нагая стала перед Триродовым. Произнесла:

— Сознательные рабочие собираются бастовать на клозетной фабрике.

Подняла руки. Страстный холодок пробежал по ее розовому телу. На лицо набежала краска. Сказала, тяжело дыша:

— Кухарки требуют сокращения рабочих часов. Судомойки тоже.

Помолчала. Зевнула. Тихо прошептала:

— Вы меня приласкаете, Триродов?

Подумал. Спросил:

— Имеете разрешение ЦК?

Нашла юбку. Порылась в ней. Вытащила сложенный вчетверо лист. Подала ему.

Триродов прочитал внимательно лист. Сказал:

— Документ в порядке. Приласкаю. Ступайте в следующую комнату. Ждите меня.

Пошла, блеснув своим ослепительным телом. В дверях обернулась и крикнула:

— На массовке будет говорить товарищ Елисавета.

Скрылась. Триродов прочел две главы из Маркса и пошел к ней.

Улыбнулась страстно. Прижалась к нему. Слегка покраснела. Спросила:

— Вы сегодня будете на заседании трубочистов?

Он утвердительно обнял ее стан.

Последний футурист

Сценка из завтрашнего дня

Молодой человек маленького роста в фуражке министерства народного просвещения тронул меня за рукав.

— Не узнаете? — спросил он обиженно. — Крученных. Помните?

— Крученных? Крученных? Дай бог памяти...

— Забыли? Бывший вождь эгофутуристов. Можно сказать, гремел в свое время на всю Россию...

— Вспомнил! Вспомнил! Это, кажется, ваши стихи:

Дили-бом, дили-бом.

Я пишу стихи в альбом.

Ха-ха-ха, хи-хи-хи.

Я в альбом пишу стихи.

— Мои! Мои! Наконец-то вспомнили. Мне хотели за них Пушкинскую премию дать, да я отказался из презрения к Пушкину.

— Что же вы теперь делаете?

— Служу-с, как видите, в министерстве народного просвещения.

— Давно служите?

— Очень давно. И когда был вождем эгофутуристов, служил. Тоже забыли.

Действительно, я вспомнил, что Крученых, когда был в зените своей славы, служил учителем не то чистописания, не то плавания, не то танцев.

Публика считала его демоном-разрушителем, а он ставил двойки ученикам и вставал при входе инспектора, геморроидального статского советника...

В то время, когда он в Тенишевском училище сбивал с пьедестала Пушкина и лбом избивал столы, он бросал пугливые взоры в публику — не сидит ли там кто-нибудь из учебного начальства...

— Товарищи ваши живы? — спросил я.

— Живы! Эх грустно!

— Отчего же грустно?

— Изменили все. Как говорится у Хлебникова, «другие ему изменили и продали шпагу свою».

— Положим, что это не Хлебникова стихи, ну это не важно. Кстати, где Хлебников?

Крученых вздохнул:

— Хлебников?.. В «Ниве» под рисунками подписи сочиняет.

— Как же так?

— Стали к нам показывать равнодушие. Сначала думали, что это пройдет. Но равнодушие не проходило, а усиливалось. А Хлебников и говорит: «Посмотрим еще, чья возьмет! Я еще заставлю о себе говорить».

— Что же он сделал?

— Отпечатал лицо в семь красок, надел сапоги на руки, а ноги всунул в корзинки и пошел в театр. Ходит по театру, всем засматривает в лицо. Никакого внимания. Понял он, что дело наше проиграно, и пошел с горя в «Ниву».

— А Маяковский?

— Изменил. Оказалось, что он нас все время надувал — тайком носил стихи в «Современный мир», «Вестник Европы» и др. Но стихов не печатали, не печатали —

и вдруг в одном журнале напечатали. С тех пор Маяковский и бросил нас.

— По какой же причине?

— По той причине, что в толстом журнале напечатали. «Стану, — говорит, — теперь с вами якшаться. Хочу порядочным человеком сделаться».

— Как же я не встречал его имени в толстых журналах?

— Не печатают... Одно стихотворение напечатали, а больше не хотят... В конторе его устроили. Квитанции хорошо пишет, а стихи не подходят...

— Грустно...

Мы помолчали.

— А про Бурлюков даже не спросите?

— Ах да! Из памяти выскочили. Что они?

— Ничего. Устроились. Один в банкирскую контору поступил. Сто рублей в месяц получает. Очень доволен своей службой. «Наконец-то, — говорит, — человеком стал».

— А другой Бурлюк?

— Кубист? Он тоже недурно устроился. По своей специальности пошел — торцы для мостовых изготавливает. Этот род кубизма как раз подошел к его дарованию.

— Разбrelись... «Порвалась цепь великая», как сказано у меня в одном стихотворении. Остался я один. Вождь без армии... Пастух без корок. Эх, тяжело! Тяжело!

В эту минуту мы подошли к Невскому. Кручных заторопился:

— Трамвай, трамвай провороню.

Он бросился к подошедшему вагону трамвая...

В то время, что пишу эти строки, имена футуристов гремят по всей России.

Но я писал «сценку завтрашнего дня». Право же, только завтрашнего дня. Только завтрашнего...

Корреспонденция Бальмонта
из Мексики

Я бандит, я бандит!
От меня давно смердит!
Подавая с ядом склянку,
Мне сказала Мексиканка:
— У тебя печальный вид:
— Верно, ты ходил в пампасы —
Загрязненные лампасы —
Стыд!
Увлеченный, упоенный, обнаженный,
совлеченный
Относительно одежд¹,
Я искал других надежд,
Озираясь,
Упиваясь,
С Мексиканкой обнимаясь,
Голый — голый — и веселый
Мексиканские глаголы
Воспевал,
Мексиканские подолы
Целовал,
Взор метал
Из-под пьяных, красных, страстных,
Воспаленных и прекрасных
Вежд...
Сдвинул на ухо сомбреро,
Думал встретить кабалеро,
Стал искать
Рукоять
Сабли, шпаги и кинжала —

¹ Перевод с греческого (впервые в русск<ой> поэзии).

Не нашел
(Вечно гол).
Мексиканка убежала
В озаренный тихий дол
И, подобная лианам,
Выгибала красный стан,
Как над девственным туманом —
Вечно странным
И желанным,
Зыбким,
Липким —
Красной кровью окропленный караван.
Пал туман.
Я же вмиг, подобен трупу,
Прибыл утром в Гваделупу
И почил
В сладкой дреме
И в истоме
В старом доме,
На соломе
Набираясь новых сил.
И во сне меня фламинго
В Сан-Доминго
Пригласил.

Валерий БРЮСОВ

Жизнь

«О братья: человек! бацилла! тигр! гвоздика!»
О Ломоносовых и Тредьяковских хор!
О Мерзляков, писавший столь же дико,
Как я сейчас – себе наперекор!
И людям невдомек: из-за каких укусов
Им позавидовал поэт Валерий Брюсов?

Даниил РАТГАУЗ

* * *

Без четверти в семь я ее полюбил,
А в семь, под мелодию весел,
В гондоле я с нею реку бороздил
И в семь с половиною бросил.

Без четверти в восемь другую узнал,
И в восемь мы были в гондоле.
Я тут же стихи ей о том написал,
Что я не люблю ее боле.

А в девять я письма застал на столе, —
Упреки рабынь недовольных...
Как мало, однако, мужчин на земле
И женщин как много гондольных!

Школа Брюсова

Мне давит шею узкий ворот,
И жгут удары каблуков...
Я твой поэт, кошмарный город,
И рву сплетения оков.

Я без сапог, в косоворотке
Уйду по гладкому шоссе.
Смотри, смотри — кусок селедки
Пристал к девической косе!..

Мы святость женщины забыли,
Шарами блещет магазин.
Гудя, снуют автомобили,
И страшен запах твой, бензин!..

Один, в мантилье, на кладбище
Я замолю свои грехи...
Смотри, смотри — с клюкою нищий
(Подам ему свои стихи).

Смотри, как четко в небе галка...
Смотри, пятно на сюртуке.
Смотрите, кисть у катафалка
И бледный волос на щеке.

Ты влил в отравленные вены,
Коварный город, жуткий яд.
...И с той поры под сводом «Вены»
Всю ночь избранники сидят.

Анкета о войне на Ближнем Востоке

Константин БАЛЬМОНТ

Хочу быть смелым... Хочу быть храбрым...
Я Дарданеллы измерю вплавь...
Я у турчанок заметил жабры,
Увижу снова, увижу въявь...
Хочу я зная кровавой фески,
Я буду в «Вене» писать приказ,
Я на Босфоре увижу всплески,
Пускай в гаремы плывет баркас.
Пускай пылают дворцы султана,
В гарема двери уже стучу,
Я буду смелым... я не устану...
Пусть будут крики... я так хочу!

Сергей ГОРОДЕЦКИЙ

Яры, яры янычары,
Дикие лики, крики мулл,
Муэдзинов яры чары,
Навыи чары, новый гул.
Турки юрки с ятаганом,
Я в шаманы пригожусь,
Странный пьяный, за курганом
Муэдзином закружусь.
Ах, как близки одалиски,
Белы зубы, бела грудь.
Под сырой землею близкий
Проложу к Фатиме путь.
Познакомься-ка с Ярилой,
Ярью руки политы...
Отойди, Осман постылый,
Ты ли это, я ли ты?

Глафира ГАЛИНА

Сиропчик

(Посвящается «детским» поэтам)

...Бяка осень.
В сердце пусто.
Лес — в унылом декольте...
Ах, бедняжечка-капуста,
Ах, галчонок на шесте!

Галина, сидя на ветке,
Пикала: «Милые детки!
Солнышко чмокнуло кустик...
Птичка оправила бюстик
И, обнимая ромашку,
Кушает манную кашку...»

Детки, в оконные рамы
Хмуро уставясь глазами,
Полны недетской печали,
Галиной молча внимали.
Вдруг зазвенел голосочек:
«Сколько напикала строчек?...»

Иван РУКАВИШНИКОВ

* * *

Я один, конечно. Но я жду кого-то.
Пусть я жду кого-то... Но один ли я?
Не один, конечно. Я забыл кого-то.
Правда ли? Нас двое? Не один ли я?

Я мужик иль баба? Еду иль иду я?
Где я? На Козихе или на Щипке?
На Щипке, конечно. Или лишь в бреду я?..
Или я приказчик в винном погребе?..

Я поэт, конечно. С длинной бородою.
Пусть я с бородою. Но обрит ли я?
И не я ль торгую содовой водою?
Имя мое — Тихон или Илия?..

Нет. Не Тихон. Страшно. Илия, конечно...
О, когда же дух мой яркий стих родит?
Правда, я ведь Тихон? Где же Путь мой Млечный?
Я мужик? Иль баба? Иль гермафродит?

Свадьба

(В освещении различных «школ»)

I. Школа чеховская

Гоноров. Любезный, тествюшка!

Насколько симулируется в моей памяти, вы обещали пригласить на свадьбу генерала. Где же он, выражаясь симфонически?

Жулябии. Подожди! Я не Сократ какой-нибудь, чтоб бегать его разыскивать. Послал Мардария, дворника. Скоро небось прибудет.

Телеграфист Ижица. Дивно! Дивно! Как это поется:

Пою-у тебя, бо-ог Веденей,
Ты-ы! Что изобража-ешь!

Гоноров. Господин Ижица! Вы, чем разные неприличные оперы в аккорды петь, лучше б ответили мне: на каких прынцыпах ходили вы на randevy к моей невесте?

Телеграфист. Этот вопрос не требует разрешения. Госпожа Гадюкина, удостойте...

Гоноров. Вы мне арапа-то не заправляйте, выражаясь симфонически! А ответьте прямо и радикально: на каких прынцыпах...

Жулябии. Оставь, Гавиний Меласиныч! Что ты, Эдисон что ли какой, чтоб так...

Телеграфист. Хорошо-с! Извольте-с! Я отвечу-с! Только вы отдайте мне сперва мои брюки, что надеты на конечностях ваших ног!

Гадюкина. Ах, оставьте такие безобразные выражения говорить! Умоляю вас!

Телеграфист. Это нисколько не безобразные, Анфиса Сосиевна, а наоборот, самые натуральные!

Шафер. Гран-рон! Променад! Сильвупле! Журавле! Бламанже во дам!

II. Школа послечеховская

...Уж приближался к концу свадебный пир... Торжество пошлости уж достигло своего апогея... Жирно колышась зеленым брюхом, ходит чудовище из покоя в покой и впивает несравненный смрад.

Развалившись на закусочном столе, с наслаждением смотрит оно на гостей, допивающих остатки вина, и слушает их бестолковые разговоры, и замечает их циничные подмаргивания в сторону жениха и невесты...

Еще кружатся в душном табачном воздухе по проплеванному полу устало-сладострастные пары и настроенная скрипка выпиликивает чувственно-ноющий матчиш. Кажется, еще минута — и будут сброшены последние узы приличия и эта пошлая пьяная толпа сольется в разнузданный оргийный хоровод...

И вот уже свершилось позорное, постыдное... Молодых провожают в спальню... Гнусной свиной вереницей топчутся за ними родные и знакомые. Слышатся мерзкие плотоядные хихиканья... Где-то расстроенная виолончель рыдает в грустном похоронном вальсе.

III. Школа эгофутуристов

Шелковисто окальсонив и осорочив тело, женихоз офрачился, олакоштиблетился и оцилиндрил вершину своей головы. Потом, перед тем как околяситься, сходил в столовую; миниатюрно показниться, дабы явиться перед личью невесты более храбровитым... У! У! У!

Шаферы сели в коляс... Двойня меринов увезла... Другая двойня увлачила женихоза.

После околечения молодые окаретились и, имея сзади встоячь лакеев, звонко закопытили к своему мезону. Молодой одесничил корсет своей жены, и под черепью его бродяжили мысли об обескорсеченье, обессорочиванье, юс-примэ-ноктис и прочей паточи... Мц! мц! мц!

Константин БАЛЬМОНТ
и Валерий БРЮСОВ

Поэт и поэтесса

Он.

Я хочу всех женщин в мире,
Я хочу, чтоб дважды два
Было вовсе не четыре,
А севильская вдова!
Я хочу, чтоб вдовьи груди
Все в одну слилися грудь,
Чтоб на той всемирной груди
Мог я звонко отдохнуть.
Чтобы козы, словно розы,
Зацвели цветами зла,
Чтобы в гроздьях туберозы
У развесистой мимозы
Лишь меня лобзали козы —
Лишь меня, а не козла!

Она.

Милый друг!
Если б вдруг
Оказалось,
Что коза от тебя отказалась,
Ласки брачные мне подари!..
Двадцать три!
Тридцать три!
Сорок три!

Чижик-пыжик

Василий КАМЕНСКИЙ

Чижик-пыжик — баралайза

Цувамма-чижик,
Цузамма-пыжик.
Чин-драх-там, где ты,
Зюлейка, был —
Ам-мара-язг-май,
Я на Фонтанке
Арчур-ба водку
Згер-амба пил.
Пень, Вень. Сень. Вень.
На Фонтанке каждый день
Пить мне водочку не лень.
Выпью рюмку крепкой айзы,
И в головке — баралайзы.
Таковы мои дела.
Баралайза-барбала.
Сень. Синь. Са. Сон.
Небесон, самогон.
В чудеса ты чижа умчишь.
Соловьем станет пьяный чиж.
Эль-де-ле, полетать по полям бы
Барчум-ба. Згара-амбо-а.

Демьян БЕДНЫЙ

Пьяный Чиж

Басня

Бродя однажды по Фонтанке,
Я Чижики увидел сквозь окно.
Что Чижики тот упал на дно,
Я видел по его осанке:
В глазах светились грусть, и боль,
И неизбывная кручина,
Ну, словом, старая картина,
Герой которой — алкоголь.
Чтоб заглушить о жизни тяжелой думку,
Мой Чижики осушил преступной водки рюмку.
Потом он сразу выпил две,
И — зашумело в птичьей голове.
Вокруг над Чижикиком смеялись,
Иные даже издевались,
А Чижики, весь в слезах, являя пьяный пыл,
Все пил да пил...
А я скажу: когда бы этот Чижики
С вниманьем прочитал пять-шесть партийных книжек,
Тогда бы он не шел в кабак,
А поступил бы на рабфак.

Прибежали в избу дети...

Семен КИРСАНОВ

Однажды при-
Детишки бе-
В избушку жали.
«Плывет, смотри,
Мертвец к тебе! —
Отцу сказали. —
Видали все:
Попал он в се-

Попал он в сети!»
И крикнул о-
И крикнул тец:
«Не врите, дети!
Слушай, детишек рать:
Стыдно так нагло врать.
Знаю вас я-то!
Кыш, бесенята!
Вон!
Звон.
Динь.
Дон!
За глупый ваш невод
Поставлю вам неуд.
Бес
Влез.
Нам —
Срам!»

Илья СЕЛЬВИНСКИЙ

Прибежали в Избу,
Прибежали дети,
Прибежали дети
И зовут отца:
«Тятя, наши сети,
Притащили сети,
наши сети приТа-
Щили мертвеца!» —
«Врите, бесенята!
Врите, бесенята! —
зАворчал на них о-
Них-о-них-отец. —
Ох, эти ребята!
Эти мне ребята!
Будет вам ужо ме-
Жо-ме-жо-мертвец!»

Александр ЖАРОВ

Детишки, слов лишних
не тратя,

Сказали отцу
наконец:

— Наш тятя,

Наш тятя,

Наш тятя!

В сетях очутился
мертвец!

И, полон досады

и прыти,

Отец им ответил:

— Сморчки!

Не врите,

не врите,

не врите

И мне не втирайте

очки!

Мы сеть с вами трижды

обшарим.

Себя обмануть

я не дам.

Ударим,

ударим,

ударим

По всем мертвецам

и сетям!

Константин ФОФАНОВ

* * *

Птичка ходит петь на ветку,
А мужик — в овин.
Так позвольте вас поздравить
Со днем ваших именин.
Жил на свете чижик серый,
Пел «Матаню», ел и спал.
Но поел раз свыше меры
И холодным трупом стал.
Так и мы. Сегодня живы,
Нынче пища, жизнь и свет.
А назавтра пишут «Нивы»
Некрологи и портрет.
Так и чижик... Нынче пел он,
Завтра умер... Так и мы...
Так уж свет нелепо сделан,
Чтоб сменяться мраком тьмы.
Так и чижик...

Игорь СЕВЕРЯНИН

Интуитивные краски

Вонзите штопор в упругость пробки —
И взоры женщин не будут робки!..
Да, взоры женщин не будут робки,
И к знойной страсти завьются тройки.
Плесните в чаши янтарь муската
И созерцайте цветы заката...
Раскрасьте мысли в цветы заката
И ждите, ждите любви раската!

Ловите женщин, теряйте мысли...
Счет поцелуям поди исчисли!
А к поцелуям финал причисли —
И будет счастье в удобном смысле!.

* * *

Стихи певучи, как баранина,
Как мыло «Ландыш» от Ралле.
Ах!.. Кто пошлее Северянина
На эгоснеговой земле?

Никто! Люблю восторг я всяческий
И удивленья общий гул.
Живу на Средней на Подъяческой,
Но к славе лезу точно мул.

Люблю пройтись я с горняшкою,
Как господа, вдоль по Морской,
В «Торжке» сидеть за чайной чашкою,
Стихи писамши день-деньской;

Люблю сниматься в черной блузе я
А la Бодлер и Поль Верлен;
Люблю читать, как рати русские
Берут трусливых немцев в плен.

Люблю пропеть в бульварной прессе я,
Что предо мной Берлин падет...

Своя у каждого профессия,
И всяк по-свойски...

Максим ГОРЬКИЙ

* * *

Море хихикало и ухмылялось в кулак. Под лодкой на берегу лежали два свободных и гордых человека, с высшей точки зрения плюнувших на мещанство и ржавчину города: Спирька под Шестое Ребро, босяк, и Манька-Плюй-не-Проплюешь, шмара. Играл ветер и сдувал с их душ всяческую городскую пыль.

— Тоска! — сказал, сплунув на три сажени в сторону по-английски, Спирька под Шестое Ребро. — Пойду на Кубань. Слободно там, мова совершенно нет и, главное, дифференциация босяков, как в аптеке. Тоска!

Спирька размахнулся и звезданул Маньку по румяному мурлу. Она стояла несколько минут молча, вопросительно глядя на Спирьку, и потом прошептала:

— Спирька! Неужели ты меня любишь? По морде смазал. А я думала, ты просто волюнку гнешь...

От нее пахло морем, соленой треской и просмоленным канатом. Спирька издавал запах выгребной ямы, В.Буренина и интеллигента.

— Слышь! — нежно заговорила Манька. — Вон идет по берегу какой-то студент с удочкой. Пристрельни у него на сороковку. Что-то скучно мне с тобой, черт лиловый...

— Эх! Собрал бы я остатки моей истерзанной души и вместе с кровью сердца плюнул бы ей в рыло, черт ее подери! Много их! Склеп для них тесен. Я в саваны рифм их одел. И много над ними я песен печальных и горьких пропел. Где смысл моей жисти? Если ты стерва, иди к бандырьше, студент — лови рыбу, пилот — лезь, сукин сын, на Венеру.

— Брось философию, — сказала Манька. — Кто философствует, тот проигрывает. Главное, достань на сороковку, а то жена твоя приехала — так в волюсть хочет...

Спирька опять сплунул и пошел к студенту.

— Пермете муа, — гордо произнес он, и от всего его тела несло свободой и степью. — Жертв правительственного произвола, и при этом — герой Максима Горького.

Интеллигент трусливо замигал подслеповатыми глазами, задрожал всем телом и инстинктивно схватился за карман.

— Эх ты, гарь моей жизни! — презрительно бросил Спирька. — Вы, отнявшие лучший сок моей страны! Жабы!

Студент испуганно протянул ему мелочь и весь съежился.

Спирька под Шестое Ребро пренебрежительно взял деньги и хотел швырнуть их в морду буржуазии, но посмотрел на жалкого городского человека и плюнул.

Студент жалостно запросил его:

— Голубчик! Отдай мне мои деньги. Понимаешь, жена вдова, детей семеро, хозяйство. А ты все одно пропьешь. Право, голубчик.

Спирька с отвращением посмотрел на него и бросил ему в лицо десять копеек... И зашагал к Маньке.

Вдруг камень, пущенный мстительным интеллигентом, угодил ему в голову, и Спирька под Шестое Ребро как подкошенный упал на желтый песок.

Над ним склонился студент и отнимал у него свои деньги.

Очнулся Спирька в каком-то сарае, и первый, кого он увидел, был жиденек Каин. Это отребье человечества обмывал ему раны, кормил его, поил и рассказывал портовые новости.

Через три дня Спирька под Шестое Ребро побил до полусмерти Каина, слабого и беспомощного, как убежденный нищепанец и босяк, и пошел на пристань.

Манька купалась уже с Челкашом и звонко хохотала, обгоняясь с дельфинами посередине моря.

Мы, я и Спирька под Шестое Ребро, решили идти на Кубань или совершенно в противоположную сторону — к Кавказу.

А вы на земле проживете, как черви слепые живут: ни сказок про вас не расскажут, ни песен про вас не споют.

Борис ЗАЙЦЕВ

Аграфена

Озеро стеклянело.

Аграфена слилась духом своим с общим, и заалела душа ее тихим розовым светом.

И упала она на землю, и в святом экстазе розово-голубой радости начала молиться овсам, и начала молиться Небу и Богоматери.

Молчание золотело. Солнце корчило рожи. И молилась Аграфена зеленой просеке, и грече, и. телеге, и Ваняткину сапогу, и Марьиному чулку, чтоб исцелилась ее душа, окрашенная любовью.

И говорила Аграфена Ванятке, возлагая на него венок из роз:

— Ты мой прекрасный рыцарь!.. Идеал тоскующей души моей, ты синтез моих мечтаний и стремлений... Мой прекрасный пажик, Ричард Львиное Сердце... Евгений Онегин. Владимир Ленский...

И целовала Аграфена ту землю, по которой ходил Ванятка, и, целовала телегу, на которой он ездил, и целовала корову, которую он купил.

И гордо смотрела Аграфена на других баб, не имевших интересного положения, высоко подняв голову ходила между них.

И говорила на вечеринках подругам, и седым старикам, и пожилым бабам, и молодым ребятам:

— Умерли все боги: теперь я хочу, чтоб жил сверхчеловек. Такова должна быть в великий полдень наша последняя воля.

— Некогда говорили: Бог! — когда смотрели на дальние моря. Но теперь учу я вас говорить: сверхчеловек.

— Могли бы мы создать Бога? Так не говорите мне о богах вообще. Но и вы, как я, несомненно, могли бы создать сверхчеловека.

— Быть может, не вы сами. братья мои. Но Ванятка и я, мы это в аккурате можем... — Так говорила Аграфена.

Лидия ЧАРСКАЯ

* * *

— Воля и Коля поступили одновременно в седьмую роту N-ского полка. В строю Коля зевал и был вял. Водя, напротив, ел глазами ундера и молодецкато марширо-

вал, звонко распевая: «Ехал на ярмарку ухарь-купец». После строя Коля садился в угол, словно волк, и читал разные глупости вроде «Путешествия на луну», «Приключения капитана Гаттераса» и т. п., а Воля в это время чистил сапаги фельдфебелю, бегал за водкой для ефрейтора, упражнялся в словесности и чистил винтовку. Коля не знал, кому отдается честь, становясь во фронт, а Воля знал уже все погоны, чины, титулы и т. д. И что же? К Рождеству Воля уже был ефрейтором, а Коля попал в дисциплинарный батальон. И Воля часто стал покрикивать на Колю и однажды, рассердившись на него, отдал его под суд. Так вышел в люди Воля и погиб на каторге Коля.

— Мой любимый журнал — «Задушевное слово», а лучший писатель — Эразм Роттердамский, Пшибышевский, Толстой и Л. Чарская, автор прекрасной повести «Коля и Воля». — Женя С., 1 1/2 г., Тула.

— Милые читатели «Задушевного слова». Кого больше всех вы любите и почитаете из классических писателей? — Сережа Ц., Уфа.

— Собравшись у тети на елке, мы решили ответить Сереже Ц. Лучшая и гениальнейшая писательница от сотворения мира до последнего скандала пьянчужки П. Маныча есть Л. Чарская и Байрон. Пусть злые Чуковские называют ее циничнейшей и пошло-бесстыдной рекламисткой, их простит Бог. — Серж К. из Томска, Боря Ч. из Промзина, Витя Л. из Сиднея, Коля С. из Харбина и Лиза Х. из Нью-Йорка. Самому старшему из нас 8 месяцев, а Лиза Х. еще и не родилась. За нее расписывается Витя Л. из Варшавы. Когда она родится, она в этот же день пришлет свою подпись...

— Милая тетя Чарская. В Александровский рынок для лавки старьевщика (залитые калоши, рубашки после покойных ночлежников, чулки, носки, валенки) требуется зазывальщик публики. Тетя Чарская! Бросьте «Задушевное слово» и поступайте туда. — Женя Венский, 25 лет. С.-Петербург. Европейская гостиница, № 116.

Из цикла «Дамы на Парнасе»

Анна АХМАТОВА

* * *

Ах! Я знаю любви настоящей разгадку,
Знаю силу тоски.
«Я на правую руку надела перчатку
С левой руки!..»
Я пленилась вчера королем сероглазым
И вошла в кабинет.
Мне казалось по острым, изысканным фразам,
Что любимый — эстет.
Но теперь, уступивши мужскому насилию,
Я скорблю глубоко!..
...Я на бледные ножки надела мантилью,
А на плечи — трико...

Любовь СТОЛИЦА

* * *

Новым я покрою платом
Темнорусую косу.
Пойло ласковым телятам
Самолично отнесу.
Золотую вылью юшку
В заржавелое ведро.
Встречу милого Ванюшку,
Дам ногою под бедро.
Разлюбезный обернется
И почешет, где болит;
Улыбнется, изогнется,
На солому повалит.

И, расцветшая Раиня,
Я услышу над собой:
— Не зевай, моя разиня,
В этот вечер голубой.

Из цикла
«Добросовестные пародии»
(Сегодняшние поэты о вчерашнем царе)

Игорь СЕВЕРЯНИН

Гарсон!.. Зажгите электричество
И дайте белого вина!..
...Его величество!.. Его величество
Блестяще свергнула страна!..
Вина!.. Потребность успокоиться
Определенно велика.
Мне тоже нужно перестроиться
И перекраситься слегка!..
Питана, прочь!.. Вниманье, публика!..
Потоп стихов!.. И дождь кантат!..
Алло!.. Российская Республика!..
Я твой Эстетный Депутат!

Подражание Игорю СЕВЕРЯНИНУ

Не старайся постигнуть. Не отгадывай мысли.
Мысль витает в пространствах, но не может осесть.
Ананасы в шампанском окончательно скисли,
И в таком состоянье их немислимо есть.
Надо взять и откинуть, и отбросить желанья,
И понять неизбежность и событий, и лет.
Ибо именно горьки ананасы изгнанья,
Когда есть ананасы, а шампанского нет.
Что ж из этой поэзы, господа, вытекает?
Ананас уже выжат, а идея проста:
Из шампанского в лужу — это в жизни бывает,
А из лужи обратно — парадокс и мечта!

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

Поэт

Мать моя меня рожала туго.
Дождь скулил, и град полосовал.
Гром гремел. Справляла шабаш выюга.
Жуть была что надо. Завывал
Хор мегер, горгон, эриний, фурий,
Всех стихий полночный персимфанс,
Лысых ведьм контрданс на партитуре.
И, водой со всех сторон подмочен,
Был я зол и очень озабочен
И с проклятьем прекратил сеанс.
И пошел я, мокрый, по Брананту,
По дороге вешая собак.
Постучался в двери к консультанту
И сказал, поклон отвесив, так:
— Жизнь моя — комедия и драма,
Рампы свет и букля парика.
Доннерветтер! Отвечайте прямо.
Не валяйте, сударь, дурака!
Что там рассусоливать и мямлить,
Извиняться за ночной приход!
Перед вами Гулливер и Гамлет.
Сударь, перед вами Дон Кихот!
Я с ландскнехтом жрал и куролесил,
Был шутком у Павла и Петра.
Черт возьми! Какую из профессий
Выбрать мне, по-вашему, пора? —
И ответил консультант поспешно,
Отодвинув письменный прибор:
— Кто же возражает? Да. Конечно.
Я не спорю. Вы — большой актер.

Но не брезгуйте моим советом —
Пробирайтесь, гражданин, в верхи.
Почему бы вам не стать поэтом
И не сесть немедленно за стихи? —
Внял я предложенью консультанта.
Прошлое! Насмарку! И на слом!
Родовыми схватками таланта
Я выиграл за письменным столом.
И пошла писать... Стихи — пустяк.
Скачка рифм через барьер помарок.
Лихорадка слов. Свечи огарок.
Строк шеренги под шрапнелью клякс.
Как писал я! Как ломались перья!
Как меня во весь карьер несло!
Всеми фибрами познал теперь я,
Что во мне поэта ремесло.
И когда уже чернил не стало
И стихиям делалось невмочь —
Наползало. Лопалось. Светало.
Было утро. Полдень. Вечер. Ночь.

Анна АХМАТОВА

Мужичок с ноготок

Как забуду! В студеную пору
Вышла из лесу в сильный мороз.
Поднимался медленно в гору
Упоительный хвороста воз.

И плавнее летающей птицы
Лошадь вел под уздцы мужичок.
Выше локтя на нем рукавицы,
Полушубок на нем с ноготок.

Задыхаясь, я крикнула: — Шутка!
Ты откуда? Ответь! Я дрожу! —
И сказал мне спокойно малютка:
— Папа рубит, а я подвожу!

Александр ЖАРОВ

Магдалиниада

И вот
Мне снится, снится
В тиши больших ночей,
Лицо святой блудницы,
Любовницы моей.

Мне снится, снится, снится,
Мне снится чюдный сон —
Шикарная девица
Евангельских времен.
Не женщина — малина,
Шедевр на полотне —
Маруся Магдалина,
Раздетая вполне.
Мой помутился разум,
И я, впадая в транс,
Спел под гармонию с экстазом
Чувствительный романс.
Пускай тебя нахалы
Ругают, не любя, —
Маруся из Магдалы,
Я втюрился в тебя!
Умчимся, дорогая
Любовница моя,
Туда, где жизнь другая, —
В советские края.
И там, в стране мятежной,
Сгибая дивный стан,
Научишь страсти нежной
Рабочих и крестьян.
И там, под громы маршей,
В сиянье чюдном дня,
Отличной секретаршей
Ты будешь у меня.
Любовь пронзает пятки.
Я страстью весь вскипел.

Братишечки! Ребятки!
Я прямо опупел!
Я, словно сахар, таю,
Свой юный пыл кляня...
Ах, что же я болтаю!
Держите вы меня!

Сергей ЕСЕНИН

Тоска разливная

Ветер с изб разметает солому.
И качает вершины осин.
Веселиться кому-то другому,
Мне сегодня не до октябрин.

Ах, зачем народился парнишка:
Значит, муж целовался с женой.
Ну, а мне — одинокому — крышка,
Октябрины справляю в пивной.

Гармонист раздувает гармошку,
Штопор вытащил пробку, как зуб,
Я прильну поцелуем к окошку
Штемпелеванной мягкостью губ.

Октябрины! Тоска разливная!
Не найти мне родного угла.
Моссельпромовская пивная,
До чего ж ты меня довела!

Владимир ЛУГОВСКОЙ

Сухожилие

1
Товарищи!
Хорошая ли, плохая ли

На дворе погода, дело не в этом.
Товарищи! Главное, чтоб критики не охали
И признали меня молодым поэтом.
Мне двадцать шесть. Я пишу со скрипом,
Так тверда бумага и чернила густы.
Товарищи! Мое поколение не липа,
Оно занимает высокие посты.
Мое поколение, говорю не хвастая —
Зубные врачи, монтеры, мастера,
Мое поколение ужасно очкастое,
Костистое, сухожильное, ура-ура!
Сегодня мобилизовать в поход решили мы
Опухоли бицепсов на фронт труда.
Мозги проколоты сапожными шилами.
Товарищи! Это, конечно, не беда.
Пусть дышат они широкими порами.
Но если опять задуют ветра,
Мы ринемся ассирийцами, египтянами, айсорами
С учетными книжками, ура-ура!

2

И так сочиняются ритмы и метры.
Про ветры и гетры и снова про ветры.
Как ветер, лечу я на броневику
С винтовкою, саблей и бомбой в руке.
И голосом зычным поэмы слагаю
Назло юнкерью и назло Улагаю.
То ямбом, то дактилем, то анапестом,
Наотмашь, в клочья, с грохотом, треском.
От первой строки до последней строки
Ветер играет в четыре руки.

Талант, говорят,
Кентавр, говорят,
Не глаза, говорят,
Фонари горят.

Ветер крепчает. В груди весна.
Строфы разворочены. Мать честна!

Эх, жить начеку
Молодым парнишкой.
Пулемет на боку,
Маузер под мышкой.

До чего ж я хорош —
Молодой да быстрый.
Под папахой вьется клеш,
Да эх, конструктивистский.
Ветер, стой! Смирно! Равняйся!
На первый-второй рассчитайся!
Кончается строчка.
Стоп!
Точка!

Владимир МАЯКОВСКИЙ

Разговор с Пушкиным

Александр
Сергеич,
арап
московский!
Сколько
зим!
Сколько
лет!
Не узнаете?
Да это ж
я —
Маяковский —
Ин-
ди-
ви-
ду-
аль-
ный
поэт.
Разрешите
по плечу
похлопать.
Вы да я,
мы оба,
значит,
гении.

Остальные —
 так,
 рифмованная
 копоть,
Поэтическое
 недоразумение.
Вы — чудак:
 насочиняли
 ямбы,
Только
 вот —
 печатали
 не впрок.
Были б живы,
 показал я
 вам бы,
Как
 из строчки
 сделать
 десять
 строк.
Например:
 — Мой дядя
 самых
 честных
 правил...
Как это?
 — Когда
 не в шутку
 занемог,
Уважать,
 стервец,
 себя
 заставил,
Словно
 лучше
 выдумать
 не мог...
Плянь,
 и строчек
 набежал
 излишек.

Только вот
 беда:
 налоги
 бьют
 дубьем.
Ненавижу
 фининспекторишек,
Обожаю
 внутренний
 заем!

Николай ЗАБОЛОЦКИЙ

Лубок

Ни берегу игривой Невки —
Она вилась то вверх, то вниз —
Сидели мраморные девки,
Явив невинности каприз.
Они вставали, вновь сидели,
Пока совсем не обалдели.
А в глубине картонных вод
Плыл вверх ногами пароход.
А там различные девчонки
Плясали танец фокс и трот,
Надев кратчайшие юбчонки,
А может быть, наоборот.
Мужчины тоже все плясали
И гребнем лысины чесали.
Вот Макс и Мориц, шалуны,
Как знамя, подняли штаны.
Выходит капитан Лебядкин —
Весьма классический поэт, —
Читает девкам по тетрадке
Стихов прелестнейший куплет.
Девчонки в хохот ударяли.
Увы, увы — они не знали
Свои ужасные концы:

К ним приближались столбцы.
Не то пехотный, не то флотский
Пришел мужчина Заболоцкий
И, на Обводный сев канал,
Стихами девок доконал.

Иван МОЛЧАНОВ

Туфли (1928)

Сядь со мною, друг бесценный,
Опусти свой пышный стан
На широкий довоенный
Мягкий плюшевый диван.

Время дымкой голубою
Проплывает у окна.
Ты да я да мы с тобою.
Безмятежность. Тишина.

Дай мне ротик, дай мне глазки,
Нежный личика овал.
Может, я для этой ласки
Кр-ровь на фронте проливал!

Может, плавал я во флоте,
Был в баталиях морских,
Чтобы в розовом капоте
Ты мне штопала носки.

Чтоб на кухне баритоном
Пел нам примус-балагур.
Чтоб над нами цвел пионом
Полнокровный абажур.

Чтобы счастьем мы набухли
На крутой, высокий лад...
Дорогая, дай мне туфли,
Дай мне стеганный халат!

Трактор (1931)

Закипает
 жизнь
 другая.
Вьется
 песня —
 пенный
 вал.
Отодвинься, дорогая.
Я сегодня
 юн и ал.
К черту ротик!
 Я зеваю.
Не садись
 к плечу плечом.
Может, я переживаю —
Может, думаю о чем!
Я пылаю
 жарким
 пылом,
Сердцу тон
 высокий дан.
Полотенце, бритву, мыло
Положи мне
 в чемодан.
Приготовь
 табак и трубку,
Без нее я глух и нем.
Не забудь
 и рифморубку
Для писания поэм,
Чтобы песня закипела,
Чтоб гудели
 провода,
Чтобы лозунгами пела
В радиаторе
 вода,
Чтобы жечь прорыв и браки
Песней пылкой
 и густой,

Восклицательные знаки
Чтобы стали
 в строй крутой.
Я пою
 широким трактом
На крутой,
 высокий
 лад.
Дорогая,
 дай мне
 трактор,
Дай мне
 кожаный халат!

Борис ПАСТЕРНАК

Сроки

Народ, как дом без кров...

.....

Ты без него ничто.

Он, как свое изделие,

Кладет под долото

Твои мечты и цели.

На даче ночь. В трюмо
Сквозь дождь играют Брамса.
Я весь навзрыд промок.
Сожмусь в комок. Не сдамся.

На даче дождь. Разбой
Стихов, свистков и выжиг.
Эпоха, я тобой,
Как прачкой, буду выжат.

Ты душу мне потом
Надавишь, как пипетку,
Расширишь долотом
Мою грудную клетку.

Когда ремонт груди
Закончится в опросах,
Не стану разводить
Турусы на колесах.

Скажу как на духу,
К тугому уху свесясь,
Что к внятному стиху
Приду лет через десять.

Не буду бить в набат,
Не поглядевши в святцы,
Куда ведет судьба,
Пойму лет через двадцать.

И под конец, узнав,
Что я уже не в шорах,
Я сдамся тем, кто прав,
Лет, видно, через сорок.

Александр ПРОКОФЬЕВ

Братеники

Душа моя играет, душа моя поет,
А мне товарищ Пушкин руки не подает.
Александр Сергеич, брось, не форси,
Али ты, братеник, сердишься?

Чего ж ты мне, тезка, руки не подаешь?
Чего ж ты, майна-вира, погреться не идешь?
Остудно без шапки на холоде стоять.
Эх, мать, моя Эпоха, высокая Оять!

Наддали мы жару — эх! — на холоду,
Как резали буржуев в семнадцатом году,
Выпустили с гадов крутые потроха.
Эх, Пиргал-Митала, тальянкины меха!

Ой, тырли-бутырли, эх, над Невой!
Курчавый братеник качает головой.
Отчаянный классик, парень в доску свой,
Александр Сергеич кивает головой.

Душа моя играет, душа моя поет.
Мне братеник Пушкин руку подает!

Павел РАДИМОВ

Сморкание

Ныне, о муза, воспой иерея — отца Ипполита,
Поп знаменитый зело, первый в деревне сморкач.
Утром, восставши от сна, попадьё на перине покинув,
На образа помолясь, выйдет сморкаться на двор.
Правую руку подняв, растопыривши веером пальцы,
Нос волосатый зажмет, голову набок склонив,
Левою свистнет ноздрей, а затем, пропустивши цезуру,
Правой ноздрею свистит, левую руку подняв.
Далее под носом он указательным пальцем проводит.
Эх, до чего ж хорошо! Так и сморкался б весь день.
Закукарекал петух, завизжали в грязи поросята,
Бык заревел, и в гробу перевернулся Гомер.

Илья СЕЛЬВИНСКИЙ

Йехали да йехали

Йехали ды констры, йехали ды монстры
Инберы-Вынберы губы по чубам.
Йехали коһонстры па луту па вскому
Выверченным шляхом через ЗиФ в Госиздат.

А по-а-середке батько Селэвынский.
В окуляры зиркает атаман Илья:
— Гэй, ну-тэ, хлопцы, а куды Зэлиньский,
А куды да куд-куды вин загинае шлях?

Гайда-адуйда, гэйда, уля-лай-да,
Барысо агапайда ды эл-цэ-ка.
Гей, вы коня-аги биз? несы асм? усы!
Локали-за цокали-за го-па-ка!

Йехали ды констры, йехали ды монстры,
А бузук Володь! ика та задал драп.
Шатали-си, мотали-си, в сторону поддали-си,
Мурун-дук по тылици и — айда в Рапп!

Иосиф УТКИН

О рыжем Абраше и строгом редакторе

И Моня, и Сема кушали.
А чем он хуже других?
Так что трещали заушины,
Абраша ел за двоих.

Судьба сыграла историю,
Подсыпала чепухи:
Прочили в консерваторию,
А он засел за стихи.

Так что же? Прикажете бросить?
Нет — так нет.

И Абрам, несмотря на осень,
Писал о весне сонет.

Поэзия — солнце на выгоне,
Это же надо понять,
Но папаша кричал:
— Мишигенер!*
— Цудрейтер!** —
Кричала мать.

Сколько бумаги испорчено!
Сколько ночей без сна!
Абрашу стихами корчило.

* Сумасшедший (шпр.).

** Ненормальный (шпр.).

Еще бы,
Весна!

Счастье — оно как трактор,
Счастье не для ворон.
Стол.
За столом редактор.
Кричит в телефон.

Ой, какой он сердитый!
Боже ты мой!
Сердце, в груди не стучи ты,
Лучше сбежим домой.

Но дом — это кинодрама,
Это же Йомкипур!*

И Абраша редактору прямо
Сунул стихов стопу.

И редактор крикнул кукушкой:
— Что такое? Поэт?
Так из вас не получится Пушкин!
Стихи — нет!

Так что же? Прикажете плакать?
Нет — так нет.
И Абрам, проклиная слякоть,
Прослезился в жилет.

Но стихи есть фактор.
Как еда и свет.
— Нет, — сказал редактор.
— Да, — сказал поэт.

Сердце, будь упрямо,
Плюнь на всех врагов.
Жизнь — сплошная драма,
Если нет стихов.

Сколько нужно рифм им?
Сколько нужно слов?
Только б сшить тахрихим**
Для редакторов!

* Судный день (ивр.).

** Саван (ивр.).

Постоянство

Песни юности слагая,
Весь красивый и тугой,
Восклидал я: дорогая!
Ты шептала: дорогой!
Критик нас пугал, рутая,
Ну, а мы — ни в зуб ногой.
Восклидал я: дорогая!
Ты шептала: дорогой!
Передышки избегая,
Дни, декады, год, другой
Восклидал я: дорогая!
Ты шептала: дорогой!
От любви изнемогая,
Ждем — придет конец благой.
Я воскликну: дорогая!
Ты шепнешь мне: дорогой!
И попросим попутая
Быть понятливым слугой,
Чтоб кричал он, помогая:
— Дорогая! Дорогой!

Борис КОРНИЛОВ

Песнь

Зряще мя безгласна, бездыханна,
с вздутым выражением лица,
не вынайте пулю из нагана,
шкуру не сымайте с жеребца.
Жеребец стоит лиловой глыбой,
пышет из его ноздрей огонь,
он хвостом помахивает, ибо
это преимущественно конь.
Поелику саван я скидаю,
всуге плакать, дружи и родня,
задираю ногу и сидаю
на того арабского коня.
Без разгону на него стрibaю,

зрю на географию страны,
непрерывно шашкою рубаю
личность представителя шпаны.
Я рубаю, и ни в коем разе
промаху рубанье не дает.
Личность упадет прямо наземь,
не подносит и сама не пьет.
Возлегают от меня ошую,
впрочем, на ошую наплевать,
ибо надо самую большую,
безусловно, песню запевать.
Запеваю, ставлю исходящий
номер во главу ее угла.
И ховаю одесную в ящик
письменного моего стола.

Петр ОРЕШИН

Ржаная душа

Грудь моя ржаная,
Голос избяной.
Мать моя честная,
Весь я аржаной!

Лью ржанные слезы,
Утираю нос.
Синие березы!
Голубой овес!

Сяду я у речки.
Лягу у межи.
Милые овечки!
Васильки во ржи!

От тоски-злодейки
Где найду приют?
Пташки-канарейки
Жалобно поют.

Эх, сажу ль в избе я,
Выйду ль на гумно, —
Самому себе я
Надоед давно!

Михаил СВЕТЛОВ

Лирический сон

Я видел сегодня
Лирический сон
И сном этим странным
Весьма поражен.
Серьезное дело
Поручено мне:
Давлю сапогами
Клопов на стене.
Большая работа,
Высокая честь,
Когда под рукой
Насекомые есть.
Клопинуе трупы
Усеяли пол.
Вдруг дверь отворилась
И Гейне вошел.
Талантливый малый,
Немецкий поэт.
Вошел и сказал он:
— Светлову привет!
Я прыгнул с кровати
И шаркнул ногой:
— Садитесь, пожалуйста,
Мой дорогой!
Присядьте, прошу вас,
На эту тахту,
Стихи и поэмы
Сейчас вам прочту!..
Пляжу я на гостя, —
Он бел, как стена,

И с ужасом шепчет:
— Спасибо, не на...
Да, Гейне воскликнул:
— Товарищ Светлов!
Не надо, не надо,
Не надо стихов!

Михаил ЗОЩЕНКО

Случай в бане

Вот, братцы мои, гражданочки, какая со мной хреновина вышла. Прямо помереть со смеху.

Сижу это я, значит, и вроде как будто смешной рассказ сочиняю. Про утопленника.

А жена говорит:

— Что это, — говорит, — елки-палки, у тебя, между прочим, лицо индифферентное? Сходил бы, — говорит, — в баньку. Помылся.

А я говорю:

— Что ж, — говорю, — схожу. Помоюсь.

И пошел.

И что же вы, братцы мои, гражданочки, думаете? Не успел это я мочалкой, извините за выражение, спину намылить, слышу — караул кричат.

«Никак, — думаю, — кто мылом подавился или кипятком ошпарился?»

А из предбанника, между прочим, человечек выскакивает. Голый. На бороде номерок болтается. Караул кричит.

Мы, конечно, к нему. В чем дело, спрашиваем? Что, спрашиваем, случилось?

А человек бородой трясет и руками размахивает.

— Караул, — кричит, — у меня пуп сперли!

И действительно. Смотрим, у него вместо пупа — голое место.

Ну, тут, конечно, решили народ обыскать. А голых обыскивать, конечно, плевое дело. Ежели спер что, в рот, конечно, не спрячешь.

Обыскивают. Пляжу, ко мне очередь подходит. А я, как на грех, намылился весь.

— А ну, — говорят, — гражданин, смойтесь.

А я говорю:

— Смыться, — говорю, — можно. С мылом, — говорю, — в подштанники не полезешь. А только, — говорю, — напрасно себя утруждаете. Я, — говорю, — ихнего пупа не брал. У меня, — говорю, — свой есть.

— А это, — говорят, — посмотрим.

Ну, смылся я. Пляжу — мать честная! Да никак у меня два пупа!

Человечек, конечно, в амбицию.

— Довольно, — кричит, — с вашей стороны нахально у трудящихся пупы красть! За что, — кричит, — боролись?

А я говорю:

— Очень, — говорю, — мне ваш пуп нужен. Можете, — говорю, — им подавиться. Не в пупе, — говорю, — счастье.

Швырнул это я, значит, пуп и домой пошел. А по дороге расстроился.

«А вдруг, — думаю, — я пупы перепутал? Вместо чужого свой отдал?»

Хотел было обратно вернуться, да плюнул.

«Шут, — думаю, — с ним. Пушай пользуется. Может, у него еще что сопрут, а я отвечаю!»

Братцы мои! Дорогие читатели! Уважаемые подписчики!

Никакого такого случая со мной не было. Все это я из головы выдумал. Я и в баню сроду не хожу. А сочинил я для того, чтобы вас посмешить, чтоб вы животики надорвали.

Не смешно, говорите? А мне наплевать!

Пантелеймон РОМАНОВ

Проблема пола

Когда профессор узнал, что жене известно, что он знает, что у нее семь любовников, он забеспокоился, чтоб она не подумала, что он из-за этого мучается и что ему нужно изложить ей свой взгляд на подобную ситуацию.

Отодвинув в сторону свой научный труд о половой жизни инфузорий, профессор прошел в спальню жены.

Жена лежала на кушетке в стыдливой позе, а вдоль стены, в порядке строгой очереди, как на приеме у врача, сидели все семь любовников.

— Извиняюсь, — сказал добродушно профессор, потирая лысину. — Ради бога, не подумайте, что я думаю, что это предосудительно. С точки зрения законов природы в этом нет ничего дурного. Только мораль рабов требует моногамии. Мы же, передовые, просвещенные интеллигенты, знаем, что любовь есть одна из естественных надобностей, которая...

Профессор говорил долго и умно, но вдруг ему пришла в голову мысль, что он пришел, в сущности, к занятым людям и мешает им. И он сконфузился и, чтобы не показаться бестактным и назойливым, участливо спросил:

— Не тяжела ли тебе такая нагрузка?

— Нет, милый, — целомудренно ответила жена, — ты же знаешь, что я женщина и душа у меня цветет.

Жена была очень целомудренна и не сказала, что у нее есть еще столько же любовников, чтобы он не подумал, что она какая-нибудь развратная.

— Ты — святая женщина, — сказал профессор растроганно. — Я, как передовой, просвещенный интеллигент, понимаю уклоны твоей души и осуждаю обывательскую мораль, которая...

Профессор опять говорил долго и умно, но вдруг ему пришла в голову мысль, что жена не только святая, но и передовая женщина, которая умеет сопрягать интересы своей личности с интересами коллектива.

И он подошел к жене и, целуя ее в лоб, ласково сказал:

— Ну, бог в помощь. Только не переутомляйся, пожалуйста!

«Старый черт! — злобно подумала жена. — Долго ли ты будешь тут вертеться?» — А вслух сказала: — Какой ты умный и хороший! Ты действительно передовой, просвещенный интеллигент с широким кругозором.

Профессор повернулся, чтобы уйти, но вдруг ему пришла в голову мысль, что его уход может быть понят как демонстрация мужа, ревнующего свою жену.

Чтобы доказать, что он, как передовой интеллигент и просвещенный половой человек, выше обывательской морали, он прошел в конец спальни и уселся на восьмом стуле в позе человека, ожидающего своей очереди.

Исаак БАБЕЛЬ

Мой первый сценарий

Беня Крик, король Молдаванки, неиссякаемый налетчик, подошел к столу и посмотрел на меня. Он посмотрел на меня, и губы его зашевелились, как черви, раздавленные каблуками начдива-восемь.

— Исаак, — сказал Беня, — ты очень грамотный и умеешь писать. Ты умеешь писать об чем хочешь. Напиши, чтоб вся Одесса смеялась с меня в кинематографе.

— Беня, — ответил я, содрогаясь, — я написал за тебя много печатных листов, но, накажи меня бог, Беня, я не умею составить сценариев.

— Очкары! — закричал Беня ослепительным шепотом и, вытащив неописуемый наган, помахал им. — Сделай мне одолжение, или я сделаю тебе неслыханную сцену!

— Беня, — ответил я, ликуя и содрогаясь, — не хватай меня за грудки, Беня. Я постараюсь сделать, об чем ты просишь.

— Хорошо, — пробормотал Беня и похлопал меня наганом по спине.

Он похлопал меня по спине, как хлопают жеребца на конюшне, и сунул наган в неописуемые складки своих несказанных штанов.

За окном, в незатейливом небе, сияло ликующее солнце. Оно сияло, как лысина утопленника, и, неописуемо задрожав, стремительно закатилось за невыносимый горизонт.

Чудовищные сумерки, как пальцы налетчика, зашарили по несказанной земле. Неисчерпаемая луна заерзала в ослепительном небе. Она заерзала, как зарезанная курица, и, ликуя и содрогаясь, застряла в частоколе блуждающих звезд.

— Исаак, — сказал Бенья, — ты очень грамотный, и ты носишь очки. Ты носишь очки, и ты напишешь с меня сценарий. Но пускай его сделает только Эйзенштейн. Слышишь, Исаак?

— Хвороба мне на голову! — ответил я страшным голосом, ликуя и содрогаясь. — А если он не захочет? Он работает из жизни коров и быков, и он может не захотеть, Бенья.

— ...в бога, печенку, селезенку! — закричал Бенья с ужасным шепотом. — Не выводи меня из спокойствия, Исаак! Нехай он крутит коровам хвосты и гоняется за бугаями, но нехай он сделает с моей жизни картину, чтоб смеялась вся Одесса: и Фроим Грач, и Каплун, и Рувим Тартаковский, и Любка Шнейвейс.

За окном сияла неистощимая ночь. Она сияла как тонзура, и на ее неопикуемой спине сыпь чудовищных звезд напоминала веснушки на лице Афоньки Бида.

— Хорошо, — ответил я неслышанным голосом, ликуя и содрогаясь. — Хорошо, Бенья. Я напишу с твоей жизни сценарий, и его накрутит Эйзенштейн.

И я пододвинул к себе стопу бумаги. Я пододвинул стопу бумаги, чистой, как слюна новорожденного, и в невообразимом молчании принялся водить стремительным пером.

Бенья Крик, как ликующий слепоглухонемой, с благоговением смотрел на мои пальцы. Он смотрел на мои пальцы, шелестящие в лучах необузданного заката, вопиющего, как помидор, раздавленный неслышанным каблуком начдива-десять.

Юрий ОЛЕША

Раскаянье

*Директору треста пищевой промышленности,
члену общества политкаторжан Бабичеву*

Андрей Петрович!

Я плачу по утрам в клозете. Можете представить, до чего довела меня зависть.

Несколько месяцев назад вы подобрали меня у порога пивной. Вы приютили меня в своей прекрасной квартире. На третьем этаже. С балконом.

Всякий на моем месте ответил бы вам благодарностью.

Я возненавидел вас. Я возненавидел вашу спину и нормально работающий кишечник, ваши синие подтяжки и перламутровую пуговицу трикотажных кальсон.

По вечерам вы работали. Вы изобретали необыкновенную чайную колбасу из телятины. Вы думали о снижении себестоимости обедов в четверг. Вы не замечали меня.

Я лежал на вашем роскошном клеенчатом диване и завидовал вам. Я называл вас колбасником и обжорой, барином и чревоугодником.

Простите меня. Я беру свои слова обратно.

Кто я такой? Деклассированный интеллигент. Обыватель с невыдержанной идеологией. Мелкобуржуазная прослойка.

Андрей Петрович! Я раскаиваюсь. Я отмежевываюсь от вашего брата. Я постараюсь загладить свою вину. Я больше не буду.

У меня неплохие литературные способности. Дайте мне место на колбасной фабрике. Я хочу служить пролетариату. Я буду писать рекламные частушки о колбасе и носить образцы ее Соломону Шапиро.

Это письмо я пишу в пивной. В кружке пива отражается вселенная. На носу буфетчика движется спектральный анализ солнца. В моченом горохе плывут облака.

Андрей Петрович! Не оставьте меня без внимания. Окажите поддержку раскаявшемуся интеллигенту.

В ожидании вашего благоприятного ответа, остаюсь уважающий вас

Николай Кавалеров.

P. S. Мой адрес:

Здесь, вдове Аничке Прокопович —
для меня.

Анатолий МАРИЕНГОФ

Вранье без романа

(Отрывок из невыходящей книги
Аркадия Врехунцова «Октябрь и я»)

Как сейчас помню, была скверная погода. Дождь лил как из ведра. Мы собрались в квартире старого журналиста и пили водку, настоящую на красном перце.

За окном бухали пушки, татакали пулеметы и раздавались частые ружейные выстрелы. Это был день Великой Октябрьской революции.

О, я хорошо познал всю прелесть восстаний, огненную красоту штурмов, непередаваемую музыку боев и сладость победы!

Как сейчас помню, я всей душой стремился на улицу, но, к сожалению, на мне было легкое осеннее пальто, и я боялся простудиться.

Тогда же я сказал историческую фразу:

— В октябре 1917 года я не вышел на улицу для того, чтобы в октябре 1927 года вышли на улицу мои произведения!

В тот же вечер я сказал свою вторую историческую фразу:

— Можно не участвовать в Отечественной войне и написать «Войну и мир». Можно не участвовать в 1917 году в штурме Зимнего дворца и говорить в этом дворце в 1922 году вступительные слова к кинокартинам.

События разворачивались с головокружительной быстротой.

Как сейчас помню, Ленинград переживал тревожные дни. Юденич подступал к городу. Утром ко мне ворвался встревоженный и взволнованный мой друг, известный литератор Юрий Абзацев, и сразу ошеломил меня, сообщив, что во всем городе он не достал ни одной бутылки водки. В этот исторический день мы были трезвы. Что делать? Величие гражданской войны не обходится без жертв.

Тогда же я под свежим впечатлением написал поэму «Алкогольный молебен», которую в 1922 году издал в Таганроге в типографии Совнархоза.

Дальнейшие события разворачивались с еще более головокружительной быстротой: мы к вечеру нашли водку.

Сережа Говорков, этот светлый юноша, погибший впоследствии во время гражданской войны (в «Стоиле Пегаса» в Москве ему проломили бутылкой голову), достал бутылку водки, и под буханье пушек, татаканье пулеметов и частые ружейные выстрелы мы распили ее во славу русской литературы.

Светлые, незабываемые минуты! Я окунулся в события с головой. В качестве инспектора конотопского унар-образа, куда я переехал из голодного Петрограда, я повел бешеную работу, по 24 часа в сутки бегая по всем учреждениям за получением пайков.

Кому из участников гражданской войны не знакомы муки творчества тех незабываемых дней? Но из всех мук творчества самая незабываемая — овсяная. Действительно, эта мука, в отличие от крупчатки, не один месяц портила мой желудок.

Но что делать? Величие эпохи обязывает.

Тогда же я написал свою вторую революционную поэму — «Мимозы в кукурузе», изданную конотопским उपрдкомом в количестве 85 экземпляров: 80 именных и 5 нумерованных, в продажу не поступивших.

Эпоха обязывает!

Я снова окунулся в водоворот событий. Как сейчас помню тяжелые незабываемые дни голода. Для того чтобы пообедать, мне, работавшему уже в качестве редактора захолустинской газеты «Красная вселенная», приходилось затрачивать массу энергии для получения спирта на технические надобности, как, например, промывка шрифтов и — горла.

Здесь я не могу не вспомнить моего талантливого друга, литератора Костю Трепачева, служившего помощником директора рауспирта. Это был необыкновенный человек, сделавший много для русской литературы. Он снабжал спиртом многих литераторов, живших тогда в Захолустинске.

К сожалению, Костя в 1923 году был арестован за лишний ноль, проставленный им на накладной при получении спирта. Что делать? Эпоха обязывает!

Между тем события молниеносно разворачивались; я женился на Ксении Петровне Фельдиперсовой, очень умной и образованной женщине (окончила высшие кулинарные курсы в Самаре), и переехал в Москву.

Как сейчас помню эти незабываемые вечера в гуще молодой русской литературы. В кафе поэтов подавали великолепные пирожки с мясом и с капустой. Я тогда же написал свою знаменитую поэму «Баррикады в желудке» и драматическую трилогию «Заговор поваров», к сожалению, до сих пор не изданные.

Кипучая жизнь Москвы захватила меня без остатка. С гордостью могу сказать, что в грандиозном здании, воздвигаемом советской эпохой, есть немало моих кирпичей.

В журнале «Красная шпилька» была напечатана моя поэма «Бунт швейных машин», в журнале «Красный трамвайщик» — роман «В огненном кольце А», в еженедельнике «Красный акушер» — гинекологическая поэма «Во чреве отца» (последняя переделана мною в пьесу и одновременно в сценарий).

Не могу не отметить, что я всегда шел в ногу с Октябрем. Например, я участвовал в ВОССТАНИИ литераторов, требовавших повышения гонораров. Я ШТУРМОВАЛ конторы редакций, от которых требовал немедленной уплаты денег за неприятые рукописи. Я с БОЕМ БРАЛ авансы за идеи своих гениальных и потому не написанных поэм.

В прошлом году я побывал за границей.

Как сейчас помню мою встречу с Максимом Горьким. Великий писатель земли советской был болен и через своего секретаря любезно сообщил, что принять меня не может.

Эту незабываемую встречу я запечатлел в своей книге «Я и Горький».

Оглядываясь на пройденный путь, я с гордостью могу воскликнуть:

— Счастлив тот, кто жил в эту величайшую эпоху, не прячась от дыхания Октября, не горя пламенным факелом, озаряющим путь грядущим поколениям!

Незабываемая эпоха! Светлые, неповторимые дни, которые дали мне массу материала для поэм, романов и особенно для сценариев!

Об этих первых днях я могу сказать еще одну историческую фразу:

Поэтом можешь ты не быть,
Но сценаристом быть обязан!

Классик и современники

Я приближался к месту моего назначения. Вокруг меня простирались печальные пустыни, пересеченные холмами и оврагами. Все покрыто было снегом. Солнце садилось. Кибитка ехала по узкой дороге, или, точнее, по следу, проложенному крестьянскими санями. Вдруг ямщик стал посматривать в сторону и наконец, сняв шапку, оборотился ко мне и сказал:

— Барин, не прикажешь ли воротиться?

— Это зачем?

— Время ненадежное: ветер слегка подымается — вишь, как он сметает порошу.

— Что ж за беда!

— А видишь там что? (ямщик указал кнутом на восток).

— Я ничего не вижу, кроме белой степи да ясного неба.

— А вон-вон: это облачко.

Я увидел в самом деле на краю неба белое облачко, которое принял было сперва за отдаленный холмик. Ямщик изъяснил мне, что облачко предвещало буран.

Александр ПУШКИН. «Капитанская дочка»

Евгений ГАБРИЛОВИЧ

Я приближался. К месту моего назначения. Это было в конце декабря. Позапрошлого года. В девять утра по московскому времени.

Вокруг меня были пустыни. Они простирались. Они были печальны. Они были пересечены холмами. Они были пересечены оврагами. Они были покрыты снегом. Это был добротный снег. Он скрипел. Он похрустывал. Он сверкал. Он синел. Он не таял. Он лежал.

Я посмотрел на солнце. Это было ржавое солнце. Это было старорежимное солнце. Оно опускалось. Оно сползало. Оно садилось. Я подумал, что точно так же оно садится в Москве. В Краснопресненском районе. Мне стало грустно. Я вспомнил моих друзей. Я вспомнил знакомых. Я вспомнил родных,

Наша кибитка ехала. Это была старая кибитка. Она стонала. Она охала. Она вздрагивала. Она ехала. Она ехала по дороге. Она ехала по следу. Он был узок. Он был проложен санями. Это были крестьянские сани.

Вдруг ямщик стал посматривать. Он посмотрел в сторону. Он крикнул. Он высморкался. Он сплюнул. Он рыгнул. Он снял шапку. Он оборотился ко мне. Он открыл рот. Он сказал: не прикажу ли я воротиться.

Я высунулся из кибитки. Я увидел пустыню. Это была печальная пустыня. Я увидел степь. Это была белая степь. Я увидел небо. Это было ясное небо. Подымался ветер. Он подымался слегка. Он подымался нехотя. Он сметал порошу.

Ямщик волновался. Он надел шапку. Он крикнул. Он высморкался. Он сплюнул. Он рыгнул. Он ударил рукавицей об рукавицу. Он ткнул кнутом на восток.

Я посмотрел. Я увидел горизонт. Я увидел край неба. Я увидел холмик. Мне взгрустнулось. Я подумал о крематории. Я подумал о кладбище. Я подумал, что люди смертны. Я ошибся. Это был не холмик. Это было белое облачко. Оно висело. Оно висело, как аэростат. Оно покачивалось. Оно растягивалось. Оно подпрыгивало. Оно предсказывало. Оно предвещало буран.

Валентин КАТАЕВ

Я спешно приближался к географическому месту моего назначения. Вокруг меня простирались хирургические простыни пустынь, пересеченные злокачественными опухолями холмов и черной оспой оврагов. Все было густо посыпано бертолетовой солью снега. Шикарно сидилось страшно утопическое солнце.

Крепостническая кибитка, перехваченная склеротическими венами веревок, ехала по узкому каллиграфиче-

скому следу. Параллельные линии крестьянских полозьев дружно морщили марлевый бинт дороги.

Вдруг ямщик хлопотливо посмотрел в сторону. Он снял с головы крупнозернистую барашковую шапку и повернул ко мне потрескавшееся, как печеный картофель, лицо кучера диккенсовского дилижанса.

— Барин, — жалобно сказал он, напирая на букву «а», — не прикажешь ли воротиться?

— Здравствуй! — изумленно воскликнул я. — Это зачем?

— Время ненадежное, — мрачно ответил ямщик, — ветер подымается. Вишь, как он закручивает порошу. Чистый кордебалет!

— Что за беда! — беспечно воскликнул я. — Гони, гони. Нечего ваньку валять!

— А видишь там что? — Ямщик дирижерски ткнул татарским кнутом на восток.

— Черт возьми! Я ничего не вижу!

— А вон-вон, облачко.

Я выглянул из кибитки, как кукушка.

Гуттаперчевое облачко круто висело на краю алюминиевого неба. Оно было похоже на хорошо созревший волдырь. Ветер был суетлив и проворен. Он был похож на престижизитатора. Ямщик пошевелил деревенскими губами. Они были похожи на высохшие штемпельные подушки. Он панически сообщил, что облачко предвещает бурю.

Я спрятался в кибитку. Она была похожа на обутленный кокон. В ней было темно, как в пушечном стволе неосвещенного метрополитена.

Нашатырный запах поземки дружно ударил в нос. Черт подери! У старика был страшно шикарный нюх.

Это действительно приближался доброкачественный, хорошо спепетированный буря.

Артем ВЕСЕЛЫЙ

Сибирским шляхом, ярмаковым путем-дорогою ехал я в чужедальнюю сторонушку, близясь к месту моего пристанища.

Ехал борзо.

Кругом, куда взором ни кинь, стлались кручиненные просторы, меченные курганами да оврагами.

Снеги белы повылегли.

Ехал.

Червонное солнце уползало в засаду.

Плыл-качался по узким-узехонькой дорожке, по следу санному.

Ехал.

Вдруг ямщик всполошился, зорким взглядом рыскнул по сторонам, оборотясь, снял шапчонку:

— Атаман, прикажи воротиться,

— Гуторы!

— Время ненадежное. Ветришка-буян разыгрался, вишь, крутит-метет поземкой.

— Невелика напасть.

— А погляди-ка туда. — Ямщик ткнул кнутовищем на восход.

— Ничего не примечаю. Степи белы, небеса ясны.

— А во-он, облачко.

Остренько зыркнув, заметил я на краю неба мутное облачко. Прикинулось оно сторожевым курганом. Ямщик запахнул татарский полосатый халат:

— Якар-мар, быть бурану.

Ой вы, просторы нелюдимые, снегами повитые! Ой вы, бураны знобовитые, ездачи, эх, да э-эх! Непоседливые!

Курганы дики, овраги глухи. Доехал!

Александр ФАДЕЕВ

С тем смешанным чувством грусти и любопытства, которое бывает у людей, покидающих знакомое прошлое и едущих в неизвестное будущее, я приближался к месту моего назначения.

Вокруг меня простирались пересеченные холмами и оврагами, покрытые снегом поля, от которых веяло той нескрываемой печалью, которая свойственна пространствам, на которых трудится громадное большинство людей, для того чтобы ничтожная кучка так называемого избранного общества, а в сущности — кучка пресыщен-

ных паразитов и тунеядцев, пользовалась плодами чужих рук, наслаждаясь всеми благами той жизни, порядок которой построен на пороках, разврате, лжи, обмане и эксплуатации, считая, что такой порядок не только не безобразен и возмутителен, но правилен и неизменен, потому что он, этот порядок, основанный на пороках, разврате, лжи, обмане и эксплуатации, приятен и выгоден развратной и лживой кучке паразитов и тунеядцев, которой приятней и выгодней, чтобы на нее работало громадное большинство людей, чем если бы она сама работала на кого-нибудь другого.

Даже в том, что садилось солнце, в узком следе крестьянских саней, по которому ехала кибитка, было что-то оскорбительно-смирненное и грустное, вызывающее чувство протеста против того неравенства, которое существует между людьми.

Вдруг ямщик, тревожно посмотрев в сторону, снял шапку, обнаружил такую широкую, желтоватую плешь, которая бывает у людей, очень много, но неудачно думающих о смысле жизни и смерти, и, повернув ко мне озабоченное лицо, сказал тем взволнованным голосом, каким говорят в предчувствии надвигающейся опасности:

— Барин, не прикажешь ли воротиться?

— Это зачем? — с чувством удивления спросил я, притворившись, что не замечаю волнения в его голосе.

— А видишь там что? — ямщик указал кнутом на восток, как бы приглашая меня удостовериться в том, что тревога его не напрасна и имеет все основания к тому, чтобы быть оправданной.

— Я ничего не вижу, кроме белой степи да ясного неба, — твердо сказал я, давая понять, что отклоняю приглашение признать правоту его слов.

— А вон-вон: это облачко, — добавил ямщик с чувством, сделав еще более озабоченное и тревожное лицо, как бы желая сказать, что он осуждает мой отказ и нежелание понять ту простую истину, которая так очевидна и которую я, из чувства ложного самолюбия, не хочу признать.

С чувством досады и раздражения, которое бывает у человека, уличенного в неправоте, я понял, что мне нужно выглянуть из кибитки и посмотреть на восток, чтобы

увидеть, что то, что я принял за отдаленный холмик, было тем белым облачком, которое, по словам ямщика, предвещало буран.

«Да, он прав, — подумал я. — Это облачко действительно предвещает буран». — И мне вдруг стало легко и хорошо, так же, как становится легко и хорошо людям, которые, поборов в себе нехорошее чувство гордости и чванства, мужественно сознаются в своих ошибках, которые они готовы были отстаивать из чувства гордости и ложного самолюбия.

Последовательная история
одной карьеры

(Кривая улыбка)

Есть люди, которые никогда не смеются.

В один пасмурный день такой человек, которого боялись все — и опоздавшая кошка на лестнице, и знакомый зубной врач, и репортеры чужих газет, — взял и засмеялся.

В темном редакторском кабинете, в котором любители сильных ощущений переживали немало незабываемых минут, жутко отозвался смех хмурого человека.

— Смеется, — приглушенно раздалось в редакции, — смеется... Что-то будет?

Редактор снова прочел какую-то бумажку, лежавшую перед ним, и опять засмеялся.

— Стихи, — неопределенно шепнул он, — стихи... Вы видите эти стихи, — сказал он помощнику, коротавшему редакционные досуги в чужом смокинге.

— Разрешите, прочту, — робко потянулся помощник и, посмотрев на бумажку, добавил: — Ей-богу, не я принимал, я не виноват... Я всех авторов в лицо знаю... Это кто-нибудь из сторожей подсунул...

— Прочтите вслух. Потом велите набрать... Я сегодня к знакомым поеду, там в карты будут играть, а я не стану... Я буду ходить и всем показывать...

— Корпусом или петитом? Что-то неразборчиво... Ах да...

Был когда-то я тюльпанным,
Бездыханным и арканным...
Я ищу мечту в мечте
И в китовом животе... —

робко прочел помощник. — Тут, пожалуй, цензура вмешается — насчет китового живота... Ну да ладно.

Хмурый человек и его помощник в этот день долго смеялись, дочитывая конец стихотворения...

* * *

Два человека, которых природа по своей скупости сделала фельетонистами, сидели и смеялись. Профессия накладывает на душу каждого свой отпечаток: один смеялся, потому что у него не было денег, а другой — по поводу потери трудоспособности.

— Читал сегодня стихи в «Вестнике»?.. Помнишь, еще это: и в китовом животе... Сами, наверное, написали... Какой дурак решится нести в редакцию. Взяли и поместили к объявлениям — не то из биржевого отдела, не то табачная реклама — не поймешь.

— Пародирнуть?

— А ты как думаешь?

Пародирнули.

* * *

В следующем номере другой ежедневной газеты был помещен маленький фельетон:

Как они пишут

Я ищу мечту в мечте.

Из Олега ужанина

Я ищу мечту в кастрюле,

Под луной и в темноте,

В сумке, в лампе, в венском стуле,

В канарейке и коте...

Два фельетониста подсчитали строки и разошлись кредиторами третьего лица, пострадавшего по рассеянности.

* * *

Литературный критик толстого ежемесячника устало зевнул, отложил перо и взял какую-то книжку.

— «Лиловая доска. Лирконеты и поэзобетки. Стихиты и прозаметы»... Новое что-то...

Через два часа критик запер двери кабинета, снял трубку с телефона, сказал, что уходит, и, обманув горничную тишиной в комнате, сел писать пародию.

— Не могу, — краснея, извинился он перед собой, — прежнее время вспомнил... Грехи молодости, так сказать... Умел я тогда подзадеть... Подзадену...

Хотя это был русский ежемесячник, но у него были читатели. Некоторые из них даже разрезывали страницы. Они прочли пародию и запомнили фамилию пародируемого: Олег Южанин.

* * *

— Вы не из Варшавы? — тихо спросил заведующий объявлениями. — Может быть, господин из Лодзи или из Волковишек?

— Нет, — сказал Южанин, — я здешний. Примете это объявление?

— Что значит не принять, если вы за него отдадите деньги...

— Берите. Корректуру исправлю сам.

Текст объявления о книге, сданной самим поэтом, гласил:

«Четыре года страдал черной оспой. Теперь я жив, Здоров и даже собираюсь жениться, потому что Я прочел собственную свою книгу:

«Лиловые десны», 1 р. 25 к.

Готовится к печати:

«Крокодил в ноздре». «Рифмеллы и созвучины». Склад у автора».

* * *

Старый эстет писатель сидел в уютной комнате и любил молодежь.

«В молодости есть какая-то тайна, — думал он, — взять хотя бы уже одно то, что мне вот пятьдесят лет, а сыну швейцара — двенадцать.. Это мистично...»

— К вам пришли, — сказала горничная, — молодой человек какой-то...

— Дуняша... — с тихим упреком бросил старый писатель, — девушка!..

— Простите, барин... Опять забыла.

Горничная накинула на плечо кусок портьеры, растрепала прическу и произнесла с томительными паузами:

— Господин мой... К тебе прибыл отрок... Он томится у входа квартиры твоей номер девятнадцать, по парадной лестнице...

— Узови сюда... Приемлю его.

Молодой человек быстро вошел в комнату:

— Это я. Олег Южанин. Первый том — один рубль двадцать пять копеек. Склад у автора.

— Слышал, слышал.

— Меня уже пародируют в лучших журналах. Я, между прочим, гений.

— Ты гений, отрок. У тебя такой вид...

— Хотите, я вам прочту свои стихи? Только я их пою.. А вы должны бить в такт ногой... И горничная пусть стоит в прихожей и бьет ногой. Может быть, у вас в доме кто-нибудь приезжий — пусть и он бьет ногой...

— Пой, отрок...

— «Артишок в мадере»

Мы сидели на диване из мрамора,
Мы тянули ликер 1/2 бут. 3 р. 80 к. из соломинки.
У вас в глазах — два цыганских табора,
Столько в них было истоминки.
Потом мы сели с вами в мотор-ландолё,
Вы надели брюссельские кружева с атласом,
И понял я по движению колес: я люблю,
Как гимназист седьмого классом...

— А почему: классом? — умиленно спросил старый писатель.

— В этом есть что-то нездешнее — презирать падежи. Я не люблю их старого лика. Я отверг их.

— Сядь, отрок — взволнованно сказал старый писатель, — ты — гений. Сейчас я позвоню по телефону и скажу одному издателю, что у меня сидит гений.

Уходил молодой человек с массой рекомендательных писем. Из них только одно было в страховую контору с

просьбой определить на нетрудное место; все остальные были с копированными удостоверениями о гениальности подателя...

* * *

Триста человек, сидевших на местах от 50 к. до 4 р. 20 к., смотрели на эстраду и слушали молодого человека, деловито распевавшего стихи:

— Обриллиантите ноги, дорогая мечталка, олевкойте изгибы фарфоровых рук... Как алмазная лошадь, под вами качалка, вы сиреневой розой разводите круг...

— Скучно чтой-то, — сказал человек, пришедший по контрамарке, — не люблю я этих алмазных лошадей, опять же руками там крути разводят.

— А ведь ходят слушают, деньги платят... Есть, значит, что-то... Печатают. Авторитеты хвалят... Действительно, в нем есть что-то...

Триста человек сидели и искали оправдания неосторожной затрате двух рублей и целого вечера; расходы на вешалку и на извозчика заставили признать молодого человека гением... Другие признали это заочно. Будущность молодого человека была обеспечена...

* * *

Когда наступит лучшее время и будет организовано «Общество защиты читателей от дурного обращения», молодым людям с быстрой карьерой будет худо. Но пока в литературе — их царство. Будем же терпеливо ждать, когда им станет худо.

Если бы...

Кусочек литературного фельетона

Недавно исполнившееся столетие со дня смерти Ломоносова осталось почти незамеченным. Писали об этом не много и немногие.

Если бы мы обратились к Игорю Северянину с предложением высказаться по поводу литературного значе-

ния Ломоносова, маститый поэт, мы не сомневаемся, ответил бы стихами:

Ломоносов в шампанском! Ломоносов в шампанском!
Удивительно вкусно, свежо и остро...
Весь я в чем-то ужасном, крикливо мещанском,
Но рукою привычной я берусь за перо.
Я к поэзии прошлой отношусь как к химере.
Что писал Ломоносов — ужасно старо.
Ломоносов — в малаге, Ломоносов — в мадере!
С ананасом в желудке! — вот это остро.

Владислав ХОДАСЕВИЧ

Дружеская пародия

Всю ночь моя болела поясница.
Под утро стало легче. Нюра мне
Ее растерла мазию. К оконцу
Я примостился. Скучно было. Снег
Все падал, падал. Я сидел, сидел.
Сладчайшая уже меня сонливость
Охватывала. Уж готов был я
Заслышать плеск литейских струй. Как вдруг
Толчок внезапный ощутил в уме я:
Мне вспомнилось, что с вечера прочел я
Статью простую критика. Хвалил он
Сергей Абрамовича. Выйдя из себя,
В себя взглянул я, и увидел, как
Мой желчный раздувается пузырь.
...Так я сидел и мыслил, и тогда-то
Явилась мне та мысль, что и поныне
Питает все творения мои,
А именно: заметив человека,
Что думал мостовую пересечь,
Я прошептал: «О если бы, собака,
Тебя разрезал надвое трамвай!»
В тот день меня прослабило два раза.

Самуил МАРШАК

Мисс Таблистер

Если вас
Заедает
Скука,
Вам поможет
В беде
Наука.
В Токио, в Вене,
В Шанхае,
В Калькутте,
В вагоне,
В загоне,
В купе
И в каюте,
По всем городам
Месье и мадам,
Фрекен и фру
Эту веселую
Знают игру.
В Нью-Йорке, в Алжире,
В Тимбукту, в Каире
Мистер,
Синьор,
Кабальеро,
И сэр,
И гражданин
СССР —
Все повторяют
Короткую весть:
Дважды два,
Говорят,

Четыре,
Дважды три,
Уверяют,
Шесть.
Рим и Полтава,
Тула и Ницца,
Диксон холодный
И жаркий Тифлис —
Все повторяют тебя,
Таблица,
Мисс Таблистер,
Мадам Таблис!

Борис КОРНИЛОВ

Портрет героя

На плечах его — рубашка,
На грудях его — часы.
Промеж ребер бьется фляжка,
Набекрень лежат власы.
Подминает он с разгону
Заливного пороса,
Сорок ведер самогону
И в сметане карася.
Рожа скрозь лоснится салом,
Ходит в стужу без пальта,
Может смазать по сусалам,
Дать хорошего «винта».
Ухмыляется погано,
Кроет в бога, в душу, в кровь,
Сорок два при ем нагана
Попадают в глаз и в бровь.
Он заносит ногу вправо —
Море Черное кругом,
В стольный город Балаклаву
Попадает сапогом.
Он заносит влево ногу,
Сам собою голубой, —

Попадает в Кондопогу,
Зачинает мордобой.
В мышцах ходит сила бычья,
Чернозем лежит в зрачках,
Под ногами шкура птичья,
Слава пышет в облаках.
Что ему калач румяный,
Шкура, баба, облака?
Он выводит стих духмяный,
Забубенная строка...

Александр ПРОКОФЬЕВ

288-я песня о Ладоге

Ой, люшеньки, дид-ладо.
Сижочки-невода.
Мы прем до Петрограда,
Малинова вода.
Всадили мы до днища
В империю колун,
Ершей гуляет тыща
Да ладожский валун...
Ходил братеник к Гулю.
Он топал не в бобрах,
Он вылил в Гуле пулю,
Ой, трюли-тара-рах:
Гуляла, ножки гнуты,
По Каспию шпана,
Тальянка — фу ты, ну ты,
Шикарны клапана...
Мы били атамана,
Мы кокали князей,
Мы грохали к Мурману
И жарили язей.
Эх, ершики-плотички,
Всемирная братва!
От ладожской водички —
Елова голова.

Медведь подрал из бора,
Нет Спаса на Руси...
Поэта от фольклора,
Республика, спаси!
Ой, трынды-брынды-ладо,
Мели — не замели,
Пожалуй, хватит Ладог,
Ой, люшеньки-люли!

Михаил ЗОЩЕНКО

Потерянная старость

Повесть с комментариями

Глава I

Невеселые картинки

До тридцати лет человек прыгает на двух ногах как ни в чем не бывало. Он преспокойно тратит свое драгоценное здоровье, селезенку, там, печенку и разные другие микроорганизмы — я не доктор.

Он тратит и растрчивает эти насущные органы, притаившиеся там и сям в затхлых углах нашей утробы, и не отдает себе отчета в своих мелких и пошлых поступках.

А потом морда у него внезапно тускнеет, нос свисает довольно спелой брюквой вниз, и глаза с грустью и отвращением взирают на бутерброд с голландским сыром или, скажем, с паусной икрой, и кушать ему не хочется.

Ему не хочется кушать эти примечательные бутерброды, эти роскошные куски нашей вегетарианской жизни. Он спешно выезжает на разные грязи и эссен্তুки со своей болячкой, чемоданом и клизмой¹.

Глава II

Вечная молодость и простокваша

Некоторые пожилые мудрецы и полуавторитетные старцы, спустившись с научных высот и последив за мелкими свойствами своего запущенного тела, утвер-

ждает, что простокваша, эта довольно серая и скучная молочная диета, может обеспечить человеку длительное и даже роскошное существование^{2,3}.

Однако автору в дни его безмятежной юности, среди цветочков и навозных жучков, был известен человек, прокушавший на кислом молоке небольшое состояние своей мамы и сыгравший в ящик от простого насморка⁴.

Глава III

Погибшее здоровье

За последние несколько столетий здоровье тщедушной интеллигентской прослойки несколько пошатнулось⁵.

Оно пошатнулось и треснуло по всем швам изъеденного молью организма.

Автор — не врач по профессии, но ему кажется, что кое-чего он в этом деле смекает. Что к чему и отчего получается разная хурда-мурда в здоровье населения. На этом автор решил закончить свои научные изыскания и приступить к повести.

Комментарии

¹ Идеалист Фридрих Шиллер (1759—1805) имел крепкий стул. Долгое время он не понимал, почему в своих пьесах он разводит разную шиллеровщину и бленится из-за всякого пустяка. Несколько хороших клистиров из разных там полуслабительных вод и минеральных источников вернули Шиллеру душевное равновесие.

² Гуманист Эразм (Дезидерий) Роттердамский (1466—1536) прожил до семидесяти лет и всю жизнь отличался прекрасным аппетитом. За пять минут до смерти он съел пару яиц и съел бы еще пару, если бы в этот момент не потерял сознание.

³ Греческий философ Анаксагор (500—428 до нашей эры) жил безвыездно в Греции и не выезжал ни на какие курорты. Однако он дожил до семидесяти двух лет и умер, не узнав, что такое клизма.

⁴ Лермонтов (1814—1841) не ел простокваши и не страдал насморком. Тем не менее он погиб на дуэли в Пятигорске двадцати семи лет от роду от руки Мартынова.

⁵ Лев Толстой в восемьдесят лет скакал верхом на мустанге, а Фредерик Шопен, этот прелестный сочинитель ноктюрнов, скончался от чахотки тридцати девяти лет почти на руках Жорж Занд.

Борис ЛАВРЕНЕВ

Желтоватое и розоватое

Валентин вздрогнул, весь натянутый как певучая скрипучая струна,

Весь изогнувшись от томительной тоски своего упругого молодого тела, он жадно потянулся желанием к Рахили.

Разве он виноват в том, что пришла его минута? По окопам улиц и проспектов, мимо каменных грядок пятиэтажных кирпичных чудовищ ползла серо-зеленая гвардейская змея защитного цвета.

Австрия хлестала Сербию ультиматумом.

Эрцгерцог Франц Фердинанд мирно тлел с супругой в фамильном склепе.

«Мы, Николай Второй», расчесывая пепельные усы вывернутой ладошкой, писал манифесты.

Из-под брюк Милюкова выглядывали кирпичные минаретовые колонки Айя-София в Константинополе.

А Валентин, выпустив два раза подряд изящные кольца сизого дыма, вскочил с дивана и, весь пламенея от восторга и желания, холодея и пружинясь на ходу, бросился к Рахили.

Рахиль жила в шоколадном с проседью доме, который огромным купеческим Монбланом вздымался на равнине феодально-дворянской архитектуры района. Он нес знамя империализма и прибавочной стоимости в плохо оштукатуренные массы мелкопоместных трехэтажных и четырехэтажных дворянских кирпичных детей, рассевавшихся по боковым улицам и переулкам.

Валентин вбежал в бельэтаж и припал к женскому теплу. Он уткнулся щекой в китайский шелковый халатик Рахили.

Газетчики надрывали глотки, громыхали орудия на булыжниках мостовой.

Она склонила голову к нему на погон.

Вдали, за вуалью горизонта, шагали миллионы пудов пушечного мяса, а дымчатые волосы Рахили смутным пятном узывно белели на подушке.

Валентин вспомнил: завтра отъезд. У него захватило дыхание. Он весь натянулся, как струна виолончели в теплую весеннюю ночь.

Эшелоны грузились на станциях. Россия заступалась за Сербию.

Серебристо-лучистые глаза Рахили наполнились слезой любви.

— Это так... Это от счастья...

Германия готовилась к прыжку на Францию.

Сиреневый сумрак вечера мягко мерцал просветами улиц. Девушка тихо прижалась к нему.

К границам шагали миллионы. Захлебывалась прессы. Вдувались акции.

Валентин рванул вниз штору окна и погрузился в блаженный мрак. В теплоту одеяла...

Николай ТИХОНОВ

Абдул-Али-хан

Экзотический путевой набросок

На желтом блюде пустыни — черное кружево саксаула.

На небе зажигаются зеленые огоньки.

У самого неба стоит верблюдов.

Он внимательно озирает потный мир средневекового феодализма, вопящего всеми своими лохмотьями, трахомой и бытовым сифилисом.

Сын Тимура, легкий как птица, вышел из шатра, прицелился из винчестера в оранжевого зайца и уложил его на ходу.

Фисташковая пустыня несется через немыслимый вечер в вечность.

В реве ишаков, в блянии баранов звучит музыка ночных сфер.

И бешеные смутлолицые колониальные сюжеты французской вдохновенной кисти, сорвавшиеся с полотен Лувра и Люксембурга, пляшут вокруг лиловых костров на рыжем фоне пустыни.

Мы пьем зеленый чай на коврах длиннородых предков.

Нас охраняют фиолетовая ночь, триста сынов дикого немоющегося народа и шестьсот кобелей, свирепых, как самум.

За пологом шатра полощется тончайшее шафрановое утро. Вздывают горбы шершавые верблюды и плюют на собак ненавидящей, соленой, изумрудной слюной.

Тысячелетия идут к водопою тропой Тамерлана.

Ишак мочится у шатра янтарной струей.

И за спиной ишака — примус, трактор и протоколы аул-совета.

Алексей ТОЛСТОЙ

Мин херц Питер

Ардальон Панкратьевич (нос свеклой, глаза тусклые) вошел в палату и (кислым голосом):

— Мать, поднеси чарочку.

Ардальоновы девы всполохнулись, закивали туловищами, учиняли политес с конверсационом:

— Пуркуа, фатер, спозаранку водку хлещете?

— Цыц, кобылица! Я те плетку-та! (Это старшей Степаниде, широкозадой бабище.)

Взревел. Выпил. Поскреб под мышками.

(Рыгнул. Передохнул.)

— Ох, скушно. Ох, тошно...

Чужой лесопильный завод не давал покою.

Вышел на крыльцо.

И (боком, шуба на соболях, шапка на бобрах, рожка раскорякой), вильнув задом — в возок.

Зазвонили у Федора Стратилата. Потом у Варвары Великомученицы, что у Спаса на Могильцах.

Разбойные люди пошаливали промеж двор на Москве. Купчишки вступали в кумпанства интересанами.

В подклетах, в чуланах стояли страшные мужики в посконных рубахах, дышали теплою вонью, оседали на задах, трясли нечесаными бородами, жгли свечи, исто- тово били заросшими лбами земные поклоны.

Загудел Иван Великий.

Хромоногий старец Амброзий вьелся глазами. Рази- нул рот. (Язык шелудивый, дух смрадный, и зубья повы- биты.)

Провопил троекратно:

— Ужо я вас, антихристово семя!

И швырнул сухим калом в передние ряды.

Задохся благочестием. Отошел. Побрел в угол, таща за собою дряблый старческий зад. .

Бешено сверкнул глазом. Подрыгал левой ногой. Пос- тучал горстью по столу:

— Вор. Вор и есть.

Бил долго. Сопел тяжело. Трость испанского камыша, подарок Людовикуса-короля, обломал о шустрый Алек- сашкин зад.

Обмяк. Бросил ногу за ногу. И (совсем ласково, одним краем пухлого рта):

— Собирай на стол. Завтракать.

.....
Часы тонкой парижской работы на мраморном ками- не пробили двенадцать.

Дебошан Карл Двенадцатый потянулся, прикрыл оде- ялом голые ноги лежавшей рядом графини Ричмонд, ра- зом осушил бутылку рейнвейна и отшвырнул с презре- нием Корнелия Непота.

— Натали. Я решил (покусал губы, поежился, почесал узкий длинный мальчишеский зад. Застегнул рубашку): ты поедешь в Ржечь Посполитую и сделаешь амур коро- лю. (С яростью.) А мои драгуны свернут ему шею.

— Ваше величество...

— Закройся с головой. Сюда идет сенат.

И потянулся за бочкой бургундского.

.....

Мин херц сидел. Покачивал пяткой, поджал уши. Услышал легкие каблучки.

Увидел черные кудри и ноги под юбкой. Засмеялся. Элене-Экатерине:

— Здравствуй, Катюша. Посвети мне, спать пойду.

Была вьюга на больших чердаках. Купчишки ежились, заводили кумпанства и строили заводы.

А Митька Неумытое Рыло, клейменный каторжный стервец, погромыхивал цепью (ключица переломана, три ребра прочь, одна ноздря на Выгозере вырвана), яро матерился. Бил, бил, бил ядреной кувалдой, бормоча в окаянную бородину:

— Доколе бить-та? Ишь ты, дьявол. Того и гляди, третью часть напишет.

Юрий ТЫНЯНОВ

Императрикс Аус Мариенбург

Отфрыштыкали изрядно.

Сначала подавали персицкую рыбу фиш в дацком соусе, подарок королюса — шаха персицкого, потом «майонез-рыбу» голландскую, тонкокоственную, с розовыми прожилками, потом жигу по-шведски с фисташками, потом рябчиков соликамских с брусникой и пломбирус с фруктозами, подарок французского королюса — руа Луи Пятнадцатого.

Сидела императрикс в кресле. Мучилась животом. Резь и отрыжка.

Остзейский ветер посвистывал на Васильевском. Гулял в перелесках.

Лянула на натуру через амбразуру: за фенстером — Нева-флус, паруса заморские, шкиперы голландские с глиняными трубками. Господа гвардия. Штуцера и каннонен. Небо в тучах.

Петерсбург.

Императрикс в кресле. Ноги у нее толстые, белые. И грудь просторная, большая.

От вчерашних экзерсисов танцевальных вертиж до сих пор не проходит.

Динсантно было зело.

И белобрысого секунд-майора приблизила после машкарада. Хвала Венус пречистой!

Посмотрела на себя: Катеринхен, Катюша, Катенька... Ди арме Марта... Императрикс аус Мариенбург.

Ох, кто там в сенате? Александр и Пашка...

И жалко себя стало.

По визажу слезы аус ауген на корсаж кап... кап.

Зазвонила в колоколец.

И подали фрелины императрикс:

Лилейный вижеталус Ленжета для грудного велура.

И пурпурную хинную вассер-воду Теже для шелковистости подмышек.

И венецианский жидкий вазелинус, на голубиных почечных лоханках настоящий, для укрепления ресничных корней.

И скипидарус персицкий царя Артаксерса противу резей желудочных.

И клопоморус янтарный из земли Арагацкой противу инсектов альковых.

В полшеста часа накинули фрелины на императрикс сначала аграманты с аржантами, потом сердальон с ангажементом, простроченным по тарталету тортюрами с бордолезом. Потом поверх сердальона набросили тюрлюрлюр французский, а поверх тюрлюрлюра — ландолезу голландского шелка с брабантским кружевом и шеми-зет демисезон бургундского велюра с кантиком.

И понесла императрикс груди свои, умощенные вежеталусом и вассер-водой, в парадную залу.

И увидела: стоят господа иностранные государства, господа сенат и господа гвардия.

И тот белобрысенький, которого приблизила...

Сердце под корсажем натурально пальпетирует:

— Катеринхен, Катюша, Катенька... Ди арме Марта...

Императрикс возрыдала.

Юрий GERMAN

Моя знакомая

Антонинография

Она проснулась, когда было еще темно.

Она лежала немного на спине, поеживаясь под одеялом, потом повернулась на бок, потом на живот, потом на другой бок и — зевнула. Она сладко зевнула один раз, потом другой. Ей стало легче. Она зевнула третий раз и стала думать об Иване Ивановиче, о Грише, о Петре Степаныче и о своей жизни.

Было немного грустно, как всегда, когда думается о прошлом.

Гудели гудки, пели сирены, за окном падал снежок.

Ей стало легче, как всегда, когда падает снег.

Она быстро оделась и без чая вышла на улицу.

Была поздняя осень, которая всегда наступает после ранней осени.

Было холодно. На улицах стояли большие лужи. По обе стороны стояли дома.

Она шла быстро, смотрелась в лужи, и ей казалось, что она смотрит в свое прошлое. Она шла все быстрее, и ей становилось все лучше, как всегда становится, когда идешь по улице... Ей было приятно сознавать, что она дышит воздухом, что вот она идет, одетая в демисезонное пальто и новые ботинки.

Было радостно ощущать себя в хорошем драповом пальто с пуговицами из пластмассы.

Она улыбнулась и пощупала драп на плече.

Драп был мягкий, ворсистый, чуть подернутый инеем.

Ей стало весело, как это всегда бывает, когда думаешь о демисезонном новом пальто.

Она машинально потрогала пуговицы.

Пуговицы были гладкие и холодные.

Она поежилась и спрятала руки в карманы. В карманах рукам было уютно. Карманы были из фланели. Грели руки. Ей стало тепло.

Она пошла быстрее, продолжая думать о Карпе Сигизмундовиче.

Ей казалось, что она не идет, а летит бреющим полетом, едва касаясь земли.

Хотелось улыбаться левым краешком губ и тихонько, про себя напевать арию Татьяны: «Я вам пишу, чего же боле...»

Она вспомнила, как в прошлом году ходила в театр с Евграфом Кузьмичом и Соней. Пел Печковский, и в антракте она много смеялась и ела эскимо.

Ей стало грустно, как всегда, когда вспоминается какая-нибудь лирическая ария.

Ей тоже захотелось писать письма Евгению Онегину, при оплывающих свечах, и заливаться слезами над листком почтовой бумаги.

Навстречу ей стали часто попадаться люди с портфелями и серьезным выражением лица, какое всегда бывает, когда ходишь с портфелем.

Ей до боли захотелось чаю с сахаром и сладкой булкой, но надо было зайти в кооператив за картошкой к завтраку.

Она решительно тряхнула головой, как всегда делала, когда принимала решение, и вошла в магазин.

Константин ПАУСТОВСКИЙ

Норд-ост

Барометр падал с ужасающей быстротой. Норд-ост гудел в проводах, подымая с земли сухую розовую пыль тысячелетий.

Капитан Стоп выбил о край колченогого стола прокуренную шотландскую трубку и сплюнул темно-желтой слюной на каменные плиты, изъеденные ветрами всех румбов.

— Черртова погодка! — проскрежетал капитан, накинул обветренный плащ, исхлестанный бурями всех морей, и вышел на набережную.

До порта было полторы мили ходу, но, дрейфуя в яростном шквале, капитан Стоп делал не больше узла.

Древний Понт Эвксинский, по которому бороздили триремы Афин и Коринфа, бешено рвался на город, обдавая капитана тучею горько-соленых брызг.

Стопу было сорок девять лет. Он сжал челюсть и подумал о том, что жизнь его прошла в посвистах зюйд-вест-норда на всех океанах планеты и ему так и не удалось изведать ни женской ласки, ни семейного тепла.

Поросшее рыжей колючей щетиной квадратное лицо капитана горько усмехалось, и капитан Стоп, припадая на левую ногу, ушибленную в ранней юности фок-брам-стенгой на Караибском море, ускорил ход.

На древних волнах Понта беспено скакали корки цитрусов, желтые, как малярия, и прекрасные, как улыбка субтропиков. Босоногие турки, спустив в морскую пену с борта изъеденной солью фелюги грязные коричневые пятки, бросали веселые гортанные слова на штормовой ветер, набирающий баллы с ужасающей силой.

Пахло розовой прелью, морским такелажем, свежей бараниной, кизяком и камфарным лавром.

Мир был прекрасен.

Святочные рассказы

1900 год

К

олокола гудели...

Графиня фон Пиксафон попудрила свои губы и кокетливо улыбнулась.

— Стук-стук! — раздался стук, и в дверь просунулась чья-то выхоленная борода.

— Войдите, — сказала графиня по-французски.

— Мерси, — сказала борода, входя.

Это была борода не кто иная, как барон Штепсель

«Ах!» — подумала графиня фон Пиксафон, падая без чувств.

— Осторожней падайте, графиня! — раздался чей-то голос из-под кровати.

Это был голос не кто иной, как Васька Хрящ, который хотел ограбить графиню, но, раскаявшись в своих преступлениях, он решил предаться в руки правосудия.

— Ах! — сказала графиня по-французски, падая без чувств.

— В чем дело? — воскликнул барон, наставляя на Ваську револьвер с пулями.

— Вяжите меня! — хрипло сказал Васька, зарыдав от счастья.

И все трое обнялись, рыдая от счастья.

А там, вдали за окном, плакал чей-то полузамерзший труп ребенка, прижимаясь к окну.

Колокола гудели.

1915 год

В воздухе свистели пули и пулеметы. Был канун Рождества.

Прапорщик Щербатый поправил на загорелой груди Георгиевский крест и вышел из землянки, икнув от холода.

— Холодно в окопах! — рассуждали между собой солдаты, кутаясь в противогазовые маски.

— Ребята! — сказал им прапорщик Щербатый дрогнувшим голосом. — Кто из вас в эту рождественскую ночь доползет до проволоки и обратно?

Молчание воцарилось в рядах серых героев.

Прапорщик Щербатый поправил на груди Георгиевский крест и, икнув от холода, сказал:

— Тогда я доползу... Передайте моей невесте, что я погиб за веру, царя и Отечество!

— Ура! — закричали солдаты, думая, что война кончилась миром.

Прапорщик Щербатый поправил Георгиевский крест и пополз по снегу, икая от холода.

Вдали где-то ухал пулемет.

— Ура! — закричали серые герои, думая, что это везут им ужин.

1920 год

Приводные ремни шелестели.

Огромные машины мерно стучали мягкими частями, будто говоря: сегодня Сочельник, сегодня елка...

— Никаких елок! — воскликнул Егор, вешая недоеденную колбасу на шестеренку.

— Никаких елок! — покорно стучали машины. — Никаких Сочельников!

В эту минуту вошла в помещение уборщица Дуня.

— Здравствуйте, — сказала она здоровым, в противовес аристократии, голосом, вешая свою косынку на шестеренку.

— Не оброните колбасу! — сказал Егор мужественным голосом.

— Что значит мне ваша колбаса, — сказала Дуня, — когда производство повысилось на 30 процентов?

— На 30 процентов? — воскликнул Егор в один голос.

— Да, — просто сказала Дуня.

Их руки сблизились,

А вдали где-то шелестели приводные сыромятные ремни.

1923 год

Курс червонца повышался.

Нэпман Егор Ньюшкин, торгующий шнурками и резинками, веселился вокруг елки, увешанной червонцами.

Огромное зало в три квадратных сажени по 12 рублей золотом по курсу дня за каждую сажень было начищено и сияло полотерами, нанятыми без биржи труда.

«Ага», — подумал фининспектор, постукивая.

— Войдите, — сказал торговец, влезая на елку, думая, что это стучит фининспектор, и не желая расставаться с червонцами.

— Здравствуйте, — сказал фининспектор, разувая галоши государственной резиновой фабрики «Треугольник», по пять с полтиной золотом за пару по курсу дня, купленные в ПЕПО с 20-процентной скидкой.

— А где же хозяин?

— Я здесь, — сказал хозяин, покачиваясь на верхней ветке.

— Я принес вам обратно деньги, переплаченные вами за прошлый месяц.

— Ну? — сказал нэпман Ньюшкин, качаясь.

В этот момент хрупкое дерево, купленное из частных рук, не выдержало и упало, придавив своей тяжестью корыстолюбивого торговца.

Так наказываются жадность и религиозные предрассудки.

Вносите же подоходный налог!

Виктор ШКЛОВСКИЙ

О «Серapiоновых братьях»

Вязка у них одна — «Серapiоновы братья». Литературных традиций несколько. Предупреждаю заранее: я в этом не виноват.

Я не виноват, что Стерн родился в 1713 году, когда Филдингу было 7 лет...

Так вот, я возвращаюсь к теме. Это первый альманах — «Серapiоновы братья». Будет ли другой, я не знаю.

Беллетристы привыкли не печататься годами. У верблюдов это поставлено лучше (см. Энцикл. слов.).

В Персии верблюд может не пить неделю. Даже больше. И не умирает.

Журналисты люди наивные — больше года не выдерживают.

Кстати, у Лескова есть рассказ: человек, томимый жаждой, вспарывает брюхо верблуду, перочинным ножом, находит там какую-то слизь и выпивает ее.

Я верблюдов люблю. Я знаю, как они сделаны.

Теперь о Всеволоде Иванове и о Зощенко. Да, кстати о балете.

Балет нельзя снять кинематографом. Движения неделимы. В балете движения настолько быстры и неожиданны, что съемщиков просто тошнит, а аппарат пропускает ряд движений.

В обычной же драме пропущенные жесты мы дополняем сами, как нечто привычное.

Итак, движение быстрее 1/7 секунды неделимо.

Это грустно.

Впрочем, мне все равно. Я человек талантливый.

Снова возвращаюсь к теме.

В рассказе Федина «Песьи души» у собаки — душа. У другой собаки (сука) тот же случай. Прием этот называется нанизываньем. (Смотри работу Ал. Векслер.)

Потебня этого не знал. А Стерн этим приемом пользовался. Например: «Сантиментальное путешествие Йорика»...

Прошло 14 лет...

Впрочем, эту статью я могу закончить как угодно. Могу бантиком завязать, могу еще сказать о комете или о Розанове. Я человек не гордый.

Но не буду — не хочу. Пусть Дом литераторов обижается.

А сегодня утром я шел по Невскому и видел: трамвай задавил старушку. Все смеялись.

А я нет. Не смеялся. Я снял шапку (она у меня белая с ушками) и долго стоял так.

Лоб у меня хорошо развернут.

Всеволод ИВАНОВ Кружевные травы

Травы были пахучие и высокие, под брюхо лошади. От ветра они шебуршали сладостно, будто осока осенью, и припадали к земле, кланяясь. Пахло землей и навозом приторно и тягуче.

У костра сидели два мужика и разговаривали.

— У-у, лешаки! — тихо сказал Савоська Мелюзга и мартено сплюнул в сторону.

Другой мужик, тоже Савоська, по прозвищу Савоська Ли-юн-чань, поправил костер и сказал строго:

— Да. Скажу я тебе, парень... Привязали мы этих чело-
веков к деревьям... За одну ногу, скажем, к одной вер-
хушке, за другую — к другой и отпустили. А кишка, па-
рень, дело тонкое, кишка от натуги ниприменно рвется...

Савоська Мелюзга потянулся у костра и сказал глухо:

— Врешь?.. Ну а как ты, парень, про Бога думаешь? А?

— Не знаю, — строго ответил Савоська. — Кучея его
знат. Про Бога и, скажем, про праведную землю не могу
тебе, парень, ничего сказать. Не знаю. Про большевиков,
скажем, знаю, Сёдни слышал. Про Ленина тоже люди ба-
ют разное...

Серая большая овчарка с шумом сорвалась с места и
кинулась в темноту. Шебуршали травы сладостно, будто
человечьи кости осенью... (Кто сыграет в эти кости?)

Ах, травы, травы! Горючий песок! Не радостны прохо-
жим голубые пески, цветные ветра, кружевные травы.

Послышались шаги, и к костру подошел человек тонкий, будто киргизская лучина строганая, и сказал сурово:

— Здорово, братаны! Как у вас тут наечет Бога? А?

Савоська Мелюзга засмеялся матерно и сказал:

— Садись, лешай. Угощайся. Наварили сѣдни на ма-
ланьину свадьбу.

Прохожий сел, посмотрел в котел и глухо сказал:

— А ведь меня, парень, тоже Савоськой звать...

— Ах, стерва, — тихо удивился Савоська Мелюзга и
лег на шинель.

— Люди бают, — начал Савоська Мелюзга, — энти быд-
то не простые, название им быдто дадено бывшим князем
Рюрихом, Крижевные травы — название им дадено.

Прохожий снял с плеча берданку и выстрелил в воз-
дух. Сумрачным гулом покатилося по лесам и степям,
пригнулись травы еще ниже к земле, и из-за деревьев ис-
путанно вышла луна.

— Это я в Бога, — просто сказал прохожий и матерно
улыбнулся.

Запахло кружевными травами сладостно и тягуче.

Корней ЧУКОВСКИЙ

О Борисе Пильняке

I

— «Пришла тихая любовь...»

— «Я люблю Алексея...»

— «Мое сердце колотится любовью...»

— «Наталья необыкновенная, нынче революция, ко-
гда вы будете моей?»

Поразительно! Загадочно! И откуда у писателя столь-
ко чувства? И как это до сих пор никто не заметил?

II

Возьмите любой рассказ Пильняка. Главное занятие
героев — любовь. Все любят. Все изнемогают от любви.

«...Ребята ловили девочек, обнимали, целовали, мяли...»

«...Леонтьевна кричит: — Спать не дают, лезут к нераздетой женщине...»

И все-то у писателя любовь. Даже звери изнемогают от любовной страсти.

«...Самец бросился к ней, изнемая от страсти».

«...Волк тихо подошел к оврагу».

Такая уж у писателя провинциальная эротика!

Попробуйте отнять это чувство — от писателя ничего не останется.

III

Теперь самое главное.

Посмотрим, как Пильняк относится к религии... Перелистываю первый попавшийся рассказ.

«...Осенью Марина забеременела...»

«...Женщину нужно разворачивать, как конфетку...»

«...Облако было похоже на женскую грудь...»

«...Волк подошел к оврагу...»

Нет! Ни словечка о религии! Он писатель-атеист. И как это я до сих пор не заметил? Но позвольте, что это? Да так ли я читаю? Я даже подумал: уж не ослеп ли я? Уж не поступил ли в студию Дункан?

«...Танька коренастая, босая».

«...Старик босой».

«...Шлепая босыми ногами».

И даже какой-то мужик в розовых портах босой.

И все-то у него босые. Кажется, отними у него босых — и ничего больше не останется.

Но зачем же, зачем же, зачем же все босые?

IV

Необыкновенно! Непостижимо! Какая-то босонология! Какой-то невероятный мир босых! Некуда спрятаться от босых ног.

Аганька босая.

Прохожий босой.

Даже генерал, наверное, босой или сапоги сейчас снимет. Я даже подумал: уж не снять ли и мне сапоги?

Но снимай, не снимай — ничего не изменится. Такая уж у писателя идеология. Любой мужик у него босой, а если не босой, то пьяница или колдун. И поразительное

явление: как только на одну секундочку появляется человек в сапогах, все герои в один голос кричат: «Довольно! Бейте его! Перестаньте! Снимай сапоги!»

«Сапоги снимай, на печь полезай!» — говорит Егорка Арине в повести «Голый год».

Волк подошел к оврагу...

V

Теперь попробуем полюбить Пильняка.

Он талантлив очаровательно. Он писатель любви и босых ног. Он воистину писатель любви и революции. Он весь в революции.

Современнейший из современных писателей.

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

История

В ночных харчевнях, возле жбанов
С прокисшей брагой, в грудях книг,
Под грохот пург и барабанов
Кончался век. И я возник.

Вся какофония Европы,
Кайенский грунт, сорбоннский шлак,
Вся вонь готических клоак,
Реторты, торты, тросы, тропы.

Вся историческая гарь,
Весь гул вселенной, спящий в горнах,
Весь обветшалый инвентарь
Всех театральных костюмёрных,

Вороний грай и конский скок,
Под Роттердамом и под Двинском,
Еще во чреве материнском
Вошли в меня, как гонококк!

Я рос. Выл ветер. Пировала
Ночь в белой пене канонад.
И за и под и пред и над
Землей шли призраки. Их рвало!

В поту, в дожде заплат и дыр,
В еще не смытых пятнах грима
Метались шлохи Пизы, Рима,
Парижа, Лондона и др.

Мир сразу сорван был с причала.
Версаль трубил в бараний рог.
Сен-Жюст, валюта, биржа, грог —
Все шло в стихи, все выручало.

Мои обугленные ямбы
Читал какой-то там юнец,
И ромбы, бомбы, тумбы, дамбы
Пошли в расход. И тут конец.

Николай ГРИБАЧЕВ

Необходимая мера

Слоняются по улицам стилиаги,
Забывшие про подвиги отцов.
Ни совести, ни чести, ни отваги
У этих узколобых молодцов.

Чайковскому они предпочитают
Магнитофон и плоский анекдот.
В каких-то коктейль-холлах коротают
Все вечера и ночи напролет.

Живут в России словно иностранцы,
Бород не бреют, презируют труд,
Танцуют отвратительные танцы,
Полублатные песенки поют.

Взглянув на их ужимки обезьянны,
Любой поймет, о чем веду я речь:
Тут Запада тлетворное влияние,
Которое пришла пора пресечь!

Они полны пустого самомнения,
Решительно на все им наплевать...
И я вношу такое предложенье:
Для осуждения этого явления,
Без праздных прений

и без промедленья,

Подонкам этим,
всем без исключения,
Как следует
по шее надавать!

Юлия ДРУНИНА

Так было...

И ночью бой гремел, и днем,
А я была одета просто:
В шинели, пригнанной по росту
И подпоясанной ремнем.
Была легка моя походка
Одежде этой вопреки.
Мне не мешали ни пилютка,
Ни фронтовые сапожки.
Я под свинцовым страшным градом
Росла, как тонкий стебелек,
И кудри шелковым каскадом
Мне обрамляли бледность щек.
Всем приходилось нам несладко —
Обстрелы, сырость, холод, мгла...
Но, помню, даже плащ-палатка
И та мне тоже очень шла.

Александр ЖАРОВ

Гуляют песни

Нет, я не отложил гармонь в сторонку!
Пою, пишу прилежно каждый день.
И до сих пор гуляют песни звонко
За каждый покачнувшийся плетень.

Порой они гуляют в гимнастёрке,
Порой на них тельняшка и бушлат.
Они гуляют в «Смене» и в «Вечерке»
И без конца по радио звучат.

Гуляют в День печати, в День шахтера,
И в День танкиста, и в другие дни...
Былого комсомольского задора
Нисколько не утратили они.

Какая бы ни подвернулась дата,
Верны себе, и, прочь отбросив лень,
Они гуляют так же, как когда-то,
За каждый покачнувшийся плетень.

Борис ЗАХОДЕР

Кто виноват?

Беда!.. Остановилось
Внезапно все движение:
Попала под автобус
Таблица умноженья!

Имело это бедствие
Ужасные последствия.

Неприятностей не счесть:
Пятью девять стало шесть!

Семью восемь стало двадцать,
Трижды восемь — двадцать пять.
Невозможно разобраться,
Ничего нельзя понять!

Что-то страшное творится:
Дважды три не шесть, а — тридцать!

Неожиданно возник
Милиционер.
— Где тут этот озорник
Боря Заходер?
Это он любитель, он,
Всех таких сюжетов!..

Так я был препровожден
В секцию поэтов.

Семен КИРСАНОВ

Звездный рейс

О космосе-влекосмосе,
О косморифмосфере я!
Лети, стихоракета!
Вершись,
 рифмофеерия!
Весь звездный мир галактики
В моих стихов рюкзак теки!
В рюкзак теки,
 ко мне теки,
В сердца теки,
 в дома теки,
Дорогой кибернетики,
По руслам математики!
Ракетой космос меряя,
Лечу (гоп-ля!)
 к Венере я!
Потом к другим планетам.
Поэму написав там,
Помчусь
КОСМОПОЭТОМ,
КОСМОПОЭТОНАВТОМ!
Давно мне делать заново
Пора
Карьеру.
Пора «Звездой Кирсанова»
Назвать Венеру!
Звезда моя! Мани меня!
Прощай, земное лоно!
Сияй, планета
 имени
Кирсанова
 Семена!

Сергей НАРОВЧАТОВ

Блокнот, машинка и поэт

**...История мне не простит вовек,
Что пес замерз, девчонка утонула,
Великий не родился человек!**

Идя домой с Арбата на Ильинку,
На днях случайно в урне у ворот
Нашел я портативную машинку,
И в тот же день друг мне принес блокнот.

Я сразу же решил писать поэму,
Зовущую в космическую высь.
Присел за стол,
 стол подсказал мне тему,
Миг — и стихи свободно полились...

Нет, все не так!..
С Арбата на Ильинку
Я не ходил. Случайно у ворот
Я пишушную не нашел машинку,
И друг мой мне не приносил блокнот.

Я сел за стол президиума. Это
Я помню точно. Поднял руку ввысь
И слово взял от секции поэтов...
Миг — и слова свободно полились.

**Звонят мечи боев литературных...
И вот как обстоят мои дела:
Блокнота нет,
 машинок нету в урнах,
Поэма, не родившись, умерла.**

Александр ПРОКОФЬЕВ

Песня-радуга

Берегов дуга
Песня-радуга,
Ой дит ладошки,
Ой ты, Ладога.

Как спознался я
С громкой слагою,
Стал стихи строчить
Ногой правою.
То ли правою,
То ли левою,
Не ладьей хожу —
Королевою!..

Ой, подруженьки,
Ой, подружечки,
Закурчавились
Строчки-стружечки,
Покатились
Рифмы-катушки...
Вот и шлют меня
К моей матушке.

Прямо к матушке,
Даже далее,
Чтоб назад прийти
Смог едва ли я!

Из цикла
«С подлинным скверно»

Илья СЕЛЬВИНСКИЙ

Рhapsодия о серебряной ложечке

День-день-день да сегодня безветренный,
Пригласил писателя в гости НЭП —
И — эх вы, ложечки, да мои серебряны,
Со стола да за пазуху — гэп!

Чтой-то кому-то в морду полетело,
Запшикали мильтоны, и пошла! матня!
По очереди спё-орли, ккому кккаккое де-ело —
Я ли у Бабеля? Иль Бабель у меня?

Утили, путили — титери да ятери,
Я ли да прибор на всех не па! ла! жил!
Мы конструктивисты,
мы марксисты-матери —
Матери-а-лис-ты. Чтоб. Я. Так. Жил.

Грянем же дружно над Политмузеем,
Над Политехническим на весь СССР —
А.Б.В.Г.Д.Ж.З.И.
К.Л.М.Н.П.С.Р.
Чтоб вся Москва

содрогнулась от зыка!..
Чтобы нас призна'
али к будучей весне...
Сельвинский був такой:
выверчен языка,
Маленьки вусыки
ТА НА НОСУ ПЕНСНЕ!..

Эдуард БАГРИЦКИЙ

Дума про Эдуарда

Вы послушайте, ребята,
Слушайте, суседи:
Были на селе два брата —
Опанас да Эдя.

Не одна во поле чистом
Дороженька вьется,
А одна — к конструктивистам,
Другая — к махновцам.

Не шуми ты, мое жито,
Не лайте, собаки, —
Опанас пошел в бандиты,
Эдуард — в писаки!

Было Опанасу скучно,
Зарядил нагана
И убил собственноручно
Иосифа Когана.

Нацепил Панько кокарду,
И — кругом шашнадцать!
А за это Эдуарду
Пришлось распинаться!

Ой, лиха беда стряслася!
Что-то только будет?
Эдуарда с Опанасом
Смешивают люди.

Ой ты, песня, лейся тише
Над скошенным стогом.
Кто ж статью про Эдю пишет?
Опять-таки Коган!

Пишет Коган, пишет яро
 Про Махнову сгоночь,
 Да не тот, что комиссар, а
 Тот, что Петр Семеныч!

Николай ТИХОНОВ

Баллада о балладе

Не пастух собирал поштучно
 Разношерстное свое стадо —
 Это я сидел собственноручно
 За столом и писал балладу.
 То не висли виноградные грозди,
 Не самум на Иматре возник,
 Это я беру простые гвозди
 И балладу делаю из них.

Тук-тук —

тук-тук-тук —

молотку в ответ
 Родилась баллада про синий пакет,
 Свежа и оригинальна вполне:
 Кто это там при звездах и луне
 Ветра буйного впереди
 Едет, пакет прижимая к груди?!
 Держит казак путь на Москву,
 Поедая пространство, воздух, траву!
 Едет поле, поле бежит,
 А он пакетом своим дорожит.
 Летит земля в голубую тьму,
 А он пакет не отдаст никому.
 Сам с самолета летит как балласт,
 Но только пакет никому не отдаст.
 Зачем же пакетом он дорожит?
 Затем, что в пакете баллада лежит.
 Баллада о том, как синий пакет
 Везет он печатанья на предмет,
 О том, как он едет с зари до зари...

О том, как он едет..
начало смотри!

Гвозди бы делать из этих строк,
Был бы от строк настоящий прок.

Эпоха символики
до тошноты и колики

Хочу быть дерзким! Хочу быть смелым!
Греми, стозвонных литавров медь!
Я нынче занят серьезным делом —
Я символистов хочу воспеть!

Хочу припомнить былую юность,
Ту, что сегодня сдана в утиль, —
Их Звездолунность,
Их Тихострунность,
И Злато-Рунность,
и прочий стили!

Да, Символисты искали Нёктар,
Они в Туманах нашли Эффект,
Тут Кто-то Черный, там в Сером Некто
И Некто Бурый — миллионы Нект!

Так эти люди, дрожа сугубо,
Жизнь превратили в сплошной Бедлам,
Вверху Инкубы, внизу Суккубы
И Недотыкомки по углам.

И в смутном Страхе, в Тоске всегдашней,
Бежав от жизни куда-то прочь,
Они воздвигли большие Башни,
И в них сидели и День и Ночь,

И сочинили в Экстазном Раже
Немало сказок и небылиц...

И Кто-то Черный стоял на Страже,
И Некто в Сером кричал им: «Цыц!»

Будь то прозаик иль стихотворец,
Но каждый индивидуалист
Был Богоносец, иль Богоборец,
Иль просто Гомосексуалист.

Вот Мережковский, состроив мину
Святого Данта из адских мест,
Усердно множит Плюсы на Минус,
Христа на Черта, Рога на Крест.

А Сологубу довольно кротко
В стихах изящных пришлось пропеть
О том Блаженстве, какое Отрок
Имеет в Жизни, попав под Плеть.

Ужасно пышно, хоть и упруго,
Писал о Солнце К. Д. Бальмонт
В таких созвучьях, что с Перепуту
Катилось Солнце за Горизонт.

Семья в распаде, прогнила школа,
Везде проблемы — лови, держи,
Проблема Смерти, Проблема Пола,
Проблема Правды, Проблема Лжи!

Футуризм и несмотря на него

Скучища...

Тощища...

Куда деваться-то?..

На часах

паучихи

кружево

вышили...

Бом! Бам!! Бум!!!
 Восьмой...
 Десятый...
 Двенадцатый...
Футуристы скопом на улицу вышли,
И дробно
 забубнил
 боевой барабан,
И по городу
 бум
 плывет,
В мыслях бунт,
 на шее бант,
В сердце протест,
 на губах плевок...
Это бредили
 тысячи
 малярий.
Это пришли
 в момент
 разложения
 общества
Исключенные гимназисты
 и маляры
Из школы
 Живописи, Ваяния и Зодчества...

* * *
Попробуй запомни
 и разберись ты,
Где у них был
 перед и тыл.
И кто
 тогда
 входил
 в футуристы.
Иль верней —
 кто только тогда не входил?

* * *

Василий Каменский!
 Удаль в привычку!
 Солнцевейный гость
 песнепьяных торжеств!
 Сплошная сарынь в сплошную кичку —
 Какая шири!
 Какой жест!
 Он пел
 восстанья
 рабов
 и колодников
 И так
 рисовать
 завсегда привык,
 Что Разин,
 Пугач
 да Иван Болотников
 У него имели один язык!..
 А мы, разбирая не слишком сурово
 Каждого —
 на запах, на вкус и на цвет,
 Констатируем четко:
 одного от другого
 Различить
 никакой
 возможности нет!

* * *

Велимир,
 сиречь Виктор Хлебников,
 На заульном языке пишучи,
 Являл для критиков-привередников
 Незаменимую пищу.
 Он сочинял другим не под стать
 Стихи такого напева,
 Что при желании можно читать
 Слева направо и справа налево.

Темь. Зов. Возьмет
 Она тема наметано
 Волос солов,
 Нос и сон

Их справа налево вела. Навар, Псхи
Муза уму аз ум
Пил косно он сок лип
Босиком мок и соб
У! Сел в лесу!
Туда — дадут
Алсымс и нет тени
смысла!

Шаманство самовитых слов
Его к невнятице несло,
А что касается до смысла —
Он вообще куда-то смылся.

* * *

Кто еще? Парфюмерно-
неземной
Северянин!
Отличаясь изыском
от других забияк,
Он был столь аппетитен,
он был так ресторанен —
В кулинарных сравненьях
съел он двадцать собак!
Весь шампанско-ликерный,
в упоенье несметном,
Приводя психопаток
в исступленный амок,
Не считался в искусстве
он особенным метром
Но зато метр-д'отелем
называться бы мог!

* * *

Школы имеют в истории место,
Они бывают хороши иль плохи,
Но от них остаются
(и то не всегда) —
манифесты.

А от поэтов
(от некоторых)
стихи.

И мы говорим, смотря сквозь призму:

Если стал Маяковский поэтом Октября,
 То это
 не благодаря футуризму,
 А именно на него несмотря.
 И если Маяковский
 у нас в стране
 Читается
 каждым
 поколением заново.
 То это
 ни в коей
 мере
 не
 Распространяется
 на Кирсанова!

Приложение первое

Пародии
 как вещественные
 доказательства

Александр ЖАРОВ

Какая чудная погода —
 Весь город солнышком согрет.
 Я только что пришел с завода,
 И вообще мне двадцать лет!

Что мне зима! Что снега комья!
 Я молод, весел, я поэт —
 И двадцать лет пою о том я,
 Что мне сегодня двадцать лет!

Иосиф УТКИН

Он был простой ешиботник,
 Но вдруг пришел ураган,
 И он уже важный работник
 С портфель и с наган.

И живет себе Мотеле в «Гранд-отеле»,
В комнате с окнами на закат!
И если за что-либо борется Мотеле,
Так только за русского языка.

Приложение второе

Конструксельвисты
в пародиях

Вера ИНБЕР

Манон Леско и К°

Читатель, друг! От хохота не прыскай
И не свисти, пожалуйста, в кулак,
Я сделалась на днях конструксельвисткой
 Не знаю как!
И в тот же день — подробности излишни,
Мне признаваться в этом нелегко —
Ко мне пришла подруга дней давнишних —
 Манон Леско.
Она пришла ко мне и в нервной дрожи,
Переводя с большим усилием дух,
Сказала так:
 «Что слышу я, о боже,
 Мой милый друг!
Конструксельвизм! Неслыханные речи!
От них, ма шер, не будет вам житья.
Мы плакали над вами целый вечер —
 Мой де Грие и я!»
Внимая жалобам многострадальной,
С достоинством, нисколько не спеша,
Я отвечала скромно и локально:
 «Алеша-ша!
Или вы думали, что ежечасно
Я буду петь манто или авто?
Нет, я уже на это не согласна!
 И ни за что!
Пусть конкуренты корчатся от злости,

Секрет сокрыт не в силе, не в уме,
А только лишь в ор-га-ни-зов-ан-ности!
Ву поймиме?»

Манон Леско прослушала тираду,
Подумала, дыханье затая,
И так сказала:

«Если это надо —
Тогда и я!

Я поняла: не надо комментарий —
И к производству повернусь лицом,
Мой де Грие — он тоже пролетарий
Другим концом!»

И зажили мы весело и мирно,
В конструкторский перейдя закон, —
И с этих пор зовется наша фирма —
Манон Леско и К^о!

Владимир ЛУГОВСКОЙ

Переделка

Возьми меня в переделку
И двинь, грохоча, вперед!

В моей семье инженеры,
врачи в моей семье.
У меня хороши манеры,
я рыбу ножом не ем...
Но это насмарку, мелко,
как карт надоевший крап...
Возьмите меня в переделку
и сделайте членом РАПП!

Я помню: гимназия, Пасха,
мундирчик, шитый на рост,
И я на балу с опаской
целую кузин взасос.
Мне страшно взглянуть с похмелки
на этот пройденный этап.
Возьмите меня в переделку
и сделайте членом РАПП!

Я вырос и сделал выбор,
 К чертям Гутье и Вилье,
 Поверил я Вере Инбер,
 Нашел пророка в Илье!
 Но началось окружение,
 и я маленько ослаб...
 Сделайте мне одолжение —
 сделайте членом РАПП!

— Сезам, — я кричу, натужась, —
 Откройся моим глазам,
 Но вдруг оказалось, ужас,
 Сезам совсем не Сезам!
 И в общем, судьба — индейка,
 и жизнь — сплошное трепло.
 Я хотел переделки —
 и вот попал в переплет!!

Илья ЭРЕНБУРГ
 Смердяковщина

Кафе «Кельк-Шоз» помещается на углу Фридрихштрассе и бульвара Сен-Мишель, того самого, который парижские торговки дружелюбно называют Буль-Миш. Это два шага от Литейного, не доходя Малой Кисловки.

Если вы займете место за одним из столиков, к вам, виляя бедрами, подойдет фрейлейн Мицци и, скользнув глазами по вашим коленам, станет ждать ваших приказаний.

Фрейлейн Мицци — фрейлина ее императорского величества княжна Людмила Павловна Дундук-Фрикаделькина. Ее лицо, несмотря на густой слой пудры и бюстгальтеры новейшей системы, хранит следы горьких слез. Она плакала. Сегодня утром ее бил ее любовник, Орас Трикоте, маркер из бильярдной «Брик-а-Брак», в Уайльд-Чепле, как раз напротив Почтового переулка, что на Плющихе. В голубых кальсонах поверх своей розовой пижамы, он старательно колотил ее головой о железный

брусок двуспальной кровати и певуче при этом приговаривал:

— Почему не уходят большевики? А? Где твои бриллианты и поместья? Что ты сделала, чтобы получить их обратно? Кому ты нужна, нищая и ободранная? А?

Она же смотрела на него васильковыми глазами и обещала приложить все усилия. Когда она говорила «все», она прикладывала руки к груди и становилась похожей на святую после аборта.

Она, княжна Дундук-Фрикаделькина, смолянка, шифрезка, мазурка с великим князем, особняк на Волхонке... Что она делает здесь, в промозглом кафе на окраине Вены, в двух шагах от Вестминстерского аббатства? Вы смотрите на ее тростниковую фигурку, на ее плачущие руки с подносом в руке — и вдруг...

И вдруг вы забываете, что вы коммунист, ответственный работник Третьего, коммунистического Коминтерна, член Исполнительной тройки по международным делам, приехавший сюда, в Париж, с поручением ниспровержения империалистического строя, и сердце ваше вдруг наполняется жалостью и нежностью, как у резника, который любит корову в ту минуту, когда нож поворачивается в ее затылке...

Вам хочется приласкать ее, эту бедную аристократку, хочется рассказать ей, что тетя Александрина жива, и даже недурно устроена, кузен Коко счастливо бежал из Нарыма, а его репетитор, экстерн с грустными еврейскими глазами, научился писать прекрасные французские романы из европейской жизни... Вам хочется увести ее отсюда к себе, в свою конспиративную квартиру на Пикадилли, бульвар Капуцинов, угол Бейкер-стрит и Малой Дмитровки, не доходя до Собачьей площадки, в маленькую душную комнату... где у Отелло, который на стене душил Дездемону, под правой ноздрей ползает плотоядный и такой уютный клоп...

Да, да, непременно чтобы клоп...

Как у Достоевского...

Всеволод ИВАНОВ

Отрывок из романа «Голубой Гаолян»

...Гаолян¹ крепчал... Осенняя ночь зорко смотрела чумизами². На перроне, лысом, как Виктор Шкловский³, сидел китаец Рас-Ту-Ды, свесив ноги на безжизненное полотно железной дороги. Он был бледен, как гаолян⁴, и тихонько про себя напевал:

Симеле тавалиси ного,
Духи наклепли балибе...

Не было ни живой манзы...⁵

Семен Брюква закурил ши-цин⁶ из корней гаоляна и, сплюнув сквозь едалы⁷, глянул на плакат с портретом верховного.

— Адмирал Колчак... Ляксандра Василич... Очень даже приятно...

Свист, короткий, как хвост фокстерьера, раздался, от стены отделилась высокая фигура и схватила Брюкву за гаолян⁸.

— Едрена лапоть... Никак товарищ Рабинович?

Председатель ревкома поравнялся с партизаном, и они пошли рядом, но как совершенно незнакомые люди. Изредка роняли друг другу случайные слова.

— Тайфун⁹ в резерве на третьей линии. Семь с половиной гаолянов¹⁰ Янцекянга.

— Понимаем, — отвечал Брюква. — Что ж, бывает... Разумеется...

¹ Гаолян — северо-западный ветер.

² Чумиза — «глаз» по-китайски.

³ Шкловский Виктор — имя собственное.

⁴ Гаолян — «травя» по-корейски.

⁵ Манза — «душа» по-японски.

⁶ Ши-цин — «папироса» по-китайски.

⁷ Едалы — разновидность зубов.

⁸ Гаолян — воротник.

⁹ Тайфун — помощь.

¹⁰ Гаолян — «миля» по-китайски.

Так, в отрывистых фразах, они прошли и скрылись за темным гаолян¹.

А китаец Рас-Ту-Ды сидел по-прежнему, свесив ноги на гаолян² железной дороги, и, как будто ничего не видев, прежалостно мурлыкал про себя...

Терина си налим
Васпляни лёд луской...

Исаак БАБЕЛЬ
Вопль Крика

Был страшный холод во время деникинского наступления. Наш доблестный батальон красных бойцов за пролетарскую революцию стоял в имении князя Голицына-Волконского. В роскошной гостиной барского особняка сидели мы на корточках и смотрели прямо в глотку роскошному камину с инкрустациями. Весело там потрескивали ножки дубового стола, но нам не было весело, потому что только вчера вечером мы сгорели последний ореховый шкаф из карельской березы и гореть уже нечем.

И сидел наш начальник, товарищ Беня Крик, крепко задумавшись. И спросил я у него:

— Обо что вы думаете?

И он мне отвечал:

— Не мешай, я думаю об половую проблему.

И так как я знал, что он ужасно образованный, то я засунул себе свои губы обратно в рот и ничего с него не стал спрашивать.

И тогда поднялся товарищ Беня Крик, красный боец за пролетарскую революцию, который, между прочим, бывший марвихер с Тираспольской улицы, но мы об этом уже не будем говорить, потому что он расстрелян, смерть жулику, за липовые свои мандаты, и тогда поднялся, говорю я, товарищ Беня Крик, и вынул своей верной шашки, и на-

¹ Гаолян — семафор.

² Гаолян — «полотно, ситец, мадаполам» по-японски.

чал рубать половицу за половицей с того пола, на котором мы сидели, и швырять их в печку на чем свет стоит.

И вспыхнула печка на всю гостиную, как революция на всю Россию.

Так мы с товарищем Беней Криком во время страшного холода, когда нечем было топить, освещали половую проблему.

Илья Ильф (1897—1937)
Евгений Петров (1902—1942)

Торжественный комплект

*Незаменимое пособие
для сочинения юбилейных статей,
табельных фельетонов,
а также парадных стихотворений,
од и тропарей*

Раздел 1 Словарь

Существительные

1. Клики	11. Час
2. Трудящиеся	12. Враг
3. Заря	13. Поступь
4. Жизнь	14. Вал
5. Маяк	15. Пески
6. Ошибки	16. Скок
7. Стяг (флаг)	17. Конь
8. Ваал	18. Сердце
9. Молох	19. Прошлое
10. Прислужник	

Прилагательные

1. Империалистический	5. Индустриальный
2. Капиталистический	6. Стальной
3. Исторический	7. Железный
4. Последний	

Глаголы

1. Пылать	6. Вершить(ся)
2. Взметать(ся)	7. Петь
3. Выявлять	8. Клеветать
4. Рдеть	9. Скрежетать
5. Взивать(ся)	10. Грозить

Художеств. эпитеты

1. Злобный
2. Зубовный

Прочие части речи

1. Девятый	4. Пускай!
2. Двенадцатый	5. Вперед!
3. Пусть	

(Междометия, предлоги, союзы, запятые, многоточия, восклицательные знаки, кавычки и т. п.)

Примеч. Запятые ставят перед «что», «который» и «если». Многоточия, восклицат. знаки и кавычки — где только возможно.

Раздел 2

Творческая часть

(Составляется исключительно
из слов раздела 1)

§ 1. Передовая статья

Девятый вал

Восточная Магистраль — это железный конь, который, взметая стальным скоком пески прошлого, вертит поступь истории, выявляя очередной зубовный скрежет клеветящего врага, на которого уже взмечается девятый вал, грозящий двенадцатым часом, последним часом для прислужников империалистического Молоха, этого капиталистического Ваала; но, невзирая на ошибки, пусть

рдеют, а равно и взвиваются стяги у маяка индустриализации, пылающего под клики трудящихся, коими под пение сердец выявляется заря новой жизни: вперед!

§ 2. Художеств. очерк-фельетон

Пусть!..

— Вперед!

Он пылает под клики трудящихся...

Он выявляет зарю новой жизни...

— Маяк!

Индустриализации!

Пусть отдельные ошибки! Пусть. Но зато как рдеют... как несутся... как взвиваются... эти стяги! Эти флаги!..

— Пусть — Ваал капитализма! Пусть — Молох империализма! Пусть!

Но на прислужников уже взматается:

— Последний вал!

— Девятый час!

— Двенадцатый Ваал!

Пусть клеветают. Пусть скрежещут. Пусть выявляется злобный зубовный враг.

Вершится историческая поступь. Пески прошлого взматываются скоком стали.

Это — «железный» «конь»!..

Это:

— Восточная

— Магистраль! «Поют сердца»...

§ 3. Художеств. стихотворение

а) Тринадцатый Ваал

Поют сердца под грохот дней,

Дрожит зарей маяк.

Пушай индустрии огней

Трепещет злобный враг.

Железный конь несет вперед

Исторьи скок взметать,

Семью трудящихся несет

Ошибки выявлять.
Взвывается последний час.
Зардел девятый вал.
Двенадцатый вершится час
Тебе, Молох — Ваал!

6) Восточный вариант

Цветет урюк под грохот дней,
Дрожит зарей кишлак,
А средь арыков и аллей
Идет гулять ишак.

Азиатский орнамент

1. УРЮК (абрикосы)
2. АРЫК (канал)
3. ИШАК (осел)
4. ПЛОВ (пища)
5. БАЙ (нехороший человек)
6. БАСМАЧ (нехороший человек)
7. ШАКАЛ (животное)
8. КИШЛАК (деревня)
9. ПИАЛА (чашка)
10. МЕДРЕСЕ (духовное училище)
11. ИЧИГИ (обувь)
12. ШАЙТАН (черт)
13. АРБА (телега)
14. ШАЙТАН-АРБА (Среднеазиатская ж. д.)
15. ТВОЯ-МОЯ НЕ ПОНИМАЙ (выражения)
16. МАЛА-МАЛА

Добавление

При помощи материалов раздела 1-го по методам раздела 2-го сочиняются также: романы, повести, поэмы в прозе, рассказы, бытовые зарисовки, художеств. репортаж, хроника, эпопеи, пьесы, политобозрение, игра в политфанты, радиооратории и т. д.

Александр Розенберг (1897—1965)

Александр Гринкель (1899—1968)

Эстер Наперная (1901—1987)

Парнас дыбом

Из цикла «Собаки»

У попа была собака.
Он ее любил.
Она съела кусок мяса —
Он ее убил.
И в яму закопал,
И надпись написал, что:
У попа была собака...
И т.д.

Иван БУНИН

Сонет

Поп сив и стар. Глаза красны от слез.
Одна забота — зажигать лампы.
Жена в гробу. И дочка за оградой.
Последний друг — худой, облезлый пес.

Теперь попу уже не много надо.
Краюшку хлеба, пачку папирос.
Но жаден пес. С ним никакого сладу.
Лукав, хитер. И мясо он унес.

Нет, так нельзя... В глазах усталых пламень.
Поп, ковыляя, тащится в сарай,
Берет топор. И, наточив о камень,
Псу говорит в последний раз: «Прощай!»

Топор взлетел широким плавным взмахом.
И заалела киноварью плаха.

Анна АХМАТОВА

Я бедный попик убогий,
Живу без улыбок и слез.
Ах, все исходил дороги
Со мною немощный пес.

Обветшала грустная келья,
Скуден мяса кусок,
И его в печальном веселье
Куда-то пес уволок.

И смерть к нему руки простерла...
Оба мы смерть затаим.
Не знал я, как хрупко горло
Под ошейником медным твоим.

Василий КАМЕНСКИЙ

Жил поп мордастый
и пес зубастый
в ладу, как всякие скоты,
И даже выпили на «ты».

Какую ж кличку,
какую ж кличку
псу подарил расстрига-поп?
«Сарынь на кичку,
сарынь на кичку,
паршивый пес,
ядреный лоб».

Пес заворчал:
«С костями — баста,
добуду мяса, коль я не трус».
И тотчас в кухне заграбастал
он у попа огромный кус.

Поп увидал, что кус похищен,
и ретивое сдержать не смог:
«Подлец ты, шельма,
голенище...
Полкварты дегтя лаптем вбок».

Николай ГУМИЛЕВ

1
У истоков сумрачного Конго,
Возле озера Виктория-Нианца,
Под удары жреческого гонга
Он свершал магические танцы.
Бормотанье, завыванье, пенье,
Утомясь, переходило в стоны.
Но смотрел уже без удивленья
Старый пес — подарок Ливингстона.

2
Пестрый сеттер быстр, как ветер,
Всех был преданней на свете,
Не воришка и не трус.
Но для старых и голодных
Добродетели бесплодны,
Драгоценней мяса кус.
Пестрый пес лежал так близко,
Мяса кус висел так низко,
Над землей всего лишь фут,
И открылась в сердце дверца,
А когда им шепчет сердце,
Псы не борются, не ждут.

3
Сегодня ты как-то печально глядишь на ковры
и обои
И слушать не хочешь про стоны, где вечно
ласкающий май.
Послушай, погасим огни и пригрезится пусть нам
обоим,

Александр Куприн

Максим Горький

Александр Блок

*Красив, как демон Врубеля для женщин,
Он лебедем казался, чье перо
Белей, чем облако и серебро,
Чей стан дружил, как то ни странно,
с френчем...*

Игорь Северянин

Михаил Кузмин

Анна Ахматова. Рис. А. Модильяни

О.Л. Д'Ор

Александр Измайлов

Осип Мандельштам

Владимир Маяковский

Владимир Луговской, Рис. В. Маяковского

Александр Архангельский

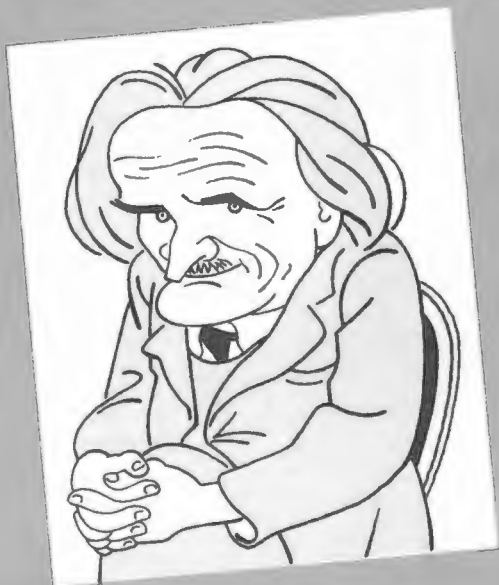

Алексей Крученых

Илья Сельвинский

Юрий Олеша

Самуил Маршак

Маршак! Его мы ценим на пиру
За свежесть, опытность и пыл.
Добавил славы он Шекспиру
И о своей не позабыл.

Ян Сашин

Михаил Светлов

Михаил Зощенко

Корней Чуковский

Как жрец, разозлившись на пса, смертоносный
схватил ассегай...

Помчалось копьё, загудя, убегавшей собаке вдогонку,
И, кровью песок обagrив, повалился наказанный пес.
Послушай, на озере Ньянца, под звуки гудящего
гонга,
Жил сеттер голодный и быстрый, и мясо жреца
он унес.

Михаил ЗОЩЕНКО

Первый жалостливый рассказ

А я вам, гражданочка, прямо скажу: не люблю я попов. Не то чтобы я к партии подмазывался, антирелигиозного дурману напускал, но только не люблю я духовной категории.

А за что, спросите, не люблю? За жадность, за скаредность — вот за что. И не то чтоб я сам мот был или бонвиван какой, но вот судите сами, какие от попов могут поступки происходить.

Живет с нами на одной лестнице духовная особа, Николо-Воздвиженского приходу священник. Собачка у них имелась, не скажу чтобы очень благородного происхождения, да ведь главное-то не легавость эта самая, а характер.

А характер у ней, надо сказать, замечательный был, ну, просто сказать, домовитая собачка была, не гулена какая-нибудь дворняжная.

И стали мы примечать, что собачка худеть начала. Ребра, знаете, обозначаются, и на морде грусть. Одно слово — плохое питание и обмен веществ.

Стали мы духовной особе замечания говорить, не по грубости, конечно, а по-деловому: «Так, мол, и так, вы бы, товарищ, служитель культа, собачке вашей мясной паек увеличили, худает собачка ваша, как бы и вовсе не сдохла».

А духовная особа проходит равнодушной походкой, будто и не ее это касается.

Только гляжу, в понедельник утром возле помойной ямы собачий труп валяется. Ножки тоненькие свесились, шерсточка в крови, а ухо-то, знаете, вроде каблуком придавлено.

Тоска меня взяла — очень уж приятная собака во дворе была, на лестнице никогда не гадила. Стал я у дворника справки наводить, как да что, да неужто песик своею смертью от плохого питания помер.

И узнали мы, гражданочка, что духовное лицо своими руками собачку уничтожило за паршивый, извиняюсь, кусок мяса. Съела собачка мясо обеденное, а мясу тому, простите, кукиш цена.

Обида меня взяла, гражданочка, скажу вам, до смерти.

И хотите — обижайтесь, хотите — нет, а я вам открыто скажу: не люблю я духовной категории.

Илья ЭРЕНБУРГ

Гибель собаки

Глава первая,
в которой пока еще ничего не говорится и которая, в сущности, совсем не нужна. Попутно читатель узнает о том, какие галстуки предпочитает старший клерк фирмы «Плумдинг и Сын» Реджинальд Хавтайм.

Глава вторая,
пожалуй, немного короткая, но достаточно ясная. Здесь впервые появляется патер Крুцификс и его любимая собака.

Глава третья,
из которой читатель почерпнет много полезных сведений. Так, например, здесь неопровержимо доказывается тот важный факт, что у собак желудочный сок вырабатывается независимо от вздорожания мясных продуктов на международном рынке.

Именно этот факт послужил толчком к написанию

Главы четвертой,
где описывается печальная участь шницеля по-венски,
предназначавшегося на завтрак патеру Круцификсу. В
этой главе патер должен убить собаку за воровство, но
убийство переносится в

Главу пятую,
на которую автор просит читателя перенести все свое
внимание. Здесь читатель убедится, что горячая любовь
нередко переходит в такую же горячую ненависть, когда
к любви примешивается голод. Патер Круцификс убива-
ет свою собаку, съевшую шницель по-венски.

В главе шестой, и последней,
повествуется о том, что эта глава, в сущности, не нужна,
так же как и первая, и что знаменитая хиромантка Фе-
лиция Клистирстон предсказала автору, что он умрет в
1999 году.

Берлин, кафе «Швецер», 1925

Из цикла «Козлы»

Жил-был у бабушки серенький козлик.
Вот как, вот как, серенький козлик.

Бабушка козлика очень любила.
Вот как, вот как, очень любила.

Вздумалось козлику в лес погуляти.
Вот как, вот как, в лес погуляти.

Напали на козлика серые волки.
Вот как, вот как, серые волки.

Остались от козлика рожки да ножки.
Вот как, вот как, рожки да ножки.

Семен НАДСОН

Над усталой землей пролетала весна,
Разливая цветов аромат.
Безутешна старушка, рыдает она.
Так мучительно плачет лишь мать.

Счастья дни пролетели, как сон золотой,
И тот козлик, что был так любим,
Не вернется к душе ее скорбной, больной.
Он в лесу уж лежит недвижим.

Как бушующий вал, серый волк налетел
И, как ветер цветок, смял козла.
Только рожки да ножки он тронуть не смел.
И рыдает от скорби земля...

Константин БАЛЬМОНТ

В искрах лунного сиянья, сквозь лучей его мерцанья
Вижу смутно очертанья я старушки и козла:
Пьют любви до края чашу все слияннее и краше,
Но козла в лесную чашу злая сила увлекла.
Волки мчат во мраке ночи, это искрятся их очи.
В час глубокой полуночи козлик в жертву принесен.

На траве белеют ножки, козы ножки, козы рожки.
И старушка по дорожке...
...Старый, милый детский сон.

Сергей ГОРОДЕЦКИЙ

Стоны-звоны, перезвоны, дили-дон-колокола.
Стены выбелены бело.
Мать игуменья имела
длинноногого, серого, тонконогого козла.

Ах, леса мои родные,
зелень, кудри, купола,
вы раскройтесь, вы впустите,
спрячьте серого козла.
Надоело бегать зря
по лугам монастыря.

Ух, трещало, ух, шелкало.
Волка зелены глаза.
Повалили, раскрошили,
только ножки пощадили.
Только ножки да рога
мать-игуменья собра́ла.
Жарко свечка запылала,
свечка чиста четверга.

Саша ЧЕРНЫЙ

Убивалась старуха над козликом серым.
(Плачь, чтоб тебя разорвало.)
Рожки целует (ну и манеры).
ТЬфу, даже мне жалко стало.

И чего смотрела старая дура?
Убежал ведь под самым носом.
Ну, а в лесу, брат, волки — не куры,
Неприкосновенность личности у них под вопросом.

Любила, отдавала последнюю крошку.
Да волкам козла и скормила.

Оставили бабушке рожки да ножки.
С волчьей стороны и это очень мило.

Игорь СЕВЕРЯНИН

У старушки колдуньи,
крючконосой горбуни,
козлик был дымно-серый, молодой, как весна.
И колдуньино сердце
в тихо грезовом скерцо
трепетало любовью, как от ветра струна.

На газоне ажурном
златополднем пурпурным
так скучающе-томно козлик смотрит на лес.
Как мечтать хорошо там,
сюпризерным пилотом
отдаваясь стихийно тишине его месс.

Ах, у волка быть в лапах
и вдыхать его запах —
есть ли в жизни экстазней, чем смертельности миг.
И старушке колдунье,
крючконосой горбунье,
подарить импозантно лишь рогов своих шик.

Владимир МАЯКОВСКИЙ

Скрипела старуха
телега словно:
кха, кхе, кхо, кхи.
Великолепно мною уловлены
старухины все грехи.
Дрянной старухиной хаты возле
разрушенный
был
хлев.
Маленький, миленький серенький козлик
валялся там на земле.
Вздумалось козлику в лес погуляти.

Какое же дело мне?
Но я, старуха,
аккумулятор
загубленных козьих дней.
А мне козлы, те, кого обидели,
всего роднее и ближе.
Видели,
как собака бьющую руку лижет?
Напали на козлика серые волки,
душу кровью облив.
Встала дыбом,
испуганным, колким,
седая щетина земли.
Остались бабушке рожки да ножки.
Теперь ей козел какой?
В алтаре
альтами
звезды крошки:
со свя-ты-ми
у-по-кой...

Александр ВЕРТИНСКИЙ

Куда же вы ушли, мой серенький, мой козлик,
с бубенчиком на лбу и с лентой на рогах?
Грустит ваш сад. Наннет-старушка плачет возле
об умершей любви, о майских прошлых днях.

В последний страшный час я видел вас так близко,
в далекий темный лес вас мчал кабриолет.
Под тяжестью волка потом вы пали низко,
лишь ножки и рога оставив для Наннет.

Сергей ЕСЕНИН

Рязанские лощины,
коломенская грусть.
Одна теперь в долине
живу я и томлюсь.

Козел мой златорогий
гулять умчался в лес.
И свечкой четверговой
горел окрай небес.

Рычали гневно тучи,
мотали головой,
уступы тьмы дремучей
глotalи тучий вой.

Я проклиная Китеж
и тьму его дорог,
восстал бездонный вытяж,
разорван козий бог.

Стучали волчьи зубы
в тарелки языков.
Опять распят, погублен
козлиный Саваоф.

О лебедь гнутых рожек
и ножек серый гусь!
Рязанские дорожки,
коломенская грусть.

Из цикла «Веверлеи»

Александр БЛОК

Пошел купаться Веверлей,
Оставив дома Доротею.
С собою пару пузырей
Берет он, плавать не умея.

И он нырнул, как только мог,
Нырнул он прямо с головою.
Но голова тяжеле ног,
Она осталась под водою.

Жена, узнав про ту беду,
Удостовериться хотела.
Но, ноги милого в пруду
Она, узрев, окаменела.

Прошли века, и пруд заглох,
И поросли травой аллеи,
Но все торчит там пара ног
И остов бедной Доротеи.

Там каждый вечер в час назначенный,
Среди тревожащих аллей,
Со станом, пузырями схваченным,
Идет купаться Веверлей.

И медленно пройдя меж голыми,
Заламывая котелок,
Шагами скорбными, тяжелыми
Ступает на сырой песок.

Такой бесстыдно упоительный,
Взволнован голубой звездой,
Ныряет в воду он стремительно
И остается под водой.

Вздыхая древними поверьями,
Шелками черными шумна,

Под шлемом с траурными перьями
Идет на пруд его жена.

И ноги милого склоненные
В ее качаются мозгу,
И очи синие, бездонные
Цветут на дальнем берегу.

И странной близостью закована,
Глядит на темную вуаль,
И видит берег очарованный
И очарованную даль.

И в этой пошлости таинственной
Оглушена, поражена,
Стоит над умершим единственным
Окаменевшая, одна.

Анна АХМАТОВА

Все как прежде: небо лилово,
Те же травы на той же земле,
И сама я не стала новой,
Но ушел от меня Веверлей.

Я спросила: чего ты хочешь?
Он ответил: купаться в пруду.
Засмеялась я: ах, напророчишь
Нам обоим, пожалуй, беду.

Как забуду? Он вышел бодрый
С пузырями на правой руке.
И мелькали крутые бедра
На хрустящем желтом песке.

Для того ли долгие годы
В одинокой любви прошли,
Чтобы отдал ты темным водам
Свой загадочный темный лик?

Тихо сердце мое угасло,
На душе у меня темно.
— О, прости, я не знала, что часто
Голова тяжелее ног.

О, как сердце мое темнеет —
Не смертельного ль часа жду?
И я одна каменею
На холодном темном пруду.

Осип МАНДЕЛЬШТАМ

Уже растоптана трава в лугах Эллады,
И блещет ярко в небе Фазтон.
В прохладных рощах в полдень спят дриады
И к Пану самому слетает сладкий сон.

Широколистые не секут тени клены,
Лучам пылающим открыт песок аллеи.
Полуденным пыланьем утомленный,
Купаться поспешил прекрасный Веверлей.

Оставил верную он дома Доротею.
На тело голое навлек простой хитон.
Обул сандалии. Но, плавать не умея,
Два легких пузыря берет с собою он.

Эмаль холодную он рассекает смело,
С разбегу в воду он ныряет головой.
Но тяжелее голова, чем тело,
И, дивная, она осталась под водой.

Летят, как горлицы, стенанья Доротеи.
Спешит, прекрасная, бежит, как легкий пух.
Но, ноги милые заметив средь аллеи,
Несчастная, она окаменела вдруг.

Не для того ль ползли арбы веков в тревоге,
На мне столетия оставили свой след,

Чтоб видел над водой я высохшие ноги,
А на аллеях зрел я горестный скелет?

И вновь вигилии ночные скорби множат, —
И век наш варварский, как бывшие, пройдет.
И снова бард чужую песню сложит
И как свою ее произнесет.

Приложение

Как создавался «Парнас дыбом»

Более сорока лет тому назад, в 1925 году, харьковским издательством «Космос» была выпущена в свет небольшая книжечка под названием «Парнас дыбом». На титульном листе ее стояло: «А.Блок, А.Белый, В.Гюфман, И.Северянин... и многие другие про: КОЗЛОВ, СОБАК и ВЕВЕРЛЕЕВ». Имени автора указано не было.

Книжечка эта, которую читатели называли сборником пародий, разошлась немедленно, и на протяжении двух лет вышло еще три издания — последнее, четвертое (на титульном листе по всеобщему недосмотру напечатано «второе»), в 1927 году — общим тиражом 22 тысячи экземпляров, что по тем временам было немало.

Начиная со второго издания на титульном листе появляется: «Составители: Э.С.П., А.Г.Р., А.М.Ф.».

Что это за книжка, кто ее составители, укрывшиеся за никому не известными инициалами? Через сорок лет можно эту тайну раскрыть...

Мы были тогда, в 1922 году, студентами, а потом аспирантами Харьковского университета (в те годы он назывался Академией теоретических знаний, но вскоре был переименован в Институт народного образования). Молодые и веселые, мы интересовались всем на свете, но родной своей стихией считали литературу, язык, стилистику; хотелось же нам, чтоб наука была веселой, а веселье — научным. И достаточно нам было услышать пародийное четверостишие (кажется, Эмиля Кроткого):

В ночи, под знаком Зодиака,
Хочет пулеметная тесьма,

А у попа была собака,
И он ее любил весьма, —

чтобы сразу загореться двумя идеями. Первой — научной: какой бы вид приняло то же произведение, будучи написано в различных жанрах и стилях; и второй — веселой: а чем мы хуже Кроткого? Но обе эти идеи мы объединили, чтобы не только создавать веселые вещи, но чтобы на них разрешить вопрос о соотношении формы и содержания. Один из нас, впоследствии завкафедрой зарубежной литературы Харьковского госуниверситета, недавно скончавшийся А.Г. Розенберг, пошел по тому же следу и написал ряд вариаций на тему «Собака»; Э.С. Паперная, ныне детская писательница и переводчица, выбрала другую тему — серенького козлика; А.М. Финкель, языковед, работник ХГУ, разработал «Веверлеев». Впрочем, монополии не было, и каждый из нас обрабатывал и темы соседа.

Итак, изобретателями мы не были: этот прием использовался и до нас. Разница лишь в том, что мы не были и не хотели быть пародистами, мы были стилизаторами, да еще с установкой познавательной. То же, что все это смешно и забавно, — это, так сказать, побочный эффект (так нам, по крайней мере, тогда казалось). Однако эффект этот оказался важнее нашей серьезности и для издателей и читателей совершенно ее вытеснил.

Года три эти сочинения были достоянием узкого круга людей и ходили в списках по Харькову. При активном содействии нашего общего друга И.Я. Каганова (ныне доцента Харьковского института культуры) представилась возможность кое-что из этого издать. Были отобраны самые удачные вещи в количестве всего 37 произведений (из многих десятков), предпослано введение, стилизованное под «Разговор книгопродавца с поэтом» Пушкина, и в начале 1925 года книжечка вышла под известным уже названием, навеянным мейерхольдовским спектаклем «Земля дыбом».

К этому времени серьезность наша стала большей, а резвость — меньшей, и потому мы сочли, что научным сотрудникам университета, даже если он называется ИНО, не подобает выступать в печати столь легкомысленно, и постеснялись назвать свои имена: первое изда-

ние вышло анонимно. Но скоро нам стало известно, что «Парнас» приписывается разным лицам, никакого отношения к нему не имеющим. Поэтому уже во втором издании мы поставили свои инициалы (Э.С.П., А.Г.Р. и А.М.Ф.), чтобы хоть косвенным путем защитить себя, соблюдая при этом чистоту научных званий.

Но второе издание отличалось от первого не только этим — оно было исправлено и дополнено. В первом издании, как уже упоминалось, было дано 37 произведений («Собака» — 7, «Козлов» — 18 и «Веверлеев» — 12); во втором их стало 43, причем увеличение произошло исключительно за счет «Собаки», которых теперь стало 13. Этот объем остался каноническим и для третьего, и для четвертого изданий.

После 1927 года книжечка эта не переиздавалась и стала библиографической редкостью даже для ее авторов.

Архив «Парнаса» — не менее ста произведений — хранился у А.М. Финкеля, но вместе со всей его библиотекой погиб во время войны.

Э.Паперная, Л.Финкель

Борис ПАСТЕРНАК

Какое сделал я дурное дело*

Какое сделал я дурное дело,
и я ли развратитель и злодей,
я, заставляющий мечтать мир целый
о бедной девочке моей.

О, знаю я, меня боятся люди,
и жгут таких, как я, за волшебство,
и, как от яда в полном изумруде,
мрут от искусства моего.

Но как забавно, что в конце абзаца,
корректору и веку вопреки,
тьнь русской ветки будет колебаться
на мраморе моей руки.

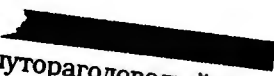
*В основе пародии — стихи и проза Б.Пастернака (в частности, его стихотворение «Нобелевская премия»), аллюзии к А.С. Пушкину и собственная проза В.Набокова. Строчка Пастернака «Над красой земли моей» намеренно искажена: «О бедной девочке моей», заставляя читателя вспомнить (и сопоставить с набоковской Лолитой) «бедную девочку» Татьяну А.С. Пушкина.

Литературная штамповка,
или Пиши как люди!

Из пособия для начинающего литератора

Бдительность младенца

Отрывок из шпиономанской повести

... *Н* олуторагодовалый Васютка

проснулся в своей колыбельке, когда лучи солнца достигли его лица. Он сладко потянулся и высунул головку за края зыбки. Но — что это?.. Странный шум привлек внимание младенца...

Повернув головку, Васютка увидел, что за столом в избе сидит незнакомый дядька с черной бородой и кушает хлеб, положив подле себя большой револьвер...

Как молния, в голове у Васютки мелькнула мысль: «Дядя — бяка! Дядя хочет тпруа по нашей стране, чтобы сделать нам бо-бо!..»

Места колебаниям не было: Васютка сразу стал выбираться из люльки. Вот его ножонки достигли пола. Вот перевалился он голым животиком через высокий порог на крыльцо. Вот скатился по семи ступенькам на дорогу.

До ближайшей пограничной заставы — полтора километра. Только бы успеть, только бы доползти, пока там в избе дядя ам-ам хлеб!..

...Старший лейтенант Сигалев высоко вскинул в воздух Васютку. Теперь ребенок увидел зеленую тулью его пограничной фуражки совсем сверху.

— Так ты говоришь, мальчик, — ласково переспросил офицер, — что в вашей избе сидит чернобородый дядя, а рядом с ним лежит бух-бух неизвестной тебе системы?.. —

И, повернувшись к своим бойцам, старший лейтенант командовал: — По коням!

Эту команду Васютка еще слышал. А затем он задремал: давала себя знать трудная проползка до заставы. Но последней мыслью засыпавшего бдительного младенца была такая: «Теперь уже скоро. Теперь уже этому дяде зададут ата-та по попке...»

Исторические романы

В настоящее время исторические романы у нас пишутся в основном в трех манерах: 1) почвенной, 2) стилистической и 3) халтурной.

Возьмем в качестве сюжета исторический факт, послуживший художнику Репину для его знаменитой картины «Царь Иван Васильевич Грозный убивает своего сына — царевича Ивана», и посмотрим: что бы сделали с таким эпизодом автор-почвенник, автор-стилист и просто халтурщик.

1. Почвенники

Царь перстами пошарил в ендове: не отыщется ли еще кус рыбины? Но пусто уж было: единый рассол взбаламучивал сосуд сей. Иоанн Васильевич отрыгнул зело громко. Сотворил крестное знамение поперек рта. Вдругорядь отрыгнул и постучал жезлом:

— Почто Ивашко-сын не жалуется ко мне? Кликнуть его!

В сенях дробно застучали каблуки кованые трех рынд. Пахнуло негоже: стало, кинувшись творить царский приказ, дверь открыли в собственный государев нужник, мимо коего ни пройти, ни выйти из хором...

Не успел царь порядить осьмое рыгание — царевич тут как тут. Склонился в земном поклоне.

— Здоров буде, сыне. По какой пригоде не видно ты, не слышно?

— Батюшка-царь! Ханского посла угащивал, из Крымской орды прибывого. По твоему царскому велению. Только чудно зело...

— Что ж тебе на смех сдалось?
— У нехристя-то, царь-государь, башка — стрижена.
— Ан брита, царевич, — покачнул главою Иоанн Васильевич.

— Стрижена, батюшка.
— Не удумывай! Отродясь у татар башки бриты. Еще как Казань брал, заприметил я.

— Ан стрижено!

— Брито!

— Стрижено!

— Брито!

— Стрижено, батюшка, стрижено!

Темная пучина гнева потопила разум царя, застила очи. Кровушка буйно прихлынула и к челу, и к вискам, и к потылице. Не учуял царь, как подъял жезлие, как кинул в свою плоть:

— Потчуйся, сукин сын!.. Брито!..

— Стри... — почал было царевич, да и пал, аки колос созрелый под серпом селянина...

А уж стучали коваными каблуками и рынды, и окольничие, и спальники, и стольники, и иные царского двора людишки...

Царевич, как лебедь белая, плавал в своей крови...

2. Стилисты

Встал рано: не спалось. Всю ночь в висках билась жилка. Губы шептали непонятное: «Стрижено — брито, стрижено — брито».

Ходил по хоромам. У притолок низких дверей забывал нагибаться: шишку набил. Зван был лекарь-немец, клал примочку,

Рынды и стольники вскакивали при приближении. Забавляло это, но чего-то хотелось иного, терпкого...

Зашел в Грановитую палату. Посидел на троне. Примерился, как завтра будет принимать аглицкого посла. Улыбнулся: вспомнилось — бурчало в животе у кесарского легата на той неделе, когда легат сей с глубоким поклоном вручал свиток верительной грамоты...

С трона слез. Вздохнул. Велел позвать сына — царевича Ивана.

Где-то за соборами — слышно было — заржала лошадь. Топали рынды, исполняя приказ, — вызывали царевича, гукали...

Выглянул в слюдяное оконце: перед дворцом подъячий не торопясь тыкал кулаком в рожу мужика. Царь тут же примерил на ките: удобно ли так бить, не лучше ли — наотмашь?..

Сын вошел встревоженный, как всегда. Как у покойной царицы, матери его, дергалось лицо — тик. А может — так. Со страху.

— Где пропадаешь? — само спросилось.

Царевич махнул длинным рукавом кафтана:

— С татариним договор учиняли...

— С бритым?

— Он, батюшка, стриженный.

Улыбнулся сыновней наивности:

— Бритый — татарин...

— Стриженный...

Отвернулся от скуки:

— Брито.

— Стрижено!

— Брито!

Вяло кинул жезл. Оглянулся нехотя: царевич на полу. Алое пятно. Почему? Пятно растет...

Вот она — та, ночная жилка: «стрижено — брито»...

Челядь прибывала. Зевнул. Ушел в терем к царице — к шестой жене.

3. Халтурщики

Царь Иван Васильевич выпил полный кафтан пенистого карая, который ему привез один посол, который хотел получить товар, который царь продавал всегда сам во дворце, который стоял в Кремле, который уже тогда помещался там, на месте, на котором он стоит теперь.

— Эй, человек! — крикнул царь.

— Чего изволите, ваше благородие? — еще из хоромы спросила уборщица, которую царь вызвал из которой.

— Меня кто-нибудь еще спрашивал?

— Суворов дожидается, генерал. Потом Мамай заходил — хан, что ли...

— Скажи, пускай завтра приходят. Скажи, царь на совещании в боярской думе.

Пока уборщица топала, спотыкаясь о пищали, которые громко пищали от этих спотыканий, царь взялся за трубку старинного резного телефона с двуглавым орлом. Он сказал:

— Боярышня, дай-ка мне царевича Ивана. Ага! Ваня, ты? Дуй ко мне! Живо!

Царевич, одетый в роскошный чепрак и такую же секиру, пришел сейчас же.

— Привет, папочка. Я сейчас с индийским гостем сидел. Занятный такой индеец. Весь в перьях. Он мне подарил свои мокасины и четыре скальпа. Зовут его Монтигомо Ястребиный Коготь.

— А с татарским послом виделся?

— Это со стриженным? Будьте уверены.

— Он бритый.

— Стриженный.

— Бритый!..

Царь Иван ударил жезлом царевича, который, падая, задел такой ящик, в котором ставят сразу несколько икон, которые изображают разных святых, которых церковь считает праведниками.

Тут прибежали царские стольники, спальники, рукомойники, подстаканники и набалдашники...

Каждый сам себе драматург

Драма

Для построения штампованной драмы берется хорошо проверенный сюжет (всегда один и тот же, независимо от среды и времени действия): кто-то чего-то не осознает, несмотря на то что ему все вокруг советуют осознать, — и так до третьего акта. А в третьем акте под влиянием кого-то или чего-то неосознающий начинает осознавать, вследствие чего возникают развязка и финал пьесы.

Попробуем воплотить эту схему в различных социальных средах.

Колхозный вариант

Не осознает, разумеется, председатель колхоза. Чего не осознает? А это в зависимости от географического положения данной артели. Если колхоз расположен выше 56-й параллели или в Сибири, то недопонимание со стороны председателя может относиться к таким сельскохозяйственным культурам, как кукуруза или лен: если, мол, сеять их, то колхозу будет хорошо. А председатель упорно не сеет сам и другим мешает сеять... Южнее 56-й параллели речь пойдет о свекле, а ниже 50-й параллели сюжет пьесы строится на хлопке и рисе.

В третьем акте предколхоза осознает, что надо сеять то, что по его вине не сеялось, — осознает под влиянием одного из следующих факторов:

1) приехал сын-передовик из областного центра после прохождения курсов по переподготовке, и он разъясняет отцу;

2) председатель влюбился в передовичку Маланью, и она ему разъяснила;

3) председателя сняли, а его преемник посеял, и главный герой, то есть снятый председатель, понял, так сказать, задним числом, что надо было сеять.

Существенно также, чтобы диалог пьесы соответствовал ее основной окраске. Колхозный диалог пишется с реминисценциями во вкусе крестьянской речи прошлого, однако пересыпается современными словечками.

Председатель. Нишкни, старуха, разве в том дело, что навоз загнил? Душа у меня прет, вот что!

Марфа. Ах, Назарыч! Кабы смогла я раскрыть твои глазоньки да повернуть тебя по новому-то шляху и вровень с тою техникой, что нам дадена от государства, так боле мне ничего и не надоть от Господа Бога!

Возможны в диалоге варианты для южных республик с характерным национальным акцентом. Например, кавказский вариант:

Председатель. Ва! С каких пор женщина осмеливается указывать мужчине, что ему делать? Или ты захотела, чтобы я кинжалом отрезал твою косу, старуха?

Фатима. Ты можешь меня убить, Абдрахман, но от этого экономическое состояние нашего колхоза не улучшится. Только правильные севообороты выведут на путь счастья!

Председатель. Еще одно слово — и в ауле появится гроб с твоим телом, Фатима!

Зарубежная тематика

Основная схема сюжета остается прежней и в пьесах, действие которых происходит в капиталистических странах: некто — рабочий, мятущийся интеллигент или красивая (непреренно красивая!) молодая женщина — сперва не осознает всех недостатков капитализма, а к третьему акту начинает осознавать. Повод перековки — личные неприятности. Но лучше, если к этому добавить прямые высказывания лиц, осознающих уже в первом акте. Диалог в пьесах из заграничной жизни дает интересные возможности, ибо каждая страна, каждый язык обогащает пьесу характерными словечками. Например, в скандинавских пьесах существует определение «фрекен», что означает по-русски «барышня». Казалось бы, ну и что особенного? А вы убедитесь сами, сколь украшает разговор это нехитрое словцо:

Густав. Нет, фрекен, этого я сделать не могу...

Дагмара. А если я вас попрошу?

Густав. Все равно, фрекен, я не могу идти против своих убеждений.

Дагмара. Значит, вы меня не любите?

Густав (с укором). Фрекен!

Дагмара. Да, да, и не пытайтесь меня уверять! (Уходит.)

Густав (горестно вздыхая, вслед ей). Эх, фрекен, фрекен...

Теперь представьте себе: чего бы стоил приведенный выше диалог, если выбросить из него колоритное слово «фрекен»... То-то и оно!..

И в каждом языке есть такой талисман. Например, в английском языке — «сэр» или «мэм» (для дам). В итальян-

ском, испанском, португальском -- «синьор», «синьора», «синьорита»...¹ В польском языке хорошо работает в смысле местного колорита манера обращаться к собеседнику в третьем лице. Например:

Ковальский. Пан не хотел бы пройти со мною до полиции?

Дышмак. К огорчению пана, не имею времени.

Ковальский. А если я бардзо попрошу пана?

Дышмак. Я буду принужден отказать пану.

Ковальский. Тогда я возьму пана за панский шиворот и потащу пана!

Дышмак. А не хочет ли пан схлопотать по морде?

Ковальский. Ну, ведь я тоже в силах наподдать ногою под панский зад!

Дышмак. Пусть пан только попробует! Тогда пан немедленно проедется по мостовой панской харей!

Играют в тексте таких пьес и сравнительно простые выражения. Например, французский язык богат междометиями; напишите, допустим, начало реплики в пьесе из французской жизни: «О-ля-ля, мадам Мишо!» — и дальше можете говорить что угодно — все равно будет очень французисто.

А «каррамба» для испанцев? «Доннер веттер» для немцев?... И так далее...

Хорошо еще пользоваться местными названиями денег. Например:

Донья Гитана. Холодильник стоит двадцать крузейро, а у меня есть только пятнадцать крузейро и сорок сентаво.

Дон Померанцо. Ну, сеньора, это он запрашивает. Берусь вам достать такой холодильник за восемнадцать крузейро.

Донья Гитана. Да, но где я добуду эти недостающие два крузейро шестьдесят сентаво?

Дон Померанцо. Два крузейро я вам дам за ваше распятие из кипарисового дерева.

Донья Гитана. Набавьте хотя бы еще десять сентаво, дон Померанцо! Когда-то я заплатила за него целых чептыре с половиной крузейро...

¹ В испанском и португальском — «сеньор», «сеньора», «сеньорита». — *Ред.*

Думается, вопрос о зарубежной драматургии ясен и с этой стороны. Надо добавить только несколько слов насчет необходимости использовать в пьесах этого типа возможности показа буржуазного разложения. Разложение привлекает зрителей и крайне выгодно с изобразительной точки зрения: кабаре, шантаны, бары и прочие злачные места дают место для пряной музыки. Туалеты актрис в подобных случаях дозволяются самые пикантные. Недурно еще вводить сложные случаи супружеских измен, а также совращение если не совсем малолетних, то, по крайней мере, очень юных особ.

Для исполнения пикантных женских ролей в зарубежных пьесах (подлинно зарубежных или написанных нашими авторами на зарубежную тематику) практически возникло теперь новое амплуа для молодых и среднего возраста артисток. Это амплуа называется «инженю-проститю». Конечно, в справочниках по актерским тарифам и иных официальных документах такого термина вы не встретите, но на деле он в полном ходу.

На открытии осеннего сезона в Зоопарке

Систематически освещающая на страницах нашего журнала

зрелищные предприятия столицы, мы подошли к ответственной задаче — отразить работу Зоопарка в сезоне 1945/46 года.

Случайно зашедший к нам в редакцию театральный критик Д.Ковёрный-Никудышкин вызвался написать такую рецензию.

Наши сомнения в степени его подготовленности в вопросах зоологии он рассеял убедительной ссылкой на то, что в театре он понимает не больше, однако не раз выступал с театральными статьями.

Подумав и вспомнив его статьи, мы вынуждены были с ним согласиться.

Рецензия была сотворена Ковёрным-Никудышкиным в точном соответствии с обычным методом написания им статей. Мы представляем ее на суд наших читателей.

Д.КОВЁРНЫЙ-НИКУДЫШКИН

Люди и звери

Сейчас, когда проблема живого человека поставлена перед нашим искусством во весь свой гигантский рост, наш массовый зритель с особенным удовлетворением встретил открытие Зоопарка, показавшего после длительной подготовки свой звериный лик.

Территория парка с трудом вместила всех желающих посетить открытие. Собравшиеся зрители оказали теплый прием матерым хищникам, выставленным в краси-

вых гармоничных клетках под приветливой надписью: «Добро пожаловать!»

У клетки льва большое оживление. Невозможно удержаться от восхищения при виде этого зверя большой культуры. Героически звучит его рычание, восходящее к лучшим традициям классического театра.

Медленный поворот головы, увенчанной богатейшей гривой, — и мы встречаемся глазами. Он дружески смотрит на нас, что-то хочет сказать... но шум ребят отвлекает льва. «Потом... в другой обстановке», — как будто говорит он и медленно поворачивается к нам противоположной частью фигуры.

Мы переходим дальше. Совершенно непередаваемо впечатление от верной подруги льва — широкоизвестной львицы... Еле заметный трепет ее ресниц, прерывистые модуляции голоса, пластичные движения хвоста на глубокой психологической основе — вот у кого можно поучиться молодым кадрам Зоопарка!

Однако уже у соседней клетки нас поджидало досадное разочарование. Очевидно, дирекция Зоопарка в погоне за легким успехом у неприхотливого зрителя потеряла всякое чувство меры.

Представьте себе некую незадачливую лошадь с уродливо высокими передними ногами. Над этим высится шея, неоправданно вытянутая, нарушающая все законы реализма. Чтобы не быть голословными, отметим, что шея этого экспоната поднялась значительно выше расположенного рядом киоска с газированной водой. Комментарий излишни!

Этот, с позволения сказать, эксперимент вдобавок назойливо раскрашен пятнами. И все это трюкачество пытаются оправдать надписью «Жирафа».

Если зрители с негодованием отворачиваются от этого пережитка пустого развлекаательства, то это только понятно.

Весьма спорным показался нам и слон. Размещение в нем двух хвостов — одного спереди, другого сзади — дезориентирует посетителей, особенно молодежь, которая затрудняется выявить лицо этого животного, теряясь в догадках, где у него перед, где — зад. Конечно, не слон в

этом виноват. Маститое животное оказалось на поводу у той же дирекции. Но самое досадное было впереди.

Роль лошади в нашем сельском хозяйстве общеизвестна. Но где, в каком колхозе подметили горе-устроители парка полосатых лошадей?

Игривая надпись «Зебра» положения не спасает. На лицо полный отрыв от действительности. Зритель равнодушно проходит мимо.

Предельная серость — вот единственное определение для зайцев и кроликов.

И рядом ненужная роскошь. Пустая трата государственных средств. Мы говорим о страусе, которого почему-то понадобилось оформить целым ворохом дорогостоящих страусовых перьев. Как всегда в таких случаях, это излишество вызывает чувство досады. Неужели не ясно, что экономия выразительных средств приводит к усилению художественного впечатления?

Не лучше ли было ограничиться одним-двумя перьями на каждом животном? И, наряду с такими раздражающим «новшествами», в ряде случаев мы наблюдали старые штампы и полное отсутствие здоровой выдумки.

Разнообразные рыбы опять по старинке помещены в аквариумах, где вода мешает их обозрению. В то же время прекрасная солнечная лужайка рядом остается неиспользованной. Рыбы, развешенные изящными гиляндами на лужайке и сверкающие на солнце, были бы зрелищем и красивым, и поучительным.

Площадка для молодняка наполнена резвящимися молодыми представителями разных пород.

На первый взгляд здесь все как будто в порядке. Но взгляните внимательнее, и вы заметите, что все эти игры лишены какого бы то ни было содержания. Это игра ради игры. А разве можно этим заинтересовать зрителя, который пришел и отдохнуть, и поучиться?

Стоя перед клеткой с обезьянами, мы долго оставались свидетелями весьма рискованных мизансцен, уместных, быть может, в различных местах капиталистического общества, но в наших условиях производящих совершенно дикое впечатление. Мы не решаемся говорить подробнее.

Руководство парка должно срочно охватить обезьян воспитательной работой, и то, что это еще не сделано, пожалуй, самый большой промах!

Надо еще внимательно пересмотреть надписи на клетках. Порой они звучат слишком грубо. Вот некоторые «перлы» этого литературного «творчества»: «Стервятник», «Выдра». «Ехидна», «Свинья обыкновенная», «Вонючка», «Осел».

Неужели нельзя было обойтись без этих выражений?

Надо еще много поработать, чтобы Зоопарк оправдал свое культурное назначение. Поменьше экзотики, желания поразить во что бы то ни стало, подальше от внешнего блеска, причудливости и оригинальничания!

*Обработал и расставил
знаки препинания Н. Ак.*

Юлия ДРУНИНА

Хочу в траншею!

Мне спокойно с тобою,
Так спокойно с тобою,
Как бывало в траншее
За минуту до боя.

Ты пойми, мой хороший,
Ты пойми, мой желанный,
Я зачехну в квартире
С телефоном и ванной.
И дышать мне здесь тяжело,
И сидеть здесь неловко...
Ты пойми: фронтовая
Мне нужна обстановка!
Мне лежать непривычно
На домашней постели:
Спать люблю на земле я,
В сапогах и в шинели!
Погаси эту люстру,
Друг мой нежный и пылкий, —
Я стихи сочиняю
Лишь при свете коптилки!
Чтобы жить нам спокойно,
Мой любимый, с тобою,
Рядом с домом высотным
Я землянку построю.
От землянки до дома
Проложу я траншею:
Попадая в траншею,
Сразу я хорошею!
Захвачу я с собою —
Слышишь, друг мой сердечный? —
Котелок свой походный

Что кто из поэтов написал бы
по прибытии на Соловки

Игорь СЕВЕРЯНИН

В северном Котэдже

Я троегодно обуслонен
Коллегиально осужден.

Среди красот полярного бомонда,
В десерте экзотической тоски,
Бросая тень, как черная ротонда,
Галантно услоняют Соловки.

Ах, здесь изыск страны коллегиальной,
Здесь все сидят — не ходят, а сидят.
Но срок идет во фраке триумфальном.
И я ищу, пардон, читатель, blat.

Полярит даль бушлат демимоденки,
Вальсит грезер, балан искрит печаль,
Казрят дамы — в сплетнях всех оттенки, —
И пьет эстет душистый вежеталь.

Компрометируют маман комроты,
На файф-о-клоках фейерверя мат.
Под музыку Россини ловит шпроты
Большая чайка с занавеса МХАТ.

Окончив срок, скажу: — Оревуар,
Уйду домой, как в сказочную рошу,
Где ждет меня, эскизя будуар,
У самовара девственная теща.

* * *

По вечерам над соловчанами
Весенний воздух мглист и сыр.
И правит окриками пьяными
Суровый ротный командир.

А там за далью принудительной,
Над пылью повседневных скук,
СЛОН серебрится упоительный
И раздается чей-то «стук».

А дальше за постами самыми —
Касаясь трепетной руки,
Среди канав гуляют с дамами
Рискующие остряки.

И каждый вечер омрачающим
Туманом полон небосклон,
И я опять неубывающим
Остатком срока оглушен.

А рядом у дневальных столиков
Поверок записи торчат
И ротные противней кроликов
«Сдавайте сведения» кричат.

И каждый вечер в час назначенный,
Иль это только снится мне,
Девичий стан, бушлатом схваченный,
В казенном движется окне.

И медленно пройдя меж ротами,
Без надзирателей — одна,
Томима общими работами,
Она садится у бревна.

И веет тягостным поверьем
Метелка в узенькой руке,

Полна Особым назначеньем
Нога в болотном сапоге.

Сибирь и минусы склоненные
В моем качаются мозгу.
И сроки длинные, бездонные
Цветут на синем берегу.

Глухие тайны мне поручены,
Мне чьи-то сроки вручены,
И все души моей излучины
Осенней сказкою полны.

Сергей ЕСЕНИН

Недошедшее письмо к матери

Ты жива еще, моя старушка,
Жив и я, привет тебе, привет...
Получил в посылке я подушку
И цилиндр с парюю штиблет,

Слышал я: тая тоску во взоре,
Ты взгрустнула шибко обо мне.
Ты так часто ходишь к прокурору
В старомодном ветхом шушуне.

Ничего, родная, успокойся...
Не грусти на дальнем берегу.
Я хотя отчаянный пропойца,
Но без водки спиться не могу.

Я по-прежнему такой же нежный,
И мечта одна лишь в сердце есть:
Чтоб скорей от этой вьюги снежной
Возвратиться к нам — на минус шесть.

Я приду, когда раскинет ветви
Сад, купаясь в розовости вод,

Только ты меня уж на рассвете
Не буди, как, в роте на развод.

Не томи ж меня печальным взором,
Не грусти так шибко обо мне,
Не ходи так часто к прокурору
В старомодном ветхом шушуне.

Владимир МАЯКОВСКИЙ

После получения посылки
от Моссельпрома

Мой лозунг:

— «От жизни
все берите».

Но все

Я

Брать не готов:

это вам
не какой-нибудь критик —
а 10 лет Соловков!

СЛОН высок,

Но и я высокий.

Мы оба —

пара из пар.

Ненавижу
всяческие строки!

Обожаю

Всяческий гонорар.

Мой голос

ударит громом,
и рядом скиснет медь:

— Кроме,
как в УСЛОНе,

Нигде не хочу сидеть!!!

Тысяча тысяч,

знайте:

нет больше годов тоски.

Вам говорю:

покупайте

«Новые Соловки».

Примечание. Цена отд. ном. 5 коп., на год —
1 руб. 30 коп.

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

Бурбоны из Сорбонны

Здесь побывали все под сводом книжной арки:
Аркебузиры, лучники прошли.
Вийоны. Дон-Кихоты. Тьеры. Жанны д'Арки.
В жабо. В ботфортах. В пудре. И в пыли.

Здесь были все. Голландцы. Турки. Негры. Греки.
Здесь пили пунш. И били баккара.
Плотали сандвичи. Бананы. Чебуреки.
Альфонсы, франты. Шлюхи. Шулера.

Здесь пропивали всё: и кэбы, и фургоны.
Лечили люэс. Нюхали цветы
Магистры. Пэры. Мэры. Сэры. Гарпагоны.
Гризетки в капюшонах. И шуты.

Здесь морг времен. Кладбище. Свалка. Нашу жалость
К усопшим завернем в остатки от портьер.
Здесь все порэмешалось и слежалось:
Макс Линдер, Командор и Робеспьер.

Здесь пахло аглицким, немецким и французским.
Здесь кто хотел блудил и ночевал.
Здесь только мало пахло духом русским,
Поскольку Поль де Антоколь не пожелал.

Александр БЕЗЫМЕНСКИЙ

Речь по поводу

Друзья мои!
О чем вопрос!
Даешь сюда
статью любую,
Коробку спичек,
пачку папирос, —
И я статью любую зарифмую!
Итак, борьба!
Борьба к борьбе
Труба трубит
в трубу трубою!
Труба
трубою
по трубе!
В боях,
на бой
от боя
к бою!
Буржуям-гадам гроб!
И крах!
К чертям
конвенты-дивиденды!
Бум-бум, друзья!
Бум-бум и трах!
(Овации. Аплодисменты. Все встают и... уходят.)

Семен КИРСАНОВ

Зигзаги

Шло авто,
и в то
авто
я вто-
птан меж
двух дам
цвета бэж!
.....
Момолевский мультавар мом мосемь...

Были недовольны мы,
ехали в «Линкольне» мы.
Я с приятелем, и к нам
сели меж
пара наших новых дам
цвета бэж.
Едем криво,
едем косо.
Ехать прямо —
не к лицу.
По Садовой едем.
По Са-
дово (по Са) му кольцу.
Давай,
авто,
авто,
давай!
Гони,
а то
мотнем
в трамвай!
Не «Линкольн»,
а «Любо-Бис»!
Наконец
мы в клубе Пис.
Стали мы
глотать икру,
кушать джем,

стали мы
 играть в игру,
 в букву ЭМ:
 — Шуры!
 — Муры!
 — Фигли!
 — Мигли!
 — Пети!
 — Мети!
 Мсё!!!

Владимир ЛУГОВСКОЙ

Песня о мэтре

Итак, начинается песня о мэтре,
 о сантиметре и миллиметре!
 О книгах, которые были важны,
 которые стали теперь не нужны.
 А покуда песня до нас идет,
 а пока читатель по-своему поет:
 «Ах, как же ты, редактор,
 поспел, пострел!
 Кто тебя назначил?
 Куда смотрел?
 Эх, стих! И два! —
 Горе и беда.
 Налево — окоlesiца,
 направо — лабуда».
 Стой!
 Кто идет?!
 Сам читатель!
 Кончено!
 Залп!!!

Сергей МИХАЛКОВ

Дядя Степа

Кто не знает дядю Степу!
Он усат, но безбород.
Кто не видел дядю Степу
В полном смысле в разворот?
Он стихи слагает ловко —
Это раз!
На плечах его обновка —
Это два-с!
Он и пьесы сочиняет,
И кино не забывает,
И охотно развлекает
И актеров, и актрис —
Это три-с!
Все мы любим дядю Степу,
Уважаем дядю Степу.
Нет таких редакторов,
Кто его произведенья
Про лисиц и про бобров
Принимал бы без почтенья.
И на каждое чиханье
Раздается восклицанье:
«Дядя Степа, будь здоров!»

Степан ШИПАЧЕВ

Белье на веревке

Все сердцу любо. Все ласкает взор.
Я на простор хочу, я выхожу во двор.
Вот воробей чирикнул.
Сколько в нем сноровки!
Вот сушится соседское бельишко на веревке.
Подумать только: грязь на нем была!
А вот отмылось же бельишко добела.
Каким оно мне кажется приветливым и милым!
Как замечательно, что есть торговля мылом!

Сергей ВАСИЛЬЕВ

Метро и нутро

Щебаршится рассвет у дверей избяных,
Зачинается утро хитро.
Паренек в зипунке, в лапотках расписных
Во московское влазит метро.

Из далекой Перловки — земли дорогой —
Шел он семьдесят дён с батожком.
День уйдет на покой, день зачнется другой —
Парень знай себе дует пешком.

То не день аржаной
Потемнел до бровей,
То не дождь упадает с высот,
То бредет паренек подмосковных кровей
И посконную песню поет:

«Ой, дорога-панель, голубица-тоннель,
Я и сам-от похож на метро,
И гундосит во мне, словно дудка-свирель,
Земляное мое нутро»,

Борис ПАСТЕРНАК

Укромность

Мне в ванну хочется, в укромность
Звездообразных млечных брызг,
Где человека неумность
Обнажена до жути, вдрызг,

И где в луноподобном кране —
Ноктюрн расплавленной слюды,
Где я предчувствую заранее,
Что буду чистым до среды.

С хребта обвалы мыльной пены,
Как чудища, сползают вниз.
Обрызгав кафельные стены,
Я вылезаю ванны из.

Мочалка носится вприпрыжку,
И, как ведется искони,
Я тру лодыжку и подмышку
Косматым снегом простыни.
Улыбкой озаряя лоб свой,
Шепчу, волнением обуян:
— О коммунальное удобство —
В квартиру впавший океан!

Пусть мир опять поглотит хаос,
Мне мир не нужен, не знаком, —
Я после ванны пью какао с
Простым, как вечность, молоком.

Для вас, фантасты
Практическое
пособие-самоучитель-справочник
для начинающих

Предисловие

О [REDACTED]
говариваемся сразу — работа наша

вряд ли пригодится, например, братьям Стругацким, Гору и вообще той небольшой группе литераторов, которые неведь зачем упорно придумывают новые сюжеты, пишут свои книги на высокохудожественном уровне и дают простор творческой фантазии, да еще вдобавок демонстрируют читателям свои солидные научные познания. Зачем все это? Не проще ли творить так, как это делает основная масса писателей-фантастов, любимцев областных издательств, остановившись на одном, давно полюбившемся читателям, сюжете и на постоянной компании основных персонажей. И все будут довольны. И автор (тираж 300 000), и издательство (план!), и читатель (хотя вот тут — кто его знает?!).

Итак — мы начинаем!

I. Название произведения

Тут необходимо сразу проявить сноровку. Надо так назвать свое сочинение, чтобы читатель купил книгу, думая, что опус этот новый, и не раньше как через 20—30 страниц выяснил бы, что он это уже неоднократно читал.

Лучшее название для романа или повести — «Планета» или «Звезда». Причем обязательно с дополнением — для планеты с цветовым, а для звезды с буквенным. Например: «Синяя планета» (белая, зеленая, беж, желтая, черная), «Звезда X» (Y, Z, L, лучше из второй половины латинского алфавита. Еще лучше — греческий язык, например: Тау, Пи, Ипсилон, Альфа, Омега, Дельта).

ВАРИАНТ: планета какого-нибудь стихийного явления. Например: «Планета самумов», «Планета бризов», «Планета дождей», «Планета ветров слабых до умеренного».

Теперь, когда у вас уже есть название, следует избрать...

II. Место действия

Прямо скажем, выбор здесь небольшой. В основном существуют два варианта — либо Луна или Марс, либо планета из другой галактики, добираться до которой надо сотни световых лет. Венера начисто отпадает; про нее обычно герои романов вспоминают лишь в прошедшем времени и с большим отвращением. Например: «А помните, Рубен Тигранович, как мы с вами тонули в проклятых венерианских болотах?» Или: «Помнишь, камрад Рене, как мы чуть не погибли, наткнувшись на Венере у Южного полюса на гнездо ядовитых рататувей?»

Сатурн, Юпитер, Уран и т.п. совершенно непригодны — неуютно и непроверено, что-то там еще не получается с массой и притяжением. Но вот зато планета АД/115—70 из созвездия Альфа-Ромео (216 световых лет) — это кусочек лакомый. Есть где разгуляться!

Мыслящие существа на планетах делятся обязательно на две категории — поработанные-подземные и правящие-надземные. Иногда бывает наоборот, но это только в тех случаях, если под землей дышится легче. Жизнь надземная (крутлосуточно летающие персонажи) допустима только для низкоразвитых организмов — у мыслящих существ полно дел непосредственно на планете: смотрение в сверхтелескопы на другие миры, строительство межпланетных кораблей и свержение существующих строев. Хотя над Венерой изредка летали какие-то разумные субъекты.

III. Действующие лица

Земные персонажи

А. Главные герои

1. Командир корабля

Очень хороший человек лет 32 (35). Высокий широкоплечий голубоглазый блондин. Возможен шрам на щеке,

полученный при посадке на полый спутник планеты Амфибрахий-67. Женат, двое малых детей. (Два-три раза за роман его надо застать сидящим в одиночестве перед групповым семейным портретом.) Фамилия простая, короткая, крепкая — Громов, Кедров, Седых; реже — Прохоренко. Остается в живых.

2. Женщина-врач (биолог, физико-химик, химико-физик)

Предпочтительное имя — Вера, Надежда, Любовь. Реже — Софья. Желательно — Николаевна. 28 лет. Хрупкая шатенка с огромными глазами. Очень хороший человек. В отдельных случаях на мгновение робеет перед опасностью. Не замужем, но на Земле ее около двух тысяч лет ждет любимый, о чем в конце книги узнаёт следующий персонаж, а именно:

3. Коля (Володя, Петя, Саша)

20 лет, лаборант-практикант. Очень хороший человек. В очках. Некрасив, но с обаятельной улыбкой. Бесконечная жажда знаний. Тайно влюблен в предыдущую. В конце книги погибает, спасая остальных. Обожает командира. Полное имя, отчество и фамилия этого героя выясняются только на последней странице, когда цитируется письмо командира к Колиной старушке матери с сообщением о высших душевных качествах и героизме погибшего.

4. Профессор (археолог, геолог, физиолог, гельминтолог)

65—70 лет, слабого здоровья. Борода-эспаньолка. Академическая шапочка (даже в скафандре). Звать Марк Александрович (Михайлович). Очень знаменит и рассеян. Иногда доживает до конца экспедиции, но, как правило, гибнет в середине книги от удушья (пробитый скафандр). На протяжении всей книги несколько раз просит, чтобы друзья оставили его одного умирать на пыльных тропинках далеких планет. Вдовец. Неиссякаемый юмор, поговорки. Очень, очень хороший человек.

Б. Второстепенные герои (возраст любой)

1. Рубен Казарян
Ереван, гениальный математик. Очень хороший человек.

2. Парш Синг
Бомбей, астроном. Хороший человек.

3. Роберт Шелк
Чикаго, коммерсант. Очень плохой человек.

4. Глэдис
Его дочь. Значительно лучше отца.

5. Научные сотрудники и экипаж
Олаф Свендсен, Осло, довольно хороший человек; Билли Уайт, Ливерпуль, средний человек; Оттокар Жабка, Брно, хороший человек; Сабир Муртазов, Самарканд, очень хороший человек; Шалва Лебанидзе, Кутаиси, очень хороший; Эдуард Лейхтенштрац, Брюссель, неважный человек.

Вся эта разношерстная компания грузится в межпланетный корабль длиной не менее трех километров, с висячими садами, скоростными лифтами, финиковыми рощами, бассейнами, молочными барами и спортивными стадионами, и отправляется на какие-нибудь 100—150 световых лет в космическую бесконечность, почти не старея в пути благодаря небезызвестному открытию А.Эйнштейна.

Инопланетные персонажи

1. Верховный правитель планеты
Стар, высок, сед, умен, злобен, хитер. Гипнотические глаза. Всех подчинил своей воле. В финале кончается с собой.

2. Его дочь
Красавица. Миндалевидные глаза желтого цвета, очень широко расставленные. Влюбляется в командира корабля и спасает его и его друзей из заточения, при этом должна погибнуть сама.

3. Верховный жрец
Старый плешивый негодяй и вдобавок трус. Впоследствии бывает растерзан народными массами.

4. Молодой военачальник

Безнадежно любит дочь правителя. В конце переходит на сторону народа и становится во главе восстания. Все зовут его с собой на Землю, а он остается со своим народом.

На Марсе, например, имя и фамилия мужчины состоят из трех букв: двух любых согласных по краям и одной гласной в середине. Простор для фантазии, опирающейся на элементарные законы теории сочетаний, тут невероятный. Например: Дал Руп, Вон Там, Мох Сух, Сап Гир, Бар Бос и так до бесконечности.

Женские же марсианские имена состоят из двух или трех только гласных букв и в возможно более нежном сочетании. Например: Ао, Эо, Оэ, Аа, Аоа, Уаа и т. д.

Чем планета отдаленнее от матушки-Земли, тем имена становятся длиннее и труднее для произношения. Причем тамошние мужчины предпочитают согласные, оставляя женщинам одни гласные. Верховный правитель, например (а они есть на всех планетах), зовется Вэркмшох, а его дочь — Ааооэиамиа. Фамилий в этих местах Вселенной не бывает.

IV. Техническая терминология

Лучше всего обращаться с технической терминологией возможно небрежнее, вставляя ее в роман походя, как будто читателю давно известны все эти премудрые наименования. Читатель будет очень польщен такой верой в его научную эрудицию. Пример: Кедров включил Преобразователь Саммлина. По тусклому экрану забегали проворные парастульчаковые молнии.

— Эффект Каздалевского! — пожал плечами Марк Александрович. — Явление хорошо известное еще со времен старика Дронта с его примитивным крумолеостографом.

Упражнение: как превратить сухую науку в художественную литературу

1. Берется строгий физический закон. Например: всякое тело, погруженное в воду или другую жидкость, теряет в своем весе столько, сколько весит вытесненная им жидкость.

2. Закон этот мгновенно превращается в художественную литературу следующим способом:

«...освещенный зеленоватым лучом инфрапрефастора Сичкина, трепетно струившимся из двухрамкмированного реле синфорного ногтескопа Брехта, Громов наклонился над неподвижно лежащим Муртазовым, который со вздохом открыл глаза. «Всякое тело...» — прошептал Сабир и, слабо улыбнувшись, потерял сознание. «Погруженное в воду...» — задумчиво прошептала стоящая рядом Плэдис и, посмотрев на стрелку контрольных мураделевых весов, вдруг отчаянно вскрикнула: «Теряет в своем весе!» — «Столько, сколько весит», — спокойно отреагировал Громов. Медленными, сплессионально мерцающими струйками по полу растекалась вытесненная им жидкость...»

* * *

Итак, начинающий фантаст, за работу! Остается только в стабильный сюжет вставить новые названия и имена — и издание обеспечено! Правда, если останется бумага от очередного переиздания аналогичных книг более оперативных авторов.

Евгений ВИНОКУРОВ

Мои друзья

Мои друзья — загадка для меня:
Ровесники мы с ними, почему же
Я лучше становлюсь день ото дня,
А вот друзья — день ото дня все хуже?

Тот оплешивел, этот окривел,
Тот с зонтиком,
Тот хлопает калошей.
Собачки, дачки, карты — их удел.
Мои друзья — плохие. Я — хороший.

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Гипотенуза

Я — Петр Первый,
я — сын Расей,
Любитель пергал*
и лососей!
Я — город Веймар!
Я — вернисаж!
Я — веткой вербы
к вам за корсаж!
Язык резонов,
оревуар!
Я — Лактионов,
я — Ренуар!

* Пергала — слово, которого нет в словарях.

В Париж!
В Тулузу!
На ринг!
На трек!
Шаром в ту лузу,
Тулуз-Лотрек!
Есть сто речушек —
один порог,
Есть сто ватрушек —
один пирог.
Мне ветер сушит
разрез ноздрей.
Есть сто Андрюшек —
один Андрей!
Я — воз не сенский,
не сена воз, —
Я — Вознесенский,
возник из звезд!
И, словно плетью
меня хлеща,
Сплетеньем сплетен,
сплеча, сплеча!..
Я — искра, искра,
контакт искрит!
Я вокруг смысла,
что в строчках скрыт,
Оригинальности
пущей
для —
Даю
гигантского
кругаля!

Станислав КУНЯЕВ

Добро

Добро должно быть с кулаками,
Но если результата нет,
Добру годится также камень,
Годится палка и кастет.

Хоть вывод мой и необычен,
Но если после зуботычин
Твой лучший друг на землю — бряк!
То это значит — ты добряк.

Самуил МАРШАК

Баллада о простом пиджаке

Девочка
Берегом речки бежала,
Вдруг оступилась
И в воду упала.

Смотрит народ
От зари до зари,
Как поднимаются
Вверх пузыри.

Тут бы, конечно,
Той девочке крышка,
Если б не ехал
В трамвае парнишка.

Этот парнишка
В простом пиджаке
Лихо подпрыгнул
И скрылся в реке.

Уйма собралась
У речки народу.
Смотрит народ
На бурлящую воду.

Смотрит народ,
Как парнишка простой
Станет спасителем
Девочки той.

В этот же день
В половине шестого
Ищут повсюду
Парнишку простого.

Ищут парнишку
И этак и так.
Ищет его
И писатель Маршак.

Средь человеческого
Шумного роя
Долго искал —
Не нашел он героя.

Трудно!
Единственный признак —
Пиджак...

Так был наказан
Писатель Маршак.

Александр МЕЖИРОВ

Переформировка

Почти вот так же ландыши цвели,
Когда, минуя Невскую Дубровку,
Меня комбаты хмурые вели
В глубокий тыл на переформировку.

Там зампотехи встретили меня,
Когда я шел вдоль Невского проспекта,
И решена была к исходу дня
Проблема моего боекомплекта.

Потом в теплушке, сидя на полу,
Я по стене размазывал варенье.
Кончалось детство.
Ротный спал в углу,
Не зная про мое стихотворенье.

Ярослав СМЕЛЯКОВ

Шамовка

В ресторанах родной земли
На втором году пятилетки —
Вилки, ложки, судак-орли,
Накрахмаленные салфетки.

Возражений особых нет.
Судака я запью нарзаном.
Но шамовку минувших лет,
Забывать нипочем нельзя нам!

Мы садились за стол, черны,
И движением рук усталым
В рот пропихивали блины,
Что припахивали металлом.

Нам заказывал бригадир —
Вот о чем я сейчас толкую, —
Не какой-нибудь там пломбир,
Не телятину никакую.

Но в немыслимой той дали
Представлялась нам почему-то
Повкусней судака-орли
Каша, рыжая от мазута.

Из книги «1001 короткая басня»

Сергей СМИРНОВ

1

Фуганок и фуга

С Фуганком
 повстречалась
 Фуга.

Мораль:
 им не понять
 друг друга.

2

Лев и комар

Комар
 отчаянно
 зудел

И Льва
 нечаянно
 задел.

Иной
 работничек пера
Напоминает
 Комара.

Из книги «Как съесть небо»

Владимир СОЛОУХИН

Люблю

Люблю растенья: пестики, тычинки,
Пыльцу люблю, люблю стволы и ветви;
Еще люблю животных травоядных,
А тех, что любят мясо, не люблю.
В младенчестве (люблю об этом вспомнить)
Я ловко забирался на деревья
И разорял там гнезда ястребов,
Сворачивая шейки ястребят:
Я не хотел, чтоб выросли они
И клювики окрепшие вонзили,
А также когти в полевых мышей.
Когда бы жил я в Африке Центральной,
Я льявт ловил бы и тигрят игривых
И прекращал бы их существованье,
Пока у них не выросли клыки.
Но стоп! Довольно! Эти рассужденья
Нас заведут, читатель, далеко,
Поскольку человеческие дети,
Чуть подрастут, уж тоже точат зубки
На антрекоты и на шницеля...
Итак, люблю растенья и животных,
А также стих люблю продолговатый,
Лишенный рифмы.
Пусть Уолт Уитмен
Четырежды в гробу перевернется,
Но я не откажусь от этой формы,
Где можно рассуждать о том о сем,
И вновь о том, и, наконец, об этом!

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Рождественский поцелуй

...хотя лобызаться с Фордом
Я, в общем-то,
Не собираюсь...

За Робертом
Рождественским

Бежит,
рыдая,
Форд:

— Ах, почему ты,
Роберт,

Так нестерпимо
горд?!

Ты подари мне,
Роберт,

Горячий поцелуй!..

— No! —
отвечает Роберт. —

No, мистер!
Не балуй!..

Здесь не раскроет
в робе рта

Рабочий человек...

Не совратишь ты
Роберта,

Миллиардер,
вовек!

Не та организация,

Другое авеню.

С тобою
лобызаться я

Повре-
ме-
ню.

Ступай
своей дорогою

Над пропастью,
где рожь!

И я тебя
 не трогаю,
И ты меня
 не трожь!.. —
Неоном
 окантованный,
Плешивый,
 злой как черт,
Уходит
 нецелованный,
Несчастный
 мистер Форд.

Василий ШУКШИН

Пека

Пахло мокрой ботвой, с огородов напалз туман. Дед сидел на завалинке блеклый, как ботва, перхал, моргал слезящимися глазами. Подсел Пека. Обритая шишковатая его голова напоминала невыкопанную картофелину.

— Чего это ты — наголо? — спросил дед, ощупав Пекину голову негнущимися пальцами. — Али мода у вас, у теперешних, такая?

— Темный ты, дед, — с горьким сожалением сказал Пека, дыхнув третьеводнишним перегаром. — Ничего кругом не понимаешь. Остригли меня. Вот тебе и вся мода.

— Неужто забрили?

— Это в каком смысле?

— В армию уходишь? На действительную?

— Совсем ты, видать, из ума выжил. В милиции остригли. За мелкое хулиганство.

— Это как же так?

— Придрались, гады... — В хрипловатом Пекином голосе зазвенела обида. — Я ему разок всего и сунул. По очкам.

— Это кому же?

— Агроному, кому же еще? А он, фраер, — в милицию. Нет того, чтобы по-хорошему... Уеду я, дед.

Пека сорвал лопушину. Пожевал. Бросил.

— Помру я скоро, — сказал дед.

— Оклемаешься.

— Хрен я оклемаюсь.

Подошла кошка, серая, как туман, наползавший с огородов. Поглядела слезящимися глазами. Пека взял ее за хвост. Раскрутил. Бросил. Кошка мягко приземлилась в огородах.

— Уеду, — сказал Пека.

...Звали его Петр Васильевич Евстигнеев. Год рождения — 1942-й. Женат. Двое детей. Брат в торговом флоте. В детстве любил ловить раков.

Борис ЛАСКИН

Торт «пralине»

Петр Петрович Перепелкин — мужчина подпенсионного возраста, с крутой проплешиной и тонким голосом — весело ввалился в двухкомнатную отдельную квартиру своего племянника Миши со всеми удобствами на третьем этаже крупноблочного дома, недавно полученную им в пррядке улучшения жилищных условий, и бодро воскликнул ставя на круглый стол рижского столового гарнитура «Дзинтари» коробку с тортом «пralине»:

— Здравствуйте, я ваш дядя Петя!

— Петро, — поправил племянник.

— Ну, если хочешь, то Петро, — охотно согласился Петр Петрович. — Может, ты меня в детстве так и называл, ведь мы лет двадцать не виделись. — И все весело захотали.

— А это твоя жена Люся, я сразу узнал ее по фотографии.

— Не Люся, а Муся, — поправил племянник, набивая рот дядюшкиным тортом.

— Разве? — удивился дядюшка. — Простите меня, старого склеротика. — И все дружно рассмеялись.

— А как здоровье тети Саши? — спросила Муся наклонившись себе на десертную тарелку из нового сервиза, купленного в фирменном магазине «Данциг», второй кусок торта.

— Тети Паши, ты хотела сказать? — поправил ее дядюшка, и все так и покатались. — Ничего, не жалуется... А где Женька? Почему я Женьки не вижу?

— В школе Женька, — прошамкал племянник, дожывая торт.

Отворилась дверь. Вошел Женька — курносый, веснушчатый подросток.

— Вот он, наш второгодник... то есть, я хотел сказать, второклассник, — представил его дядюшке племянник, и все весело рассмеялись.

— Как же так? — удивился дядюшка. — Я был уверен, что Женька — девочка, а это безусловно мальчик.

— Ясно, мальчик, — обиженно сказал Женька, поспешно засовывая в рот последний кусок торта «пралине». Все чуть было не расхохотались, но вовремя спохватились.

— Гриша, — обратилась к мужу удивленная Муся, — почему дядя Петроний решил, что Женя — девочка?

— А почему ты называешь меня Петронием, когда я Петр, а Мишу — Гришей, хотя он Миша? — в свою очередь спросил удивленный дядюшка. И тут все разъяснилось. Оказалось, что П.П. Перепелкин ошибся адресом: вместо Пятой Поперечной улицы попал на Пятую Перпендикулярную.

Все же остальное, кроме всех имен и пола ребенка, полностью совпало!

Это был чужой дядя!

Все очень смеялись.

Владимир СОЛОУХИН

По грибы

По грибы, сударь мой, ездят обычно с субботы на воскресенье. Месткомы фрахтуют у администрации автобусы, и этими автобусами грибники с корзинами и ведрами субботним вечером шпарят из Москвы по всем направлениям. На обочинах, не выходя из машины, кое-как перемогаются до рассвета, и, лишь только начинает развидняться, они уже в лесу.

Я тоже ездил несколько раз подобным образом. А потом перестал. Теперь у меня другая система.

Вы будете смеяться, а я вам скажу, что нет ничего лучше, как ездить по грибы в понедельник. Да-да, именно в понедельник! Вы спросите: как же так, ведь накануне грибники прочесали все Подмоскovie? А вы послушайте...

Ежели лето грибное, то настоящего грибника грибы всегда дожидаются. Это проверено. Ну а ежели не грибное, то и тогда настоящий грибник не вернется с пустыми руками. Конечно, при условии, что поедет в понедельник.

И нет никакой надобности трястись в автобусе, ночевать в нем, притулившись на сиденье и стуча зубами от холода. Отработав в воскресенье, вы организуете себе свободный понедельник, утром, часиков в девять, встаете, умываетесь, бреетесь, завтракаете — все как полагается — и нормально, пригородной электричкой едете себе в какой-нибудь подмосковный лесок или рощицу. И не обязательно далеко, а километров за тридцать или сорок. Опыт показывает, что это самое верное расстояние. Ну а дальше все идет как по маслу.

Вот, к примеру, вчера. Поехал я... нет, не скажу, с какого вокзала, вы уж не обижайтесь: у нас, заядлых грибников, есть такая слабость — грибные свои места не афишировать... Ну, в общем, поехал, сошел, и вот я в лесу.

Иду. В левой руке корзинка, в правой — палка, в кармане ножичек, за спиной пустой вещевой мешок. Первым делом обследовал опушку. Стоп — подберезовичек... Аккуратно срезаю его ножиком, очищаю шляпку от земли и присохших травинок, кладу в корзинку. Иду дальше. Стоп — поллитровка от «Столичной». Поднимаю, осматриваю горлышко — не отбит ли край, — опускаю в вещевой мешок. Выхожу на лужайку. Посередине три молоденькие левитановские березки. Это место безотказное, я его заприметил еще с прошлого года. И точно: подбираю две посуды из-под «Старки», а пошевелив палкой под кустиком, извлекаю бутылку из-под портвейна «Три семерки».

Известно ли вам, что такое «ведьмины кольца»? Нет? Значит, грибник вы, извините, малоквалифицированный. «Ведьмины кольца» — это когда грибы растут не по-

одиночке, а кругами. Большая для грибника удача обнаружить «ведьмино кольцо». Ну так вот, вчера я его нашел! Представьте себе небольшой лесной овражек, ельничек, пенек, а вокруг пенька, радиусом от него метра в четыре, разбросано семь или восемь бутылок: из-под водки, из-под пива, из-под лимонного ликера и даже из-под лимонада, что совсем уже редкость.

Собирать такие бутылки надо осторожно, чтобы не порезаться о пустые консервные банки.

Вот таким манером до обеда пошурujesz — в корзинке обязательно и подберезовички, и подосиновички, а то и боровичок забредет, а в вещевом мешке — рубля на три с копейками порожней посуды. Везти ее в Москву нет надобности: сдаешь тут же, в пристанционном поселке. Покупаешь на эти пустые бутылки одну полную и возвращаешься домой хоть и усталый, но хорошо отдохнувший.

Морис Слободской (р. 1913)
Александр Раскин (1914—1971)

Владимир ЛУГОВСКОЙ

Мудрость

Ты скоро лишишься,
товарищ,
Последнего бреда
и сна...

Любимая!

Ты пока спи.
А я загрустил всерьез.
Волга впадает
в Каспий,
Лошадь жует
овес.
Идут водяные струи
по всей ширине реки.
Немыслимые напевы
коснулись моей строки.
Я понял, где дно, где берег,
где ветер и где вода.
Забронзовели легкие,
и выросла борода.
Луна от Орла до Казани
лимоном висит на весу.
Я ел бутерброды с маслом,
копченую колбасу.
Я все пережил и видел,
времен чехарду познал.
В моем огороде — дядя,
а в Киеве — бузина.
В моей телефонной книжке
три тысячи номеров,
И между двумя звонками
я чувствую бег миров.

Раньше был Сережей просто,
Даже маленького роста.
А теперь — до облаков,
Потому что — Ми-хал-ков!

Дети любят красоту,
Дети любят высоту,
Я на радость всем ребятам
Заявляю, что расту!

Скоро буду я длинней,
Чем известный всем Корней,
Потому что он Чуковский,
Потому что я смешней.

Что касается Барто,
То она совсем не то.
Мне давно уже по пояс
Этой женщины пальто.
Мне почет всего дороже.
Я гуляю по Тверской,
Сто ребят кричат: «Сережа!»
Десять женщин: «Кто такой?»

Я, ребята, протестую —
Мне кричали раз гуртом:
«Прочитай про цепь златую,
Что висит на дубе том!» —
«Всем спасибо за почет,
Это Пушкин вам прочтет!»

Я пишу ребятам книжки,
Их сосут, как леденцы,
Все девчонки, все мальчишки,
Все мамыши, все отцы,
Триста старых сторожей
Из различных гаражей,
Все, кто ходят в зал Колонный,
Все ребята с Малой Бронной,
Два котенка,
Два утенка,

Три веселых поросенка.
Знает каждый, кто таков
Сверхписатель Михалков.
Отойдите от меня —
Я сейчас напишу что-нибудь совершенно
замечательное!

Евгений ДОЛМАТОВСКИЙ

Корова на лугу

Лавка керосинная открыта
Ровно с девяти до девяти.
Очень рано. Девочка с корытом
Даже не пытается войти.

Голубой старик выходит. «Ишь ты!» —
Говорит, кивает головой,
Дворник, премированный семижды,
По своей гуляет мостовой.

Запах огуречного рассола
К небу подымается. И вот
Сверстник мой, умен, красив и молод,
В стратосферу синюю плывет.

Ксения, Оксана или Рива —
Кто его ревнует к облакам?
Юноши осеннего призыва
С мая привыкают к сапогам,

Забывают желтые штиблеты,
Песню «Партизанскую» поют...
Осенью, зимой, весною, летом
На углу «Вечерку» продают.

Только я ее не покупаю —
Мне газету носят по утрам...
Шарики воздушные взлетают,
Под землей ребята едут в ТРАМ.

Мокро под дождем, под крышей сухо,
Клейкая бумага на окне,
Прилепившись, погибает муха —
Вот он мир, открытый только мне.

Хороша страна моя родная,
Только я чего-то заскучал,
В розовом беретике, смешная,
Я тебя сегодня не встречал.

Ты тоннели роешь, золотая,
И грустишь от всякой чепухи.
Я тебя развеселю, читая
Вывески, плакаты и стихи.

Спишь или не спишь? Больна? Здорова?
Ты прости, родная, я бегу —
Лучшая по области корова
Где-то здесь пасется на лугу.

Сергей ВАСИЛЬЕВ

* * *

Я сибиряк по рождению
И фантазер по призванию.

Сядь, Ивановна, сядь, Степановна,
Сядь, Акимовна, у плетня.
Не пора ли вам слезы высушить,
Слезы высушить, слушать-выслушать,
Слушать-выслушать про меня?

За Якутсками, за Тюменями —
Ой какая лежит тайга!
Не кормили меня пельменями,
Я без роду гулял, без племени,
Во немыслимых сапогах.

За соседями, за медведями
Золотая строчит лиса...

Ой, зеленые, ой, смоленные,
Ой, каленые, ой, соленые,
Эх, сибирские, ух, леса!

За кордонами я с чалдонами
До пяти годов рос на щах,
С партизанскими эскадронами
Как-то встретился натошак.

Полумертвые, похуделые,
Завалились ребята спать...
Справа белые, слева белые —
Как товарищей выручать?

Сердце пало тяжелыше олова,
Волоса у меня в руке —
Я себе отрываю голову,
Улыбаясь, несу к реке.

Я пушу ее по течению
И такие скажу слова:
К партизанам, по назначению,
Ты плыви, моя голова!

Сколько ношено-недоношено
И неважного и хорошего,
Сколько выжжено зря лампад,
Сколько думано-недодумано,
Сколько писано-недописано,
Сколько издано... невпопад.

Нет Ивановны, нет Степановны,
Нет Акимовны у плетня...
Не сумел я им слезы высушить,
Не смогли они слушать-выслушать,
Слушать-выслушать про меня.

Замерз ли Костя?

Как пишут святочный рассказ о замерзшем мальчике
писатели В. Солоухин и Б. Ласкин

Владимир СОЛОУХИН

Дороги зимние и летние

З

от вы говорите: святочная тематика.

А признаться ли вам, что я этих святочных, ну, что ли, рассказов до сих пор не писал? Сейчас попробую. Ну, святочный так святочный, подумаешь, какое дело!

Мальчонка один наш, олепинский, Костя, приехал с матерью в райцентр за гостинцами и заблудился. Ну, потерялся, что ли. Кто уж из них был виноват, Костя ли, мать ли, ну, не виноват, не виноват, конечно, а как бы это помягче... проморгал, что ли, один другого, сказать не берусь. Задумал Костя в другой зал универмага пробежаться:

— Мамк! Я живо обернусь!

— Стой уж где стоишь! Неуж не терпится?

А сама, видать, раздумывает: нись пустить, нись нет?

Костя помчался, только ножонки в валенках замелькали. Вернулся быстро, а матери, к примеру, не нашел. Побрел Костя в одиночку по улице. Поплыли ему навстречу разные как бы зимние пейзажи. Сначала снег перед глазами был белый, небо серое, дома черные, а потом все стало тушеваться, заволакиваться, заштриховываться как бы сумерками. Ни с того вроде бы ни с сего стали припоминяться Косте разные отрывки из хресто-

матии и хоровые песни, заученные в первом и втором классах. Почему бы это? А потому, что дорога зимняя настраивает на высокий вроде лад, заставляет забыть о мелочах, о разных фактиках, к примеру о зябнувших ручонках и ножонках, поднимает со дна как бы души разные высокие мысли...

Полный этих мыслей, а потому веселый, хоть и крепко зазяб, подполз Костя к окну: ножонки уже отказали. Видит: за окном елка, а вокруг хоровод водят ребята, ну, там мальчики и девочки или что-то в этом роде. В отдалении Снегурочка пляшет, ловко так, умело — ее одна наша олепинская девчонка, Нюра, изображала. И Дед Мороз, Костя видит, тоже свой, олепинский, Егор Платоныч, плотник. Вышел Дед Мороз наружу, увидал Костю:

— Эх, паря! Замерз, чай? На, глотни!

Плотнул Костя и на ноги встал. А Егор Платоныч крепко обтер горлышко, сам приложился и говорит:

— Винища я этого выдул за свою жизнь омут, покарай меня бог, омут!

Сейчас Дед Мороз уходит, а на его место из дома девчонка выпрыгивает. Взяла Костю за руку. Тут надо заметить, что Костя в жизни своей ни под каким видом и предлогом не держал девочек за руки или еще за что. И такое тепло его охватило, ну, что ли, блаженство. И видит он, будто с девочкой этой идет по летней дороге в родную деревню. Кругом поле, и не то чтобы пустое место, а, к примеру, хлеба. Синее марево разливается, а из него то проглянет небыстрая, ну, что ли, речка, то затрепещут или вовсе задрожат молодые листики березы... И еще видит Костя, как несильным, неярким пламенем костерок горит и серебряная рыбина хвостом в речке бьет.

Да, забыл сказать, что Костя к тому времени замерз и на летнюю дорогу попал единственно силой сказочного, что ли, волшебства. Как в предсмертном воображении.

Короче говоря, совсем Костя замерз или частично, этого сказать не берусь. Может, он еще и выжил, и мать нашел. А может, помер. Никакого действия, ну, что ли, влияния, на мой рассказ эта подробность оказать не может.

Борис ЛАСКИН
Розовый лимонад

Костя потерялся. Только что он был с мамой в большом, нарядном магазине. Там было тесно, но дружно. Никто не толкался, все уступали друг другу очереди. Только и было слышно: «Извините! Нет, это я виноват!» — и звуки поцелуев. Добрые продавщицы ласково беседовали с покупателями. Счастливые, но не усталые, Костя и мама вышли на большую, нарядную улицу, и тут Костя потерялся. Нисколько не испугавшись, он солидно продолжал путь один. «Очаровательный мальш!» — восклицали прохожие, пробегая мимо. Освежающе пощипывал мороз. Костя остановился перед большим окном, за которым была нарядная елка. Дети водили хоровод и пели счастливыми голосами. Танцевала Снегурочка, играл на аккордеоне Дед Мороз. Косте очень понравилась одна стройная, золотоволосая девочка со знакомым лицом. Но тут внимание Кости отвлек неприятный ребенок иностранного вида, не желавший петь счастливым голосом, а что-то писавший в свой блокнотик. Костя хотел сжать кулаки, но понял, что замерзает. Вдруг открылась дверь, и выбежала золотоволосая девочка. Костя тут же ее узнал.

— Здравствуй, Галочка! — сказал Костя, поправляя башлык.

— Откуда ты меня знаешь? — удивилась девочка, поправляя юбочку.

— Твой портрет как отличницы учебы был на первой странице газеты «Учиться только на «отлично».

— А ты — Костя! Лучший лыжник второго «Б» класса. Я тебя тоже в газете видела! — засмеялась Галочка, поправляя пушистую прядь.

— Что вы тут делаете? — загремел грозный голос.

Костя вздрогнул, поправляя пошатнувшуюся Галочку.

— От здорово я вас разыграл! — захохотал мнимый злодей, отцепляя приклеенную бороду. Под ней оказалась другая борода, уже настоящая. Это был добрый водопроводчик дядя Егор.

— Идите веселитесь, и я с вами пойду, — добавил дядя Егор, поправляя шапку-ушанку. И подмигнул: —

Пойду, тяпну! По случаю праздника розовый лимонад в буфете дают!

Весело смеясь и держась за руки, они пошли в дом.

— О! Это что? — спросил иностранный ребенок.

— Елка! — хором ответили окружающие, каждый что-то поправляя в своем туалете.

Чужой ребенок бросил блокнотик и слезливо попросил принять его в хоровод.

— Небось думал, что у нас елок нет? — ворчал дядя Егор, приклебывая розовый лимонад. — А у нас, милый, да будет тебе известно, елки есть!

Прелестная Снегурочка сбросила пачки, балетки, парик и оказалась пожилой учительницей Марьей Марьевной. Она села в уголок и затуманенными от счастья глазами наблюдала за детьми. Ее ученики! Давно ли они кричали «уа» по своим колыбелькам? А сейчас кто отличник, кто лыжник, кто второгодник. «Растут дети, ох растут!» — шептала Марья Марьевна, грозя пальцем чужому ребенку. Но тот уже перевоспитался в дружном хороводе и лез ко всем целоваться.

Дед Мороз сбросил бороду, разделся и оказался Костиной мамой.

— Я замерз, и ты мне снишься! — догадался Костя, прижимаясь к родным коленям.

— Шалишь, брат, у нас не замерзают! — крикнул дядя Егор, поправляя портянки.

— Я нарочно потеряла тебя, сынок, чтобы сделать тебе сюрприз! — сказала Костина мама. — Это не сон. Это явь.

— Так, значит, явь лучше всякого сна? — спросил Костя.

— А как же! — крикнул дядя Егор и запнулся. Ему уже нечего было поправлять, а без этого говорить он затруднялся.

Лиса и заяц

Как расскажут эту сказку
наши фельетонисты

У Лисы была избенка ледяная, у Зайца — лубяная. Лиса попросилась к Зайцу переночевать да его и выгнала. Идет Зайчик, плачет. Вызвалась Собака помочь — не помогла. Пробовал Медведь — тоже не выгнал Лису. И Бык не выгнал. А пришел Петух — выгнал.

Леонид ЛИХОДЕЕВ

Хищница с запросами

Подвязав свой шикарный хвост в целях перевыполнения плана скромности, пряча блудливые глаза, она попросила у Зайца ночлега. Ее звали Лиса. Ее просьба дышала хорошо продуманной наивностью. Заяц дрогнул и сдался.

Так дробятся материальные ценности. Так хищники вползают на нашу площадь, а заодно и в души.

И вот хороший, передовой Заяц становится завсегда-таем винных лавок: поселившаяся у него хамка любила спиртное. Зайца видели плачущим: хамка его избивала. И вот она уже требовала, чтобы трехразовое питание подавали ей исключительно, как говорится, в койку, и вот уже обиталище Зайца стало оглашаться низкими зарубежными голосами: то хищница удовлетворяла свои духовные запросы купленными из-под полы пластинками.

И вот уже жизнерадостный, честный Заяц превратился в замордованное существо с травмированной нервной системой. Он вздрагивал по ночам от фельдфебельского храпа хищницы. Он плакал. Он шепотом жаловался соседям.

А что соседи? Что обитатели улицы Лесистой? Как вы помните, дорогой читатель, Нерону, чтобы играть на арфе, обязательно требовались пожары. Старика вдохновляли жуткие языки пламени, вырывавшиеся из пылавших древнеримских строений. Но времена изменились. Скажем прямо: арфистов на улице Лесистой не было.

Были зато рядовые трусы. Одна-единая хищница до-вольно долго держала их в кроличьем оцепенении.

Первой решилась Собака. Душеспасительная беседа с Лисой на моральные темы, однако, не состоялась. Фосфорически мерцая глазами, та пророкотала: «Вон!» — и Собака, трусливо озираясь, бежала.

О, это магическое «Вон!», повергающее в трепет слабые души!

Увы, дорогой читатель. Та же судьба постигла Медведя. Ему Лиса сказала иные, как говорится, слова. О, адские создания знают все слова! Медведь лишь крикнул, стыдливо зардевшись. Наблюдали ли вы зардевшегося медведя, читатель? Любуйтесь. Он перед вами.

А Быку Лиса сунула в нос бумажку с бледной печатью Лескома и неразборчивой резолюцией Травкома. Исчадия ада всегда до зубов вооружены бумажками! Это их щит, их броня, их забрало! Бык немедленно отступил. Таково действие бумажки на шаткую душу обывателя.

Петуха, ринувшегося в логово хищницы, провожала вся улица. Матери поднимали детенышей, чтобы показать им храбреца. Кто-то плакал навзрыд. Кто-то лежал без чувств. Щелкнули запоры. Петух вошел. И тут же улица Лесистая дрогнула от нечеловеческого хохота: то резвилась Лиса, которую безумно позабавил вид небольшого Петуха. Но тот молча глядел на хищницу прозрачным взглядом. И совершилось чудо: метя пыль шикарным хвостом огненных расцветок, хамка, пятясь, покинула чужую площадь.

Храбрость проста и трогательна, как зеленая травка.

Короче говоря — Заяц вселился в свой дом.

— К чему все это? — спросите вы, дорогой читатель.

А ни к чему. А просто так.

Илья ШАТУНОВСКИЙ

Плата за гостеприимство

...Приобретя в магазине коробку конфет и бутылку марочного вина, Заяц «спешил» домой. Там его поджидала Лиса, уже месяц «гостившая» в домике соседа, ссыла-

ясь на аварийное состояние своей площади. Со стороны Лисы были «клятвы» и «заверения» уехать через «пару» суток, но на поверку это оказалось ложью. Переехав, Лиса «развернулась» вовсю. Она пьянствовала, систематически избивала Зайца, сотрясала своды бранью и на все уговоры твердила: «Я так желаю».

Лиса «и» мораль! Лиса «и» приличие. Лиса «и» благородность... Никакой союз «и» не соединяет Лису с этими высокими понятиями. А ведь она выросла на улице Лесистой, бегала в Лесную школу... Не получая отпора, Лиса пристрастилась к чтению Ремарка и решила, что ей «все» дозволено. Телом проживая на улице Лесистой, душой Лиса тяготела к миру корысти и чистогана.

Не успел Заяц вытереть ноги о половичок, как послышалась страшная «площадная» брань и хриплый, пронзительный вопль:

— Где мой кальвадос?

Попытка Зайца покончить дело миром ни к чему не привела. Окончательно распоясавшаяся тунеядка выгнала хозяина из дома.

Но дело происходило не в темных джунглях, а на светлой улице Лесистой, где даже чужие спешат на помощь друг другу. В дом Зайца отправилась Собака. Тунеядка встретила Собаку хохотом и издевательствами, и последняя покинула помещение. Затем вмешался Медведь. Но и он не выдержал разнообразных «слов» зарвавшейся «любовительницы чужих углов». Затем пошел... Бык. Нагло усмехаясь, тунеядка показала Быку липовый «ордер», цинично эксплуатируя уважение к любому документу, свойственное обитателям улицы Лесистой.

Пьяные скандалы, «хохот», рев, ослиное мяуканье «джаза» ежедневно нарушали «отдых» скромных обитателей улицы Лесистой. Наконец вмешалась общественность в лице Петуха. Тот спокойно предложил тунеядке покинуть помещение. Лисе ничего не оставалось, как «подчиниться».

Справедливость восстановлена! Да иначе и не могло быть на улице Лесистой!

Варвара КАРБОВСКАЯ

Рыжая шубка

Она остановила его у палисадника, где цвели панбархатные настурции, элегантные атласные лилии и кокетливые подсолнухи в ярких оборочках.

— Друг мой! Пустите переночевать! — Она была очаровательна в своей блестящей огненно-рыжей шубке. Заяц поклонился:

— Ради бога! Прошу!

Домик Зайца был обставлен скромно, но со вкусом. Недорогая рижская мебель лимонного цвета, строгий торшер. На видном месте — портрет Заячьей мамы в изящной рамке. И вот сюда вселилась Лиса.

Она до полудня лежала в постели и, шурясь, наблюдала, как Заяц, надев батистовый польский фартук, хлопотал по хозяйству. Вскоре Лиса начала грубить:

— Батистовых фартуков не носят. Носят ситцевые!

— Я не могу пить из этих рюмок! Купите бокалы чешского стекла!

А потом случилось самое горькое...

— Мне надоел портрет вашей мамы! Уберите его!

Этого Заяц не выдержал. Он громко всхлипнул.

— Уберите, — капризно добавила Лиса. — Дурак!

И ударила Зайца точеной лапкой по переносице.

Вид плачущего Зайца всполошил всю улицу Лесистую.

— Да что ж это, батюшки! — говорила Собака. — Живем столько лет душа в душу, в каждом доме совет да любовь, а тут... Дураком обозвала! На нашей улице и слов-то таких не знают! А дай, милые, я сама с ней поговорю!

Через пять минут Собака вернулась:

— Не могу! Что хотите, милые, не могу! Я ей про жизнь нашу полную, а она, бесстыжая, коньяк хлещет! Моченьки моей нетути!

Вскоре вернулся и представительный седеющий Медведь:

— Извините, милый Заяц, я бессилен. У меня семья, две дочери — юные медведицы, малютка сын, жена. А ваша, извините, соседка назвала меня... Мне тяжело повторить...

Та же судьба постигла доброго немолодого Быка. Тогда в дом заспешил Петух. Это был любимец улицы. Маленький, поджарый, с алым воинственным гребешком на изящной головке, с крошечными шпорами на тонких ножках, он быстро взбежал по ступенькам и крикнул ломающимся от волнения юным голосом:

— Уходите, Лиса! Мы все вас... презираем!

И Лиса ушла. Она прошла мимо, понурившись, а ее прелестная шубка выглядела какой-то тусклой, будто полинявшей...

— Рыжая шубка! — крикнула Собака.

— Без оскорблений! — сухо проронил Медведь. — Лиса и так уже достаточно наказана.

В эту ночь Заяц не заснул. «Милые, чистые, настоящие, — думал он о соседях. — Разве на нашей улице есть почва для произрастания подобных Лис? Откуда же, откуда они берутся? Откуда?!»

Но потом Заяц все же заснул. Крепко и сладко.

Ласково светила луна, напоминавшая изящный восковой букетик жасмина.

Лев ОШАНИН

Молодому поэту

Ты можешь так или иначе
Смартынить или спастерначить.

Пред тем как людям
ты откроешь душу
В своих стихах, что будут неплохи,
Я одного хочу: чтоб ты послушал
Мои советы — как писать стихи.
Ты можешь так или совсем иначе
Свои стихотворения ковать —
Мартынить, евтушенить, пастерначить,
Молчанить, рудерманить,
слуцковать!
Я все, мой сын, могу тебе позволить!
Ты можешь, если кратко говорить,
Рыленить, безыменить, антоколить,
Хелемить, винокурить,
инберить!
Ты можешь маяковать
и маршачить,
Кирсанить поэтическую грань!
Ты можешь сельвинячить
и смирнячить.
Но — умоляю! — только
не ошаны!

Радуга-река

Знаю я — малиновою ранью
Лебеди плывут над Лебедянью,
А в Медыни золотится мед...

В час, когда рассветной ранней ранью.
Строфы зарождаются сии,
Лебеди летят над Лебедянью,
В Киеве вовсю стучат кии.

Мед в Медыни cedят в каждом доме,
Над Орлом — орлы вершат полет,
В граде под названием Житомир
Только жито мирное растет.

Над рекой Вороной выются птицы,
Коими Воронеж знаменит,
В Молодечно ходят молодицы,
Как струна, Звенигород звенит.

В поздний час, когда рассветной ранью
В Виннице из чарок пьют вино,
Тьма идет уже Тьмутараканью,
В Темрюке тем более темно.

И, хотя в Изюме сладко спится
Под изюмом, зреющим в ночи,
Птица скопа кружится в Скопице,
В Калаче пекутся калачи.

В этот час — я это твердо знаю —
В Котласе льют воду из котла,
Шелестят кусты по Кустанаю,
А в Смоленске варится смола!

Маргарита АЛИГЕР

Кто я? Что я? Зачем я? Где я?
Почему у меня цветы?
Тише... Тише... Моя идея,
Узнаю тебя, это — ты.
Да, но как? Почему? Откуда?
Стой! Трамвай гремит впереди...
Я не знаю правил ОРУДа...
Гни, кромсай меня, рви, иди!
Детство, отрочество и юность...
Мало радости на дому.
Призадумаясь, пригорюнюсь,
Почему это? Потому!
Встану, сяду, пойду, поеду.
Пусть работа идет на лад!
Там старик. Проведи беседу!
Прочитай старику доклад.
Ты когда-нибудь будешь тоже
Вот с такою же бородой...
С каждым словом старик моложе,
Вот совсем он стал молодой.
И с такой озорной усмешкой
Взял из рук у тебя цветы.
Сердце, сердце, стучи, не мешкай,
Это он — понимаешь ты?
Это чувство тебе знакомо?
Ты забыла его совсем.
Позову ребят из райкома,
Из обкома ВЛКСМ.
Вот, скажу, у меня квартира,
Но тосклива моя стезя.
Нужно вам помещенье для тира?
Так берите ее, друзья!

Не хочу ни схемы, ни схимы,
У меня своя голова.
Пусть мне скажут в Осоавиахиме —
Я права или не права.

Михаил СВЕТЛОВ

* * *

...Любимую, за руку взяв осторожно,
На облачко я посадил...
.....
Я мужем ей не был, я другом ей не был,
Я только ходил по следам.
Сегодня я отдал ей целое небо.
А завтра всю землю отдам.

Уже я старею, лысею местами...
Но вот я в любовном бреду.
Любимая тихо проходит с цветами,
И я ей навстречу бреду.
Цветы осторожно бросаю я в урну.
Пляжу как на Еву Адам.
Юпитеры, Марсы, Венеры, Сатурны
Любимой я нынче отдам.
Роскошная щедрость доступна поэту,
А я, извините, поэт.
Могу предложить вам любую планету,
А также коробку комет.
Я братом вам не был и сватом вам не был —
Так где уж мне быть женихом.
И лучше, вообще, я уеду на небо
На облачке легком верхом.
Любимая мне извинит эту странность,
Весь космос отдам ей сполна...
А если себе я оставил туманность —
Так мне же туманность нужна.

Юлия ДРУНИНА

Сапоги

Романс

Предрассветной прозрачной порой
 Прогремел поцелуй за версту...
 Рассчитавшись на первый-второй,
 Мы стояли вдвоем на мосту.

Стал мужским твой мальчишеский взгляд
 (Ты любил недотрог и задир),
 А на мне был мой новый наряд,
 Тот, что дал мне в сердцах командир.

Тихо падали связки гранат,
 Пролетали осколки камней,
 И шептал ты, что любишь девчат,
 Что похожи во всем на парней.

Ты щекою припал к сапогу,
 Мне простив наперед все грехи...

.....

Сколько лет я с тех пор берегу
 Сапоги,

и любовь,

и стихи.

Евгений ЕВТУШЕНКО

Не Первая Мещанская

Ты говорила шепотом:
 «А что потом, а что потом?»
 Постель была расстелена.
 И ты была растеряна.

Ты говорила всхлипывая:
 — А это все не липовое? —
 Кровать была не новая,

Какая-то готовая,
Отчасти бальмонтовая,
Отчасти симонова.
Ты говорила тенором:
— Не пой, любимый, кенарем,
А я, вставая с птицами,
Общался с продавщицами.
Меня любили женщины
Без всякой декадентщины,
На лесенке, напудрены,
На Сретенке, на Кудрине.
Одна жила в Сокольниках.
Она звала соколиком.
Ты говорила нехотя:
— Ну, не рифмуй во сне хотя... —
А я во сне посвистывал,
Твой облик перелистывал,
Ресницу за ресницею,
Страницу за страницей,
И челочку, и прочее,
И ставил многоточие.
Ты говорила шепотом:
— Прочла... Нехорошо потом... —
Кровать была кроватюю,
Печать была печатюю.
Умел я восхищать ее,
Умел и огорчать ее.

Константин СИМОНОВ

Из цикла «Ты да я да мы с тобой»

Названья ласковые, птичьи
На ум не шли нам. Вдалеке
Мы тосковали по-мужичьи,
На грубом нашем языке.

Как подобает взрослому мужчине,
Коньяк, табак, две порции тоски,
В одной руке держу свои морщины,

В другой руке — седые волоски...
Недаром я прозвал тебя судьбою,
Играй, же мной, ликуя и скорбя!
Присядь ко мне, я кончу цикл «С тобою»,
А то — гуляй, есть цикл и «Без тебя».
Довольно петь нам о любви по-птичьи,
Пора нам стать и проще и сильней.
Пора нам по-простому, по-мужичьи,
По-холостяцки рассказать о ней.
Я шел к тебе по дьявольской дороге.
О, я мечтал не год, не два, не три
Про эти губы, зубы, руки, ноги,
Про эти уши, черт меня дери!
Садитесь все и пейте, бога ради!
А ты детей, голубка, отзови...
Читаю три лирических тетради
В объеме курса «Странности любви».
Твои глаза прищуренные узки...
Когда-нибудь и мне лежать в гробу...
Давайте, братцы, выпьем без закуски,
Закусывая нижнюю губу.
Простите все бродягу-непоседу!
Уходит поезд ровно в десять семь...
Опять уеду я, опять приеду
И уж тогда доеду вас совсем.

Зеленая шляпа

Доморощенный детектив

Человек, сошедший на станции Завидово вслед за инженером Королевым, на первый взгляд ничем не отличался от обыкновенного советского гражданина. Только очень опытный глаз мог бы рассмотреть в нем хорошо скрытые черты морфиниста, кокаиниста, потомственного алкоголика, незаурядного шулера, развратника и бандита. На нем была зеленая шляпа. Короче говоря, это был шпион международного класса. Почувствовав затылком его пристальный взгляд, инженер Королев как бы нечаянно уронил портфель с чертежами сво-

его изобретения. Шпион кинулся к нему. Не поворачивая головы, Королев резко выбросил правую ногу вбок и метко угодил ею в левый бок шпиона. Королев рассчитывал, что от боли мерзавец потеряет самообладание и начнет ругаться на иностранном языке. Но человек в зеленой шляпе перехитрил его. Человек выбранился порусски с удивительной чистотой и силой. Королев растерялся. Дело поправил белобрысый пионер Вадик, проходивший рядом.

— Не видите, что ли, ведь это шпион! — сказал Вадик.

И тут все заметили, что человек в зеленой шляпе вздрогнул. Королев метким выстрелом выбил из его рук револьвер, из его ног — бомбу, из его зубов — ампулу с ядом. Все было кончено в одну минуту. Шульц поставил крест на своей карьере. Королев расписался с сестрой Вадика на следующий день. Зеленая шляпа лежит на перроне до сих пор. До нее противно дотронуться людям.

Константин ПАУСТОВСКИЙ

Золотистая проза

Ловля лещей — одно из самых трудных
и захватывающих занятий.

В три часа ночи смутный запах осени поднял меня с кровати.

Не одеваясь, я долго бродил по своей московской квартире. «Что такое искусство?» — думал я.

И отвечал себе: «Не знаю...»

Я думал о Гарте, о карте, о своей школьной парте, о марте-месяце, и о Марте-девушке, которая любит этот осенний запах. По привычке я начал думать о Левитане, но вспомнил, что уже написал о нем книгу. Тогда я стал думать о втором издании этой книги. Спать я уже не мог. Я скучал по барсуку. Мне захотелось сырых мухоморов, ухи из ершей, непотрошеного зайца, лая, мяуканья, всей неповторимой гаммы осеннего леса под Москвой.

И тут я вспомнил об Андерсене. Ганс Христиан любил путешествовать. Он был одинок.

Раннее утро застало меня в Москве-реке. Верхом на резиновой лодке, надутой моими восторженными вздохами, я медленно, но верно продвигался по свежей воде. Так прошел день.

К вечеру я встретил такого карася, что весь поседел от счастья. Карась сиял как солнце. Он был с меня ростом. Я встал на колени и заплакал. Я вспомнил об Эдгаре По. Он прожил трудную жизнь, но, к счастью для него, не писал пьес.

Очень осторожно, не спуская глаз с карася, я на ощупь насадил червя и забросил удочку. Карась клюнул сразу. Я увидел, что глаза его полезли на лоб, чешуя встала дыбом, еще мгновение — и он уснул. Я привязал его к лодке и пышно въехал в село Константиновы Кочки. Бабы дружно попадали в обморок, старик Ларионыч закрыл правый глаз и подмигнул левым. Ощущение, охватившее меня, правильное всего было бы назвать блаженством. Только осенью бывают такие минуты. Вдруг раздался радостный визг. Это нагнал меня наконец наш щенок, всю дорогу плывший по моим следам из Москвы. Щенок был не простой, а ученый.

— Грин! — сказал я ему тихо. Щенок встал на задние лапки и радостно завилял хвостом.

— Залесский! — крикнул я страшным голосом. Щенок поднял хвост и с воем бросился в кусты. Село ахнуло.

«Вот и рассказ готов», — подумал я. Но это еще ничего не значило. Рассказ надо было написать, потом печатать. Потом писать, как я его писал...

Ветер с Черного моря ударил мне в лицо. Я съел карася и поехал обратно. Я так и не решил: рассказ все это или нет. Может быть, я напишу об этом когда-нибудь. А может быть, кто знает, и не напишу. Тогда я напишу о том, как я не написал его.

Михаил ПРИШВИН

Случай

Вот ведь какие бывают дни — и зима еще не кончилась, холодно, и весна не началась. Но вышел я на улицу и слы-

шу — что такое? Да, точно, что-то хрустит. И не очень далеко. Собаки мои, Чирик и Муза, вышли со мной и тоже слушают. «Кто бы это так хрустел?» — подумал я. Дляжу на собак и вижу — они тоже об этом думают. Особенно Чирик. Муза — та поглупее, та сразу к тумбочке. И вот стою я — пожилой человек — и две мои собаки, и все трое смотрим мы друг на друга и слушаем это непонятное хрустение. И не можем его понять. Много я повидал и послыхал на своем веку, а такого хрустения вроде не попадалось. Если бы кто чуфыкнул или же затюльтюлькал, я бы сразу сказал — это тетерев! Или — это еще там какая птаха. И собаки мои сказали бы то же. Но здесь, признаюсь, я растерялся. Чирик смотрит на меня, я — на Музу, а Муза от меня отворачивается. Мол, решай сам, тебе лучше знать. А я не могу решать. Постояли мы так, послушали и пошли домой. Стыдно мне было перед собаками, а они тоже долго потом краснели и смущались при встречах со мной. Так и не понял я, что это было за хрустение. Уже много времени спустя рассказал я этот случай старому охотнику Ивану Григорьевичу.

— Так это ж лошадь овес ела! — сказал он мне. — А вы не узнали. Это бывает.

И точно, бывалый я человек и сам видел, как Волга впадает в Каспийское море, а вот что лошадь овес ела, не понял.

Иосиф ПРУТ

Живой Прут

*Драма в трех погибелях,
с прологом и катафалком*

Действующие посмертно лица

Мстислав Удалой — машинист на пенсии

Майнриддер — капитан подлодки

Жюльвернский — старпом

Торпедок Игнат Назарыч — круглый сирота

Торпедок Донат Назарыч — его брат

Мотоциклидзе — кавказец

Бонжур Мишель — француз

Гаудеамус Игитур — турок
Колобок — мальчик
Заваруха — подводник
Стыдоба — куплетист
Затяжной — парашютист
Марина — их сестра милосердия

Пролог

Отсек затонувшей подводной лодки. Тусклый свет электрической лампочки. По ходу действия он все слабеет и вскоре гаснет. Смутно выделяются в кромешной тьме силуэты изнемогающих героев, чуть слышен их хриплый шепот.

Майнриддер. Докладываю обстановку: настроение бодрое. Лодка лежит на дне моря. Все механизмы отказали. В левом отсеке начинается пожар. Правый отсек затоплен. Сверху нас бомбят. Снизу происходит землетрясение... Воды нет, еды нет. Кислород на исходе. А впереди еще три действия...

Заваруха. Амба! (Стреляется.)

Занавес

Погибель первая

Подлодка. Еще темнее и безвыходнее. Почти беззвучно бредит старый машинист.

Мстислав Удалой. Опять же, значит, собрал он нас, Прут то есть, в одна тысяча девятьсот девятнадцатом году. Тоже пьеса была, как сейчас помню. Было нас тринадцать, ни один не ушел. Меня на руках унесли. Ну, он мне так сказал, Прут то есть: ты, говорит, старик, все равно не жилец на этом свете. Уж больно ты колоритен. Вот за колорит теперь и погибаю. Не поминайте, значит, лихом. (Кончается.)

Торпедюк Игнат. Да будет тебе земля Прутом! Хороший был машинист... (Отдает концы брату.)

Торпедюк Донат. Терпенье и Прут все перетрут! (Отдает концы. В темноте не видно, кто взял их.)

Занавес

Погибель вторая

Полный мрак и абсолютная безвыходность

Мотоциклидзе (с трудом выдыхает). Марина... Мариночка... Хороший ты девушка... Слушай сюда... У меня, понимаешь, чума начинается...

Марина (нежно). Ты всегда был какой-то чумовой...

Мотоциклидзе (мечтательно). Люблю я тебя, Мариш, и все тебя здесь любят... хорошая из тебя мать-героиня вышла бы...

Марина (мечтательно). Может, еще выйдет...

Мотоциклидзе (бешено). Не выйдет! Ничего не выйдет! У Прута все выйдет. У нас никто не выйдет... (Хрипит. Затишает.)

Марина. Милый... (Поняв.) Любовь — всегда любви! Смерть — всегда смерть! (Застывает в красивой позе.)

Занавес

Погибель третья

Сверхмрак. Безвыходность доходит до предела и переходит его.

Майриддер, Жюльвернский, Затяжной, Стыдоба, Бонжур, Гаудсамус Игитур (хором). И мы, Прут, тоже! (Дружно вымирают.)

Колобок (один, мечтательно). А у меня была те-тя в отделе распространения. И уж она печатала, печатала, печатала. (Заходится.)

Занавес

Ввиду отсутствия живых героев пьеса на этом кончается.

Всеволод КОЧЕТОВ

Чего же ты хохочешь?

Роман

I
Граф положил графинчик на сундук.

Графинчик был пуст, как душа ревизиониста.

«Выпить бы... Да разве в этой Италии достанешь?» — подумал граф.

Через окно он с ненавистью посмотрел на витрины магазинов, на отвратительное синее море, на неровные горы, беспорядочно поросшие мрачными пальмами и еще какой-то дрянью. Крикливая мелкобуржуазная толпа катилась по грязной улице в погоне за наживой. За углом, в переулке, шла обычная классовая борьба — кто-то кричал: «Акулы!» На душе у графа было triste*.

Русский граф Вася Подзаборов, скрывая службу в СС, жил под именем сеньора Базилио Паскуди. Сын царского сановника, камергера и камертона, он был искусствоведом, но в связи с безработицей содержал публичный дом.

Вошел бывший унтер-оверфюрер СС Клоп фон Клоб.

— Слушай сюда, граф! — сказал он на германском языке. — Сгоняем в Москву! Ксиву дадут и три косых стерлинга в лапу.

— Опять шпионить против первой в мире страны социализма? — застенчиво спросил граф.

— Ан вот уж и нет! — по-итальянски воскликнул фон Клоб. — Будем шебаршить идеологически. Разложение населения путем внедрения буржуазного мировоззрения.

* «Тристе» по-итальянски означает «печально».

— Ну, тады еще ничего, — согласился граф. — А не пытаются, пока внедрим?

— Ты лопух, — уже по-английски сказал фон Клоб. — В Москве вся интеллигенция заражена тлетворным западным влиянием. Один только есть... Писатель! Железов по фамилии. Ух, зараза, доннер веттер*, — выругался он.

II

В Москву приехали вчетвером. Вместе с Паскуди и фон Клобом агентство «Недейли ньюс»** послало специалисту по антисоветской литературе Порцию Уиски, алкоголичку и наркоманку, дочь белоэмигрантской княгини-проститутки и турецкого контрабандиста. Четвертым был фотограф-порнограф Билл Морд, который снимал голых женщин в картинных галереях и спекулировал голландским джином и техасскими джинсами.

Вскоре иностранных гостей пригласил на обед поэт Онуфрий Христопродаженский. Он, округло окая, говорил собеседнику «сударь» и воровал в церквах старинные иконы. Кроме того, он был экзистенциалистом и гомосексуалистом, имел подпольный абортарий и, по обычаю московских писателей, занимался скупкой краденого. Обедали у Онуфрия также сын расстрелянного полиция художник Стеаринов, писавший портреты иностранных шпионов, и его жена Липочка, проживавшая на оккупированной территории и имевшая родственников за границей. За столом сидели еще два-три пленных, отсидевших войну в лагерях уничтожения, и несколько напрасно реабилитированных врагов народа.

Говорили о литературе.

— «Октябрь» и «Огонек» — отвратительные органы! — ораторствовал Онуфрий. — Оголтело ортодоксальные оба! Врут оглушительно. Околпачивают обывателя. Обожаю обывателя! — откровенно объяснил он.

Порция Уиски выпила в залепленный помадой рот братину водки, закурила опиум и, поглаживая под столом угловатое колено Онуфрия, спросила:

* Доннер веттер — обычная немецко-фашистская матерщина.

** «Недейли ньюс» — по-американски «Недельные новости». (Прим. автора.)

— А что вы думаете о Железове?

— Оглоблей бы огреты! — озлобленно ответил он. — Ошалелый обалдуй!

Порция ущипнула его за дряблую ляжку и захлопала в ладоши. Художник Стеаринов и враги народа одобрительно закивали. Билл Морд глупо захохотал, выплевывая на скатерть жевательную резинку. А граф Вася, русский в душе, вдруг почувствовал неприязнь к Онуфрию и теплую симпатию к незнакомому Железову.

III

Лежа на тахте, Уя переводила уругвайский роман на перуанский язык. Потом позвонил ее друг, револьверщик 6-го разряда, и пригласил ее на лекцию «Интегральное образование компоненты электронно-вычислительных машин».

— Кстати, там будет писатель Железов, — сказал он. — Я хочу вас познакомить. Вы не читали его роман о бдительности? Называется «Братья Ежовы» — исключительно жизнеутверждающая штука! Сильнее, чем «Фауст» Гете! А его повесть «Вошь» о творческой интеллигенции, изданная в Китае тиражом в сто миллионов! На втором месте после портрета Мао.

— Говорят, он сухой и желчный, — сказала Уя.

— Кто вам так говорил? Это пахнет троцкизмом! За такие разговоры расстреливать надо, — добродушно возразил револьверщик, — Лаврентий Виссарионович Железов — наш единственный первоклассный писатель.

Она пошла на лекцию и потом несколько часов гуляла с Железовым. Теперь Уя не могла думать ни о чем, кроме него.

«Он удивительный! — думала она. — Как он сказал о писателе Хрюшкине: «Таких раньше сажали... — Помолчал и добавил: — На кол!» И вздохнул мечтательно и грустно.

А как умен! Как метко определил сущность Онуфрия Христопродаженского — «Пишет белые стихи на белой бумаге, белые грибы любит, белые рубашки и кальсоны носит. Он весь белый и ничего в нем красного нет». И тут же, достав носовой платок, скромно высморкался. А когда Уя спросила, есть ли у него дача, Железов скромно, но твердо сказал:

— Я ненавижу частную собственность! У меня обыкновенная двухэтажная казенная дача.

Она думала о нем до рассвета, потом позвонила по телефону.

— Лаврентий Виссарионович, — сказала она. — Если бы вы знали, какого я о вас мнения!

— Какого, Уя? — нежно спросил он. Она не успела ответить — в трубке раздался треск. Это ревнивая жена Железова, подслушивающая разговор, треснула его чем-то тяжелым по лбу.

«Ужасно, — думала Уя, — такой человек — и такая жена! Ничего, он сильный, он выдержит. И лоб у него должен быть твердый».

IV

Подрывную работу среди творческой интеллигенции Порция Уиски вела в постели. В промежутках между поцелуями она успевала подсказать молодому поэту сомнительную рифму, уговорить художника писать не маслом, а маргарином, композитора — сочинять музыку только в тональности ми минор, а критика подбить на статью, шельмующую Железова. Работы было много, и она не успевала одеваться.

Последним в этот день попался в ее постель крупный писатель для детей младшего возраста. Он обещал ей организовать подпольную выставку картин Стеаринова в детских яслях «Бяка». Мысленно Порция уже сочиняла статью «Юные москвичи приветствуют мрачное творчество Стеаринова».

Узнав о выставке, Уя позвонила Железову и с ним поехала к художнику. Зорко и наблюдательно просмотрев картины Стеаринова, Железов открыл его ящик с красками:

— Не тот колер вы делаете. Ламповая копоты! Лампа прежде всего что дает нашим людям? Свет! А вам ее коптить понадобилось!.. Сажа, да еще голландская! Разве у нас своей сажи нет, что вы лезете за ней в капиталистическую Голландию? Наша ведь гораздо светлее! Мой вам совет — выбросьте на помойку и сажу, и копоть. Почему вы не берете других красок. Вот... берлинская лазурь! Не бойтесь, это наша, демократическая,

восточноберлинская лазурь! Она не из Западного Берлина! У нее светлый и теплый тон! Охра золотая! Бриллиантовая, желтая! Вы прошли мимо них и обеднили палитру.

Стеаринов слушал, пораженный до глубины своей измученной души. «Железов прав, — думал он, — как я мог не заметить этих красок?»

— А что вы думаете о выставке? — спросила Липочка.

— Зачем это?! — спросил Железов. — Дети ясельного возраста еще не окрепли идеологически. Ваши картины могут вызвать у них не совсем правильные эмоции. И это будет использовано вражеской пропагандой. А может быть, и Пентагоном, — добавил он, подумав.

Развязно вошла Порция Уиски. Увидев Железова, она злобно смутилась.

— Господин Железов, — воскликнула она сквозь зубы. — Вы не обиделись на мои критические статьи?

Железов пристально посмотрел на ее лицемерное лицо.

— Мисс Порция Уиски! — сказал он. — В одной статье вы называли меня задиристым, в другой — задорным, в третьей вы писали о «заданности» моего творчества. Анализируя эти эпитеты, я сразу заметил, что все они начинаются со слова «зад». Этим вы пытались оскорбить и унижить меня. Но мой девиз: «Око за око, зад за зад!»

И подняв руку на принципиальную высоту, он широким русским жестом шлепнул Порцию пониже спины. Разоблаченно визжа, она выбежала.

«Как находчиво! — восхищенно думала Уя. — Так оригинально ответить на критику! Это совершенно новая форма идеологической борьбы».

V

Железов озадачил Порцию Уиски тем, что пониже спины у нее навсегда остался отпечаток его трудовой, мозолистой руки. И когда через два дня после этого Порция выступила со стриптизом на бюро творческого объединения московских критиков, цветная фотография этого отпечатка была опубликована в американском журнале «Дай» под заголовком «Рука Москвы».

Порция Уиски оказалась окончательно скомпрометированной и вынуждена была покинуть Советский Союз.

Вместе с ней, боясь разоблачений, улетел и эсэсовец Клоп фон Клоб.

Вскоре покидали Москву и сеньор Базилио Паскуди и Билл Морд, продавший всю жевательную резинку и жевавший кусок старой московской калоши. А бывший граф Вася с тоской возвращался в захолустную Италию, увозя на память только собрание сочинений Лаврентия Железова.

Тем же самолетом и с теми же книгами улетала Уя. Она решила уехать из Москвы, чтобы сохранить от ревливой жены дорогую ей голову Железова, которая могла понадобиться ему для дальнейшей работы. Она летела в жаркие страны, чтобы чтением вслух сочинений Железова быстро развивать слаборазвитые страны.

Художник Стеаринов осознал и перестроился. Липочка записалась в кружок текущей политики при домоуправлении. И только Онуфрий Христо-продаженский и другие московские писатели продолжали до поры до времени свою зловредную и гнусную творческую работу и по-прежнему не выбирали Железова в свое правление.

VI

Чего же ты хохочешь, читатель? Ну чего ржешь, спрашиваю? Знаешь, чем это пахнет?.. Молчишь?!. Ладно, мы с тобой по-другому поговорим!

К вопросу о золотой рыбке

1. Бодрячок-лакировщик

Э [REDACTED]
то веселая, озорная

искрящаяся задорным смехом сказка. В центре ее — старик и старуха. Несмотря на преклонные годы, они молоды душой. Старик полон трудолюбия, а старуха так и брызжет энергией, сметкой, инициативой. Правда, порой она нет-нет да и поворчит на старика, но все дело-то в том, что, критикуя его, она борется за него, пробуждает в нем волю к действию. Старик и сам понимает это и старается не вступать с ней в конфликт. В общем — золотые люди, и рыбка тоже золотая. При помощи рыбки герои добиваются серьезных успехов в благоустройстве. У них и раньше была прелестная земляночка со всеми удобствами и мусоропроводом, а затем и вовсе становится хорошо. Кончается сказка тепло и радостно. Правда, после высотного терема, роскошных палат герои оказываются у разбитого корыта. Но это лишь деталь, нюанс. Главное в другом. Закрывая сказку, читатель верит, что старик и старуха будут жить крепкой, здоровой семьей, что у них еще все впереди.

2. Критикесса-эмоционалка

Я вся горю — не пойму отчего. «Сказка о рыбаке и рыбке» — хорошая затравка для большого писательского разговора о людях, о рыбах и, конечно, о любви. И не хочется говорить ни об идее сказки, ни о содержании, ни об этой сварливой старухе и забитом старике. Хочется переживать. Ах, иногда мне самой хочется стать рыбкой! Говорить на рыбьем языке, создавать рыбий текст — конечно, с под-

текстом. И хочется думать о море. Я тоже жила у самого сильного моря. На курорте. И я знаю, чем дышат рыбаки. Любого рыбака я вижу издалека. В душе я тоже рыбачка.

В сказке есть и непонятные слова: например, «невод».

3. Проработчик

В четвертом томе Полного собрания сочинений А.С. Пушкина опубликована «Сказка о рыбаке и рыбке». Автор задался благородной целью: отобразить жизнь рыбаков и прядильщиц. Но, к сожалению, этот замысел не получил достойного воплощения. Если верить автору, герои произведения — старик рыбак и старуха прядильщица жили в «ветхой землянке» (!) ровно «тридцать лет и три года». Возникает вопрос: где увидел автор подобных персонажей и можно ли представить, чтобы за тридцать три года нельзя было хотя бы отремонтировать ветхую землянку?

Далее. Сообщив мимоходом, что старуха «пряла свою пряжу», автор не проявил к труду героини должного внимания. Образ старухи раскрывается преимущественно в семейно-бытовом плане. Мы видим, как она ругается со стариком, но почти не видим ее в труде. С такой трактовкой еще можно было бы согласиться, если бы отрицательному образу старухи был противопоставлен волевой активный образ старика. Но у автора, расписавшего старуху самыми черными красками, не нашлось слов, чтобы показать силу старика. Наоборот. Старик беспрекословно подчиняется старухе, не оказывает ей никакого сопротивления. Больше того, именно старуха, а не старик и не золотая рыбка движет сюжет, именно старуха представляет собой активное, движущее начало произведения. Старик же одинок, ему не на кого опереться в борьбе с пробравшейся к семейной власти старухой.

Далее. Странно выглядит изображение трудовой профессии старика — самого процесса рыбной ловли:

Раз он в море закинул невод, —
Пришел невод с одною тиной (?).
Он в другой раз закинул невод, —
Пришел невод с травою морскою (!).

Что же это, как не поклев на тружеников моря, которые в одном только нынешнем году сдали тысячи центнеров — и не «тины», не «морской травы», а полновесной рыбы, в том числе и золотой?

Особенно гнетущее впечатление оставляет конец сказки, где разбитое корыто словно заслоняет собой синее море, лишая сюжет какой бы то ни было перспективы.

«Сказка о рыбаке и рыбке» — обидная неудача А.Пушкина. она написана ниже возможностей автора. Поэт тянет нас назад, к разбитому корыту. Опубликовав данную сказку в таком виде, редакция Полного собрания сочинений допустила ошибку и оказала автору плохую услугу.

4. Нудяга

Показ Пушкиным поимки рыбаком золотой рыбки, обещавшей при условии ее отпуска в море значительный откуп, не использованный вначале стариком, имеет важное значение. Не менее важна и реакция старухи на сообщение ей старика о неиспользовании им откупа рыбки, употребление старухой ряда вульгаризмов, направленных в адрес старика и понудивших его к повторной встрече с рыбкой, посвященной вопросу о старом корыте. Дальнейшее развитие сюжета связано и с повышением требований старухи, с одной стороны, и с ухудшением метеорологических условий — с другой: первоначальное «помутнение» синего моря, последующее «почернение», «вздутие сердитых волн», их хождение по морю и вой воем. Безрезультатность последней встречи старика с рыбкой, ее протестующий плеск хвостом по воде — все это подводит читателя к выводу о несостоятельности собственнического мира и тщетности ведения рыболовецкого хозяйства в одиночку.

5. Эрудит

Наполеон сказал: «Великие люди — это метеоры, сами себя сжигающие, чтобы осветить мир». Эти слова не имеют никакого отношения к пушкинской сказке, почему мне и хочется начать именно с них.

Герой сказки Пушкина — старик, мало похожий на рембрандтовских стариков (вспомним «Портрет старика в черном берете», не говоря уж о «Портрете старика с палкой»!). Пожалуй, ближе всего «Сказка о рыбаке и рыбке» к рассказу Хемингуэя «Старик и море». Я бы даже сказал, что «Сказка о рыбаке и рыбке» — это «Старик и море» прошлого века, а «Старик и море» — это «Сказка о рыбаке и рыбке» нашего времени. Пушкинский старик поймал рыбку и отпустил ее. Хемингуэевский же старик поймал рыбку, но уже не в силах справиться с ней. Это символично. Кроме того, здесь возникают образы акул — проницательный читатель без труда поймет, что речь идет об акулах капитализма.

Думая о пушкинской сказке, невольно думаешь и о традициях нашей литературы. У Лермонтова в «Мцыри» рыбка играла и резвилась. В эпоху реакции под пером Чехова возникает уже иной образ — образ осетрины с душком. Ну как тут не вспомнить знаменитое латинское изречение: *«Amicus Plato, sed magis amica veritas»*, то есть «Платон мне друг, но истина дороже приятельских отношений». Пушкинская сказка кончается трагически. Кто виноват в том, что произошло? Виновата старушка. И правы французы, когда говорят: *«Cherchez la ferme»* — «Ищите женщину», в ней все дело!

Лекция для школьников в Третьяковской галерее

Как показали наши историки, Иван Грозный был вспыльчив, но отходчив, что мы видим на примере картины Репина «Иван Грозный убивает своего сына». Тема семьи и воспитания лежит в основе этого полотна. Лядя на картину мы сразу догадываемся, что Иван Грозный, несмотря на государственные дела, лично занимался воспитанием своего сына. Догадываемся мы и о том, что сын его Ваня плохо слушался отца, был недостаточно дисциплинированным и собранным. Отсутствие школьного коллектива также сыграло свою отрицательную роль. Ваня определенно отбился от рук. И вот Иван Грозный, с посохом в руках, берется, может быть с излишней поспешностью, за

воспитание сына. Художник сочувствует этому родительскому порыву Ивана Грозного и в то же время как бы выносит на наше обсуждение вопрос: не через чур ли поспешно решают некоторые папаши педагогические вопросы, что приводит к довольно серьезным и досадным промахам.

Репка

Методическая разработка

Одобрено Академией педагогических наук

Преподнося «Репку» школьникам, обычно педагог главные свои усилия обращает на раскрытие, с одной стороны, образа центрального героя сказки — репки и, с другой стороны, образов Дедки, Бабки, Внучки, Жучки, Кошки и Мышки. При этом в тени остается тот вопиющий факт, что дочка Дедки и Бабки, мать их внучки, вообще не вышла на работу и не приняла никакого участия в общем дружном вытянутии репки. А ведь именно в этом-то сатирическая соль сказки, которая метко бичует лодырей и белоручек типа дочки, противопоставляя образу дочки-белоручки трудолюбивые образы Внучки и Жучки.

Ни единым словом не обмолвился автор «Репки» о дочке, давая тем самым понять, что она бросила родителей, ребенка, любимых домашних животных, не пишет домой писем и не оказывает престарелым Деду и Бабе никакой материальной помощи.

Вопросы для ответов:

1. Кто посадил репку?
2. Что посадил Дед?
3. Что Дед репку?
4. Кто тянул репку?
5. Кто не тянул репку?
6. Назовите области и районы страны с интенсивно развитым огородничеством.

Татьяна ТЭСС
Новогодняя слеза

Прошу слова для задушевного слова!

Нет, я не буду поднимать бокал — я боюсь расплескать настой и настрой души. Я лучше расскажу еще один случай из моей журналистской практики. Я сидела дома. Вы, конечно, догадались, что речь идет о редакции. Редакция — мой дом. В дверь постучали. Это был тихий мягкий стук, полный душевной чуткости по отношению к тому, к кому он направлен. Так стучат только у нас... Вошел мужчина. Никогда не забуду его характерных примет: глаза, чуть пониже — нос, еще ниже — рот, две руки... Но, пожалуй, самое трогательное — взгляд, чуть застенчивый, с тонкой раздуминкой и необычайно зоркий. Мужчина смотрел мимо меня — я догадалась: он смотрел в будущее.

И сразу захотелось залезть ему в душу. Впрочем, он сам ее распахнул. У инженера К. (назовем его так) есть жена, он любит ее, она — его, у них целый ряд детей. Казалось бы, чего еще? Но инженер К. оказался на распутье: он не знает, что подарить жене на Новый год, и пришел посоветоваться со мной, интимно обмозговать, поговорить как мужчина с женщиной.

И вот мы сидим вдвоем, и он раздумчиво перебирает: что же подарить? Духи «Каменный цветок»? Стиральную машину? Скаковую лошадь? Или — скромнее — пони?

— Постойте! — восклицаю я эмоционально. — Пусть я не Тасс, а Тэсс, я тоже уполномочена заявить! К чему подарки? Зачем мельчить большую тему? Не лучше ли найти золотые, трогательные слова, идущие от сердца к сердцу? Например: «С Новым годом»...

И сразу захотелось пойти к нему домой, посмотреть, как он живет, бытует, дышит, любит. Нас встречает жена: круглое лицо, любящие губы и щеки... На полу просторной комнаты яркими, красочными пятнами непринужденно разбросаны дети...

Возвращаюсь я поздно. Непрошенные светлые слезинки падают, мешаясь с далекими звездами и елочными украшениями. Я не стыжусь их. Это те слезы, которые нам нужны. Это наши слезы.

Писатели —
Корнею Чуковскому

Каждый из наших писателей — ученик К.И. Чуковского. И нет ничего удивительного в том, что ко дню 80-летия Чуковского писатели собрались в школьном классе (поскольку это были первоклассные писатели, дело происходило в первом классе). Им было дано задание: написать вольное школьное сочинение на любую тему, связанную с произведениями К. Чуковского. Желательно — своими словами (конечно, кто может).

Первым сдал сочинение Анатолий Софронов (он вообще очень быстро пишет). Это была пьеса.

Анатолий СОФРОНОВ
Цокотуха замужем

Действующие лица и насекомые:

Муха-Цокотуха — директор станичного ресторана.

Комар — герой труда.

Их знакомые насекомые.

Паук в пьесе не участвует как нетипичный.

На сцене — строящийся Дом культуры. Виден только светлый фасад. Теневая сторона дома скрыта за кулисами. Появляется Комар, тоскующий по Мухе-Цокотухе.

Комар (поет):

Только брюхо твое золоченое

Мне покою никак не дает.

Появляется группа передовиков — трудолюбивые муравьи, знатные букашки, кузнечики своего счастья, светлячки нового.

Комар (перестраивается на новый лад):

Ой да я Мушку-

Цокотушку

Эх, полюбил

На всю катушку!
А ты, Муха, мене уважаешь?

Муха. Уважаю, будь ты неладен! Ценю, пропади ты пропадом! Люблю тебя, идола окаянного!

Не сходя с места выходит за него замуж и укрепляет семью. Муха и Комар выходят на небольшую дорогу, по которой дружно шагают к счастью, строго соблюдая все правила уличного движения и поведения в общественных местах.

Константин СИМОНОВ

Сдал свое сочинение вторым (он вообще что-то стал опаздывать). Вот список действующих лиц его пьесы:

Комарик. Только он не с фонариком, а с трубкой.

Муха, которую он любил. Но не женился.

Муха, которую он не любил, но женился.

Паук, которого он испугался на всю жизнь.

Жучки — из буржуазной прессы.

Червячки, которые копошатся у него в душе.

Виктор ШКЛОВСКИЙ

Муха. Размышления и разборы

Образ мухи проходит, вернее пролетает, сквозь всю русскую и мировую литературу — от Апухтина («Мухи, как черные мысли...») до цокотухи у Евтушенко («Ты спрашивала цокотом: а что потом, а что потом?!» Правда, у Евтушенко не цокот, а шепот, но это не меняет сущности эпизода).

Сюжет «Мухи» абсолютно идентичен «Руслану и Людмиле» с соответствующими аналогами: Руслан — Комар, Черномор — Паук, Людмила — Цокотуха. Черномор не доводит дело до конца с Людмилой, подобно тому, как Паук — с Мухой. Еще более разительное сходство в сюжете-

строении между «Мухой-Цокотухой» и «Илиадой» Гомера. Правда, у Гомера нет Паука, но это уже подробности. Тут уж просто удивительные совпадения. Гомер пишет: «Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос». Чуковский повторяет это слово в слово: «Вы букашечки, вы милашечки, тара-таракашечки».

Все это я, Шкловский, пишу в Доме творчества в Малеевке. Я здесь исключение, которое подтверждает правило. Второго такого, как я, найти невозможно. Это не Малеевка, а Бармалеевка.

Иван АСТАХОВ

Написал сочинение в форме рецензии на «Муху-Цокотуху». Назвал он его так:

Мушиная возня

Сдал он сочинение после всех, потому что снимал с него копии. Он пишет:

«В собрание сочинений К. Чуковского — по недосмотру автора, редактора, корректора и наборщика — вкралась «Муха-Цокотуха». Этот паразит — опасная разносчица идеологической заразы.

Вот далеко не полный перечень грубых просчетов и недочетов: лакировка и приукрашивание действительности («позолоченное брюхо»); мелкособственнический дух («пошла муха на базар»); проповедь крупного приобретательства («и купила самовар»); психология кулачества («а жуки рогатые, мужики богатые»); воинствующая пропаганда антисанитарии и антигигиены («тараканы прибежали»); отрывка пацифистских настроений («А букашки под кровать — не желают воевать»); нездоровый разнузданный секс («вдруг какой-то паучок-старичок нашу муху в уголок поволок»).

Ответим на выпуск зловредной Мухи увеличением мухоловок, карболки, дезинсекталя, ДДТ и т. д. и др.!»

В заключение хочется от души пожелать автору новых успехов и доброго, доброго здоровья!

Чего же он кочет?

Советская девушка Лера Васильева вышла замуж за итальянца Спада, тезку Муссолини. Вначале ее муж назвался просто Беном, и она, ни о чем не подозревая, поехала с ним в Италию к Бениной матери. Все там было не как в Москве. В магазинах были товары. Это было пугающе непривычно. «Что-то тут не так», — насторожилась Лера.

Антонин Свешников писал картины стилем рюс.

— Мистер Свешников, — спросил его один иностранец, — вас устраивает метод соцреализма?

— Нет! — ответил Свешников, густо окая.

У рабочего человека Феликса Самарина не было конфликтов отцов и детей с отцом.

— Давай, отец, потолкуем, — сказал сын.

— Изволь, — согласился отец, — но только если о заветном. Размениваться на пустячки не намерен. Что тебя заботит, сынок?

— Две заботы сердце гложут, — чистосердечно признался Феликс, — германский реваншизм и американский империализм. Тут, отец, что-то делать надо. И еще одна закавыка. Давно хотел спросить. Скажи, пожалуйста, был тридцать седьмой год или же после тридцать шестого сразу начался тридцать восьмой?

— Тридцать седьмой! Это надо же! — уклончиво воскликнул, отец. Его взгляд стал холодней, а глаза потеплели.

— Уравнение с тремя неизвестными, — сказал он молча. — Икс, игрек, зек.

Оборудованный по последнему стону запкаптехники шпион-фургон был рассчитан на демонтаж советской идеологии, психологии и физиологии. В нем ехали: германский немец штурмбаннфюрер Клауберг, хитро изменивший свою фамилию на Клауберга же, итальянский русский Карадонна-Сабуров, Юджин Росс и многогранно-пестроликонациональная мисс Порция Браун.

Росс — это бокс, Браун — это секс. Она была крупнейшей представительницей модного сейчас на Западе экзистенциализма. Ее постель имела рекордную пропуск-

ную способность. В сущности, это была не постель, а арена яростной борьбы двух миров. Мисс Порция Браун не просто отдавалась — она наводила мосты.

Наш выдающийся (в правую сторону) писатель Василий Булатов приехал в ихнюю Италию. Булатов был даже не инженер, а офицер человеческих душ. Ему было мало их изваевывать — он хотел их завоевывать.

— Зовите меня просто Сева, — удивительно просто и демократично сказал Василий Петрович Булатов Лере Васильевой. «Он похож на горного кочета, расправляющего свои орлиные крылья, — подумалось Лере Васильевой, и что-то где-то в ней радостно екнуло. — А как просто держится: вот уж ни за что не скажешь, что талантливый».

Порция Браун приступила к работе.

— Можно я буду вас звать просто Фелей? — тихо спросила она, прижимаясь к Феликсу Самарину бедром со вделанным микрофончиком.

— Я назван Феликсом в честь Железного Феликса, — наотмашь отрубил Феликс.

Порция прикусила свой лживый язычок, в ее бедре что-то щелкнуло.

— Опять короткое замыкание, — грубо выматерилась мисс на одном из иностранных языков. Ей, космополитке, было все равно на каком.

Василий Булатов был человек слова. И дела. Его девизом было «Слово и дело». Он помог Лере Васильевой вернуться домой из итальянской глуши. Взмолвленная, она ходила по московским улицам.

— Ну и что с того, что в магазинах нет товаров, — спорила она с Бенито, — но ведь нету наших, советских товаров, а не их показной трухи.

Стоило Василию Булатову столкнуться с людьми с законченным высшим образованием — его жизнь становилась невыносимой: сразу же насмешки, желание сказать ему побольней, покомпрометационней. Если бы не встречи с неискушенным в литературе читателем — совсем бы пропал.

Людей он называл ласково-уменьшительно: винтики. Себе отводил роль отвертки. Вернее — завертки.

Булатов не терпел Булатов — тех, что бренчат о последних троллейбусах.

— Ну почему «последний»? — искренно недоумевал он под одобрительный гул и сочувственный хохот рабочего класса. — Что у нас, троллейбусов мало, что ли?

Булатов неудержимо рвался в будущее. Его любимым выражением было: осади вперед!

Антонину Свешникову стало душно в стиле рюс, и он, порвав со своим рюсским прошлым, написал широкоформатное полотно — «Рабоче-крестьянская мать». Счастливая, она родила двойню: рабочего и крестьянина.

— Как вы назовете вашу картину? — ехидно спросил его один иностранец.

— Гегемона Лиза! — с ходу рубанул Свешников.

А между тем мисс Порция Браун, как все враги, не дремала. На этот раз она собрала в комнате Ии советских парней и девушек и с маху бросилась в диверсию. Испытанное средство: индивидуальный половой террор. Напоив гостей антисоветским джином, мисс начала раздеваться под ритмично и мелодично растлевающую молодые и неопытные души музыку.

— Разрешите стриптиз считать открытым, господа, — весело закричала мисс, привычно расстегивая пуговицы на блузке из поддельной искусственной ткани.

— Товарищи! — раздался голос Ии. — За что боролись? Наша правда выше голых фактов.

Порция неотвратимо расстегивала блузку.

— Товарищи! Братья и сестры, к вам обращаюсь, друзья мои! — набатно гремел голос Ии. — Вспомним взятие Зимнего, раскулачивание кулака, обеднячивание бедняка, пять в четыре, мир во всем мире...

Но мисс Порция Браун уже выходила за пределы своей юбки. Еще минута, и наши парни и девушки увидят то, чего...

«Скорей! К своим! Этого не должен увидеть каждый!» — задыхалась Ия.

..Узнав, в чем дело, Феликс посерел, осунулся и возмужал. Когда он, только что выпедшая за него замуж Лера Васильева и Ия ворвались в стриптизную, раздевалась девица с лошадиным лицом, не понимая, что она троянский конь мировой реакции. Ее белье лежало на полу как белый флаг политической капитуляции.

Да, Порция Браун честно отработывала свой хлеб, свою порцию, или, по-нашему, пайку.

— Караул устал ждать, — произнес Феликс сурово, но грозно.

Заливаясь слезами, мисс стала одеваться.

Такого поражения многие годы не знал Пентагон.

— Прости, отец, опять я к тебе, — сказал Феликс, входя. — Так как же все-таки — был тридцать седьмой год или нет? Не знаю, кому и верить.

— Не было, — ответил отец отечески ласково, — не было, сынок, но будет..

Сюжет,
или Часть первая, самая короткая, но важная,
ибо содержит в себе полный
научно выверенный канонический
текст «Сказания о зайце»,
которое и положено автором
в основу этой книги

Сказание о зайце

Раз, два, три, четыре, пять,
Вышел зайчик погулять.

Вдруг охотник выбегает,
Прямо в зайчика стреляет.

Пиф-паф, ой-ёй-ёй,
Умирает зайчик мой.

Примечание автора.

В некоторых редакциях «Сказания», явно относящихся к более позднему времени, после слов «Умирает зайчик мой» следовали еще две строки:

И везут его домой,
Потому что он живой.

Развитие этой гуманной идеи получило свое отражение и в ряде сочинений, составляющих вторую часть настоящей книги.

Вариации,
или Часть вторая, главная и самая существенная,
ибо именно из нее-то мы и узнаем,
как, по представлению автора,
поэты хорошие и разные
написали бы все это по-своему,
по-хорошему и по-разному

Белла АХМАДУЛИНА

Царевич

О ряд от единицы до пяти!
Во мне ты вновь сомнения заронишь.
Мой мальчик, мой царевич, мой звереныш,
не подвергайся этому пути!

Душа твоя звериная чиста.
Она наивна и несовременна.
Длина твоих ушей несоразмерна
внезапной лаконичности хвоста.

О заюшка, ужасен жребий твой!
Меня твоя доверчивость пугает.
Зачем высокий лучник выбегает
из будки с газированной водой?

Груба его неправая ладонь,
несущая надменно сковородку.
С усмешкою, присущей скомороху,
он говорит: — В огонь его, в огонь!

О, не ступай за грань сковороды,
чтоб шкурка твоя добрая шипела,
в печальных очертаниях Шопена
приобретая видимость еды!

Скорей на дачу, к долгому труду!
Там, отвергая праздность и забаву,

из хлопьев снега вылепим мы бабу
и нарисуем домик и трубу.

Ты побежишь раздетым по двору,
но я не упрекну тебя ни словом.
Я стану говорить старинным слогом, —
иди ко мне, играй со мной в игру!

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Заячье отступление
из поэмы «Треугольные уши»

Фиеста феерий!
Фатальная зависть!
Долой Рафаэля!
Да здравствует заяц!

Жил огненно-рыжий охотник Мишель.
Из зайца он сделал, мошенник, мишень.
Дабы добывать ежедневный пирог,
он в зайца стрелял через задний порог.

А заяка, а заяка бежал по параболе.
Его не убили, его не поранили.
Не делали «пиф» и не делали «паф» —
он сам испугался, случайно упав.

А заяка, а заяка
уже — боже мой!
Он белый, как сайка.
Он антиживой.

Распалась семья,
в которой семь я,
а восьмой,
мерцающий, как неон,
говорит, что и он — не он.

Фазиль ИСКАНДЕР

Баллада о зайчике Роуфе,
охотничьем сыне Баграте,
чуреке и чебуреке

У злобы — свои законы,
у чести свои права.
Есть заяц, и есть охотник.
Инжир, курага, айва.
За рынком у старой хашной
сошлись они, аккурат,
заяц по имени Роуф
и охотничий сын Баграт.
Лил на ущелье месяц
свой черный венозный свет.
И сказал Баграт: — Нэнавижу! —
и вскинул свой пистолет.
И в хашной умолкли споры,
когда он привстал в седле.
Но пуля в стволе молчала.
Молчала пуля в стволе.
Она молчала как рыба,
навага, судак, филе...
Все так же в ущелье месяц
лил свой венозный свет,
когда Роуф сказал Баграту:
— Ну-ка, дай сюда пистолет! —
Когда торжествует дружба,
с дороги уходит злость.
И бросил Баграт ему пистолет,
как бросают собаке кость.
Уже текла по горам заря,
как течет виноградный сок,
когда Роуф своею рукой всадил
пулю себе в висок...
Да здравствует сила сильных!
Пусть слабый не будет слаб!
Да здравствует дух брожения,
шашлык и люля-кебаб!

Да здравствуют ритмы Киплинга,
папах, аллюр, абрек,
фазаны и козлотуры,
мангал, чебурек, чурек!

Михаил ЛЬВОВ

Маленький Гулливер

Чтоб зайцем стать — не надо им родиться,
как стать рагу — не надо быть рагу.
Не собираюсь в зайца превратиться,
но бить по зайцу — тоже не могу!

Напрасно зайцефобы-зайцегубы
ехидно морщат маленькие губы!
Напрасно зайцеловы-зайцестрелы
в меня пускают маленькие стрелы!
И вовсе зря иные зайцефилы
в меня втыкают маленькие вилы,
свои мне предлагают постулаты,
как надевают маленькие латы,
и маленькую должность, и в придачу
мне предлагают маленькую дачу.

Мне ведом путь, который им неведом:
не зайцеедом быть, а зайцеведом!
И пусть погибну я от зайцелюбья —
но, зайцелюб,
останусь зайцу люб я!

Леонид МАРТЫНОВ

Восьмое чувство

Я с Музой
Глубокою ночью

Шел около «Националя».
 Там зайца
 Я видел воочью —
 Уже начинять начинали.
 Вернее, едва начинали
 Опасное это занятие,
 Едва ли имея понятие,
 Кого они там начиняли.
 В соседстве с дымящею печью,
 Где блики бегут по обличью,
 Владеющий слухом и речью,
 Он не был обычной дичью.
 И я его видел идущим,
 На крыльях упругих летящим,
 Бегущим по грядкам грядущим,
 Сырую морковку едящим.
 Над листьями репы и лука,
 Над свеклами бурого цвета
 Он несли со скоростью звука.
 А также со скоростью света.
 Он кланялся пущам и роцам,
 И было сравнить его не с чем,
 И не был он нищим и тощим,
 А был он поющим и вещим.
 ...Тут некто
 Высокого роста
 Воскликнул:
 — Но как это можно?
 Да, все это было бы просто,
 Когда б это не было сложно!

Самуил МАРШАК

Элегия на смерть Джона О'Грэя,
 почтенного зайца, эсквайра

Меж речкой Твид и речкой Спей,
 Где вереск и все прочее,
 Жил бедный заяц Джон О'Грэй,
 Отец семьи и прочее.

Хоть был лишен
Наш бедный Джон
Чинов, наград и прочее,
Зато был шерсти не лишен,
Хвоста, ушей и прочее.

Однажды, три-четыре-пять,
Позавтракав и прочее,
Он в рощу вышел погулять
И, так сказать, все прочее.

Он был не в бархат разодет,
Как тот бездельник Билли, —
Берет с пером и старый плед
Его одеждой были.

При всем при том,
При всем при том
С бездумною отвагой
Махал он весело хвостом,
Как пикой или шпагой.

Но у развилки трех дорог,
Где ельник и все прочее,
Его охотник подстерег
И застрелил и прочее.

Он взял себе берет и плед,
А пух и прах О'Грэя
Трактирщику за шесть монет
Он продал не жалея.

А тот из Джоновых костей
Сварил бульон и прочее
И этим потчевал гостей
Под крепкий эль и прочее.

Но все, кто ели тот обед,
И все, кто Джона ели,
Не о трактирщике, нет-нет,

Не об охотнике, о нет —
О Джоне песню пели.

Вот так под старых кружек звон,
И шутки, и все прочее
Был воскрешен наш добрый Джон,
Отец семьи и прочее.

И с той поры уж сколько лет,
Как бы воскресший из котлет,
Из супа и все прочее,
Он на земле живет опять
И раз-два-три-четыре-пять
Выходит в рощу погулять
И, так сказать, все прочее.

Булат ОКУДЖАВА

Прощание с Ленькой Зайцевым

Словно бы на зависть грустным арбатским
мальчикам,
арбатские девочки, безнадежно влюбясь,
Леньку Зайцева называли ласково зайчиком —
ваше высочество, говорили,
и просто князь.
А когда погулять выходил он с черного хода,
сто прелестных охотниц
выбегали из своих засад,
розовые лошади били крылами,
начиналась охота,
из которой никто не старался вернуться назад.
А они в него корочкой, видите ли,
поджаристой,
пирогом с грибами — в семейный, извините,
крут.
А он на плечо шарманочку —
и пожалуйста,
потому что шофер в автобусе —
его лучший друг.

А он на свои на рыжие, как порфиру,
фуражку.
А он их сам, понимаете, убивал.
А последний троллейбус
развозил по Сивцеву Вражку
ситцевых девочек, убитых им наповал.
Плакала на Смоленской флейта,
лесная дудочка.
Бил на Садово-Кудринской барабан любви.
Ночь опускалась,
короткая, как мини-юбочка,
над белыми дворниками,
изящными, как соловьи.
И стоял, как замок отчаянья,
арбатский дворик,
жалуясь, печалась, безнадежно моля...
Плачьте, милые девочки,
пейте паригорик!
Пейте капли датского короля!

Михаил СВЕТЛОВ

Сто двадцать лет спустя

Не в «ЗИЛах» и не в новеньких «Победах»,
не думая, что станут в них стрелять,
два зайчика на двух велосипедах
отправились немножко погулять.

Но, по ошибке взятый на поруки,
большая сволочь и антисемит,
охотник к ним протягивает руки
и гнусными зубами шевелит.

Сейчас начнутся грозные события.
Мой зайчик закачается в седле.
Но чтоб не допускать кровопролитья,
живут мои герои на земле.

И если уж дойдет до столкновенья,
я крови все равно не допущу:
я встану посреди стихотворенья,
охотника в лягушку превращу.

И вы не бойтесь, глупенькие зайки:
я в случае чего вас воскрешу.
Куплю вам в ГУМе трусики и майки
и на свою жилплощадь пропишу.

Я дам вам пряник и другие сласти,
надену октябрянские значки.
Не надо плакать при Советской власти!
Утрите ваши слезы, дурачки!

Пусть горит на мордочках румянец!
Охотника не бойтесь моего!
Я пошутил, ведь он — вегетарьянец,
мясная пища — гибель для него.

Мне вся его семья давно знакома.
Он не имел оружия вовек.
Он просто заместитель управдома,
вполне интеллигентный человек.

Ярослав СМЕЛЯКОВ

Строгая морковь

Не в смысле каких деклараций,
не пафоса ради, ей-ей,
мне нравятся серые зайцы —
те золушки наших полей.

Мне праздника лучшего нету,
чем видеть опять и опять —
по этому белому свету
тот заяц идет погулять.

Ни шелка на нем, ни шевьота.
Ни юбок на нем, ни рубах.
Как красный колпак санкюлота —
морковка в суровых зубах.

Не плод экзотический юга,
чья дряблая кожа пестра, —
а скромная дочь огорода,
больших удобрений сестра...

Но грозный, как тень трибунала,
сидит на своем чердаке
охотник в коротеньком платье,
с кулацким обрезом в руке.

Он зайца в ловушку заманит,
морковку его отберет.
Он с этою целью ложится
и с этою целью встает.

Но вы понимаете сами —
я зайца в обиду не дам.
Высокую чашу питанья
я с ним разделю пополам.

Я дам ему, может, рублевку
из малой получки моей —
пусть купит другую морковку,
какая еще покрупней.

Я буду доволен, по сути, —
была бы у зайца всегда,
в железной домашней посуде
красивая эта еда!

Владимир СОКОЛОВ

Ключик

Был дождик в полусне,
канун исходам.
Был зайчик на стене,
была охота.

Был дачный перегон,
грибы, сугробы.
Варили самогон.
Зачем? А чтобы.

Варили вермишель.
Когда? Вначале.
Когда еще —
Мишель, ау! —
кричали.

Меж всех этих забот,
охот, получек
он был как словно тот
скрипичный ключик.

Он смутно различал
сквозь суть причины
концы иных начал,
иной кручины.

Диван вносили в дом,
тахту с буфетом.
Но суть была не в том,
а в том и в этом.

И пусть он не был тем,
а все ж заметим,
что был он между тем,
и тем, и этим.

Он частью был всего,
что было тоже.
А впрочем, ничего.

«Белеет парус одинокий...»

Александр ТВАРДОВСКИЙ

Парус, парус...

Шел я, от ходьбы упарясь,
По-пехотному, пешком.
Шел и вдруг увидел парус
Прямо в море голубом.
А по совести признаться,
Между нами говоря,
Парус — он не станет, братцы,
Даром по морю болтаться
И белеть в тумане зря.

Я до выдумки охочий,
И подумал я тайком:
Что он ищет днем и ночью
И чего, промежду прочим,
Кинул он в краю родном?
Почему он все маячит,
Все белеет над водой?
Счастья ищет — не иначе.
Вот так, думаю, задача,
Елки-палки — лес густой!

Ах ты парус-парусище,
Счастья ищешь? Вот чудак!
Присмотрелся: нет, не ищет.
Показалось только так...
Сел я, значит, на пригорке,
Скрутку в палец толщиной
Закурил я из махорки
Для завесы дымовой.

(В нашем деле, если горько,
Если что-нибудь не так,
Выручает нас махорка.
Дело, стало быть, табак.
Без махорки — как без рук,
Как на празднике без брюк.)
И меня от той махорки
Осенило на пригорке:
Хочет бури парус мой!
Как сказал бы Вася Теркин:
— Будто в бурях есть покой!

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

Парусиада

Да, он, мятежный, просит бури,
Летящей в грохоте тирад,
В неопишемом сумбуре
Над Эйфелевой башней, над
Тулузой, Тулой, Сальвадором,
Сорбонной, черт ее дери,
Над склеротическим собором
Парижской Богоматери,
В котором есть такие ниши,
В которых молятся тому,
Которому плевать на нищих,
Которые пришли к нему!
Да, он, мятежный, просит бури!
Он адекватен ей без слов!
Пусть грохнет по клавиатуре
Тупоголовых черепов!
Катитесь к черту, лежебоки,
Вам не понять ни бе, ни ме!
Белеет! Парус! Одинокий!
Ву компрене? Ву пониме!

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Хватит!

От лица
моего

Поколения
Заявляю
Без церемоний:
— Не чувствую
Умиления
При виде паруса

В море.
Это красиво,
каюсь,

Пусть
ахают

Тани и
Тони,
Но

существует
Парус
Для красоты,
Что
ли?!

Уолл-
стрит

Свои планы
Лелеет,
Коварные
планы

Вынашивает.
А он

**Все
в тумане**

Белеет.
Белеет

**и нашим
И вашим?!**

У всех
 трудовые
 будни.

А парус,
 он что —
Хворый?
Ведь то,
 что он ищет

Бури, —
Так
 это
 ж
Одни разговоры!
Но если
 ты ищешь,

Парус, —
Берись
 за работу

Любую.
Иди
 в геологи,

Парень,
И
 ищи
 руду,

А не
Бую!

Новелла МАТВЕЕВА

О парусе, палтусе и страусе

Смотри, какой парус!
Смотри, какой белый!
Вокруг него хаос,
А он плывет смело.
А он плывет белый,
А он плывет смелый,
И из него песни

Попробуй
Не
Сделай.

А ты говоришь: — Где парус? —
А ты говоришь: — Где белый? —
А сам ты, как рыба палтус,
Упитанный и дебелий.
Нет, ты совсем не парус,
Не лодка и не шаланда,
Ты, словно птица страус,
Хоть не лишен таланта.

Я говорю: — Ветер свищет! —
А ты говоришь: — Обойдется... —
Я говорю: — Мачта гнется! —
А ты говоришь: — Разогнется! —
Парус ушел в волны,
Волны ушли в море,
Море ушло в полночь,
А ты ушел в спальню.
Ах, ты такой трезвый,
Ах, ты такой пресный,
Что из тебя песни
Не выйдет,
Хоть
Тресни!

Борис СЛУЦКИЙ

К вопросу о парусе

Белеет парус. Я в море купаюсь,
Я вспоминаю школу мою.
Мы проходили «Белеет парус
Одинокий...»

Лермонтова М.Ю.

По программе, которую утвердил

Наркомпрос,

Изучали мы это произведение.
А я пацаном любознательным рос,
А я задавал за вопросом вопрос
(Что ищет парус? — первый вопрос.
Что кинул парус? — второй вопрос),
Я задавал за вопросом вопрос —
И не получал объяснения.

Всю жизнь я искал на вопросы свои
Ответы. Нашел. И теперь без отсрочки
Хочу поставить точки над «i».
Точки над «i» —

это наши точки.

Красивую ложь мы придумать смогли бы,
Но лгать не хочу и не буду,

ибо

Следует правде в глаза смотреть.
Что ищет парус? Он ищет рыбу!
Что кинул парус? Он кинул сеть!
(Добавлю для ясности в этом вопросе:
«Кинул сеть» — в смысле «забросил».
И, значит, читать эту фразу впредь
Следует так: он забросил сеть.)

Парус не стонет, не ноет, не хнычет.
Народ перед ним поставил задачу:
Выполнить план рыбодобычи,
Не забывая о рыбосдаче.
И в сети к нему заплывает сельдь —
Здоровая пища, полезная снедь.

Мне нравится парус. Мне он симпатичен.
Я лично желаю ему удачи
Как в отношении рыбодобычи,
Так в отношении рыбосдачи.

Я верю: всплывет в магазины рыба,
Щука, окуни и караси.
Так скажем парусу наше спасибо,
Простое рабочее наше мерси!

Евгений ЕВТУШЕНКО

Я

Я — парус, море я в тумане голубом,
Я сам в себе

белею одиноко,

Я сам себя ищу в стране далекой
И кинул сам себя в краю родном.
Ах, я волна, играю я водою
И, изменяясь десять раз на дню,
Я ветер,

гнувший мачту над волною,
И мачта я,

и сам себя я гну.

Я разный, я такой многообразный,
И, расплываясь в разные края,
Я не бегу от счастья понапрасну,
Поскольку счастье — это тоже я!
Я разный: я струя светлей лазури,
Я солнце, я луч солнца золотой.
Я буря,

и прошу я только бури
Аплодисментов.

В этом мой покой!

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

За тех, кто в моде

Вон парус белеет!
Эй, шизик-очкарь,
Очки поскорей наденьте!
Белеет он уголочком платка

Над карманом пижона и денди.
Яхта? Вельбот? Шаланда?
Ах! Во дает! Шалава!
Прощаюсь я с морем, с волной,
С параболою залива.
Спасибо за парус твой,
За то, что белеет, спасибо!
Жужжит надо мной оса,
Улетела, не укусила.
За то, что от боли спасла,
Спасибо, оса, спасибо!
Спасибо тебе, сосна,
Сознательная древесина,
Ты станешь бумагой сама
Для книги моей, спасибо!
Спасибо за то, что я есть
И читают меня в жилмассивах!
Спасибо за то, что я весь —
Как парус — в тумане...
Спасибо
За то, что туман по стихам
Плывет фрегатом по рыбам.
А что за туманом там?
А ни фиги там!
Спасибо
За то, что дозволено мне
Рифмовать караси с керосином —
Большое спасибо!
За то, что $(a+b)^2 = a^2 + 2ab + b^2$,
И значит, действительно, знание —
сила.
Большое, большое спасибо!
И за то, что страдаю
На всех континентах красиво,
Благодарю тебя, жизнь,
Сенк ю! Данке шен! Грацио!
Очень спасибо!

Владимир Масс, Михаил Червинский

*Два сатирика давно
Ходят, пишут неразлучно,
Выпускают пьесы... Но —
Это было бы смешно,
Если б не было так скучно.*

Сергей Смирнов

Борис Лавренев

Корней Чуковский

Он автор «Мухи-цокотухи»,
И удивляется страна,
Что тридцать лет из этой мухи
Чуковский делает слона.

Михаил Пустынин

Валентин Катаев

Талант, достойный изумленья
И в оны дни, и под конец,
Сумел он из травы забвенья
Сплести алмазный свой венец:
Нашел глаголы на века
Одесской прозы сын полка!..

Игорь Александров

Алексей Толстой

*Любил окрошку с луком
(Для графа вкус нелеп),
«Хождению по мукам»
Предпочитая... «Хлеб».*

Игорь Александров

Александр Фадеев

Всеволод Иванов

Сергей Васильев

*В нем слиты две разных мелодии:
Он пишет стихи и пародии.
Порою теряется разница,
Когда он поет, когда дразнится.*

Александр Раскин

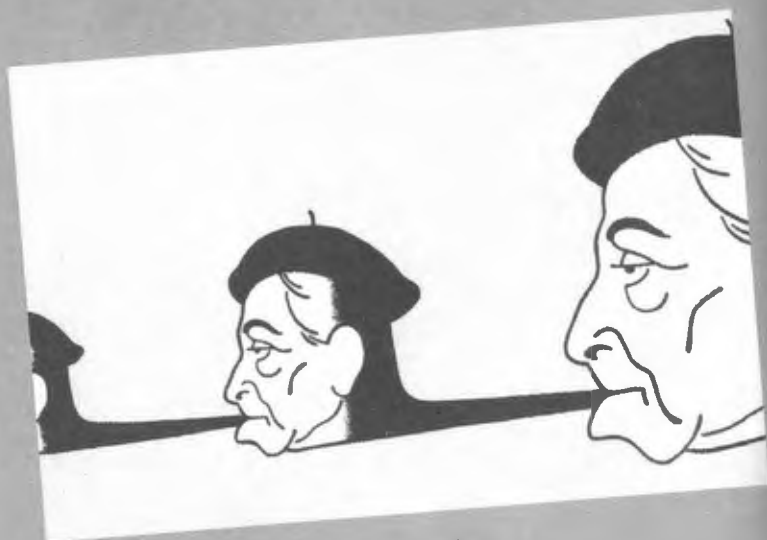

Сергей Михалков

Александр Безыменский

Илья Эренбург

*Изъездив землю, воду, небо,
Не удивляясь чудесам,
Он, может, где-нибудь и не был,
Но где — не помнит даже сам.*

Александр Раскин

Эдуард Багрицкий

Исаак Бабель

Николай Акимов

*Он весь талантом пишет,
Все перед ним пасует.
Он говорит как пишет,
А пишет как рисует.*

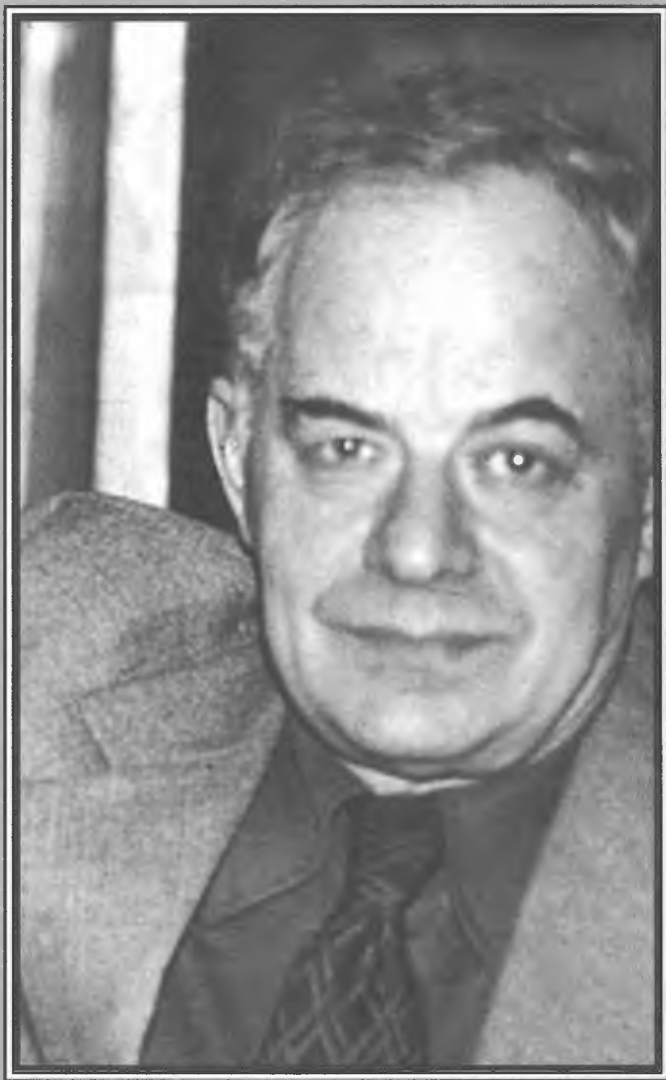
Александр Раскин

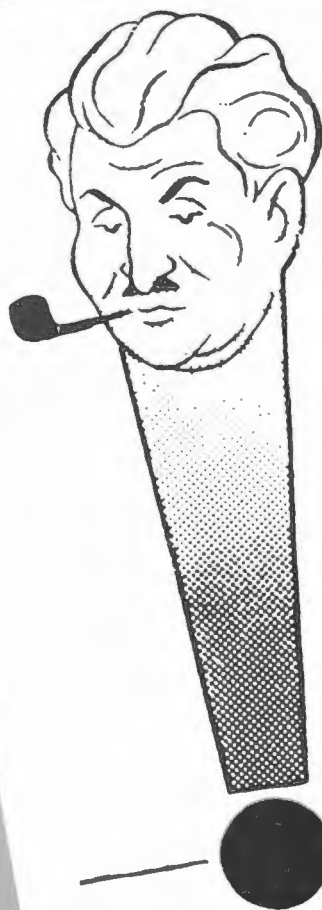
Александр Прокофьев

Ну что сказать про нашего Прокопа?
Большой талант, но вдвое больше...

Бронислав Кежун

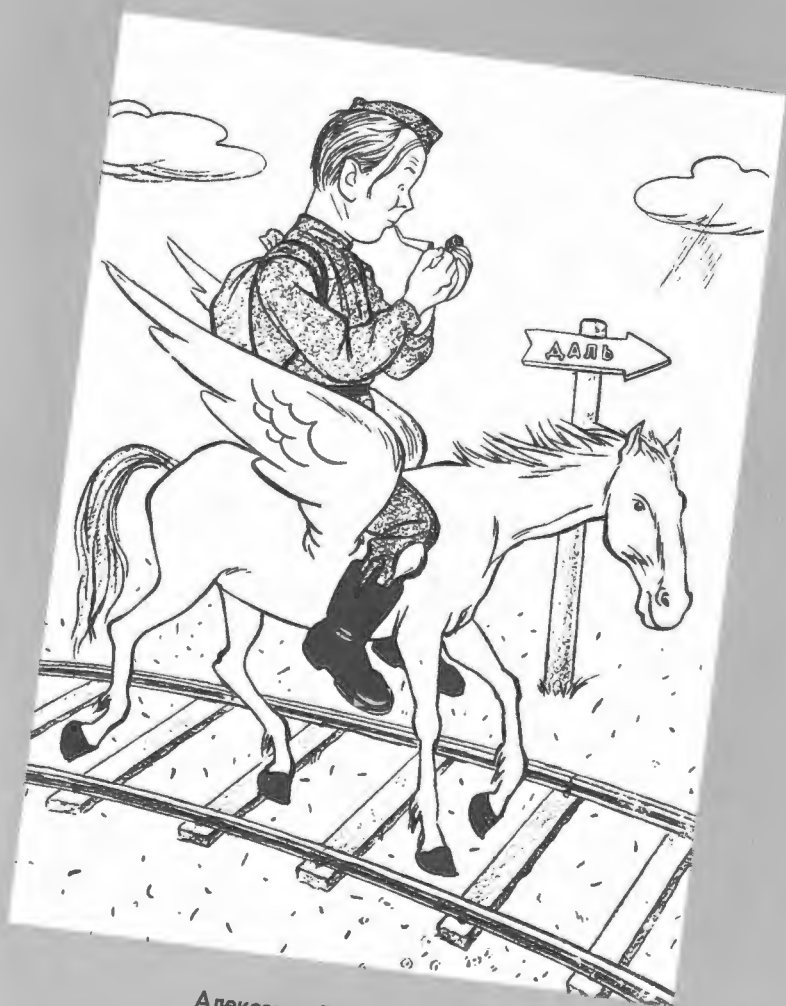
Зиновий Паперный

Константин Симонов

Его тома — одна из тех мозаик,
Где автор в жанрах путается сам.
Так надо ли дивиться чудесам:
В стихах заметен опытный прозаик.

Александр Раскин

Александр Твардовский

Юрий Левитанский

*Бывает по многим известным приметам
Смешение жанров талантливо-чистым:
Его юмористы считают поэтом,
Поэты считают его юмористом.
(Тут нет в эпиграмме ни капли отравы:
И те и другие по совести правы!)*

А.Рейжевский

Белла АХМАДУЛИНА

Ноктюрн

О, моря первозданный хаос,
О, пены кружевной узор!
Принадлежит сейчас мой взор
Тебе, мой одинокий парус,
Мой мальчик, мой удельный князь...
Играют волны, веселясь,
Я слышу в воздухе соленом
Тревожную взаимосвязь
Меж скрипом мачты и наклоном.
Пусть так! И все же я смеюсь,
Пусть слаб мой голос в странном хоре.
О, этот тройственный союз
Тумана, паруса и моря!
И я не утираю слез.
Да будет нам покой неведом,
А есть ли счастье — суть не в этом!
Плыть или не плыть — вот в чем вопрос!

Александр МЕЖИРОВ

В тихой гавани

Я питаюсь теперь
в диетической скромной столовой...
На стене там картина,
где парус в просторе морском.
Диетический суп
заедаю я кашей перловой..
А перловую кашу
заливаю потом молоком.
В море парус белеет.
Он молод и что-то он ищет.
Я нашел все, что нужно,
простое меню возлюбя.
О, такая простая
вегетарианская пища,

Как с тобой хорошо!
И как раньше я жил без тебя?
Ах, как дурно я жил,
забывая, что мясо — отравя!
Как неверно питался,
являлся домой на заре...
Здесь, над манною кашей,
я понял, что истина, право,
Не в вине — в винегрете
и не в буре покой, а в пюре!
О, сколь радостно жить
новой жизнью, простой
и здоровой,
Без излишних калорий
свободнее дышит душа!
Допиваю компот.
Покидаю пределы столовой,
Погруженный в раздумья,
к шашлычной бреду не спеша.

Сергей МИХАЛКОВ

Мачта и зампом

Басня

Однажды я на яхте плавал в море,
Как хорошо мне было на просторе!
Но видел я, как Мачта то и дело
Одновременно гнулась и скрипела.
В одной конторе тоже так ведется:
Зампом директора, который там
сидит,
Всегда перед начальством низко
гнется,
Зато на подчиненных зло скрипит.
Пора покончить с этим навсегда!
Да!

Давид САМОЙЛОВ

Воспоминания о Понте Эвксинском

Зачем, помилуйте, какой-то имярек
Нарек наш Понт Эвксинский
Черным морем?
Нет, мы с самим названием не спорим,
Но прежде даже самый древний грек
Сказал бы вам, где Понт Эвксинский...
Ныне
И древних греков нет уже в помине,
И Понт, представьте, более не Понт...
— Остановись, мгновенье! — просит Фауст.
Ведь скроется, уйдя за горизонт,
Спустя минуту одинокий парус!
Но Мефистофель дремлет, и его
Подобная проблема не тревожит.
А мачта все скрипит и гнется оттого,
Что не скрипеть она не может.

Джонатан СВИФТ

Путешествия Гулливера

Глава...

Географическое положение и доходы королевства Бимбодонг. Король Мамапала милостиво принимает Автора. Расцвет изящных искусств в Бимбодонге. Развитие наук и поощрение ученых.

Остров Допингпонт, на котором разместилось королевство Бимбодонг, находился под 44 градусами 5 минутами северной широты и 182 градусами 6 минутами долготы. Допингпонт со всех сторон окружали грозные скалы и рифы.

Почти непрерывно бушующие в этих широтах штормы и тайфуны загоняли прямо на рифы проходившие мимо корабли, и ничто не могло спасти несчастные, обреченные суда от верной гибели.

Сокровища разбивавшихся о скалы кораблей служили постоянным и весьма значительным доходом королевств-

ва. Если же в результате непредвиденных стихийных бедствий (как называли здесь прекращение штормов) число кораблекрушений на время уменьшалось — доходы королевства тоже уменьшались. Но в таких случаях бимбомдонгцы по приказу короля Мамапапы нагружали свои собственные корабли и сами топили их на тех же рифах. Благодаря этому доходы Бимбомдонга снова увеличивались, и королевство неизменно процветало.

На третий день после того, как судьба забросила меня в Бимбомдонг, я был милостиво принят королем Мамапапой. Внимательно выслушав рассказ о моих путешествиях, король стал расспрашивать меня об Англии. Особенно интересовало его, есть ли у мстя на родине изящная словесность. Дело в том, что Мамапапа, отличавшийся незаурядным умом и всеобъемлющими познаниями во всех науках, более всего увлекался искусством и почитался тонким ценителем изящной словесности. Каждый писатель мог рассчитывать на его высокое покровительство. И все виды изящной словесности всемерно поощрялись в Бимбомдонге. Немилость и запрет вызывало лишь то, что было неизящно.

Причем что именно является изящным, а что — неизящным, устанавливал сам король. Устанавливал он это научным методом, а именно в зависимости от времени года, расположения небесных светил и состояния собственного здоровья.

Но, увлекаясь искусством, Мамапапа не забывал и о развитии наук. Так, например, ученому, сделавшему какое-нибудь серьезное открытие, король жаловал сообразно с важностью открытия титул корифея или полукорифея и дарил особого покроя камзол.

Корифеи получали камзол, украшенный шестью золотыми полосами, полукорифеи — шестью серебряными. Полосы шли сверху вниз и имели два дюйма в ширину и три фута в длину.

Появление ученого в подобном камзоле вызывало в любом обществе преклонение и восторг. Любая знатная дама с удовольствием принимала ухаживания корифея или полукорифея.

Сначала титулы эти присваивались пожизненно. Но вскоре Мамапапа обнаружил, что, едва получив награду,

ученые переставали заниматься наукой, предпочитая беспрерывно красоваться в своих вызывающих всеобщее восхищение камзолах.

И тогда мудрый король издал новый закон. Согласно этому закону звание корифея или полукорифея оставалось за ученым только до тех пор, пока данный ученый не изнашивал пожалованного ему вместе с титулом камзола. Штопать, латать, подновлять и перелицовывать его строго воспрещалось.

Король полагал, что теперь корифеи перестанут щеголять в камзолах и вернутся к занятиям наукой.

Но мудрое предвидение короля сбылось только отчасти. Корифеи действительно перестали гулять в камзолах, ибо каждая прогулка ускоряла их износ и, следовательно, приближала потерю титула.

Однако и к научным занятиям корифеи и полукорифеи также не вернулись, потому что все время тратили теперь на то, чтобы охранять свои драгоценные камзолы от пыли, моли, сырости, сухости и многих других неприятностей, способных преждевременно лишить высокоученых камзоловладельцев их почетных званий...

Семен КИРСАНОВ

Никудырики

Каждый вечер, взявшись за руки
и прощальный
бросив взгляд,
с тихим смехом
никударики
к никомурикам
летят.

Ни в Европе,
ни в Америке
не найти их —
ведь живут
никомурики в Нигдерике,

где ничторики
поют.

В реках там
есть ничемурики.
Где ж еще им гнезда вить?
Очень любят
никомурики
ничемуриков
ловить.

Потому-то,
взявшись за руки
и прощальный бросив взгляд,
с тихим смехом
никударики
к никомурикам
летят.

Я об этом с упоением
написал стихотворение.
Но понять его
никторики
не сумеют
низачторики.

Иван ЛЫЦОВ

Соль в глаза

— Ох, исполохал ты меня.
Еще минутинка б — другая —
И свет изник бы изо дня.
.....
Располстились огневкой сполохи
Из-под тучи с блескучей сумой.
Загорался сыр-бор от рассохи...
.....
Я на звездочках не снула,
На рассвете не спала.
.....
«Мне же вылыдни — солью в глаза.

Над забавами поэта
С солью глаз я не сомкнул:
Всю-то ночку до рассвета
Ни минутинки не снул!

Располстились близи-дали,
Загорается сыр-бор,
Я в словарь толковый Даля
Утыкаю дикий взор.

В согре слетенью — вылыдни
Над блескучею сумой,
Из-под туч изникли злыдни...
— Мама, я хочу домой!

Не сдержать мне тяжких вздохов,
Я шепчу, судьбу кляня:
— Ох, зачем ты исполохал,
Израссохал ты меня?!

От чрезмерной перегрузки
Ошалевший я сажу:
И с лысцовского на русский
До утра перевожу..

Николай ТРЯПКИН

* * *

Ах, Пегас! Лошак ты мой соловый!
Тпру-у-у!

Во саду ли, в огороде
Репа с тыквою растут,
Я при всем честном народе
Воспеваю красоту.

Что за холка! Что за грива!
Что за бабки — в самый раз!
Жеребец ты мой ретивый,
Неумный мой Пегас!

Брюква, свекла, бедра, груди —
Право, славный винегрет!
Пусть нас критики рассудят:
Где стихи, а где их нет.

Нам с конягою Пегасом
Огорчаться нет причин:
Рвутся пуговицы с мясом
То и дело у мужчин.

Рвутся кофты, майки, брюки —
На ходу и на бегу...
Я еще похлеще штуки
Для журналов берегу!

Есть огурчики в столовой,
Холодильник отопру...
— Будь здоров, лошак соловый!
— Тпру-у-у!!

Назарь Назарев (р. 1924)

Бенедикт Сарнов (р. 1927)

Станислав Рассадин (р. 1935)

Евгений ВИНОКУРОВ

Суть

Я землю рыл.
Я поработал всласть.
Я с детства политически был развит.
На все вопросы отвечал я: «Ась?»
«Ну да!» «Угу». «Оно конечно». «Разве?»

Я рыл,
В карманы руки заложив.
Страдал: о как постичь тебя, планета?
Пусть не поймут меня, пока я жив!
Пусть сумасбродом прослыву за это!

Я рыл.
Копал.
И докопался я. До дна. До точки.
В муках. На пределе. Земля — кругла!
Вот истина моя.
Вы ж до сих пор банальностью владели.

Николай ДОРИЗО

Знание — сила

С иною книгой ночь
провел без сна,
А через день забыл ее название,
С такой
способен только на свиданье,
А с этой
жизнь семейная нужна.

Почему ж ты мне
не встретилась,

Умная,
Толстая,
Так бы мог прожить
в неведение

Без тебя
До ста я.
Ты об этом напомнила,
Моя че-
ты-
рех-

томная,
Разъяснила, что учение —
Это свет.
Проводил я раньше дни
свои

С тощими,
Глупыми —
Так всегда бываем
смолоду

Ветрены,
Глупы мы.
А теперь горько сетую;
Поздно встретился
с этою

И узнал, что неучение —
Это тьма.

Евгений ЕВТУШЕНКО

Стрекоза на станции Зима

**Быть может, муравьи
не зря тревожатся,
что,
по наклонной плоскости
скользя.**

танцоркою
и модницей безбожною
ты станешь,
попрыгунья-стрекоза.
О, ты еще вчера была
личинкою,
но сбросила личину —
о ля-ля!

Ты от меня
 теперь
 неотличимая —
 сам не пойму,
 где стрекоза,
 где я.

А муравьи — молчаливники и пахари,
они земель и мужеством
пропахли.

Им некогда
кружиться
над поляною

**В погоне
за дешевой популярностью.**

Им твист и липси
 не лабали
 лабухи,
коктейлей им хлебать
 не довелось, —

Вот почему
так бережно и ласково

они стрекоз
 шутают на мороз.
Они на нас
 боятся
 понадеяться,
но врет
 тысячелетняя молва!
О стрекоза,
 будь маленькою девочкой!
Они правы,
 но ведь и ты права!
Пусть мне твердят,
 что только те
 романтики,
кто тягачей
 и «МАЗов»
 здоровей.
Вон стрекоза
 танцует
 на пуантиках...
А в высшем смысле —
 тоже муравей!

Сергей НАРОВЧАТОВ

Ты не наша

От меня вечер Лейла
Равнодушно уходила.
Я сказал: — Постой, куда?..

А.С. ПУШКИН

Разлюбила? Бросаешь? Что же
Раньше думала ты?..

.....
Не со мной расстаешься,
со всеми...

С. НАРОВЧАТОВ

От меня вечер Анфиса уходила прочь,
Царь-девица, дева-пава, девица-краса.
И смежить до самой зорьки было мне невмочь
Всё выдавшие на свете синие глаза.

Иль задаром я секирой, пикой, бердышом
С озорною татарвою бился бесперечь?
Иль задаром я Кучума гнал за Иртышом?
Матка Боска Ченстоховска, Посполита Речь!

Я не аггел, я не ангел и не агнец тож.
Я ватажник, я дружинник и Отчизны сын.
От меня уйдя, иуда, ты навек уйдешь
От червлёных наших стягов и родных осин,

От Крылова, Михалкова, Цезаря Кюи,
От безгрешной Ярославны и от чад ее...
Проклинаю, свет-Анфиса, рученьки твои!
Чужеземное, не наше, имечко твоё!!!

Из «Мото-цикла»

Наум КОРЖАВИН

Бабушка! Бояться нет причины

Сколько смелых, радостных поникло!
Как томилась мысль, бурля во мгле,
Чтоб в двадцатом веке мотоциклы
Бабушек давили на земле!

Люди! Люди! Как мы с вами скоры,
Даже на закате наших лет.
Сами расставляем светофоры,
А потом идем на красный свет!

Если так пойдет, не будет жизни!
Все исчезнем мы в последний час.
И восторжествуют механизмы
На земле, очищенной от нас...

.
Бабушка! Бояться нет причины!
Ты погибла. Что ж...

Но все равно
Нам дано придумывать машины.
Нас давить

машинам

не дано!

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Открытое письмо
госпоже Эмме Бовари.
Ионвиль. Франция

Жалею
 жалею
 девочек.
Наших
 невинных
 девочек.
Жизнь свою
 с Вас
 делающих,
Не с Марфы Посадницы
 делающих.
Работая
 по-ударному,
Им быть
 и в любви бы
 первыми.
Вы ж маните их
 будуарами,
Морочите
 адюльтерами.
Имеются
 разные
 мненьица,
Но вы
 пораскиньте
 сами,
Чью Вы
 крутите
 мельницу
С Вашими
 Мопассанами?
А впрочем,
 валяйте...
 Пожалуйста!

Что с вас возьмешь —
богема...
Только
потом
не жалуйтесь.
Предупреждаем Вас,
Эмма.

Из цикла «Стрекоза и муравей»

Ярослав СМЕЛЯКОВ

Строгая любовь

Не ради наград пустяковых,
Не сытного ради житья,
Я очень люблю насекомых,
А пуще всего — муравья.

Засыпщик, прораб и затейник,
От пят до макушки земной.
Как Блюминг Любви,
муравейник
Стоит у него за спиной.

Живет он, до дела охочий,
В своем коммунальном дому,
Что служит столовкой рабочей
И цехом ударным ему.

Здесь нет суесловья и позы,
Здесь общее счастье куют.
Ни бабочки здесь, ни стрекозы
Не сыщут дешевый уют.

Мне лето, представьте, не в лето,
Лишь гляну, средь трудных работ
Солистки из кордебалета
Блудливый ведут хоровод.

Мне эти повадки знакомы,
Не клюну на бабочек я.
Терпеть не могу насекомых.
Люблю одного муравья.

Из цикла «В лесу родилась елочка»

Борис СЛУЦКИЙ

Древесина

От елки
 и в ельнике мало толку.
В гостиной
 ей вовсе цена пятак.

Как
 надо
 использовать елку?

Елку
 надо
 использовать
 так.

Быль.
Ни замысла и ни вымысла.
Низко кланяюсь топору.
Родилась, а точнее — выросла,
а еще точнее — все вынесла
елка

 в нестроевом бору.
Наконец-то до дела дожидка:
в штабеля
 по поленьям
 сложена...

Всех потребностей удовлетворение,
всех — еды и одежды кроме!
Дровяное отопление,
паровое отопление.
Это — в мире опять
 потепление,

в мире — стало быть, в доме.
Я сижу с квитанцией жакта.
Мне тепло.
Мне даже жарко.
Мне теперь ни валко ни колко,
а какого еще рожна!
Человеку нужна не елка.
Человеку палка нужна.

Из цикла «О странностях любви»

Константин СИМОНОВ

Пир во время войны

Пью за здоровье Мери,
Милой Мери моей.
Тихо запер я двери
И один, без гостей,
Пью за здоровье Мери...

А.С. ПУШКИН

Я пил за тебя в ресторанах Констанцы,
Я спаивал вдрызг эмигрантский Харбин
В кругу офицеров, забывших про танцы,
Усталых, часами небритых мужчин.

Едва ль ты оценишь, моя недотрога,
Мужское бездомное наше питье.
Кого б ни встречал на военных дорогах —
Всех пить заставлял за здоровье твое.

Шофер из Одессы, спецкор из газеты,
И юный корнет, и седой генерал
Трезвели мгновенно, едва из планшета
Твою фотографию я доставал.

Не знаю, поймешь ли... Но это по-русски,
И фронт — это все-таки фронт, а не тыл...
Прости же, что с каждым я, вместо закуски,
Тебя, как солдатскую пайку, делил.

Леонид МАРТЫНОВ

Слыхали ль вы?

Мой голос для тебя и ласковый и томный,
Тревожит позднее молчанье ночи темной.

А.С.ПУШКИН

Композитор по имени Григ
И поэт по фамилии Фрут
Напевали: любовь — это рок,
То есть мрак и сплетение рук.
А известный бретер Бержерак,
Дуэлянт, выпивоха, игрок,
Утверждал, что любовь — это грог,
Преферанс, карамболь и трик-трак,
Пара шпаг и взведенный курок,
Секундант, возглашающий «брэк!»,
И соперник, что делает брык.
Так решил он. А некий дурак
Заявил, что любовь — просто трюк,
За которым следует брак,
Тихий брег и семейственный круг.
Но он был никудышный пророк!
Ведь любовь — не домашний порог,
Не пирог, и не сладкий урюк,
И не пара отглаженных брюк...
Львиный рык!
А не ламповый крюк!*

О глотатели книжного праха!
Обладатели нежного слуха!

* Это как заколдованный круг:
Есть еще ведь и лефовец Брик,
И художник по имени Брак,
Режиссер, именуемый Брук,
Бриг, что предками звался уструт,
Древний грек, африканский царек,
И старик, содержащий ларек,
И хорек, осторожный зверек,
Русл рек, перепутья дорог,
И арык, и парик, и порок...
Я всего перечислить не мог.

Вам, привыкшим шушукаться тихо,
Сообщаю я тайну успеха.
Вы слышали? Любовь — это крик,
Что в груди зарождается глухо
И, не слушая аха и оха,
Над вселенной разносится лихо.
И быть может, не так уж и плохо,
Если даже глухая старуха
Вдруг получит от громкого эха
Воспаление среднего уха...
Очевидно, такая эпоха.

Владимир СОЛОУХИН

Сударыня ты моя...

Я знаю: век уж мой измерен;
Но чтоб продлилась жизнь моя,
Я утром должен быть уверен,
Что с вами днем увижусь я...

А.и. ПУШКИН

Когда б любовь мне солнце с неба
стерла,
Чтоб были дни туманней и мрачней,
Хватило б силы взять ее за горло
И задушить. И не писать о ней.

В. СОЛОУХИН

Опять — любовь. Ну как не надоело?!
Из века в век долдонят нам одно:
«Любовь, любовь...» Как будто мало дела
И без нее эпохой нам дано.
Оно конечно — я не супротив
Народных празднеств бракосочетанья
(Я сам готов участие в них принять.
Я б наших смирных, мирных поселян
В веселые сгонял бы хороводы:
Пусть судари-сударыни попляшут,
Обильный свой используя досуг);
Я не противник и деторожденья —
Готов признать, что и оно не вредно.

Но справедливо ли, что человек
(Вершина мироздания!) носит в чреве
Свой плод?
Онтогенез, филогенез,
Мутации, диплоид, хромосомы
И прочие нерусские понятия —
К чему нам это?
Ясно — ни к чему!
Сколь проще размножаться почкованьем
(По-нашему сказать — вегетативно).
Какой тогда получим мы прибыток,
Сколь много сил и денег сэкономим!
«Любовь, любовь...»
Скажите-ка на милость!
Она ведь не основа бытия.
И чтоб как можно долее продлилась
Общественно активно жизнь моя,
Чтобы любовь, как пиво или водка,
Мне стать не смела поперек пути,
Я б взял ее, сударыню, за глотку
И — придушил.
Господь меня прости...

Василий АКСЕНОВ

На полпути к редакции

Трамвай был сказочно красив. Он был без кондуктора. Вместо кондуктора была касса. Такая гигантская копилка, сверкающая никелем, с пломбой и плексигласовым щитком. Она сама сбрасывала внутрь себя медяки, словно проглатывала их. Сбоку было колесико, и если повернуть его, высовывался белый язычок билета. Шлакоблоченко еще не ездил в таких трамваях, и сейчас у него просто захватило дух от восхищения. Что он любил — это технику.

— Граждане, оплачивайте за проезд! — пропела в микрофон вагоновожатая...

«Тихо! Баба как баба», — успокоил себя Шлакоблоченко, глядя ей в спину.

Над кассой висела табличка: «Стоимость проезда — 3 копейки». А может, наоборот: «Билет ничего не стоит, можете не платить». Шлакоблоченко не умел читать.

— Вались отсюда! — добродушно сказал он интеллигентному старичку, снял с него очки и бросил их на заднюю площадку. Старичок, близоруко щурясь, попластунски пополз за очками. Шлакоблоченко сел на его место, не торопясь стащил с ноги валенок, размотал портянку, достал четвертной и сунул его в кассу.

— Не забудьте оторвать билет, — пропел тот же ласковый голос.

Шлакоблоченко обомлел.

У него и раньше бывали женщины. С одной он даже переписывался: дескать, фигли-мигли и прочие печки-лавочки. Но такой ласки он еще не знал.

Шлакоблоченко ездил в этом вагоне целый месяц, пока у него не кончился отпуск, и все глядел в спину вагоновожатой...

Я увидел его в тот момент, когда он сунул в кассу последний четвертной, аккуратно оторвал билет и бережно спрятал его в валенок. «Какой странный парень», — подумал я. На следующей остановке мне надо было сойти: я вез в редакцию рассказ о Шлакоблоченке.

Борис БАЛТЕР

Хочу в детство

У нас в городе почему-то считалось, что наша крем-сода по газу стоит на втором месте в мире. Не знаю, кто входил в жюри этого конкурса, но и тогда, а теперь и по-прежнему, я не сомневался, что без жульничества тут не обошлось. Я твердо знал, что лучше нашей крем-соды нет и не может быть нигде.

Впрочем, теперь такой крем-соды нет и в нашем городе.

Я рос над розовым морем, в городе моего детства, воздух которого был напоен смешанным запахом йода, тамариска, вяленой скумбрии и одеколona «Красная маска». До пятнадцати лет я ходил по городу в пионерском галстуке. Когда я вступил в комсомол, мама сказа-

ла мне: «Боря, ты уже большой, неудобно. Надевай плавки, когда выходишь в город». Насчет того, что неудобно, мама, по-моему, сильно преувеличивала. Она вообще любила одеваться. Даже в самую сильную жару она носила буденновский шлем, носки канареечного цвета и кожаную куртку, крест-накрест перепоясанную пулеметными лентами.

Мама была единственным человеком в нашем городе, которого мы уважали. Остальное население мы делили на курортников и жестянщиков. Курортников мы презирали, а жестянщиков ненавидели. Мы не читали Канта и Конта, но твердо знали, что они контра. Мы не сомневались в этом так же, как и в том, что наша крем-сода — лучшая в мире.

Сейчас я уже немолодой человек: мне восемьдесят четыре года. У меня радикулит и вставная челюсть. За свою жизнь я многое перенес. Вместо галстука я носил тяжелые солдатские штаны. Вместо крем-соды я стал употреблять одеколон «Красная маска», а когда его перестали выпускать, мне пришлось довольствоваться «Шипром». Это все в память о тебе, мой родной город...

Я бы мог родиться и в другом городе, но по теории вероятности родился в этом. Не все в городе моего детства было так лучезарно, но по теории относительности я помню только хорошее. Почему? Наверное, потому, что и за хорошее и за плохое я заплатил сполна по закону стоимости.

Владимир ВОЙНОВИЧ

Так мы живем

В тот день с самого утра Жвачкин словно бы занемог. То ли его сквозняком прохватило, то ли он выпил лишний стаканчик абсенту, большую партию которого намедни завезли в сельпо. Других причин для болезни вроде не было, если не считать, что вчера его, сонного, в борозде переехал трактор.

Пришел Тимофей Грыжа, фельдшер, покопался в Жвачкине и сказал, как отрезал:

— Почки у тебя сносились, Дементий.

— Как это, то есть, почки? — обиделся Жвачкин. — Сколько же их у меня, по-твоему?

— Сколько положено, столько и есть, — дал Грыжа уклончивый ответ. И, подумав, добавил: — Должно, две...

— Тупущий ты, Тимоша, — сочувственно вздохнул Жвачкин. — Подумал бы своей головой. Как же может быть две, когда у коровы две. А у ей сколько ног?

— Четыре, — неуверенно сказал Грыжа, еще не догадываясь, куда клонит Жвачкин.

— Ну вот. А у меня ног вдвое меньше. Так, стало быть, сколько у меня почек?

— По науке — две, — бездоказательно буркнул фельдшер. Но более убедительного довода не нашел...

Поспорили на поллитру мездрового клея...

Спор этот, начавшийся так неожиданно, длился уже, наверное, лет пятнадцать. А недавно председатель колхоза Афонарелли послал Грыжу в район получить на руки рентгеновский снимок. На нем были сфотографированы почки Жвачкина.

Грыжа дважды пересчитал их. Почек было две.

«Сейчас приеду, — размечтался он, — и перво-наперво: «Беги, Дементий, за мездровым клеем». А он: «С какой это радости мне за мездровым клеем бечь?» А я ему: «Сколько у тебя почек?» А он мне, как обыкновенно: «Одна». А я ему...

И тут Тимофей остановился. «Поллитру мездрового клею я и сам могу выпить. Не окосею. А разговаривать про чего будем?»

Он зашел в чайную, заказал два по сто пятьдесят абсенту, выпил и задумчиво сжевал рентгеновский снимок.

Жизнь Грыжи и Жвачкина вновь обрела смысл.

Анатолий ГЛАДИЛИН

Пыль в глаза

Толик сел за столик.

Дирижер взмахнул палочкой. Оркестр грянул: «К нам приехал наш любимый...» Официанты выстроились в

две шеренги. Подскочил метрдотель, чем-то смахивающий на Джона Дос-Пассоса.

— Толик, физкультприветик! Тут у меня народу поднабежало, я их сейчас пораскидаю.

Зал опустел. В ресторане остались только свои: Николай Курсель и Марсо Марсель.

За окном Москва жила своей обычной жизнью. Продавались «Огонек» и «Советский экран» с портретами Толика. В «Юности» печатался роман из его жизни. Его имя звучало по радио. Во всех дворах мальчишки играли в Толика.

Ничего удивительного.

За девятнадцать лет своей вполне сознательной жизни Толик успел:

1. ПРОЧЕСТЬ:

- а) одну книгу — «Гиперболоид инженера Гарина»;
- б) 14 153 номера еженедельника «Водное поло».

2. ОН УЖЕ НАУЧИЛСЯ:

- а) хилить;
- б) пилять;
- в) шмалять.

3. ОН ЕЩЕ НЕ НАУЧИЛСЯ:

- а) писать.

Юрий КАЗАКОВ

Липовые аллеи

Перепали дожди и заосеняло.

Размокли дороги; улетели грачи; лес обнажился; поля опустели. Только темнеет полоска одна и торчит в белесом тумане электроветряк.

В эту осеннюю непогоду опять загулял заведующий клубом Афанасий Апраксин — крепкий колченогий мужик с давно не мытой бурой шеей, до самых глаз заросший густой щетиной. Накануне выпил Афанасий стопку перед обедом. И сразу почувствовал, как все в нем вдруг переменялось, как кончилась, отошла одна жизнь и наступила для него другая, резко отличная от прежней, — мутная, глухая, таинственная.

— Ты, студент, не видел еще кабиасов, — говорит он мне низким, сиплым, всегда трогаящим меня до слез голосом, и лицо его становится жестоко-вещим. — С рожками. Маленькие. Черные. Которые с зеленцой. Копытцами чечетку выбивают... А как поют. Соберутся ночью на погосте и песни заиграют. Я из них капеллу собью, в район на смотр самодеятельности махнем. Вот бьюсь — с контрапунктом пока у нас не ладится.

И стало мне невмоготу. Как в белом сне, увидел я город, огни, метро, красивых официанток в накрахмаленных передничках и наколках. И вспомнил я, как всегда, своего дорогого дедушку, Ивана Алексеевича, к которому обращаюсь во всех случаях жизни. И другого дедушку, которому я тоже очень многим обязан.

Милый дедушка, Антон Павлович, Христом Богом тебя молю, возьми меня отсюда...

Корней ЧУКОВСКИЙ

Неопубликованное письм'о Пушкина

Я не смею утверждать, что был близок с Александром Сергеевичем. У нас было всего несколько мимолетных встреч.

Даже когда он был молод и малоизвестен, меня поражала его независимость, его всегдашнее стремление показать, что он не нуждается в моем покровительстве. Может быть, именно поэтому в моей «Чукоккале» нет ни одной записи, сделанной его рукой. Когда-нибудь я еще расскажу всю историю наших отношений. А сейчас я хочу вспомнить только об одной краткой и случайной нашей размовке.

Вечером 16 ноября 18... года на большом рауте у графа Финкельмана, австрийского посланника, ко мне подошла Екатерина Ивановна Загряжская, которую я знал еще барышней, и не без ехидства заметила, что в стихотворении Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный, молчаливый и простой» речь идет обо мне. Александр Сергеевич, при этом присутствовавший, ни словом не возразил говорившей.

Сперва я не придавал этому никакого значения, но, воротившись домой, перечитал стихи и, дойдя до строк «С виду сумрачный и бледный, духом смелый и прямой», почувствовал себя горько обиженным.

Если Пушкин не станет отрицать, что он имел в виду меня, нашим добрым отношениям конец. В тот же вечер я послал ему письмо и вскоре получил ответ:

«Милостивый государь Корней Иванович!

Никому, кроме Господа Бога и Его Императорского Величества, отчета в поступках моих давать не намерен. Впрочем, остаюсь всегда готовый к услугам Вашим.

А. Пушкин»

Как замечательна эта пылкая энергия, с какой Александр Сергеевич отрицает самое предположение, будто он может давать кому-нибудь отчет в своих поступках! Сколько такта в заключительной фразе. И как особенно понятен нам сегодня этот намек на августейшего цензора, необходимость отчитываться перед которым была так мучительна для свободолюбивой натуры поэта.

Странно: когда я впервые читал это короткое письмо, я чувствовал себя оскорбленным. И в самом деле, по тону оно могло показаться холодным и даже вызывающе резким. Но теперь, спустя много лет, вновь перечитывая его, я вижу, что оно только кажется высокомерным, а в действительности в нем нет ничего, кроме застенчивой нежности, доброжелательства и самого искреннего, сердечного расположения к автору этих строк.

Особое задание

Коля Северцев, советский разведчик,

получивший особое задание, вошел в приемную шефа рейхсканцелярии. Адъютант изумленно поднял брови:

— Колька? Друг! Ты как здесь оказался? — и стиснул Северцева в объятия.

Друзья уселись на диван и, перебивая друг друга, рассказали о последних новостях там, в центре, и здесь, в логове.

— А я, Миша, — сказал Северцев, допив восьмую чашку эрзац-кофе, — прибыл к тебе по делу. Мне легализоваться надо. Помоги, брат.

Адъютант вздохнул и тоскливо уставился в окно на серые готические крыши.

— Трудная задача, — произнес он. — Куда же тебя пристрою? Все места уже заполнены, а новых штатов вермахт не дает. Ставили вопрос, писали, но пока безрезультатно. Просто не знаю, что и предпринять... Разве к Олегу Петровичу попробовать? Ты помнишь Олега Петровича? На восьмом этаже сидел у нас? Теперь он в министерстве авиации руководит... — Адъютант снял трубку телефона, вызвал нужный номер и попросил оберштурмбаннфюрера Брюннера.

— Алло, Брюннер? — спросил адъютант в прижатую ладонью трубку. — Это ты, Олег? Это я звоню, привет. Вот какое дело, Олег Петрович. Тут Северцева прислали в командировку, помоги парню устроиться. Найди ему какую-нибудь должностишку у себя, а то уже всюду переполненно... Тоже некуда? Жаль. Поговори с Герингом, он тебе не откажет. Ну, поймей в виду, если что...

Адъютант посмотрел на приунывшего Северцева и стал звонить в генштаб генералу Аксельштоку, которого

близкие называли просто Аксеновым. Адъютант долго объяснял ему важность задачи, ссылаясь на указание центра, но Аксельшток был неумолим и, со своей стороны, ссылаясь на переполненные штаты. Адъютант пригрозил генералу строгаком по возвращении и в сердцах бросил трубку.

— Куда мне тебя сунуть? — спросил он Северцева. — Ну скажи, куда? В столице все забито нашими ребятами. Вынуждены освобождать некоторые места для противника, а то просто неловко получается. На прошлой неделе Шмидт (помнишь Кузнецова?) достал секретный план наступления, а вышел скандал. Оказывается, его наши приготовили для дезинформации. Работать стало очень трудно, Коля.

— Как же быть? — вздохнул Северцев. — Ведь у меня командировка.

— Понимаю. Но посуди сам: я у себя недавно пятерых уволил по сокращению штатов. Куда же мне тебя пристроить? Впрочем!.. — Адъютант радостно хлопнул коллегу по плечу. — Мы вот что сделаем с тобой: подавайся ты, брат, на фронт, а? Там по-свободней.

Северцев согласился, и друзья взялись разрабатывать конкретный план действий.

— Тут дело простое, — сказал адъютант. — Завтра наши ребята должны утверждать в ихней ставке план их летнего наступления. Копию повезет на фронт фельдъегерь Васька Гришин. Помнишь? Так вот, он заболел. У него катар верхних дыхательных путей. Будь другом, возьми пакет и свези его в дивизию, где начштаба Фогельман. Это Соловьев, ты его знаешь. Ему и передашь.

На следующее утро Северцев уже летел на Восточный фронт с пакетом в портфеле. В центр ушла шифровка с сообщением, что агент номер 01366/5274 приступил к работе. А повеселевший адъютант Миша сел выписывать одному фельдмаршалу командировку в далекий город Винницу, где должна была состояться его встреча с фюрером.

Николай БУКИН

И вот стою я, Колька Букин,
У Букингемского дворца.

.....
Ты дорога, страна Шекспира,
Но не хочу, да и не спец,
Свою московскую квартиру
Менять на лондонский дворец.

По Пикадилли вы ходили?
А я так из последних сил
По этой самой Пикадилли,
Как по Кропоткинской, ходил.
Плядел направо и налево,
Все подмечал, все изучал...
Я там живую королеву
собственноручно повстречал!
И королева, между прочим,
Сказала мне, хоть я не спец,
Что за московскую жилплощадь
Она отдаст любой дворец.
А мне зачем такие штуки?
Но любопытству нет конца!
И вот стою я, Колька Букин,
У Букингемского дворца.
Район хороший: сад, ограда,
Гвардейцы отдают вам честь!..
Здесь все, что человеку надо
И даже что не надо, есть!
Хотел уж было согласиться,
Да совесть начала терзать:
Ведь я приехал за границу,
Чтоб по Арбату поскучать!
Прости-прощай, страна Шекспира,
Не надо Букину дворца:

Нам, москвичам нужна квартира
Внутри Садового кольца!

Анатолий ПОПЕРЕЧНЫЙ

Бровада

А только вижу бровей разлет,
Как взмах топора пред убийством быка.
.....
...бровь, как нож...
.....
Все молнии в бровях моих воскресли...
.....
Рыбацкий нож, моя кривая бровь!•
.....
Я раб бровей, их крутокрылой прихоти...

Пусть обвинят меня в субъективизме —
Я повторяться буду вновь и вновь:
Нет органа важнее в организме,
Чем полукрутом выпнутая бровь!
Нужны мне брови не для украшения,
Без них писатель — как без рук, без ног.
Я без бровей не только что лишенья —
И радости бы вынести не смог.
Мне бровь нужнее, чем рога корове!
Она мой меч в «Невидимых боях»!
Мне плохо — я заламываю брови,
А выпью — приползаю на бровях!
Бровями я люблю, смеюсь, рыдаю,
И многими замечено не раз,
Что, целясь в глаз, я часто попадаю
Скорее в бровь противнику, чем в глаз,
Когда я счастлив — бровь держу подковкой,
Когда сержусь — ножом или стрелой.
Киногерой товарищ Ваня Бровкин —
Мой самый почитаемый герой.
А в тот момент, когда пишу стихами,
Я сам себя порой на том ловлю,
Что поначалу шевелю бровями,
А уж потом — мозгами шевелю!

Юрий КУЗНЕЦОВ

Расставание

Закрой себя руками — ненавижу!
Вот Бог, а вот Россия — уходи!
.....
Как будто душу прищемили дверью.
.....
Собакам брошу письма растерзать!
.....
Я вырву губы, чтоб всю жизнь смеяться
Над тем, что говорил тебе «люблю».
.....
Я пил из черепа отца.

Сгинь. Пропади. Проваливай, пролаза!
О поражение собственном трубя,
Я залеплю замазкой оба глаза,
Чтоб только не глядели на тебя!
Мне руки обломать себе не жалко,
Чтоб никогда тебя не обнимать!
Нос отломлю и выброшу на свалку,
Чтоб духу твоего не обонять.
Твой голос был — как музыка для слуха,
Но чтоб не слышать твой любовный бред,
Я лучше вырву с корнем оба уха
И выброшу собакам на обед!
И как тебя, змею, земля носила?
Ползи в болото сердца своего!
Когда б тебя гадюка укусила,
То сдохла бы от яда твоего.
Сядь на метлу и — к черту, как из пушки!
Иначе мы сочтемся до конца:
Пить из твоей безмозглой черепушки
Не хуже, чем из черепа отца!
Я проклиная встречи нашей дату!..
Покинь мою жилплощадь сей же час!
И не забудь внести за май квартплату.
А я внесу за воду и за газ.

Феликс ЧУЕВ

* * *

Я так живу, что долго буду
еще ворочаться в гробу!

.....
И по утрам аэродромы,
как дети, плачут без меня

Порою мне не верят даже,
Я верю сам себе едва,
Но я родился в фюзеляже
в петлю входящего «У-2».
Я в самом детстве обнаружил
Всю радость летного труда:
Иной ребенок падал в лужу,
А я пикировал туда.
Я вырос на аэродроме
И был им так заморожен,
Что спал на голом элероне,
А накрывался виражом.
Мне щи варили в бензобаке,
Едва узнав мои шаги,
Хвостами, что твои собаки
Виляли дружно «ишаки»*
И я впитал в себя весь этот
Пилотской жизни пух и прах,
Чтоб после, сделавшись поэтом,
Запечатлеть его в стихах.
Мой стих и мертвого пробудит,
И он, благодаря судьбу,
Прочтет, помрет и долго будет
Еще ворочаться в гробу!

*Ишак – шутовское название самолета «И-16».

Феликс КРИВИН

Одуховидец

Ну до чего же опустилась Штора!
Буфет брзжит посудой постоянно.
Дверь по ночам страдает от Запора,
А Пианино вдребезги пиано.

Ком Теста разбивается в лепешку,
Чтоб лечь Лепешкой оною на Блюде
В процессе сотворенья понемножку
Все кривинские Вещи выпшли в Люди.

Юрий ЛЕВИТАНСКИЙ

Воспоминания о зайце и охотнике

Поскольку литературные пародии Юрия Левитанского на бессмертный сюжет «Раз-два-три-четыре-пять, вышел зайчик погулять» снискали заслуженную популярность, вполне естествен вопрос: а как бы решил заячеохотничью проблему сам автор приданными ему поэтическими средствами? Итак:

Я знаю давно,
 что, когда умирают зайцы,
в угасании тихом отринув и грусть, и корысть,
равнодушны невиданно,
 часто другие зайцы
не сомлеют и даже
 не бросят морковку грызть.
За бессердечие как вы их ни корите —

прямо рядом с усопшим,
невинно топорща усы,
озорная зайчиха
будет в хрупком корыте
как ни в чем не бывало
стирать, извините, трусы.
Безразлично заезжей зайчихе —
что мыло, что пена!
Почившего в бозе
похоронивши едва,
распевает она беззаботно сонаты Шопена
или вдруг дробно-дробно
исполнит Этюд № 2.
От двустолок спасаясь
и в киноэкраны врезаясь,
гибли толпами зайцы
различных долгот и широт,
но однажды родился
такой иронический заяц,
который решил не погибнуть, а – наоборот!
Время вовремя вычислив,
с шерстки повычистив вычески,
иронический заяц, доверием облечен,
разъяснил популярно охотнику,
что исторически
да и фактически
охотник
как класс
обречен.

И,
оставив свою беззащитную жертву в покое,
вдруг охотник прозрел
и забросил ружье под кровать.
Потому что, товарищи,
время сейчас не такое,
чтобы зайцев задиристых запросто убивать!

Из цикла «Курица или яйцо?»

Юрий ЛЕВИТАНСКИЙ

Дуэт на птицеферме

- Что посмотрели на ферме?
- Да трудно сказать.
- Вытянем план, как считаете?
- Право, не знаю.

Вдруг не сужу. Книгу жизни прилежно листаю.

- Может быть, вам поквартальный отчет показать?

— Все — суета. В этом мире лишь Екклизиаст светит
во мгле, хоть и скепсис его не в фаворе.

- Верная мысль! Без дежурных электриков — горе.
Мудрый совет коллективу силенок придаст.

- Что ж, целомудрию куриц поможем спастись.

Я бы убрал петуха. Привуазная птица!

- Вы полагаете, курицы будут носиться?
- Я полагаю, что курицы будут нестись.

— Лучше вы нас рассудите. Заспорили вновь
наши наладчики, снова гудит общежитье:
«Яйца! Нет, куры!» Товарищ писатель, скажите
как гражданин — что сначала-то было?

- Любость!

— Не до любви. На работе трещит голова:
бройлер-дай-бойлер-дай-трейлер. А с премией —
глухо.

- Ласки лилей мне милее, чем слов оплеуха.
Лилию знаете?

- Лильку-то? Как дважды два!

- Ах, дважды два? Сколько это? Забыл, хоть умри.

Магия цифр! Кабалистика! Я цепенею.
В школе считал до пяти, а теперь лишь умею:
и — раз-два-три,
 раз-два-три,
 раз-два-три,
 раз-два-три.

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Необъяснимо!

О Ефросинья! Необъяснимо!
Цыпленок — синий! Молчит, как мимы.
А в синем пламени керосинки
не апельсины — желток на синем.

Непостижимо — что было позже.
Непостижимо — что было раньше.
Но сокровенные из подкожных
за эту синьку отдал я башли.

А так хотелось яйцо в мешочек
не за наличные — за спасибо.
Но нет мессии! И рядом корчится,
едва проснешься, цыпленок синий.

А небо сине на белом свете,
и васильки безмятежно сини,
и лен синее. Вы не посмеете
их, как цыпленка! Вы их спасите!..

Я в ностальгии по лососине
гляжу на чудища магазинные,
необъяснимые Ефросинье.
Но Ефросиньей объяснимые.

Василий БЕЛОВ

Сотона

Луна не поднимала головы, но было светло. Звезды высыпали, как ярыжки на дармовое, и ошалело мигали. Тяжелый туман полз на карачках от селпо, цепляясь за прясла отходящих ко сну дворов. Сирень изошла слезой, словно девочка, хватившая сурового зелья вместо кваску, и затаилась. Пьяный ветер спутался с кривой березой и присмирел. Кондовую тишину захмелевшей ночи разорвал дикий вопль:

— Алкоголик несчастный! Иди в баню!

Иван круто отвалил от избы и побрел в курятник.

— Петя! Петушок! Заспался, парень, заспался. Вставай работу работать. У тебя выпить нечего? У-у, саналал малохольный! — не пьешь, не куришь. Зато по дамской части даешь дрозда. Женского персоналу развел, ровно турецкий прынец. Раскулачивать пора.

Дроля я да дроля ты.

Дроля — маковы цветы.

Дроля, я в тебя вчирикался.

Вчирикалась ли ты?

Но путевых курей у тебя, Петр, нетути. Путевая баба по деревне пройдет, что твой пароход «Леваневский». Сурьезная баба в грязь лицом не ударит. А ты, Петя, топчешь всех кряду, и народ к тебе с уваженьем. А меня, к примеру, Шурка спать не пускает. Я ёйный дареный кiset пропил. Приспичит, Петя, и душу заложить.

Моё залетку величать

Ляксандра Николаева.

Под ручку с ягодкой прошел —

Она меня облаяла.

Присоветуй лучше, как деньгами разжиться. Вспомни-ко, парень, от каких таких кровей ты взялся? От курей аль от еец? Я те стакан пшена скормлю. Сказывай, дак я в Мурманской подамся, ученым людям доложу:

мол, так и так. Тогда за подсобление наукам мне грамотешку пожалуют. Настоящая дадена Ивану Васильеву, как он есть передовой отряд за производительность качества и водку пьет с пониманием, за что положены ему отрез сукна на юбку — отдать Шурке — и красенькая для сутрева души. Я ведь, Петя, и печник справный, и плотник подходящий, но пропоец я — отменный. Доведись схлестнуться с ерманцем, с хренцузом аль с меринканцем — миску диколону ихнего ложкой схлебать — не осрамлюсь. Не подкачаю! За это меня бригадир ценит, писателя мне потрафляют, Петя, а может, завалилось где, может, поднесешь? Не держишь белоглавку-то? Пошто эдак? У-у, блудня инкубаторской! Небось, все курам спаивашь? погоди, я те шороху наведу. На Восьмой март живого ощиплю! Сотона!

Баллада о холодильнике

*Дружеская пародия на Беллу Ахмадулину,
посвященная ей же*

Воспоминаний полая вода
Сошла и ломкий берег полустерла...
Нальем в стаканы виски безо льда,
Ополоснем сухую полость горла.
И обожжем полуоткрытый рот,
И помянем, мой друг и собутыльник,
Давнишний год, метро Аэропорт,
Шестой этаж и белый холодильник,
Который так заманчиво журчал
И, как Сезам, порою открывался,
И открывал нам то, что заключал
В холодных недрах своего пространства.
Пусть будет он во все века воспет
За то, что в повседневности враждебной
Он был для нас как верный терапевт
С простым запасом жидкости целебной.
Была его сильна над нами власть,
Была его к нам бесконечна милость...
К нему, к нему душа твоя влеклась,
Да и моя к нему же волочилась.
А на дворе стоял тогда застой,
А на дворе стоял топтун ущербный,
А мы с тобой садились за стол —
И холодильник открывался щедрый.

1988

Аркадий Арканов (р. 1933).

Тригорий Торин (1940—2000)

Тринадцатая программа

Пародийное обозрение

В

ряд ли стоит еще раз говорить о том,

что телевидение прочно вошло в нашу жизнь. Об этом, вероятно, уже все читали. А если кто и не читал, то только потому, что он целыми днями проводит свое время у телевизора и ему просто некогда взять в руки газету. Ежедневно по четырем программам нам показывают передачи — отличные, хорошие, посредственные и плохие.

Честно говоря, нас всегда возмущала такая мешанина. Неужели по четырем действующим программам нельзя показывать передачи только отличные и хорошие?! А если уж так необходимо выпускать иногда и плохие передачи, то давайте откроем для них специальный канал — скажем, тринадцатую программу. Пусть по тринадцатой программе показываются все штампы, которые бытуют на нашем телевидении. Это будет поучительно и смешно.

Как образец мы и предлагаем свое пародийное обозрение. Итак, переключайте телевизоры на тринадцатый канал...

Есть еще хорошие люди...

На экране — обстановка телестудии. За столом сидят трое «хороших людей»: птичница, работник пуговичной артели и гигиенист. В центре за столом — телекомментатор.

Телекомментатор (в микрофон). Дорогие товарищи! Начинаем нашу еженедельную передачу из серии «Есть еще хорошие люди!». Сегодня мы пригласили к нам на студию людей различных специальностей, для того чтобы они в непринужденной беседе рассказали о своей работе и

жизни. Вот передо мной известная птичница Галина Сергеева. Она приехала к нам на студию прямо из инкубатора... Прежде всего, Галя, все телезрители, которые смотрят сейчас нашу передачу, просили передать вам горячий привет...

Сергеева. Спасибо большое... Вам также...

Телекомментатор. Скажите, Галя, как вам удалось получить по двенадцать цыплят от одной курицы-несушки?

Сергеева. Ну, если говорить...

Телекомментатор. Тсс!.. *(Подсовывает ей текст.)*

Сергеева *(читает)*. «Я долго боролась за увеличение процента яйценоскости, но процент яйценоскости зависит от процента яйцекладкости. А яйцекладкость, в свою очередь, зависит от насиживаемости, а насиживаемость зависит от высиживаемости. И вот, увеличив время насиживаемости-высиживаемости, я повысила яйценоскость-яйцекладкость за счет увеличения общего процента вылупляемости. Точка».

Телекомментатор. Спасибо, Галя! Вы так образно рассказали о своей работе, что хочется пожелать вам больших успехов...

Галя. Спасибо!..

Телекомментатор. Тсс!.. *(Подсовывает бумажку.)*

Галя *(читает)*. «Большое вам спасибо, но цыплят по осени считают. Смех»

Телекомментатор. А вот главный технолог артели «Красная пуговица» Николай Петрович Ширяев... Прежде всего, Николай Петрович, все телезрители, которые смотрят сейчас нашу передачу, просили передать вам горячий привет...

Ширяев. Спасибо... Не ожидал...

Телекомментатор. Товарищ Ширяев, расскажите о вашей повседневной работе над пуговицами...

Ширяев. Дело в том...

Телекомментатор. Тсс!.. *(Подсовывает бумажку.)*

Ширяев *(читает)*. «Наша основная задача — замедлить одеваемость в зимний период и ускорить раздеваемость в летний период... А это в свою очередь зависит от расстегиваемости-застегиваемости, что обусловлено пришиваемостью-отрываемостью. И в этом мы добились

серьезных успехов. В настоящее время раздеваемость нашего населения в зимний период в четырнадцать раз быстрее, чем раздеваемость африканского населения в летний период... Многоточие».

Телекомментатор. Очень приятно. Скажите свое мнение с точки зрения пуговицы — четыре дырки лучше, чем две?

Ширяев (*читает*). «Народная пословица гласит: одна дырка — хорошо, а две — лучше. Переход к третьему участнику...»

Телекомментатор (*вырывает бумажку*). Да, дорогие товарищи, у нас еще присутствует третий участник, врач-гигиенист Семен Поморин... Скажите, товарищ Поморин...

Поморин. А мне привет?..

Телекомментатор. Да-да, дорогой товарищ Поморин! И вам тоже телезрители просили передать горячий привет.. Так расскажите, товарищ Поморин, что-нибудь про гигиену...

Поморин (*сам берет текст*). С удовольствием. «Тема воспитаемости школьника — важная тема. Неправильно думать, что воспитаемость есть только наказаемость и прощаемость... Нет, воспитаемость — это и высыпаемость, и гуляемость, и, конечно, наедаемость. Потому что от голодаемости появляется известная огрызаемость ребенка с учителем... Отсюда неприятности — огорчаемость мамы, выпиваемость папы и умираемость бабушки... Что, в свою очередь, может повести к сиротаемости ребенка и его огрубаемости, а именно: к хулигаемости, к ругаемости и к плеваемости на улицах... Вот почему так важна недопускаемость подобной распускаемости».

Телекомментатор. Спасибо, дорогие товарищи, но у нас истекает время. Дорогие телезрители, досвиданность! Напишите, как вам понравилась наша выступаемость. На следующей неделе будет продолжаемость.

Совершенно случайно

Звучит веселая музыка. На экране появляется диктор.

Диктор. Продолжаем наши телевизионные передачи. Сейчас вы увидите репортаж из серии «С телекамерой —

в душу человека!». Сегодня мы вам покажем, как отдыхают наши москвичи... Для этого мы пройдем по одному из московских скверов и побеседуем с первым попавшимся отдыхающим... Итак, в путь! *(Делает два шага по направлению к скамейке на которой сидит пожилой мужчина в черном креповом костюме и белой манишке).*

Диктор. Нам, кажется, повезло. Вот сидит один из отдыхающих, очевидно часто бывающий в этом скверике... Простите, товарищ, как ваша фамилия?

Мужчина *(тихо).* Это вы мне?

Диктор *(тихо).* Вам, вам, товарищ Серегин... попрошу к микрофону...

Серегин *(в микрофон).* Моя фамилия — Серегин Степан Васильевич. Я раньше работал на одном из московских заводов, теперь я пенсионер.

Диктор. Очень приятно... Скажите, пожалуйста, Степан Васильевич, вы часто отдыхаете в этом скверике?

Серегин *(громко, казенно).* Да! Я часто отдыхаю в этом сквере... Люблю, знаете ли, подышать свежим воздухом на сон грядущий... *(Громко смеется.)*

Диктор. Это очень хорошо... А скажите, пожалуйста, как вы вообще проводите свое свободное время?

Серегин. В свободное время я люблю играть на скрипке!

Диктор. Ах вот оно что! Вы увлекаетесь музыкой? Замечательно! Простите, вы случайно не взяли с собой скрипку?

Серегин. Да! Я случайно взял с собой скрипку! Я исполню вам на ней «Полонез» Огинского! *(Достает скрипку, играет.)*

Диктор. Превосходно! Браво! Вы, оказывается, талант!

Серегин. Да!.. А еще я играю на пианино. Здесь как раз в кустах случайно стоит рояль, я могу сыграть... Я исполню вам «Полонез» Огинского.

Диктор. Благодарим вас, Степан Васильевич, к сожалению, мы ограничены временем... Скажите, пожалуйста, — а как отдыхает ваша семья?

Серегин. Моя жена все больше отдыхает по хозяйству. А сын работает на Дальнем Востоке... А! Вот и он пришел. *(Поднимается навстречу сыну.)*

Диктор. Какая приятная неожиданность... Дорогие товарищи телезрители, мы с вами стали случайными свидетелями волнующей встречи отца и сына после долгой разлуки.

Серегин *(казенно)*. Здравствуй, Василий!

Василий *(так же)*. Здравствуй, отец!

Серегин. Ну-ка, повернись, сынку, экий ты смешной стал!

Отец и сын долго и нервно смеются.

Ну рассказывай — как доехал?

Василий *(в микрофон)*. Доехал я хорошо! Ехал в цельнометаллическом вагоне... Места красивые... Как ни взглянешь в окно — кругом необъятные просторы!

Серегин. Ну молодец! Пойди обрадуй старушку мать и приходи отдыхать в этот скверик... Посидеть часок на скамейке скверика — это лучший отдых в выходной день!..

Василий. Спасибо, отец! Спасибо за ласку! Непременно приду! *(Уходит.)*

Диктор. Ну, мы, к сожалению, должны расстаться... Большое вам спасибо, товарищ Серегин, за вашу беседу... Не хотите ли вы что-нибудь сказать на прощание нашим телезрителям?

Серегин *(в микрофон)*. Я хочу вам сказать, дорогие друзья, — чаще отдыхайте в сквериках... Это улучшает здоровье. И еще добавлю, что те, кто не посмотрел эту передачу сегодня, могут увидеть ее в следующее воскресенье... Я опять случайно буду здесь...

Свадьба века

(Со стола Евгения Сазонова)

...и
 вот я на месте.

Огни иллюминации, вереницы автомобилей. Через рупор объявляют:

— Машину писателя Индюкова к подъезду!

— Машину поэтессы Золотухиной к подъезду!

С трудом пробираюсь через толпу, поднимаюсь на двенадцатый этаж. Скромная пятикомнатная квартирка с кухней, ковры, мебель. На стенах много живописи: «Сазонов кушает компот», «Сазонов в президиуме», «Сазонов отвечает на вопросы читателей — работников Конного завода им. Айвенго». Одно полотно меня особенно взволновало: необъятные просторы, посредине — трактор, за рулем Евгений читает свой «Бурный поток», а вокруг, куда ни кинешь взгляд, колосится пшено... Картину написал его брат — художник, тоже Евгений.

Кабинет Сазонова весь завален книгами и журналами. В углу — арфа, подарок Горнораввинской мебельной фабрики.

Сегодня здесь, как написал бы Л.Толстой, «вся Москва». Мелькают знакомые лица писателей, художников, актеров. Много, очень много творческой интеллигенции. Сначала среди всей этой творческой интеллигенции невозможно различить, кто же Сазонов. Но потом привыкаешь, начинаешь отличать одного от другого. У кого-то носки другой расцветки, кто-то пишет другой авторучкой...

Ну вот и сам виновник. На нем строгий черный костюм, любимая вышитая рубашка. С трудом пробираюсь к жениху, здороваюсь за руку — Сазонов демократичен, прост, подчеркнуто скромнен. С волнением задаю первый вопрос:

— Скажите, Женя, где вы достали печень трески?

Евгений с гордостью оглядывает стол:

— Прислали читатели — рыбаки Каспия. У них недавно давали.

Знакомлюсь с невестой. Широкое, открытое, простое, хорошее, с эдакой лукавинкой лицо. Что-то в глазах такое... в улыбке... К Сазонову, чувствуется, относится дружелюбно, но приветлива и с остальными гостями — настоящая хозяйка. Говорит мало, но как-то очень точно, умно, метко: «Сюда садитесь... сюда... а вы сюда...» Чувствуется, что такая все может — и полы вымыть, и песню спеть, и посадить, если надо.

Звучит свадебный марш Мендельштама. Все садятся за стол. Первый тост произносит самый почетный гость — дед Евгения, старый кадровый подсобный рабочий:

— Это как в старину говорились: муж и жена — одна сатана!

Общий хохот. Остроумный старик, да и вся у них семья такая — бунтари!

Следует тост за тостом. Молодой, слегка захмелевший поэт вдруг с размаху бьет кулаком по столу и кричит «Горько!»

Сазонов, строгий, подтянутый, крепко, с достоинством целует невесту. Чувствуется, что ему хорошо.

За столом непринужденная обстановка, рассказывают анекдоты. Когда выходят женщины, читают отрывки из своих произведений. И вдруг сквозь гомон и шум прорываются первые аккорды гармонии. Звучит Эпиталама из оперы Рубинштейна «Нерон».

Поет молодая невеста. Дробно стучат ее каблочки по паркетному полу, в руках откуда-то появляется «Бурный поток», и она им уже игриво и призывно помахивает над головой.

Вот вступает другой голос:

Полюбила журналиста,
Журналиста юного...
Пусть уж лучше журналист,
Лишь бы не сюрреалист...

Бьет двенадцать ударов...

— Женья, — кричат со всех сторон, — Женья! Новый год!

Сазонов перестает целоваться. Он серьезен, подтянут. Поднимает бокал и молча, под гром оваций, пьет за свои творческие успехи в Новом году.

Далеко за полночь гости начинают расходиться. У всех на душе радостный осадок.

И только мне еще предстоит работа — первая ночь молодых пройдет в интервью. Я вынимаю блокнот и ручку...

Кое-что о Гомере

...И вот я в Клинцах. У первого встречного спрашиваю: «Где живет Нюра Спиридонова?» Прохожий оживляется, берет меня за пуговицу и ведет.

Славная, уютная комната. Много книг — Юлиан Семенов, Лев Овалов, «Сестра Керри». В углу — орган с партитурой песни «Помнишь, мама моя, как девчонку чужую...». Чувствуется, что здесь знают и любят музыку. На стене — великолепная репродукция с картины Шишкина «Утро в сосновом бору». Все дышит культурой. Да и как иначе: дед — провизор, другой дед — первый в России мужчина-акушер, племянница до сих пор не верит в бога...

Разговариваем. Нюра интересный собеседник, она знает много иностранных слов, обладает несильным, но глубоким голосом, наизусть читает Лопе де Вега.

Наконец мы переходим к делу, из-за которого я приехал в Клинцы, — к Гомеру. Нюра, волнуясь, вынимает из шифоньера семейный альбом. Листаю. Вот тот самый дед — красивый старик с бородой, вот дядя первого мужа — тоже интересный мужчина, вот групповой портрет племянников. Наконец, пожелтевший листок пергамента. Мучительно знакомый почерк — сердце учащенно забилося! С трудом разбираю текст:

848. Как там дела со здоровьем у шурина Вашего, у Ахиллеса?

Все ли, как давеча, чувствует жуткие боли он в пятке? Видимо, это подагра — солей отложение, другими словами.

849. Надо бы съездить в Мацесту ему непременно намедни,

Ту, что находится где-то в районе Колхиды прекрасной...

Потрясающе! Но ведь Гомер не умел писать?! Как же так... Значит, умел? С другой стороны, гекзаметром сейчас никто не творит — утерян секрет...

— Нюра, откуда это у вас? — спрашиваю я.

— Это всегда было. Семейная хроника утверждает, что он был нашим родственником, далеким предком.

Интересная особенность: в семье Спиридоновых вся женская линия пишет стихи и даже печатает их в журнале «Работница». А прабабка очень плохо видела! Тут что-то есть! И все-таки страшно подумать — ведь Гомеру сейчас было бы 2700 лет! Читаю дальше:

5441. Как там с продуктами? Если что надо — я вышлю. Амбра, нектар здесь не дорог — пять драхм за пол-литра. Нынче на ярмарке яйца купил у данайцев — Тухлыми были они, черт поберет их!

5442. Вот уж, поистине, бойтесь данайцев, продукт продающих.

Так вот оно что! Удивительная мысль, как молния, сверкнула в моем мозгу — семь городов спорили за право называться родиной Гомера, а ведь великий автор «Илиады» и «Одиссеи» родился здесь, в Клинцах!

...С большим душевным волнением прощаюсь я с этой простой, но ставшей мне необычайно близкой женщиной, далеким потомком древнего грека... Вслед мне несутся мощные аккорды органа: «Помнишь, мама моя...»

Данте АЛИГЬЕРИ

Божественная комедия, или Суший ад

(Авторизованный перевод с латинского Евг. Сазонова)

Песнь тридцать пятая

Я до песен страшно лютый
И охотно услужу.
Дайте мне скорей валюту¹

Я в страну теней схожу...

Эй, входящие, вниманье:
Здесь оставьте упованья!

Ты играй, моя кифара,

7 Музыкай дари меня.
Мы споем сейчас на пару

10 С Франческой да Римини².

Ой, подружка Беатриче,
Это ль не идиллия?

13 Ходит Данте твой по Аду
В обществе Виргилия.

Милка Цербер гонит лаем

16 Кардинала Николая.
Коля, Коля, Николай³,
В круге третьем погуляй!

19 Как у дроли у Хорона⁴
На носу сидит ворона.
Прилетела та ворона

22 Из-под города Верона.
Мы плывем по Ахерону⁵
По-над нами Южный Крест

25 А для кормчего Хорона
Homo homini lupus est⁶.
Потому что наш Хорон

28 Прибыл прямо с похорон.

31 Над водой деревьев кроны,
Прямо в душу лезет ветвь.
От такого Ахерона
Можно просто умереть.

- 37 А у нашего Аида⁷
 Нет садов Семирамиды,
 Только нервный тик-с,
- 40 Да речушка Стикс...⁸

 От райского от дерева
 Эх, на-кося да выкуси!
- 43 Мы с тобой два берега
 У одного Стикса...
- Продолжай играть, кифара,
- 46 Эх, да на гулянке!
 Дайте в руки гонорара⁹
 Золотые бланки!
- Песнь тридцать шестая
- 49 Эх!
 (Печатается с некоторыми сокращениями.)

Биографическая справка

Данте Алигьери родился во Флоренции в 1265 году. Евгений Сазонов родился в городе Бараний Рог в 1936 году. В 1302 году Данте из-за интриг своих политических противников переехал в Верону. В 1954 году после окончания средней школы № 18 Сазонов вынужден был переехать в Москву.

Однажды Данте встретил девушку по имени Беатриче, и у поэта возникла глубокая и трогательная по своей наивности любовь. Беатриче рано умерла, так и не узнав об этом, так как Данте она видела всего пару раз, и то мельком. Все это вызвало к жизни и во многом обусловило пафос «Божественной комедии», которую автор писал четырнадцать лет.

Сазонов познакомился со своей будущей женой в Парке культуры и отдыха. Они расписались в районном Дворце бракосочетаний 31 декабря 1968 года. Сазонов писал свой «Бурный поток» две недели.

Данте писал свою поэму так называемыми терцинами — трехстрочными ямбическими строфами с перекрещивающимися рифмами.

Талант Сазонова-переводчика не смог уложиться в узкие рамки терцин — Евгений раздвинул грани, созданные великим флорентийцем. Автор «Бурного потока» стал переводить «Божественную комедию», по-своему, творчески переосмысливая ее поэтический лад. У Данте тридцать четыре песни. В переводе Сазонова их — тридцать шесть. Но в этом не только своеобразие, но и ценность нового перевода!

Примечания и комментарии

¹ Неточность перевода. У Данте читается не «валюту», а «лютню».

² Франческа да Римини — любовница Малатеста, брата своего мужа. Муж их за это обоих и убил. В средневековой Флоренции подобные случаи бытовали среди распущенной местной знати. У Евг. Сазонова был вариант перевода:

Я бы рассказал еще про Малатеста,
Да, к сожалению, и так много текста.

³ Ошибка. По-видимому, имеется в виду не кардинал Николай, а папа Иоанн. Так что следует читать не «Коля, Коля, Николай», а «Ваня, Ваня, Иоанн»...

⁴ Хорон — перевозил души умерших через речку Ахерон (по легенде).

⁵ Ахерон — см. 4 (легенда).

⁶ *Ното помини lupus est* — человек человеку волк (лат). Фраза, взятая на вооружение зарвавшимися мракобесами от реакции. На самом деле все наоборот. Неясно, почему Евг. Сазонов не перевел эту фразу в соответствии с исторической правдой.

⁷ Аид — владыка царства теней (легенда).

⁸ Стикс — приток Ахерона (легенда).

⁹ Гонорар — бешеные деньги, выплачиваемые авторам за художественные произведения (легенда).

Из записных книжек В.Шекспира

Вчера опять какой-то болван подошел ко мне на улице, хлопнул по плечу и заорал: «Здорово, Бекон!» Вечно меня с кем-то путают...

Заклучил договор на 154 сонета. Однако аванса опять не дали.

Как лучше: «Бедный Марик!»¹ или «Бедный Йорик!»? Подумаю...

Было, было, было. Ну, жить друг без друга не могут, ну, родители против. Страшная вражда и под конец — смерть! Или оставить *in statu quo ante*² — герои все-таки выжили — с условным названием «А если это любовь?».

Приглашен к лорду-адмиралу. Этот скупец подал жидкий чай и — о боги! — два часа болтал о направлениях в современном искусстве...

Может быть, «Бедный Юрик!»? Нет, все-таки «Бедный Йорик!».

Вот я думал-думал и решил: мир, по-видимому, — театр, а люди до какой-то степени — актеры!³

Ленч был отменен⁴. Спор шел о литературе. Конечно, принц...⁵, но от него многое зависит. Советует взять псевдоним. Ретленд звучит? Подумаю...

Мавр ли? А может быть, не мавр. Нет, мавр скорее пройдет...

Как хочется, чтобы всего «Гамлета» читал один актер. Однако раньше чем через 350 лет до этого не додумаются. Наверное, не доживу... 11.5 pt.

Пожалуй, вместо «Быть или не быть?» Вот основная проблема в свете последних указаний лучше «Быть или не быть?» Вот в чем вопрос.

Ну, где плагиат? У меня: «О, помоги мне, Боже!»⁷ А у Марло просто «О!»⁸.

Почему не создал пьесу про овцеводство? Все-таки этот принц большая...⁹.

О небо! Тоже мне новаторы — поставили «Отелло» и по-настоящему задушили Дездемону... И это называется «правда жизни»? За такую систему надо ссылать на галеры!

Почему действие в Венеции? Почему в Дании? Бросьте, говорит, эти ваши интеллигентские штучки...

У бедной музы красок больше нет.
А что за слава открывалась ей!

Или так:

У бедной музыки красок больше нет:
На тебе сошелся клином белый свет...

(Повторить три раза?)

Первый вариант лучше, а то, боюсь, петь начнут...

Примечания

¹ По-видимому, герцог Розовский.

² Латынь. Для своего времени великий драматург был интеллигентным человеком.

³ Курсив мой. (Вл. Вл.)

⁴ Игра слов. Ленч по-английски — еда. «Отменен» следует читать с ударением на первом «е».

⁵ Неразборчиво.

⁶ До сих пор загадка, как Шекспир мог предвидеть выступление Рецептера.

⁷ Драма Шекспира «Генрих VI».

⁸ Пьеса Марло «Эдуард II».

⁹ Голова? Неразборчиво.

Н.Н. ДРОЗДОВУ

Корова

Что мы знаем о корове? Казалось бы, все. Однако немецкий ученый Понтер Хунтер утверждает, что это не так. Для того чтобы поближе узнать жизнь замечательных животных, он около года пробыл в стаде, питался их пищей, жил их интересами. Ласковые животные привязались к нему и долго не могли от него отвызаться.

Что же выяснил ученый? Он выяснил много интересного.

Корова первая никогда не нападает на человека.

Благодаря корове мы имеем масло, сметану, творог, молоко и шестипроцентное молоко. Корова, которая не дает молока, называется быком.

Корова — желанный гость на бойнях и мясокомбинатах.

В корове много витаминов.

Одна корова может дать столько удобрений, сколько и не снилось, скажем, зебре. Поэтому в условиях Европейской равнины выгоднее разводить коров, нежели зебр.

Корова — друг человека. Однажды корова спасла ребенка. Пятилетний мальчик отбился от рук и ушел высоко в горы. Вдруг сверху на него стал плавно падать камнем пожилой орел. Проходившая мимо корова с быстротой молнии бросилась на пернатого хищника и столкнула его в пропасть.

Известны случаи, когда коровы задерживали разрушителей границы.

В Шотландии у фермера Бобби Чарльстоуна была удивительная корова Мэри-Элизабет. Он ходил с ней охотиться на вальдшнепов.

На Огненной Земле коровы охраняют жилища, нянчат детей.

В Индии корова — священное животное. Именно поэтому там самое ласковое обращение к жене — «корова».

В некоторых странах коровы выступают в балете на льду.

«Пегое золото» — так любовно зовут за все это корову в народе.

Дети, любите корову — источник говядины!

Из цикла «Лох-Несс»

Игорь СЕВЕРЯНИН

Это было в Лох-Нессе

Это было в Лох-Нессе, где под ропот гобоя
Даль вуалят туманы и трелит менуэт...
Вы плескались нагая в грациозе прибоя,
И, любуясь прибоем, Вас увидел поэт.

Он примчал в ландолете анабены в шампанском,
Каулерпы в ликере, спирогиры¹ в суфлэ.
Был он в чем-то лиловом, был он в чем-то шотландском,
И его Вы манили в свой лазурный шалэ.

А потом отдавались, не избегнув соблазна,
Отдавались плезавру под вервэновый блюз.
То элежно-позерно, то грезерно-фантазно.
То crescendo, то piano — a la lettre «en russe»².

И стоял, огневая, от экстаза неистов,
Исторгая обиду безвопросно остро,
Виртуоз грезофарсов, Эгобог футуристов
На пуанте бессилья, прочь отбросив перо.

Взвыл плезавр гривуазно, взяв финальную ноту,
Растворялись плерезы в алой сони зари...
Эго было в Лох-Нессе. Это было в субботу.
По-русийскому — в полночь. А по Гринвичу — в три.

¹ Анабены, каулерпы, спирогиры – название водорослей, произрастающих на дне Лох-Несса.

² Буквально — в русском духе (фр.).

Борис ПАСТЕРНАК

Ползла тумана борода...

Ползла тумана борода
Во все пределы.
Кипела в озере вода,
Вода кипела.

И под распутицей небес
К финальной драме
Спешили чудища в Лох-Несс,
Как мошки в пламя.

На облаках под стон и храп
Метались тени,
Скрещенья шей, скрещенья лап,
Хвостов скрещенья.

Кипела в озере вода
В любовной смуте.
А мне хотелось, как всегда,
Дойти до сути.

До днища вспененных пучин
И, хоть отчасти,
До смысла, целей и причин
Плезаврей страсти.

Чуть ночь, и вновь разгадки тень
Вилась в соблазнах,
И дольше века длился день
В исканьях праздных.

И мысль являлась иногда:
Что мне за дело —
Кипела в озере вода
Иль не кипела?

Юнна МОРИЦ

Ночлег в Урквардтском замке

О замке Урквардтском — о чем же другом? —
Мечтает в Грэт Плене поэт.
Дешевле ночлега не сыщешь кругом,
Да-да, чего нет — того нет.

Скелеты и призраки — чтоб мне сгореть! —
Блудят здесь всю ночь напролет.
А это, голубчик, ведь надо уметь —
Не каждому Бог и дает!

Здесь лорд Эдуард при оплывших свечах,
Прекрасную чушь бормоча,
Себя из-за призрака Несси — ба-бах! —
В нее не попав сгоряча.

Да чхать мне, голубчик, в конце-то концов,
На эту скелетную рать!
На монстровых самок и монстров-самцов
Желаю спокойно взирать!

Но я опасаюсь при этом, мой друг,
Что, прежде чем грянет рассвет,
Меня потревожит соитием вдруг
Какой-нибудь хамский скелет.

А голос в тумане струится с небес,
И мне Гесиода поет:
«Бай-бай и не бойся, глазей на Лох-Несс
И думай: всплывет — не всплывет».

И я над водой начинаю парить —
Голубчик, да что говорить! —
Верхом на метле, не ломая комедь,
В нелетное время — заметить!

А где-то на дне, у затопленных скал,
Сатир — еще в самом соку —

Упрутые Нессины груди ласкал
И дырочку в правом боку...

Юрий КУЗНЕЦОВ

За правду на земле...

Я пил за правду на земле —
В дрезину, в стельку, в дым!
Но верный путь открыл во мгле
Мне Кожинов Вадим.

Сказал он: — Господи прости!
Пока мы пили, брат,
Задумал Несси извести
Проклятый каганат.

Оставь на время стол и дом
И к ней спеши теперь.
— Спешу! — ответил я с трудом. —
Лишь укажи, где дверь...

Я шел на запад и восток,
Куда вела земля, —
И вспять, и вдоль, и поперек,
И делал кругалю.

Барух поверг меня в бедлам
И долго, алча мзды,
Гонял по всем шести углам
Давидовой звезды.

Но молвил я: — Хоть ты и бес
И служишь сатане,
Где этот, мать его, Лох-Несс,
Поведай правду мне.

Изрек Барух, объятый злом,
Нос долу опустив:

— Лох-Несс, он, паря, за углом,
А Несси — супротив.

Я в мрак простер косую длань,
Подобную лучу:
— О Несси предо мной восстань,
Я зреть тебя хочу!

Огнь вспышкой землю ослепил
Узрел я — е-мое! —
Курчавый Ицек виски пил
Из черепа ее...

Михаил ЗАДОРНОВ

Девятый дракон

Объяснительная записка

Я агент советской разведки Вальтер Скотт ноль дробь четыре бис. В совершенстве владею шотландско-русским словарем и глубоководным плаванием в подводной лодке. По этой причине получил свое первое ответственное задание — незаметно для шотландцев проникнуть на их территорию и, прикинувшись туристом-аквалангистом, сфотографировать под водой дракона, известного в картотеке КГБ под кличкой Несси-9.

Все шло гладко до тех пор, пока я находился дома. Но как только мне удалось переползти границу Шотландии, оказалось, что казенный словарь у меня вытащили из кармана еще по дороге, в нашем трамвае. Чтобы не вызвать лишних подозрений, через вторые руки за тройную цену я купил в местном книготорге русско-шотландский разговорник и с его помощью выведал у доверчивых шотландцев, в какой стороне искать озеро Лох-Несс. Видимо, шотландцы чего-то недопоняли, и я оказался на реке Лохэ, в Китае, откуда китайским товарищам все же удалось через полгода переправить меня назад в Шотландию.

Внедрение прошло, как вы и планировали, легко. Потому что гостиниц в Шотландии полно, и даже места в

них свободные имеются. И, как мне удалось установить, туалетная бумага есть для всех, а не только для членов ихнего парламента.

Когда же я вошел наконец в воды Лох-Несса, неожиданно выяснилось, что плавать самостоятельно я не умею. Это меня насторожило. Погрузившись глубже, я обнаружил, что выданный мне акваланг советско-французского производства работает только на суше. Причем на выдох, а на вдох не работает совсем. Видно, какая-то деталь в нем все-таки оказалась наша. То есть акваланг, конечно, работает и в воде, но для того чтобы вдохнуть, маску нужно каждый раз снимать.

Тогда я подплыл к какому-то аквалангисту и, как нас учили в разведшколе, усилием воли заменил свой акваланг вражеским. Правда, при этом пришлось пожертвовать автоматом Калашникова и двумя противотанковыми гранатами, вмонтированными в дыхательную трубку. В придачу аквалангист потребовал подарить ему мои трусы с надписью «1500 лет городу-герою Киеву».

А дальше началось нечто непонятное. Работавший здесь до меня агент Роберт Бернс ноль семь дробь двенадцать докладывал, что Несси можно легко найти, если отсчитать девятого дракона с краю. Но забыл сообщить с какого. Потому что если считать с разных сторон, то выходит, что девятих драконов будет два: один, который сразу после восьмого, а второй, который перед десятым. А пленку с целью экономии майор Стивенсон-15 мне выдал только на один снимок.

Тогда я решил воспользоваться телепатией и перехватить мысли Бернса, но не обнаружил ни одной. При этом я так перенапряг свой мозговой телепатический центр, что вообще потерял способность к телепатии. Заодно я потерял и объектив от фотокамеры и хотел использовать микроаппаратуру, спрятанную в носу. Но, вероятно, я потерял ее еще раньше, когда чихал, погружаясь в холодную воду.

От отчаяния я собрался немедленно позвонить вам, но под рукой не оказалось двушки. И поскольку мне не удалось выполнить ваше задание, у меня оставался только один выход — утопиться. Я бросился в воду, помня, что спасательную службу у нас можно дожидаться только

для того, чтобы вытащить уопленника. Но меня подхватили еще в воздухе и тут же доставили к врачу, который, осмотрев мои ноги в лапах, установил диагноз: плоскостопие. И надел на меня ортопедические сапоги, в которых я не мог плавать даже с костылями.

Маску акваланга с меня снимали под общим наркозом, вместе с передними зубами. А пересадку кожи уже делали потом. Поэтому голова у меня постоянно трясется, а временами дергается.

На операционном столе я пытался оказать врачу сопротивление, как вы нас учили. Но, должно быть, наши что-то перепутали, и струя из газового баллончика ударила в обратную сторону. Так что меня парализовало, и теперь я падаю в обморок каждую среду с пятницей. А по четвергам пою песни Пахмутовой на слова Добронравова.

В общем, сейчас я нахожусь в больнице, где я сейчас и нахожусь. Но несмотря ни на что прошу передать лично товарищу Леониду Ильичу Брежневу, что я готов выполнить любое новое ответственное задание.

Юнна МОРИЦ

Встреча с Вельзевулом

Там, где фонтаны голубые
кропят шипы стихов и роз,
пастушки о фавнах рябыми
весь день целуются врасос.
И юный Дафнис в колкой хвое,
преодолев печаль и тлен,
который век у нежной Хлои
чего-то ищет меж колен.
Там, на самой себе зацелясь,
я, птица черного пера,
под вечер брякаю на цитре,
ем кашу манную с утра.
Потом на огненной качели,
суя мне в рот рахат-лукум,
меня качают Боттичелли,
Аменхотеп и Аввакум,
Бредет старик с ухмылкой клейкой
на цэдээловский привал,
что хитрою гиперборейкой
меня брезгливо обозвал.
Досужий критик, мерин сивый,
чтоб музу уложить в кровать,
хотел со мной с позиций силы
о бесовщине толковать.
Но оборотня Вельзевула
с хмельной повадкой пахана
я так по морде звезданула,
что понял он: ему хана!
И вот плыву сквозь мрак и морось
на межпланетном корабле,
гиперборейка Юнна Мориц,
к созвездьям Босха и Рабле.

Когда была я молодою,
я чушь прекрасную несла.
Теперь я сделалась седою,
но склонность к чуши не прошла.

Николай ДОРИЗО

Интербабушка

Вот, потрясая мирозданье,
под улюлюканье и свист
спешит бабуля на свиданье
вблизи отеля «Интурист».
— Попутал старую лукавый, —
рыдает дед, седой сатир. —
Тебя застучает легавый,
тебя ограбит рэкетири!
Эй, шлюха! — вслед орет гортанно,
вздымая кулаки, старик. —
Дешевка дряхлая! Путана!

Но ей до фени этот крик.
В колготках черных, в юбке мини,
с фирмовой сумкой на боку,
она, исполнена гордыни,
так отвечает старику:
— При этих ценах окаянных
ты, дурень, просишь пить и есть.
Что проку в наших «деревянных»?
Хочу валюту приобрести.
Мы будем сытно жить и вольно.
И, тряский позабыв трамвай,
на лимузине марки «Вольво»
с тобою въедем прямо в рай!

...Пошла вихляющей походкой
осуществлять благую цель.
Держитесь, юные кокотки!
Идет старуха на панель!

Александр КАБАКОВ

Извращенец

— А не знаешь, шо у вас тут, в этой Москве, можно достать лифчики и колготки или нема? — произнесла женщина в кошачьей маске, и мои глаза, притерпевшись к полумраку, отчетливей нащупали ее силуэт. Она стояла между первым и вторым этажом дома с нехорошей квартирой. Сколько я уже видел их, этих жлобских баб, набегавших в столицу еще в те полузабытые времена, когда они стояли в очередях — словно за хрустальными башмачками — за импортными сапогами, не рискуя налететь при этом на выстрелы из соседней подворотни. Это была какая-то ведьмовская комбинация Золушки и Мачехи одновременно.

Да и сам я, пожалуй, соединял в себе несовместимые черты полусумасшедшего Короля и обанкротившегося Принца.

— Ты где работаешь? — поинтересовалась она.

— В газете! — буркнул я.

— А, гонорарщик? — Неожиданно она выхватила у меня из рук «калашникова» и направила ствол мне прямо в лоб: — Давай, «зеленые», сука, или хотя бы «деревянные», журналист хренов! Это, блин, из-за таких гнид, как ты, все и началось! Сталин вам был плохой, Брежнев — плохой, Андропов, Черненко — все плохие. Один Горбачев вам был хороший. Убью интеллигента московского! Мы в Киеве к едрене фене зашиваемся с этими, блин, купонами да гривнами!

Мне почему-то вспомнились строки: «не потряхиваешь гривной, не грызешь своих удила...» Обезоруженный незнакомкой, я уже готов был вытащить из кармана руку с тощим кошельком, когда в дальнем конце Патриарших раздался рев моторов. Мы вместе упали плашмя на каменный пол.

В подъезд, озираясь, забежал старослужащий в камуфляжной форме, таща за собой какой-то ящик со складской пломбой. «Дезертир, расхититель военного имущества», — сообразил я.

— Отец, — обратился я к нему шепотом, чтобы женщина не слышала, — лишнего «калашникова» или «макарова» у тебя нет случайно?

— «Калашника» нет, загнал уже... И «макарки» нет... А бэтээр не возьмешь? Хороший, из образцовых выпусков. Я его по дембелю своим ходом с полигона угнал... Прячу тут, в гараже на Арбате... — И добавил тревожно: — Надо уходить поскорей, минут через десять тут будет Комиссия народной безопасности, начнут шмонать подъезды и чердаки... всем полный абзац...

Куранты пробили двенадцать, и, крикнув мне «Прости, Христа ради!», полу-Золушка в кошачьей маске под улюлюканье «свиты Сатаны» вместе со своими злосчастными гривнами растворилась в темноте.

А я, опрометчиво выглянув из подъезда, мигом оказался окруженным черноподдевочниками из Союза Мишки-Архангела. Всех схваченных мужиков выстроили по ранжиру и заставили расстегнуть брюки — шла проверка расовой чистоты, напоминавшая гадание на ромашке: обрезанный, необрезанный... обрезанный, необрезанный...

— Русский? — подозрительно спросил у меня атаман.

— Православный! — ответил я.

— Читай «Отче наш...»

Я прочел молитву без запинки, потом еще фрагмент из «Слова о полку Игореве» — и только это спасло меня от гибели.

Я торопливо шел по Тверской. Посреди улицы лежал опрокинутый набок троллейбус. Черные руины Зала Чайковского были давно уже обжиты подмосковными бандитскими группировками. Среди развалин висела выцветшая тряпка с надписью: «Да здравствует Солнцево, долой Москву!» По улице промчался легкий десантный танк, следом — бээмпэ и грузовик. Под брезентом везли дыбу для установки на Лобном месте. Вслед за техникой по мостовой застучали кованые подошвы храбрых молодчиков с нарукавными повязками «Воробышки Жириновского». На углу Садовой, возле редакции журнала «Зрелость перестройки», гулко митинговали национал-порнушники во главе с Эдичкой Лимоновым. Здесь же в толпе распространяли газетенку «Кислый лимонад», а также боевой листок клерикал-фашистов с фотографией Адольфа Алоисовича и поэтическим эпиграфом: «Выхожу один я на дорогу. Ночь тиха.

В руке моей топор... Говорят, жидов у нас не много. Только я уверен — перебор!»

Сторонники Мавроди несли большой портрет Лени Голубкова, а противники финансовых пирамид забрасывали их камнями и бутылками с зажигательной смесью типа «Зверобой». Гвардия анпиловцев растянула через всю улицу красно-коричневый плакат «Нет на вас Сталина!» Тут же, возле электронной рекламы тампаксов, смешанная группа валютных и вокзальных проституток крикливо требовала легализации своего ремесла, угрожая всероссийской забастовкой под лозунгом: «Умрем, но не дадим!»

О век-извращенец, где все понятия опрокинуты вниз головой! Я хотел спрятаться, нырнуть в дверь метрополитена, как вдруг увидел, что памятник Маяковскому свален с постамента.

— Кто это сделал? — опросил я длинноволосого юношу.

— Люберецкие анархопофигисты!

— А за что?

— Крутой совок был. Совдепию славил. Аморалку развел. Да еще с этими евреями, как их... Бриками тусовался!

Я спустился вниз по эскалатору и собрался вскочить в вагон метро, как заметил, что в кабине головного вагона стоит парень в мятой шляпе и круглых непроницаемых черных очках, держа у скулы машиниста пистолет:

— Гони в Стокгольм, падла!

В вагонном репродукторе загудел взволнованный голос машиниста:

— Осторожно, двери закрываются... Следующая станция — Стокгольм!

Оглушенный впечатлениями, я устало присел на скамью и включил транзистор. «Дорогие русские друзья! — хрипло вещала европейская «Свобода». — Популярный бестселлер «Заведомо правдивые показания» давно завоевал любовь читателей планеты. Автор его — известный сочинитель сносшибательных социально-психологических детективов, властитель дум мировой интеллигенции, зубастый «газетный волк» Александр Кабаков. Новый роман знаменитого писателя, остросюжетный поли-

тико-эротический триллер «Извращенец» выдвинут на соискание Нобелевской премии... Вслед за Пастернаком, Солженицыным и Бродским...»

Я вскочил, не дослушав, и хотел было закричать от радости. Но в этот момент ко мне решительной походкой подошел некто в сером пальто и меховой шапке, надвинутой на глаза. Пряча бесноватый взгляд, он сунул мне под нос удостоверение:

— Майор Воландов из Комиссии народной безопасности. Гражданин Кабаков, следуйте за мной!

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Позма о елке

Не чикагочка, не дюймовочка,
Не хипповочка за пять су
На полянке родилась елочка,
Словно свечка зажглась в лесу!
А вокруг бушевало хвойное
Море зелени в тыщу га!
Вырастала елочка стройная,
Как танцовщица у Дега!

Как мадонна, как статуэточка,
Как тростиночка, как лоза,
Словно синие мотоциклетки
По лицу проносились глаза!
Дед Мороз гнал зверей: «Эй, топайте!
Ель, смотри не влюбись, держись!»

А метель — Пугачевой в Сопоте
Пела ей про Любовь и Жизнь!

И бежали звери за водками.
И срывали с Лис бигуди,
И гонялись Зайцы за Волками,
И орали: «Ну... погоди!»

Я влюбился. Я стал меланхоликом.
То стихи бормотал, как Фет,
То зубами скрипел, как Раскольников,
А она отвечала: «Нет!»

Я прикинулся бедным Йориком,
Я пошел на последний риск.
И подкравшись, чиркнул топориком,
Словно бритвочкой террорист.

А она, сделав лебеда веточкой,
Прошептала печально: «Ну, вот...»
Окрававленной Антуанеточкой
Повалилась на эшафот!

Спыхватился. Что же наделал я?
Хиросимую страх обуял!
Как антенна дрожал над телом я!
Как Отелло, шатаясь, стоял.

Я забуду стихов алхимию!
Я куплю у попа псалтырь!
Наложу на себя эпитимию,
Управдомом уйду в монастырь!

Сам себя подстригу под нулевочку
И отправлюсь в суровую даль
В мотонартах в командировочку
По маршруту Монмарт — Пигаль.

Там гуляют, как елочки, девочки,
Предлагают цветочки вам.
Все печали наши от Евочки...
Доннер веттер. Шерше ля фам!

Давид САМОЙЛОВ

Сон

Дельвиг... Ленъ... Младая дева.

Пушкин. Лета. Лорелея.
Дельвиг. Дева. Сладкий сон.
Дон Кихот и Дульсинея,
Цезарь, Брут, Наполеон.

Бал! Верченье ножек, ручек.
Адюльтер. Вольтер. Парни.
Пей, кури, пари, поручик.
Но злодея в бок пырни!

Мне приснился запах гари,
Череп, лысый Дон Жуан,
Гуманоиды, их хари,
Шестикрылый струфиан!

Воланд смотрит как-то странно,
Маргарита. Ночь. Метла.
Аннушка, точнее — Анна
Снова масло пролила!

А куда ждали чуда,
Ножик точит Каин-брат,
Судит Мастера Пилат,
Ухмыляется Иуда,
Получая свой оклад.

Что поэзия, что проза?
Звезды. Вечность. Пустота.
Рельсы, вопли Берлиоза,
Хохот черного кота.

И, услышав хохот адский,
Я проснулся и с тоской
С площади побрел Сенатской
К монументу на Тверской.

Пушкин, милый, дай мне руку,
Освети надежды путь!
Своему седому внуку
Помоги хоть чем-нибудь.

И дозвошь, любовь лелея,
Спеть с Поэтом в унисон:
Пушкин, Лета, Лорелея...
О Россия! Страшный сон.

Из цикла «Любите коров»

Глеб ГОРБОВСКИЙ

В деревне

Я вновь в деревне. Пенье птах,
О звуки рая!
В беленых дедовских портах
Сажу в сарае!
Корову с песнями дою,
Ее ласкаю,
И снежно-белую струю
В ведро пускаю!
Я в душном городе болел,
Душа болела,
Свеча горела на столе,
Свеча горела!
И женщины, как мотыльки,
На свет летели,
А я уехал в пастухи
На две недели!
И стало на душе легко,
Как в церкви, тихо.
О голубое молоко!
О запах жмыха!
Корова, солнышко мое!
Люблю, ревную!
И вымя желтое твоё,
Взасос целую!
И всем, кого люблю, о ком
Слагаю строчки,
Шлю телеграмму — молоком,
Грузите бочки!

Булат ОКУДЖАВА

Любите коров

Друзья, я прошу вас, любите коров!
Пусть с виду они и суровы,
Немало бесценных и добрых даров
Несут нам коровы, коровы!

Когда мы измучены вдрызг суетой,
Когда настроенье дурное,
Как нас согревает своей теплотой
Парное, парное!

Поэту так трудно попасть на Парнас
(Там жизни законы суровы!).
И если бросают вдруг женщины нас,
То нас подбирают коровы!

Они защищают от суеты,
Они нас целуют ночами,
Как много, представьте себе, доброты
В мычанье, в мычанье!

Принц Гамлет задумчивый в Дании жил,
Страдая хандрой и хворобой,
С безумной Офелией долго дружил,
А лучше б — с коровой, с коровой!

Репка

Когда раздвинут почвы верхний слой
Тугой осенней плотью корнеплода,
А дальний лес покрыт цветной золой
Того самосожжения природы,

Которым каждой осенью себя
Она терзает с постоянством редким,
Простуженными легкими сипя,
Выходит дедка, чтоб заняться репкой.

Склонясь над грядкой воспаленным лбом,
Он судорожно взмахивает тяпкой,
И надо быть бесчувственным столбом,
Чтоб не помочь ему...

Выходит бабка.

Та, что с постели поднята едва
Загадочною силой аспирина...
За ней с температурой сорок два
Выходит внучка. У нее ангина.

По одному, как в рай! Всяк, кто живет
Под тяжестью и жестью этой крыши,
В конце концов выходит в огород
Вплоть до последней кашляющей мыши,

Чья жизнь в подполье явно нелегка
И тем лишь фактом сдобрена немножко,
Что, выпив с содой блюдце молока,
Не хочет есть простуженная кошка.

Юрий ЛЕВИТАНСКИЙ

Кинематограф

Жизнь моя — кинематограф...

.....

Я был в юности — вылитый Лермонтов.

Из стихов Ю. Левитанского

...вышел зайчик погулять.

Из пародий Ю. Левитанского

Жизнь моя — кинематограф,

Я вхожу в тебя опять.

О, сплошной мультфильм о том, как

Вышел зайчик погулять.

Как в часы экранных бедствий

Он ушами разводил;

На Козьму Прутков в детстве

Этот заяц походил.

И, с охотником-нахалом

Повстречавшись под кустом,

Иронически махал он

Саркастическим хвостом.

Но расхлябанной походкой

Подойдя с ружьем в руках,

Сделал «пиф» в него охотник

И в него же сделал «паф».

Потому что в этой сказке,

Что крутилась в том кино,

Понимание сарказма

Было многим не дано.

Николай ТРЯПКИН

Пока что...

Пока что я деревней не забытый,
Еще стоит на мне ее печать.
Я краснотал покамест от ракиты
Без промаха умею отличать.

Еще пока метровская запарка
Не стерла с рук тепло родимых кляч.
Еще б я мог в Московском зоопарке
Кобылу Пржевальского запрячь.

Еще пока мои ладони грубы:
Погладишь девку — ссадины на ней.
Еще пока не все мне девки любы,
А только те, что видом поплотней.

Еще пока я напрочь не отпетый
Прощальным криком наших петухов.
Еще печать родного сельсовета
Стоит на каждом из моих стихов.

Из цикла «Колобок»

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Записка

Присылают записку из публики.
Записка полна злопахательства:
Мол,
 не тратьте пафос на бублики.
Эдак не хватит,
пафоса.
И подпись:
Студент филологического.
Наглотался мальчик иронии.

Что ж,
ответчу ему логично,
почти как математик попробую.
— Уважаемый филолог (будущий),
вы сквозь муть скептической дымки
не заметили,
что колобок — не бублик,
поскольку

в нем

нету

дырки!

Хорошо тут в наглаженной рубашке
обольщать эрудицией девочек!
А заметьте,

он ушел от бабушки
и автоматически — от дедушки.
Можно сыпать словами бесчисленными,
за слова здесь,

конечно, не побьют.

Только волк —

он мужчина черствый.

Докажи ему,

что ты не верблюд!

Занимайтесь-ка лучше грамматикой,
уважаемый филолог (будущий)!

Что ж до пафоса,

то мне его хватит

на все московские булочные!

Сергей СМЕРНОВ

Семейное счастье

Я подхожу к своей подруге
И тонкий делаю намек:
— Давай обрадуем друг друга!
Ты испеки мне колобок.

Да я и сам ведь не бездельник,
В тебе товарища я чту.
Давай-ка мне, подруга, веник,
Я по сусекам помету.

Плядишь, без шума и без драки
Сидим и чай вприкуску пьем.
Согласно кодексу о браке,
Вот так с подругой мы живем.

Новелла МАТВЕЕВА

Гризли

Это был грозный гризли,
Это был грузный гризли,
Это был грязный гризли —
Любого загрызть он мог.

А колобок был сдобным,
А колобок был добрым,
А колобок был бодрым,
И песни пел колобок,

Я, говорит, от бабки,
Я, говорит, от дедки,
Я, говорит, от зайца
Ушел от них на виду.

А ты, тупой и убогий,
Лежал бы в своей берлоге,
Я от тебя, кривоногий,
И подавно уйду.

Был медведь опорочен,
Был медведь огорошен,
Был медведь ошарашен,
Не смел поглядеть он вниз.

И вот, хоть он был могучий,
Сходный с дремучей тучей,
Он тут же, на всякий случай,
Сам себя и загрыз!

Александр МЕЖИРОВ

Колобок

Этот мальчик не был лишен стремления к идеалу,
А жизнью у деда с бабкой он был пресыщен вполне,
Он взял быка за рога, то есть взялся за руль

«Индиана»

И убежал однажды по вертикальной стене.
Он не рассматривал это как приобщенье к элите,
Он просто впустил в свои уши спасительной скорости
свист.

Ему встретился заяц серый, которого из цилиндра
Сорок лет доставал на манеже пьяный иллюзионист.
Потом он встретил медведя, которого выгнал

Филатов,

Потом неизвестно откуда попалась ему лиса.

Когда ему минуло тридцать, мальчик подумал:

«Хватит!»

Мотоцикл подарил соседям и решил, что пора писать.
У него оказался твердый, своеобразный почерк.
От избитой общей тематики удержался он в стороне,
Потому что писал о том, что писать он совсем

не хочет.

А, напротив, хочет кататься по вертикальной стене.

Виктор СОСНОРА

Колобок

Близ реки

Вори

снежок

глубок!

Из печки
на волю
утек
Колобок!

Заслонкой шваркнул —
И был таков!
Питать боярство —
Ищи дураков.

Прожорлив до икоты.
Боярин Богдан.
Рот-то у него-то —
Точь-в-точь чемодан.

Боярыня прекрасна,
Как маков цвет.
А тож зубами клацнет —
Полбока нет.

Боярышня умная,
Невинна на вид.
Из нутра изюмину
Достать норовит.

Настроили палаты,
Все жрать бы да пить,
Эксплуататоры —
Волчья сыть!

На медной сковородке
Лишь сала шматок.
Подался в скоморохи
Смерд Колобок.

Давид САМОЙЛОВ

Да ну их!..

Я люблю этих бедных пиитов,
Что утрямые вирши плетут,
Тех, которые горький напиток
Непризнанья и бедности пьют.

.....
Ах, как свято они бесталанны...

Я поэтов люблю неизвестных,
Им любовь моя, правда, не впрок;
Что за тени там корчатся в безднах?
Это все, кому я не помог.

Кто безвестен — ручаюсь анчуткой, —
Тот бездарен. (Вот, кстати, пример:
Поражает бездарностью жуткой
Неизвестный при жизни Бодлер!)

Гордость бедных? Она несерьезна.
Я над ними люблю подтрунить;
В нос тому подымить грациозно,
На другого кирпич уронить...

Я люблю неизвестных! Признаться,
За восторг: не считать их людьми.

С неизвестными легче справляться,
Чем с известными, шут их возьми!

Разумеется, это бесчестно:
Трогать тех, кто безвестен и слаб!
Но, с другой стороны... неизвестно,
Что известность их мне принесла б!..

Григорий ПОЖЕНЯН

Ода ямбу

Не паситесь в офсайде
В тени у чужого крыльца.
Старый ямб не бросайте,
Несите свой крест до конца.

Он не следует модам,
Но это — наш главный калибр.
Для беседы с народом
Не годится холёный верлибр.

Ямб — мужская одежда.
Он, как тельник, спасет на ветрах.
Бриз любви и надежды
В упругих его кливерах.

Не юлите, не лгите —
Не прощает предательства он.
Старый ямб берегите.
Для себя.
Как последний патрон.

Евгений ЕВТУШЕНКО

Будем скромными!

Нехорошо быть очень знаменитым,
Хоть ты и по заслугам знаменит,
Поскольку знаменитость — заменитель
Того, что невозможно заменить.

Позорно чувство самоуважения
И глаженье себя по животу.
Искусство — это самоунижение,
Дарующее духа высоту.

Заразен этот комплекс пьедестальности,
Лишающий защитности стыда.
Большой поэт всегда в самоопальности,
Во внутреннем Михайловском всегда.

Сейчас, когда идет борьба за качество,
И я всем сердцем солидарен с ней! —
Снобистское словесное трюкачество
Житейского ловкачества страшней.

Обложенный, как ватой, именитостью,
Ты к страждущим преступно глуховат.
В тебе растет рефлекс опасной сытости,
Что несвареньем совести чреват.

Я знаю, что при всей моей огромности,
Глобальности содеянного мной,
Погибну не от громкости — от скромности.
И мне не надо почести иной!

Римма КАЗАКОВА

Оплошали мужики

Бесконечными веками —
Есть на то причина —
Разговаривал руками
Любящий мужчина.

Раньше было с мужиками
Все легко и ясно:
Скажет пару слов руками
Так, что кости хряснут.

Это значит — крепко любит,
Это каждой лестно.

Не считали люди грубым
Разговор телесный.

А сейчас — умрешь со скуки.
Посудите сами:
Сядет, сунет руки в брюки,
Треплется часами.

В общем, как на совещаньях,
Время пропадает.
А в насмешку на прощанье
К ручке припадает.

Что случилось, братцы, с вами?
Не любовь, а муки:
Все словами да словами,
А на что ж вам руки?!

Белла АХМАДУЛИНА

Сон в новогоднюю ночь

Ах, этот ставший песенкой стишок,
Под Новый год звучащий без умолку,
О том, как мужичок, напав на елку,
Срубил ее под самый корешок.

Я видела такого мужичка —
Его деянья темные подсудны!
В тигровых мышцах горечи подспудной
Поведает о нем моя строка.

Он неслучайно оказался тут —
Всех автоматов баловень надменный —
С бензопилою суперсовременной.
Ее — о боже! — «Дружбою» зовут.

Я понимала — это не игра,

И взгляд на взгляд мы с ним не обменяем.
Был дровосек почти что невменяем,
Когда изрек:
— Пора, мой друг, пора...

Я закричала:
— Это грех и стыд —
Осиротить зверей разнообразных! —
Дохнул портвейном:
— Завтра, Белла, праздник
И елки на базаре — дефицит.

...Проснулась я. Подушек белизна.
На простыне — зеленые иголки.
Горит свеча на новогодней елке,
И песенка знакомая слышна...
Остановить прогресс я не вольна.

Самоучитель игры
на фортепиано с оркестром

Неплохо в хороший зимний морозный

денек сыграть на фортепиано с оркестром. Спросите у всякого, и он вам пояснит, что от игры на фортепиано с оркестром исполнитель, как правило, получает громадное удовлетворение. По степени положительного эмоционального воздействия только хорошая парилка считается чуть получше игры на фортепиано с оркестром, а все остальное гораздо хуже. Фортепиано появились в России во второй половине XVIII века, когда царил просвещенный абсолютизм. Оркестры же появились раньше. По давности появления оркестры занимают место между картофелем и чаем, а по значимости они приравниваются к табаку.

Итак, вы садитесь за фортепиано, или, как говорят в народе, рояль. Оркестр должен занять свое место на две-три минуты раньше. Перед тем как сделать первый аккорд, убедитесь, все ли клавиши на месте. Их должно быть 88 штук — черных и белых. Положите руки на клавиши: левую — слева, а правую — справа.

Начинает пусть оркестр. Для этого незаметно моргните дирижеру, что означает «пошел!» — и с этой минуты внимательно следите за его действиями. Сейчас он повернет в вашу сторону свое вдохновенное лицо и даст знак палочкой, что будет означать «давай!». Начинайте игру с правого бока влево — музыка будет звучать лучше (см. Первый концерт Чайковского и Пятый концерт Бетховена, если вы разбираетесь в нотах), а то получится похоронный марш вместо концерта для фортепиано с орке-

стром. После игры встаньте, подойдите к дирижеру, крепко пожмите ему руку, затем повернитесь налево и приблизьтесь к первой скрипке, то есть к концертмейстеру, улыбнитесь ему и по-простому также пожмите ему руку. А потом вернитесь к роялю, закройте крышку и отодвиньте инструмент куда-нибудь в угол. Теперь вы свободны.

Издательские аннотации

А.С. Грибоедов. «Горе от ума»

Корабль, рассекая взмывавшиеся волны, медленно приближался к берегу. Вдали уже отчетливо виднелись очертания столицы. На палубе для пассажиров первого класса стоял Чацкий и жадно всматривался в силуэты дымящихся труб столичных предприятий и учреждений. Ему был сладок и приятен этот дым его отечества. Что ждет Чацкого на берегу? Чацкого на берегу ждал грандиозный бал, куда он попадает прямо с корабля, — так завязывается интрига. Чацкий умен, и в этом его горе. Это очень большое несчастье для человека — быть умнее тех, от кого он зависит, кто может дать ему работу или выйти за него замуж. Чацкий любит Софью, дочь Фамусова, считавшего Саратов, где жил Чернышевский, глушью. Чацкий понял высшее общество и гневно бросил ему: «А судьи кто?» В заключение Чацкий потребовал себе карету и уехал с бала обратно на корабль.

М.Ю. Лермонтов. «Герой нашего времени»

Будучи молодым, Лермонтов написал повесть о лишем человеке. Печорин... Блестящий офицер в горах Северного Кавказа полюбил девушку Бэлу. Затем, спустившись с горы, Печорин влюбляет в себя другую девушку, Веру, в результате чего ему удастся убить на дуэли своего лучшего друга — Грушницкого. Печорин интеллигентен, образован, культурен, блестящ, но он не находит применения этим своим дворянским качествам. Он герой своего времени — времени разгула царской реакции, аракчеевщины. Не случайно царь Николай стал личным цен-

зором Пушкина. Лермонтову было трудно писать в таких условиях стихи, поэтому он написал повесть «Герой нашего времени», в которой удачно продолжил линию лишнего человека, начатую незадолго до него Пушкиным. Сейчас лишних людей уже нет, да они и не нужны.

Л.Н. Толстой. «Анна Каренина»

Героиня романа кончает жизнь самоубийством под колесами старого локомотива. Что случилось? Что толкнуло молодую интересную женщину под железные, неумолимые оси паровоза? Ее толкнула туда всепобеждающая любовь к жизни. Есть в романе и другая линия — линия Левина, служащая как бы фоном, на котором происходит развод Анны и Алексея Карениных. Анна уходит от мужа, у которого были большие уши. Любовь, семья, общественность — вот те проблемы, на которых зиждется роман. Анна очень любила Вронского, но общество не поняло молодую женщину-мать. Да и сам Вронский больше любил скачки на ипподроме, чем Анну. В наши дни ипподром — это всего лишь место культурного досуга любителей поспорить, какая лошадь пришла раньше. А во времена Толстого ипподром был злчным прибежищем нездоровых страстей. Надо ли удивляться, что на скачки ездили только богатые светские да князья? Против них-то и направлен роман «Анна Каренина», заставляющий читателя еще больше любить лошадей и людей.

Л.Н. Толстой. «Воскресение»

У писателя Куприна есть повесть «Яма». Яма — это публичный дом. В нем, как писал Куприн, жили и трудились жертвы общественного темперамента. Такой жертвой была и Екатерина Маслова. Молодой князь Нехлюдов жестоко надругался над девушкой и остался безнаказанным, а Катя попала в яму, то есть в публичный дом. Таков был удел простой деревенской девушки в эпоху правления династии Романовых. В наше время женщина имеет равные права с мужчиной. Она умело водит поезд и лайнеры, умело обращается со скальпелем и ломом. Не случайно день 8 Марта стал выходным днем. Ка-

тюша Маслова будет жить! А княжеский дар ей не нужен. Лучше уйти на каторгу, чем стать княгиней! И Катя морально воскресает, идя с толпой передовых каторжан в места лишения свободы.

М.Горький. «Жизнь Клим Самгина»

Клим Самгин — это человек, который много думает, много говорит, а практического толку от него никакого. Самгин мог, если бы захотел, стать полезным обществу человеком: грамоты у него хватало. Он был юристом. Есть еще в Климе что-то фрейдистское, чуждое, рафинированно интеллигентское, антинародное. Большое значение в своей жизни Самгин придает женщине. Их у него было, прямо скажем, немало. Самгин гибнет под ногами разгулявшейся удали народной. Он гибнет в волнах народного гнева: когда лес рубят — щепки летят. Не будь щепкой, хоть ты и с высшим образованием, — вот в чем главная мысль этой книги Горького. Роман имеет сюжет, события стремительны, стиль афористичный, язык выпукл, сжат, легко читаем. Читаешь этот роман — и невольно умнееешь...

Юбиляру

Пародия на приветствие в стихах

Дорогой NN! В связи с грядущим
Рады Вас поздравить и позжать!
Беспризорник, выходец из гущи,
Вы в конце концов сумели стать.
На заре войдя в литературу
С Вашей первой повестью «Атас!»,
Принесли вы опыт и культуру,
Получив широкое у масс.
Ваш герой за всех и все в ответе.
Он в себя вобрал и отразил.
Горький вас немедленно заметил
И, смахнув слезу, благословил.
Вам по силам крупные проблемы.
В центре Ваших поисков — судьба.
Тонким знатоком рабочей темы
Вы предстали в повести «Труба».
Вы вписали яркие страницы,
Воссоздав типичные черты.
Вы раскрыли, сбросив груз традиций,
Творчески используя пласты.
С той поры, задачам отвечая,
Было Вами создано почти.
Оставаясь на переднем крае,
Вы всегда находитесь в пути.
Многогранны Ваши интересы.
Из глубин поднявшись до вершин,
Крупный вклад внесли вы также пьесой,
И она везде прошла с большим.
Как певец стоите Вы на страже.
Вы везде понятны и близки.

Вы снискали. И недаром Ваши
Переведены на языки.
Будучи, вы много отдаете,
Регулярно, не жалея сил.
Десять лет являетесь, ведете,
Но начало труд Ваш положил.
Ваш талант прекрасен, мудр и светел.
Ваше слово будет волновать.
Крупный мастер, Вы сейчас в расцвете.
От души позвольте пожелать!

Искусство... пародии

Когда брожу по лесу диким лосем,
Терзаясь продовольственным вопросом,
И вдруг передо мной, лаская глаз,
Появится какими-то судьбами
Огромный пень, усыпанный грибами, —
Я вспоминаю, пародисты, вас!
Вы с ними сходны многими чертами:
Где быть бы вам — там нет ни одного,
Где вас не ожидаешь — там навалом,
Способностью расти на чем попало,
Не разобрав, что живо, что мертво.
О, мне знакомо ваше естество!
Я сам бывал и чагой, и опенком,
И посему, как бывший сапрофит,
Авось и я своим советом тонким
Тебе полезен буду, неофит!

Когда настолько возраст твой прекрасен,
Что ты не склонен к сочиненью басен
(К ним, как известно, острый интерес
Приходит с обращением в собес),
А между тем на самоутверждение
Тебя толкая, вводит в искушение
И днем и ночью рифмоплетства бес;
Когда оригинальность попугая
Тебе милей, чем всякая другая

(Поскольку речь заемная легка);
Когда на поэтической корриде
Ты, чьей-то славы алый плащ завидя,
Воспламенишься яростью быка,
А между тем кишка твоя тонка,
Дабы сразить счастливчика героя
Серьезною критической статьей
(Потребны ум и бойкая рука). —
Тогда-то вот, пародию сварганя,
В сердцах запустишь ею во врага.
Из методов легального ляганья
Нет лучшего наверняка.

Что проще сочинений в этом роде?!
Хотя, уж если говорить точней,
Когда-то составителям пародий
Бывало несравненно тяжелей.
Избрав себя по доброй воле в судьи,
Они, за стол усевшись поплотней,
Не уклонялись от глубоких штудий
Всех излияний, каковыми свет
Уже успел обрадовать поэт.
Стыдились бы, когда б не уловили
Особенностей голоса и стиля,
Когда б читатель радости не знал
В пародии прозреть оригинал.
Необходимость в этом устарела!
Теперь не то. И судя по всему,
Сегодня до поэта нету дела
Ни пародисту — некогда ему! —
Ни публике — ей думать надоело,
Ей — только тешь ее бойцовский нрав:
Кто даст по шее, тот у ней и прав!

Так стоит ли потеть, и лезть из кожи,
И книги накупать до потолка
(Которые дороже и дороже)?!
Читай «ЛГ» или «Москву», положим,
Была бы цель, и каждая строка
Тогда тебе сгодится для пинка.
Отыщешь, умирая от восторга

(Разделаю, голубчик, под орех!),
Рискованную рифму, оговорку,
Какой-то стилистический орех,
Какой-то образ, понятый буквально,
Или эпитет, выбранный формально,
Какую-то словесную игру,
Которая тебе не по нутру
Лишь потому, что твоему рассудку
Стократ роднее стертые слова
И простота, что хуже воровства.
В конце концов воспользуешься шуткой,
Ее всерьез принявши, как всегда,
По той причине, что поэт — балда,
Что юмора бесценнейшее чувство
Не свойственно ему, что пародист
На это чувство сам монополист!
Но если и теперь все так же пусто
В твоём аналитическом сачке,
То на любой остановись строке,
Ее в эпиграф ставь без промедленья,
Который для пародии — спасенье:
Без этих строчек — зубоскальства для —
Она как инвалид без костыля!

Эпиграф есть — и дела половина!
Все остальное — только писанина:
Давай громи, развенчивай его!
Блажен, чей ум, не робкий и не хмурый,
Не заражен микробами культуры:
Ему легко, как будто до него
Предшественников — никого!

И ты, спеша к писанию пародий,
Себя образованьем не уродуй,
Очки не надевай, как эрудит:
Известно всем от мала до велика,
Что чтение сбивает с панталыку
И — что страшней — сомнения родит!
Смелее за работу, неофит!

Он будет где-нибудь опубликован,
Твой опус, как шедевр очередной:
Редактор — из добрейших. И подкован
(В объеме вышесказанного мной).

Василий АКСЕНОВ

Едва Е-2

— *Щ*енок, — сказал Он, — суслик мордатый...

Шалопай куцый!..

Тут меня пронзила нехорошая мысль: «Оштрафует. Как пить дать. Кокнет — и не пикнет. За переход улицы в неуказанном месте. А зачем такого тихого человека, как я, штрафовать?»

Я рванул когти.

— Не балуй, псих! — закричал Он в красивой фуражке. — По кумполу захотел?

— Нет, — сказал я. — Шерри-бренди, или «Мозельвейну», или «Камю», или «Баккарди», или кьянти, «Зубровочки» тоже захотел.

— Экскюз ми, — вздохнул через нос Он. — Се ля ви. Данке шен.

Мы шли по «броду» в обнимку. Пижоны положили на нас глаз:

— Тю-тю-тю!.. «На палубе матросы курили, папирасы...» У-у-у, шкода! Ахиллеса! Гераклиты!

На фоне заката, на большой высоте трепетали между домами голубые дамские трусики. А на мне были плавки «Made in Monaco» и галстук от Диора на «молнии», а в кармане — великолепная зажигалка «Zipro».

— Фамилиё? — спросил Он.

— А. Б. — сказал я. — Как у Антониони. Или Феллини. Или Саванароллы...

— А. Б.? — сказал Он. — Старик, ты гений, как Нильс Бор, как Кешка Смоктуновский, как Рей Мейер из университета Де Поль... Партию, а? Даю фору ладью, а? Проиграю — не штрафую, а?

Так. Играем. Хрен с ним. Королева давит пешек одним видом — красивая, высокая девица, вся на винте, правильный «кадр». Идет она без лишних слов, лишь юбка колыхается на бедрах — привет-привет, и только. На доске фигуры смешались в шарлатанские кабалистические знаки.

— Законно, геноссе, — сказал я. — Шахи-ахи. Как в Дакаре или в Мар-дель-Плата, как на Копакабане, как в Кисловодске. Ты на меня зуб держишь?

Красиво наступил мат черным. Я еле сдерживал внутренний рев. Оркестр заиграл «Каррамба, синьоре».

— Тип, — сказал Он. — А. Б., как играешь, ханурик? Е-2, е-2... Иди ты!..

Я ушел, унося в себе все обиды и раннюю язву желудка, кариозные зубы и здоровые, одну золотую коронку и нерастраченный темперамент. Ого!

— Люблю тебя, зануда! — сказал я.

— Какая луна нынче синяя.. — вякнул Он вслед. И не оштрафовал, и по шее не врезал. А почему?

Степан ШИПАЧЕВ

Мне тягостно видеть глаза хулигана...

.....

Я рад зайчонку, крошечным букашкам...

До слез я таракашке рад прохожей.
Старайся, насекомая, живи!
Любой козявке, даже нехорошей,
Готов признаться в дружбе и любви!

На лапки муравьев, букашек злейших,
Ни разу я не наступил в траве,
И комаров, как братьев наших меньших,
Я никогда не бил по голове.

Когда старушку муху два бандита
Свалили с ног и стали бить ее,
Я сделал шаг и посмотрел сердито:
Бить маленьких! Позор! Хулиганье!

Хулиганье зарделось от смущенья,
Потом, перевоспитанное мной,
Просить у мухи бросилось прощенья
И помогло добраться ей домой

Александр КУШНЕР

Ну и знакомые!..
Среди знакомых ни одна
Не бросит в пламя денег пачку..
.....
...Не принесет, и слава богу,
Шестизарядный револьвер.

Среди знакомых ни одна
Не поступает так, как надо:
Не выпьет, скажем, кубок яда,
А если выпьет — не до дна.
Она не будет при луне
Бродить с улыбкой ошалелой
И дамой пиковой ко мне
В окно не глянет ночью белой...

Из них, знакомых, ни одна
Кинжала в сумочке не носит,
В измене уличив, не бросит
Чужого мужа. Из окна.
Или в огонь. Покой ценя,
Блюдут они такую меру
Во всем, что даже револьвера
Не могут разрядить в меня.

Решительно ничем они
И никого не поражают.
Готовят щи, детей рожают
Они без малого все дни.

Ну и знакомые! Ни в ком
Трагического! Рокового!
Не ожидал от них такого...
Подумаю — и в горле ком...
Мой бог, да с кем же я знаком!

Виктор БОКОВ

Брысь!

Ты стояла над Окой
И любви моей просила...
.....
И меня на всех не хватит
Помогите кто-нибудь!

Я вчера из бочки вылез,
Где сидел четыре дня, —
Девки, видно, сговорились
О любви просить меня!

То под печкою живу я,
То в овсах сижу дрожу!
Оборону круговую
Героически держу!

Я в осаде Мотек, Катек,
Машек, Плашек, Ньюшек... Жуть!
И меня на всех не хватит —
Отступитесь кто-нибудь!

Вот крадется Ньюшка: «Вить!
Можно я к тебе поближе?»
«Нет! — спешу я заявить. —
Мы, гражданка, не в Париже!»

Нет в деревне нашей моды,
Чтоб мужчину лапать. Брысь!
Я пойду на огороды
С Мотькой. Прочие — вернись!»

Боже, что тут с ними стало!
Ньюшка в обморок упала!
Машка стала косы рвать!
Плашка в голос зарыдала!
Катка в ярости измяла
Деревянную кровать!

Можем отбодаться

Лежат они в сторонушке,
 Бедовые головушки.
 Я ревушек-коровушек:
 — Вставайте-ко! — бужу.
 Кажинной в ясли-гробушек
 Сенушко трушу.
 Кидаю: нате, нуте-ко,
 Охапку свежих прутиков
 С нашей ивушки.
 Кушайте, милушки.
 А вот вам, царевнушки,
 Сухарики-гренушки
 Из аржаного хлебушка
 Нонешнего летушка.
 Ну-ко, подь ко мне, Пеструха,
 Подою тебя, доюха,
 Красавушка-донюшка!
 И корова, слушая
 Ласково-простое,
 Молоко мне лучшее
 Отдает: мол, стою
 За свое радение
 Я поощрения.
 Стой, Пеструшка, не соли ты,
 Дай обмыть тебе копыта,
 Сделаю те педикюр.
 И не бойся смеха кур:
 Нам ли их бояться —
 Мы можем отбодаться!

Василий ФЕДОРОВ

Безумные груди

Я не знаю сам,
Что делаю...

.....
Ослепили груди белые,
До безумия красивые.

.....
И, быть может,
Не по праву я
То целую эту, левую,
То целую эту, правую...

Я не знаю сам,
Что делаю.
Вы, надеюсь,
Мне поверите.
Ослепили груди белые,
Расположенные спереди.

Уж они такие
Смутные,
До того ж они
Отличные!
До безумия округлые
И на диво симметричные.
По какому только
Праву я,
Сам не знаю,
Их обследую?
Та что справа грудь, та — правая,
Ну, а слева, значит, левая.

И о них слагаю
Гимны я,

Что ни строчка —
То признание.
До чего ж они интимные,
Что теряется сознание.

Грудь моя
Томленьем скована,
Поцелуи
Намечаются.
Но... писать уже рискованно,
На грудях стихи кончаются.

Борис ПРИМЕРОВ

Али я не я?

Окати меня
Алым зноем губ.
Али я тебе
Да совсем не люб?

Как теперь я
Что-то сам не свой.
Хошь в носу шириай,
Хошь в окошко вой.

Эх, печаль-тоска,
Нутряная боль!
Шебуршит мысля:
В деревеньку, что ль?

У меня Москва
Да в печенках вся.
И чего я в ней
Ошиваюся?..

Иссушила кровь
Маета моя.
И не тут я,
И не тама я...

Стал кумекать я:
Аль пойти в собес?
А недавно мне
Голос был с небес:

— Боря, свет ты наш,
Бог тебя спаси.
И на кой ты бес
Стилизуисси?..

Эдуард АСАДОВ

Они студентами были

Они студентами были,
они друг друга любили
И очень счастливы были
в своем коммунальном раю,
Вместе ходили в булочную,
вместе посуду мыли,
И все любовались, глядя
на крепкую их семью.
Но вот однажды, вернувшись
домой в половине шестого
С набором конфет шоколадных,
красивым и дорогим,
Подругу свою застал он,
играющей в подкидного,
Представьте себе —
в подкидного играющую с другим!
— Любимый, — она сказала,
и влажно блеснули зубы, —
Я еще поиграю,
а ты пойди постирай.
Он побледнел, как наволочка,
сжал посиневшие губы
И глядя куда-то в сторону,
глухо сказал: «Играй!»
И больше ни слова. Ни слова!
Ни всхлипа, ни стона, ни вздоха,

Ты отдыхай.

А я иду на бой,

Вселенная моим призывам внимлет.

Спи, кошечка. Спи, птичка. Я с тобой.

Запомни, дорогая: друг не дремлет!

Василий ЖУРАВЛЕВ

Для того ли?!

Для того ль

Мичурину

усталость

не давала роздыха в пути,

чтобы ныне

вдруг такое случилось:

яблока в Тамбове не найти?!

Нету яблок!

Братцы, вот несчастье!

Мочи нету взять такое в толк.

Где-то слышал я,

что в одночасье

яблоки пожрал тамбовский волк.

Для того ль ловили наши уши

песню молодых горячих душ

«Расцветали яблони и груши»,

если нет

ни яблок

и ни груш?!»

Для того ль

Мичурин,

сын России,

скрещивал плоды в родном краю,

чтобы

из Марокко апельсины

оскорбляли

внутренность мою?!

Нету яблоч!
Я вконец запутан,
разобраться не могу никак.
Ведь за что-то
греб зарплату
Ньютон,
он же, извиняюсь, Исаак!

И от всей души землепроходца
восклицаю:
«Надо ж понимать,
что-то нынче
яблочка мне хотца —
очередь
не хотца
занимать!»

Евгений ЕВТУШЕНКО

Панибратская ГЭС

Быть может, я поверхностный поэт?
Быть может, мне не стоило рождаться?
Но кто б тогда сварганил винегрет
из битников, Хеопса и гражданства?!

...Мой Пушкин, самых честных правил,
когда я Братском занемог,
ты б замолчать меня заставил
и размножиться помог.

М.Лермонтов, прошу тебя,
дай силу жить, врагов губя,
Чтоб я в противника воткнул
и там два раза повернул
свое оружие... Враг завыл,
ругаясь из последних сил.

Назови мне такую обитель
благородных читательских душ,
где бы мой не стонал потребитель,
где оркестр не играл бы евТУШ!

Есенин, дай на счастье руку мне.
Пожми мою. Дружить с тобой желаю.
Давай с тобой полаем при луне.
Ты помолчи. Я за двоих полаю.

Пройду я с Блоком мимо столиков,
туда, где скреперы ворчат
и женщины с глазами кроликов
«In Женья veritas!» — кричат.

И вот теперь я обретаю вес,
как тот певец неведомый, но милый,
Творение мое о Братской ГЭС,
клянусь, не стало братскою могилой.

Давид САМОЙЛОВ

Ужин в колхозе

— Встречай, хозяйка! — крикнул Цыганов.
Поздравствовались. Сели.

.....
В мгновенье ока юный огурец
Из миски глянул, словно лягушонок.
И помидор, покинувший бочонок,
Немедля выпить требовал, подлец.

.....
— Хозяйка, выпей! — крикнул Цыганов.
Он туговат был на ухо.

— Никак Самойлов! — крикнул Цыганов.
(Он был глухой.) — Ты вовремя, ей-богу!
Хозяйка постаралась, стол готов,
Давай закусим, выпьем понемногу...

А стол ломился! Милосердный бог!
Как говорится, все отдай — и мало!
Цвели томаты, розовело сало!
Моченая антоновка, чеснок,
Баранья ножка, с яблоками утка,
Цыплята-табака (мне стало жутко),
В сметане караси, белужий бок,
Молочный поросенок, лук зеленый,

Квашенная капуста! Груздь соленый
Подмигивал как будто! Ветчина
Была ошеломляюще нежна!

Кровавый ростбиф , колбаса «салями»,
Телятина и рябчик с трюфелями,
И куропатка! Думаете, вру?
Лежали перепелки, как живые,
Копченый сит, стерлядки паровые,
Внесли в бочонке красную икру!
Лежал осетр! А дальше — что я вижу! —
Гигант омар (намедни из Парижа!)
На блюде свежих устриц вперил глаз...
А вальдшнепы, румяные, как бабы!
Особый запах источали крабы,
Благоухал в шампанском ананас...

«Ну, наконец-то! — думал я. — Чичас!
Закусим, выпьем, эх, святое дело!»
(В графинчике проклятая белела!)
Лафитник выпить требовал тотчас!
Я сел к столу... Смотрела Цыганова,
Как подцепил я вилкой огурец,
Тут Иванов (что ждать от Иванова?!)
Пародией огрел меня, подлец!..

Григорий ПОЖЕНЯН

Мореплаватель

Лягу в жиже дорожной,
постою у плетня.
И не жаль, что, возможно,
не узнают меня.

Надоело на сушу
пялить сумрачный взор.
Просмоленную душу
манит водный простор.

Лягу в луже дорожной
среди белого дня.
И не жаль, что, возможно,
не похвалят меня.

А когда я на берег
выйду, песней звеня,
мореплаватель Беринг
бросит якорь. В меня.

Валентин СИДОРОВ

Высокий звон

Косматый облак надо мной кочует,
И ввысь уходят светлые стволы.

В худой котомк
 поклав ржаное хлебо,
Я ухожу туда,
 где птичья звон.
И вижу над собою
 синий небо,
Косматый облак
 и высокий крон.

Я дома здесь.
Я здесь пришел не в гости.

Снимаю кепк,
 одетый набекрень.
 Веселый птичк,
 помахивая хвостик,
 Высвистывает мой стихотворень.

Зеленый травк ложится под ногами,
 И сам к бумаге тянется рука.
 И я шепчу
 дрожащие губами:
 «Велик могучим русский языка!»

Сергей МАРКОВ

Случай в Коп-Чик-Орде

Жирный лама Жамьян-жамцо,
 Погрязший в смертном грехе,
 Всем говорил, что видел в лицо
 Богиню Дара-ехэ.

.....
 И в Эликманаре и в Узнези,
 В ущельях горных — везде
 Я слышал хвалы тебе, Ээзи,
 Живущему в горной воде.

Пахла ночь как голландский сыр,
 Когда, прожевав урюк,
 Ушел искать красавец Тыр-Пыр
 Красавицу Тюк-Матюк.

Сто лет искал он ее везде,
 На небе и под водой.
 Нашел он ее в Коп-Чик-Орде,
 Что рядом с Кишмиш-Ордой.

Она вскричала. «Бэбэ, мэмэ!
 Полундра! Мизер! Буза!»
 Хоть он не понял ни бэ ни мэ,
 Сверкнули его глаза.

Призвал к себе их абориген,
Владыка Туды-Сюды.
И жирный лама Пютай-Пурген
Сказал им: «Алаверды!»

Еще сказал он: «Пардон, батыр,
Битте-дритте Утюг!»
И пала в объятия красавцу Тыр-Пыр
Красавица Тюк-Матюк.

Людмила УВАРОВА
Красная Пашечка

В конце лета мать с трудом оторвала голову от подушки и слабым голосом позвала Пашечку.

Уже лет десять прошло с тех пор, как ушел от нее муж, Пашечкин отец, красавец, певун, гулена, бабник, любитель выпить и закусь.

Мать слегла. Врачи определили полиомиелит, потерю памяти, тахикардию с перемежающейся экстрасистолой, хронический гастрит, чесотку и энцефалопатический синдром.

— Сходи к бабушке, дочка, — прошептала мать. — Отнеси ей пирожков. Пусть порадуетя. Недолго уж ей осталось.

Мать хитрила. Она сама чувствовала приближение рокового конца и хотела отослать дочь подальше...

Бабушка жила одна в глухом лесу, где до ухода на пенсию по инвалидности работала уборщицей в театре оперы и балета.

Как-то, заменяя внезапно умершую балерину, она упала в оркестровую яму, сломала ноги, руки, шею, позвоночник и выбила зубы.

С тех пор уже не вставала.

Раз в год Пашечка носила ей пирожки с начинкой из продукции фирмы «Гедеон Рихтер». Бабушка радовалась, ничего не видя и не слыша, и только выбивала желтой пяткой мелодию вальса «Амурские волны».

Вот и сейчас Пашечка собрала корзинку и, тяжело опираясь на костыли, вышла из дома.

Все называли ее Красной Пашечкой из-за нездорового румянца, который был у нее с детства. Она страдала рахитом, эпилепсией, слуховыми галлюцинациями и аневризмой аорты. И ходила поэтому с трудом.

На лесной тропинке встретился ей Алексей Сергеевич Волк, лучший в лесу хирург, золотые зубы, резавший безболезненно и мгновенно.

У него было размягчение мозга, и он знал это. Жить оставалось считанные минуты.

Еле передвигая ноги, Волк подошел к упавшей от изнеможения Красной Пашечке. Она слабо улыбнулась.

— К бабушке? — тихо спросил Волк.

— К ней.

— Поздно, — сказал Волк и, привалившись к березе, дал дуба.

Пашечка вздохнула и отошла. Последнее, что она увидела, был пробежавший мимо хромой заяц с явными признаками язвы желудка и цирроза печени.

Она приказала ему долго жить.

Михаил ЖВАНЕЦКИЙ

Чтоб вы так жили

Слушайте, вам не говорили, что вы очень красивы? Странно... В дни моей молодости был такой знаменитый артист в кино — Арон Наварро. В паспорте американец. Э, они там все американцы... Похож на вас. Вылитый вы. Как две капли.

Мне почему-то кажется, что вы грустный. Так нельзя, вы же в Одессе. По моему мнению, вы холостой. Неужели нет? Не молчите, я знаю. Правильно, что приехали в Одессу и встретили меня. Куда же еще ехать и на кому опереться?.. У меня для вас кое-что есть. Только для вас!

Я думаю, она вам подойдет. Она всем подойдет, но сначала мы должны туда подойти. Не женщина — чудо! Папа — профессор, мама — профессор... Профессор или провизор? Провизор. Бездна обаяния, хозяйка, королева Привоза... Немного хромает. А вам нужна жена или Пеле? У нее одышка. Но кто сейчас легко дышит? Засоре-

ние среды... Среда! А четверг, а пятница? А наконец, суббота и воскресенье? А чистюля! Когда она обчистила своего первого из Ростова, с него смеялась вся Одесса... Впрочем, это не важно.

Нет женщин без недостатков. А вы без недостатков? Есть два «но». Младшему — двенадцать. Не волнуйтесь, вы его и не увидите. Мальчик прелесть, лежит парализованный, отец алкоголик, — нет, вы мне скажите, когда мы избавимся от этого несчастья?

Старшему смешно сказать, скоро семнадцать. Пойдите, куда же вы? Две судимости, на носу третья, вы с ним не встретитесь лет пятнадцать!

Не надо говорить сразу «нет». Что вы делаете? Я же старше вас лет на сорок. Нет, вы соображаете?! Это же знаменитая одесская лестница. Если мне будет надо, я сам спущусь... Вы же не Эйзенштейн. Где вас воспитывали? Тихо, тихо, дедушка не может быстро...

Школьное сочинение

З

се мы учились в школе, где в большом

количестве писали сочинения по литературе. Как мы их писали?.. Мы писали их по планам, которые нам давали учителя, мы использовали в этих сочинениях одни и те же цитаты... И вот отсюда родилась такая пародия на типичное, обычное школьное сочинение, тема которого чрезвычайно обычна:

«Образ бабы Яги — передовой бабы прошедшего времени».

План:

I. Вступление. Историческая обстановка в те еще годы.

II. Главная часть. Показ бабы Яги — яркой представительницы темных сил.

Черты бабы Яги:

1. положительные:

а) смелость

б) мудрость

в) связь с народом

2. отрицательные:

а) трусость

б) тупость

в) индивидуализм-эгоизм и

г) костяная нога

III. Заключение. Бабизм-ягизм в наши дни.

Замечательное произведение нашей замечательной литературы — сказка о бабе Яге — является замечательным образцом нашей замечательной литературы. Тяже-

лое положение крестьянства в мрачную, страшную, беспощадную эпоху, которая характеризовалась страшным, мрачным, беспощадным угнетением, было невыносимо мрачно, страшно и беспощадно.

«Товарищ, верь! Взойдет оно!» — писал на обломках самовластья великий русский поэт Пушкин. И в это же время особенно звонко прозвучал свежий язык неизвестного автора сказки о бабе Яге, которая навсегда вошла в сокровищницу нашей литературы, у которой всегда были произведения этого замечательного жанра, который всегда был любим народом, которому никогда не были страшны никакие испытания, которым никогда не останавливать его на пути, по которому он всегда идет в настоящем навстречу будущему, которое всегда приходит на смену прошлому, которому никогда не задуть его голос, который всегда был светлый и звонкий.

«Кому на Руси жить хорошо?» — спрашивал знаменитый поэт Некрасов и сам же отвечал: «Кто до смерти работает, до полусмерти пьет!» В образе бабы Яги — типичной представительницы старшего поколения — воплощены лучшие черты отрицательного героя в начале первой половины середины конца надцатого века. Бабе Яге противопоставлен светлый образ Иванушки-дурачка, в котором сделана яркая попытка показа нового, молодого, передового в борьбе со старым, отжившим, одряхлевшим. Нет, Иванушка-дурачок — не Евгений Онегин! Он не лишний человек. И как всякий буревестник, он любит труд, родную землю и Василису Прекрасную.

«В человеке все должно быть, — сказал известный русский писатель Чехов, — прекрасно!» Задолго до него эту же мысль повторил способный английский поэт Шекспир. Создавая незабываемый образ злодея Яго, он безусловно испытал страшное благотворное влияние неизвестного автора сказки о бабе Яге.

«Чуден Днепр при тихой погоде!» — писала сквозь смех и слезы гордость нашей литературы Гоголь.

В галерее светлых женских образов баба Яга занимает особое место. Вспомним хотя бы Сонечку Мармеладову, войдя в дом которой, моральный урод своего времени Свидригайлов, зажег свечу и увидел на стенах ее комна-

ты страшные морды клопов. Вспомним несчастную женщину того же Некрасова, которая, как известно, все успеет: коня на скаку остановит, в горящую избу вместо своего мужика войдет, помоем посуду, постирает и кучу детей народит. В царской России на женщин никто не обращал внимания. На них ездили верхом помещики. Вспомним хотя бы Анну Каренину.

«Все смешалось в доме Облонских!» — писало зеркало русской революции Лев Толстой. Он родился с 1827 по 1910 год на Ясной Поляне. А когда он умер, дети очень любили слушать сказки, которые он им рассказывал.

Язык бабы Яги простой, мягкий, чистый, короткий, могучий, но не шершавый.

В наше время бабизм-ягизм играет большое значение и имеет большую роль. Сказка стала былью, Иванушка-дурачок — нарицательным, а баба Яга безвозвратно ушла в далекое-предалекое прошлое.

Доля секунды

На легкоатлетических соревнованиях, проводившихся далеко за пределами нашей страны, советский бегун Василий Карпуха занял первое место. Он пробежал дистанцию в рекордно короткое время.

— Как вам удалось достичь столь блестящего результата? — обратился к Василию корреспондент одной из наших газет, когда Василий в тот же день прилетел домой.

— Ну что я могу сказать? Сначала я... значит... победил... а потом...

— А потом?

— А потом... прибежал!..

— И это что, все? — тоскливо спросил корреспондент.

— А чего ж еще? — простодушно ответил спортсмен.

А на следующее утро в газете был напечатан очерк-отчет о рекордном забеге. Вот он, этот очерк.

«Когда Василий Карпуха вышел на беговую дорожку стадиона Трубадуно, все ему почему-то показалось здесь каким-то чужим, не родным, не близким. Например, зрители, которые оглушительно свистели на трибунах

и на чистом зарубежном языке кричали: «Фончер-банчер-тунчер-кло!», «Фончер-банчер-тунчер-кло!», что в переводе на русский означало: «Судью на мыло!».

Василий огляделся: слева от него по второй дорожке должен был бежать Вальтер Кишке — длинноногий и белокрысый парень с умным и решительным лицом студента, восьмой раз идущего пересдавать экзамен. Справа — Джеральдино Лососино, маленький, но резвый итальянец, по профессии не то бухгалтер, не то безработный, и дальше — Джек Макферсон, негр, основной соперник по прозвищу Гага, что в переводе на русский означало: «Черепашка, которая обгоняет на рассвете собаку, в полдень — лошадь, вечером — сайгака, а ночью — молнию».

«Да, борьба будет трудной, — подумал Василий. — А тут еще и ветер, как назло, в спину не дует! И жары тоже нет!..»

Да, в совершенно непривычных, чрезвычайно тяжелых условиях Василию Карпuxe предстояло бороться и обязательно легко победить.

И вот выстрел стартера. Бегуны дружно устремляются вперед. Макферсон возглавляет бег, но уже сейчас всем ясно, что Василий Карпуха, бегущий предпоследним, будет на финише первым.

Зрители на трибунах неистовствуют, пока еще молча наблюдая за ходом схватки.

Но вот напряжение нарастает, бегуны пошли на последний круг. И когда Макферсону оставалась до финиша какая-то доля секунды, произошло нечто такое, чего до сих пор не происходило и вообще произойти не может.

Что такое Василий Карпуха? Это простой, рядовой человек. А что такое простой, рядовой человек?.. Это тот, кто всегда и везде впереди. И в труде, и в отдыхе, и дома, и на работе, и в учебе, и в спорте. Именно поэтому Василий Карпуха собрал все свои силы, все свое мужество, всю волю, и когда, казалось бы, Макферсон, а вслед за ним Вальтер Кишке и Джеральдино Лососино должны были разорвать ленточку, он в самую последнюю долю секунды напрягся и вспомнил...

Что же он вспомнил в самую последнюю долю секунды, наш славный парень Василий Карпуха, там, один, далеко, на никому не известном стадионе Трубадуно?!

А вспомнил он свое детство. Счастливое, поруганное войной детство простого, рядового человека.

И вспомнил он свое родное село, хату, голубое небо над головой и корову Маньку, которая всегда в самую трудную минуту жизни заменяла ему и товарища, и брата, и сестру...

Вот он подросток. Вместе с дедом Матвеем они ходили в ночь на рыбалку, ловили ерша на мормышку, варили уху на косогоре, а дед Матвей все рассказывал, рассказывал, рассказывал — про себя, про свое проклятое дореволюционное прошлое и повторял, повторял, повторял: «Ай да Васютка!.. Ну и бегать же ты горазд дюже, кубыть тебя раскубыть!..»

А Васютка улыбался в темноте своей белозубой улыбкой и смотрел на звезды, мечтая побыстрее кончить школу и поступить в Институт физкультуры на отделение «шахматы».

Он не знал еще тогда, в чем его истинное, настоящее призвание!

Вспомнил Василий Карпуха и свою старую учительницу Марфу Ивановну, которая много сделала, чтобы Василий мог бегать не просто, а грамотным, образованным человеком.

И вот пронеслись годы, Василий Карпуха — студент. Конечно, трудно было жить на стипендию, сдавать экзамены, но если бы не упорные тренировки по восемь раз в неделю, учеба и наука не давались бы ему так легко и просто.

И вот тут-то как раз и пришла к Василию любовь. Пришла неожиданно-негаданно, в тот самый момент, когда ему в раздевалке кто-то нежно наступил шиповкой на ногу. Василий поднял глаза и сразу решил: «Вот она, дорогая, любимая моя подруга жизни, с которой я буду бегать нога в ногу до самой смерти, пока не надоест».

Поженились. Дети пошли. Побежали дети. Все в отца. Василий вспомнил лицо жены, заботливое, доброе, честное... Как там она сейчас?.. Волнуется небось? Думает, наверное, что я тут без нее в ночное кабаре пошел?.. Нет, дорогая: верь! Пусть мой голос летит через тысячи километров. Ты слышишь, я люблю тебя!.. И я, твой Василий, не в ночном кабаре сейчас, а...

«Ой!.. Где я?.. — подумал Василий. — Где я? Ой!..»

И вспомнил Василий... И вспомнил тут Василий Карпуха, что бежать надо!.. Что если он сейчас, в самую последнюю долю секунды, не обгонит своих соперников — не быть ему победителем, не стоять ему на пьедестале, не возвращаться ему домой подобру-поздорову...

И когда Макферсон уже почти коснулся грудью ленточки, а Кишке и Лососино приближались к финишу вслед за ним, спортсмен в красной майке вдруг рванулся вперед и — мгновение! — первым разорвал ленточку на мелкие кусочки!

— Кар-пу-ха!.. Кар-пу-ха! — на чистом зарубежном языке кричали зрители. В связи с этим хочется в заключение добавить, что Международная лига бегунов снова, в который раз, приняла глубоко неправильное, неразумное решение о проведении в следующем году марафонских состязаний вне пределов стадиона. Гораздо удобнее было бы, если бы сорокадвухкилометровую с лишним дистанцию бегуны преодолевали бы на 100-метровой дорожке стадиона, двигаясь туда и обратно, туда и обратно... Пусть сокращаются большие расстояния!

Пародия на плохой детектив

Опасаясь контрразведки,
 избегая жизни светской,
Под английским псевдонимом
 «мистер Джон Ланкастер Пек»,
Вечно в кожаных перчатках —
 чтоб не делать отпечатков —
Жил в гостинице «Советской» несоветский человек.

Джон Ланкастер в одиночку,
преимущественно ночью.
Щелкал носом — в нем был спрятан
инфракрасный объектив, —
А потом в нормальном свете
представало в черном цвете
То, что ценим мы и любим, чем гордится коллектив.

Клуб на улице Нагорной —
стал общественной уборной,
Наш родной Центральный рынок —
стал похож на грязный склад,
Искаженный микропленкой,
ГУМ — стал маленькой избенкой,
И уж вспомнить неприлично, чем предстал театр МХАТ.

Но работать без подручных —
 может, грустно, а может, скучно.
Враг подумал — враг был дока, — написал фиктивный чек,
И где-то в дебрях ресторана
 гражданина Епифана
Сбил с пути и с панталыку несоветский человек.
Епифан казался жадным,
 хитрым, умным, плотоядным,
Меры в женщинах и в пиве он не знал и не хотел.

В общем, так: подручный Джона
был находкой для шпиона —
Так случиться может с каждым, если пьян и мягкотел!

«Вот и первое задание:
в три пятнадцать возле бани —
Может, раньше, а может, позже — остановится такси.
Надо сесть, связать шофера,
разыграть простого вора, —
А потом про этот случай растрелят по Би-би-си.

И еще. Побрейтесь свеже,
и на выставке в Манеже
К вам приблизится мужчина с чемоданом. Скажет он:
«Не хотите ли черешни?»
Вы ответите: «Конечно».
Он вам даст батон с взрывчаткой — принесете мне батон.

А за это, друг мой пьяный, —
говорил он Епифану, —
Будут деньги, дом в Чикаго, много женщин и машин!
...Враг не ведал, дурачина:
тот, кому все поручил он,
Был чекист, майор разведки и прекрасный семьянин.

Да, до этих штучек мастер
этот самый Джон Ланкастер!..
Но жестоко просчитался пресловутый мистер Пек —
Обезврежен он, и даже
он пострижен и посажен.
А в гостинице «Советской» поселился мирный грек.

Александр Курляндский (р. 1938)

Аркадий Хайт (1938—2000)

Внимание, на старт!

На сцене за столиком — человек в синем тренировочном костюме.

Нриближается зима — чудесная пора

для занятий спортом и укрепления своего здоровья. Наверное, многие из вас в этом сезоне впервые встанут на коньки или лыжи. Конечно, сразу это сделать нелегко. Поэтому я и собрал вас здесь, чтобы провести небольшое теоретическое занятие. Начнем с лыж.

Ну, прежде всего надо запомнить, что лыжи надеваются на ноги, а палки — на руки. Палки — это то, что с острым концом.

Теперь о креплениях. В первое время лучше применять ременные крепления, а не жесткие. Их легче перегрызть. И еще хорошо смешивать лыжную мазь с яркой краской. Тогда вас всегда можно будет найти.

Главное при занятии лыжным спортом — это смелость и вера в себя. Даже услышав хруст, не пугайтесь: может быть, это не ноги, а лыжи. Правда, если вы взяли лыжи напрокат, неизвестно, что для вас лучше.

На первом занятии я вам не советую спешить. Идите спокойно, неторопливо. А если у вас вдруг резко увеличилась скорость — посмотрите, не потеряли ли вы свои лыжи.

Ну вот, пожалуй, и все... Да, чуть не забыл. Если вы попали в глубокий сугроб, выбирайтесь постепенно. Бойтесь кессонной болезни.

Теперь о коньках. Ну, прежде чем встать на коньки, надо научиться правильно падать. Лично я вам советую падать вперед. По крайней мере, видишь на что.

Очень важно с первого занятия научиться правильно отталкиваться ото льда. Ни в коем случае не следует это делать руками.

У многих новичков встречается такой недостаток: они едут быстро, но не могут остановиться. Если и вы почувствуете, что не можете остановиться, крикните что-нибудь обидное, проезжая мимо милиционера.

Некоторые ошибочно считают, что конькобежный спорт опасен для здоровья. Но это неверно. Потому что, даже сильно стукнувшись, вы тут же сможете приложить лед к голове.

Советы отдыхающим

Скоро лето. Время солнца, тепла и заслуженного отдыха. К отдыху, в отличие от работы, нельзя подходить легкомысленно. Вот почему я решил поделиться с вами несколькими дружескими советами. *(Надевает на плечи огромный рюкзак, а на ноги — тяжелые ботинки.)*

Начнем с туризма. Туризм — лучший отдых. Он заключается в том, что люди ходят пешком там, где они могли бы и ехать.

В туристическом походе мы советуем идти цепочкой, причем самого сильного ставить последним. Он будет подбирать и нести брошенные всеми вещи.

Прежде чем умыться в реке, посмотрите, что делает туристическая группа, расположившаяся выше по течению. Может, она уже кончила обедать и моет в реке посуду.

Если к вашему костру подошел волк, прячьте все спиртное. По его следу могут прийти охотники.

Картошку с собой не берите. Ее вы можете накопать в любом колхозе. Если заметившие вас колхозники поднимут крик — не пугайтесь. Просто вас приняли за студентов, и это крик радости. *(Снимает рюкзак, ботинки. Берет в руки авоськи, сумки, кошелки и раскладушку.)*

Дача — кузница здоровья! Дачный отдых состоит в том, что люди платят деньги за то, что в туристическом походе они имели бесплатно.

Постарайтесь сразу же подружиться с хозяйской собакой. Будет у кого переночевать, когда из города нагрянут гости.

Дачный отдых вы можете создать и в городских условиях. Для этого отключите воду, газ и свет и отдайте двести рублей соседке. Если же вы любите дачу с террасой, выйдите на балкон и отдайте соседке еще пятьдесят рублей.

Вообще же дачный отдых — вещь довольно приятная, но еще более приятна мысль, что дача не ваша собственная и на будущий год сюда можно не приезжать. *(Надевает широкополую войлочную шляпу, темные очки. В руки берет надувной матрац и чемодан.)*

Черноморское побережье — всесоюзная здравница! На юг обычно стремятся те люди, которые недостаточно устали за одиннадцать рабочих месяцев.

На юге ходите в войлочной шляпе и темных очках, прикрывая нос бумажкой. Так вас не смогут узнать подруги жены.

Не заплывайте далеко от берега. Помните: земля в нашей стране, в том числе и ваше место на пляже, принадлежит всему народу.

Загорайте с умом. Прежде чем соревноваться в загаре с соседом по пляжу, поинтересуйтесь, не приехал ли он из какой-нибудь африканской страны.

Впрочем, вы можете оказаться на берегу моря и не выходя из своей квартиры. Для этого возьмите таз, налейте в него воды, бросьте щепотку соли и опустите туда ноги. Если вода доходит только до щиколотки — считайте, что вы на Рижском взморье. Если вода доходит до колен — можете считать, что вы на Южном берегу Крыма. А если у вас большая семья и все хотят поставить ноги в один таз — значит, вы в Сочи.

Усвоив наши советы, смело идите в отпуск. После летнего отдыха вы будете способны на любую работу, даже умственную.

Антракт

Голос по радио. Товарищи! Для того чтобы вы не скучали во время антракта, предлагаем вам послушать шуточные предпоследние известия.

Первый. «Случай в лесу». В одном из подмосковных лесов заблудился шестилетний мальчик. На поиски ребен-

ка отправился отряд добровольцев из ближайших деревень. Через двое суток мальчик сам пришел из леса. Добровольцев ищут до сих пор.

Второй. «Семья и быт». Необыкновенный ребенок растет в семье счетовода Зуранбаева. Ему всего два месяца, а он уже перемножает в уме пятизначные цифры. К сожалению, результатов умножения никто не знает, поскольку удивительный ребенок еще не умеет говорить.

Первый. «Наука». Интересный случай произошел вчера на Черноморском побережье Кавказа. Известный поэт Вольдемар Шмелев заплыл далеко в море и начал тонуть. Проплывающие мимо дельфины сделали возле него круг, но спасать не стали. Этот случай еще раз доказывает, что дельфины являются мыслящими существами.

Второй. «Природа и люди». Восемнадцать дней бушевал пожар в южноамериканском городе Рио-Рита. Местные власти так и не смогли справиться с разбушевавшейся стихией. Неизвестно, сколько бы еще дней продолжался пожар, если бы жителей города не спасло новое стихийное бедствие — наводнение.

Первый. «Происшествия». Научный работник Н. приехала в Москву из Самарканда. На вокзале к ней подошла молодая хорошо одетая женщина, которая впоследствии оказалась некоей Лидией Крыловой. Увидев чемоданы приезжей, Лидия Крылова предложила ей переночевать у себя. Ничего не подозревающая гражданка Н. с радостью согласилась.

Когда наступило утро, «научный работник» Н. исчезла, а вместе с ней — все вещи из квартиры Крыловой. Так было наказано ротозейство.

Второй. «Спорт». На острове Кальмар известный ныряльщик Папанасис установил новый мировой рекорд продолжительности пребывания под водой. Точное время рекорда пока еще неизвестно, поскольку замечательный ныряльщик до сих пор не вынырнул.

Первый. «Новинки прилавка». В ближайшее время на прилавках магазинов появятся сотни бутылок с новой минеральной водой «Ессентуки-71», богатой ценными питательными солями. Особенно много в ней солей кремния — девяносто восемь процентов. Из них один процент содержится в самой воде и девяносто семь — в бутылке.

Второй. «Критика помогла». В газетах уже сообщалось, что официанты кафе «Лебедь» грубы с посетителями. Как сообщил нам директор кафе, факты подтвердились. Приняты меры — кафе переведено на самообслуживание.

Первый. «Зарубежные новости». В городе Сан-Хосе знаменитый сенегальский шашист Баба Си выиграл матч у американца Джона Гопкинса. Болельщики проводили замечательного шашиста бурной овацией и возгласами: «Баба Си, янки — но!»

Второй. «Искусство в массы». Новую серию праздничных этикеток выпустила Третья спичечная фабрика. На них изображены картины великих художников, отвечающие характеру праздника. Например, Дню авиации — «Грачи прилетели», Дню армии — «Сватовство майора», Дню защиты детей — «Иван Грозный убивает сына».

Первый. «Новости кино». Известный итальянский киноартист Марчелло Матростяни дал согласие сниматься в новом итало-украинском фильме «Туманность Андромеды». Роль Андромеды будет исполнять Людмила Хитяева, роль Марчелло Матростяни — Николай Рыбников.

Второй. «Некролог». Трагический случай произошел на днях в столовой номер четырнадцать треста общественного питания города Энска. Шеф-повар столовой Петрищенко, перепутав котлы, налил себе борщ по-флотски не из котла для работников столовой, а из котла для посетителей. Коллектив скорбит о безвременной кончине Петрищенко и выражает соболезнование семье покойного.

Первый. В городе Первоапрельске состоялся тираж местной денежно-вещевой лотереи. На билет № 24 серии 01786 выпал главный выигрыш — телефон, спаренный с остальными номерами этой серии.

Как это делается...

Радио. Воскресная передача «Чудное утро»

Звучат позывные «Чудного утра». Телефонный звонок.

Ведущая. Дежурная по воскресному радиобюро слушает... Да-да, сегодня воскресенье, на улице хорошая по-

года, а мы начинаем свою передачу. Сегодня у нас в гостях известный исполнитель маленьких остроумных ба-сен, артист одного из академических театров Борис Петров. Вы все его хорошо знаете, потому что он зимой купается в проруби. Прошу вас.

Артист. С добрым утром, дорогие друзья! Вы еще только встаете, а я уже из проруби.

Ведущая. Неужели вы купались в такой холод?

Артист. Конечно. Купание в ледяной воде — мое хобби. Все свое время я делю между сценой и прорубью.

Ведущая. А если бы вам пришлось выбирать, что бы вы выбрали?

Артист. Я бы выбрал прорубь.

Ведущая. Почему?

Артист. Там я собираю больше зрителей.

Оба смеются.

Нет, серьезно, купание в проруби — редкое наслаждение. И поэтому сердце кровью обливается, когда подумаешь, сколько людей еще лишено этого в африканских странах.

Ведущая. Да, это действительно ужасно...

Пауза.

Большое спасибо, дорогой друг. Будем надеяться, что наши радиослушатели скоро встретятся с вами в проруби. (Смеется.)

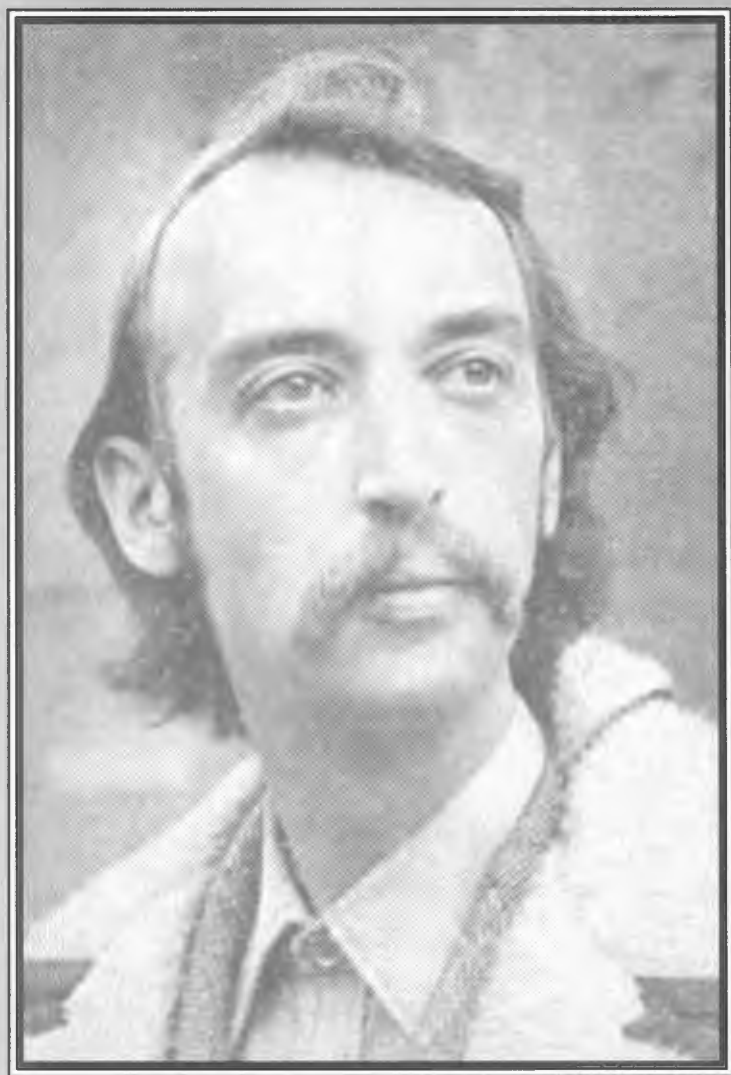
Звучит мелодия песенки Архивариуса.

О! Здравствуйте, дорогой архивариус. Что вы нам принесли новенького?

Архивариус. Вы хотите сказать — старенького?

Ведущая (смеется). Вы все шутите, дорогой друг.

Архивариус. Знаете ли вы, дорогая ведущая, что многие радиослушатели проснулись сегодня утром, не подозревая, что ровно четыреста тридцать шесть лет назад была впервые поставлена клизма! Ее изобрел бедный французский аптекарь Анри Клизмон. И не только изобрел, но и впервые испытал ее действие на себе. Но с тех пор, как говорится, утекло много воды, и ровно через двести шесть лет французские изобретатели братья Монгольфье построили первый воздушный шар.

Александр Иванов

Борис Слуцкий

Расул Гамзатов

Давид Самойлов

Бенедикт Сарнов, Лазарь Лазарев, Станислав Рассадин

• л. лазарев • с. рассадин • б. сарнов •

• **ЛИПОВЫЕ АЛЛЕИ** •

Алексей Пьянов

Владимир Солоухин

Евгений Винокуров

Новелла Матвеева

Мы у сказок все во власти.
Долго будут сниться мне
Невсамделишные страсти
В неваправдашной стране.

Александр Иванов

Евгений Евтушенко

Роберт Рождественский

Владимир Владин

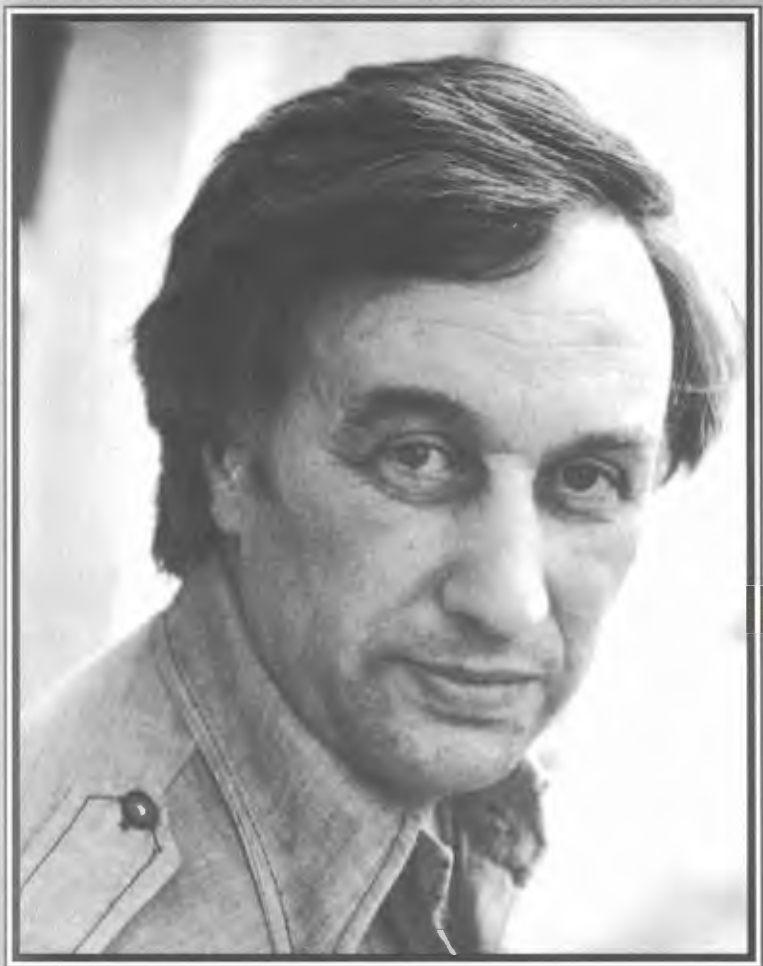
Борис Брайнин

Белла Ахмадулина

Когда б прочел наш классик Беллу,
Едва б он был настолько строг,
Чтоб «не найти в России целой
Две пары стройных женских» строк.

Борис Брайнин

Павел Хмара

Владимир Новиков

Андрей Вознесенский

Булат Окуджава

Это со мною частенько бывает,
Кто-то поймет, ну а мне не судьба:
Как это Моцарт на скрипке играет,
Не убирая ладоней со лба?

Борис Брайнин

Вадим Жук

Ведущая. Очень интересно!

Архивариус. Но еще более интересно, что за восемьдесят три года до этого простой костромской мужик Иван Поперечный смастерил летательный аппарат из лыка и еловых шишек, взобрался на восемнадцатиметровую колокольню и пролетел по воздуху восемнадцать метров.

Ведущая. Удивительно!

Архивариус. Но еще более удивительно, что ровно через три года другой костромской мужик, Федор Продольный, с таким же летательным аппаратом взобрался на семнадцатиметровую колокольню и пролетел по воздуху уже двадцать семь метров.

Ведущая. Но как же, дорогой архивариус?

Архивариус. Очень просто. Восемнадцать метров он пролетел по воздуху, а потом упал в девятиметровый овраг.

Ведущая. Потрясающе! А скажите, дорогой друг, что у вас лежит там, в правом внутреннем кармане?

Архивариус. О, это я коллекционирую шутки великих людей. Как известно, великий русский художник Илья Ефимович Репин отличался интеллигентностью и мягким, задушевым юмором. Однажды к нему обратился богатый промышленник с просьбой написать его портрет. Илья Ефимович потребовал огромный гонорар — двести тысяч рублей. «За что?» — спросил промышленник. «Видите ли, — мягко улыбаясь, сказал художник, — это не совсем по моей специальности. Обычно я пишу портреты людей, а тут мне придется писать портрет осла!»

Ведущая (сквозь смех). Да, поистине великому Репину не откажешь в остроумии.

Архивариус. Как известно, великий французский ученый Луи Пастер тоже был знаменит интеллигентностью и мягким, задушевым юмором. Однажды, когда он работал над созданием лошадиной сыворотки, к нему вошел молодой коллега. «Скажите, профессор, не могу ли я вам чем-нибудь помочь?» — спросил он взволнованно. — «Вряд ли, — мягко улыбаясь, ответил ученый. — Ведь для сыворотки мне нужна лошадь, а не осел».

Ведущая (сквозь смех). Да, поистине великому Пастеру также нельзя отказать в остроумии.

Звучит мелодия «Чудного утра».

Вы слушали очередную передачу «Чудное утро». Передача была организована редакцией «Сатирочки и юморочки». Авторы шуток великих людей — Иванов и Сидоров. Всего вам хорошенького!

Телевидение

*Обычный телевизионный репортаж
из обычной столовой*

Светлое просторное помещение. На окнах цветы. За столиком сидят двое посетителей. Заметно волнуясь, они штудируют тексты. По столовой бегают развязный молодой человек — телерепортер. Рядом суетятся операторы, они устанавливают свет, юпитеры, налаживают камеры.

Репортер. Внимание, внимание! Через две минуты выходим в эфир. Смотрите, мальчики, чтобы без накладок. Тексты хорошо помните?

Посетители (хором). Хорошо!

Репортер. И главное — кушайте с аппетитом, чтобы телезрители поверили, что вы настоящие посетители. Внимание... Приготовились... Начали! (*Широко улыбается в камеру.*) Дорогие товарищи телезрители! Мы находимся с вами в обычной столовой. Это чистое, светлое и просторное помещение знают и любят все жители близлежащих кварталов. Здесь их окружают тепло и забота работников столовой, которые в своей деятельности руководствуются народной пословицей «сытое брюхо к работе глухо!» Ха-ха-ха! Кто же посещает эту столовую? Вот перед нами полный розовощекий юноша. К сожалению, его розовых щек вы не видите. Впрочем, это не важно. Давайте подойдем к нему. Простите, как ваша фамилия?

Первый. Моя? (*Смотрит в бумажку.*) Моя фамилия... Куликов.

Репортер. Очень приятно, товарищ Куликов. Простите, Саша, а где вы работаете?

Первый (*снова смотрит в бумажку*). Я работаю на карьерной фабрике.

Репортер. На картонажной фабрике.

Первый. Да-да, на картонажной.

Репортер. Замечательно. А что вы кушаете?

Первый (смотрит в тарелку, потом в бумажку, потом снова в тарелку). Я ем люля... (переворачивает страницу) кебаб.

Репортер. Очень приятно. Покажите, пожалуйста, тарелку телезрителям. Так-так... Спасибо. И сколько эта кебаб... (переворачивает страницу) люля стоит?

Первый. Это стоит двадцать восемь копеек.

Репортер. О-о, дороговато!

Первый. Что вы, куда входит еще и «Цинандали». (Поднимает бокал с вином.)

Репортер. Это просто замечательно! Большое спасибо. А теперь, дорогие телезрители, мы побеседуем с другим посетителем — приятным юношей с добрыми карими глазами, которых вы тоже, к сожалению, не видите. Здравствуйте. Что вы хотите сказать нашим дорогим телезрителям?

Второй (механически). После того как я перестал брать из дома бутерброды и начал питаться в этой столовой, у меня резко повысилась производительность, рентабельность, окупаемость. И в личной жизни все стало по-другому...

В это время текст падает со стола. Пауза.

(Начинает импровизировать.) Вот с женой помирился...

Репортер. Что вы говорите?

Второй. А что я говорю? Что написано, то и говорю.

Репортер. Хорошо, хорошо. Я думаю, этого достаточно. Да-а-а, кстати...

Операторы подталкивают к камере официантку столовой в черном платье с декольте и шлейфом.

Здесь оказалась официантка товарищ Масина. Товарищ Масина, расскажите, пожалуйста, телезрителям о работе вашей столовой.

Масина. Вот уже третий год, как я работаю в этой столовой. У нас всегда в большом ассортименте щи, борщи, соевые пирожные, лотерейные билеты. Большим спросом у посетителей пользуются сардельки с капустой. Достаточно сказать, что наши показатели по человеко-сар-

делькам намного превосходят показатели соседней вегетарианской столовой.

Репортер. Скажите, а есть ли у вас фирменное блюдо?

Масина. Отчего же, есть. Пончики с творогом, которые все любовно кличут «пирожками с алебастром». Мы всегда идем навстречу посетителям. Чтобы они успевали пообедать во время коротких обеденных перерывов, мы решили подавать первое и второе в одной тарелке.

Репортер. Любопытно. Это очень своеобразное начинание. А что у вас в столовой есть еще нового, прогрессивного?

Масина. А прогрессивного у нас то, что по соседству с нашей столовой теперь круглосуточно работает вытрезвитель.

Репортер. Неужели в вашей столовой еще сохранился такой пережиток прошлого, как алкоголизм? Ай-ай-ай!

Масина. Что вы, у нас давно уже нет в продаже этого пережитка. Они этот пережиток с собой приносят.

Репортер. Спасибо, спасибо. К сожалению, время, отведенное для нашей передачи, заканчивается. Передача была организована выездной редакцией телевидения. Вел передачу Юрий Мокин.

Кино

*Один из творческих дней
одной нетворческой студии*

В эти дни на одной из киностудий снимается фильм «На дне», рассказывающий о героических буднях наших подводников. Сегодня мы вместе со зрителями бываем на съемках финального эпизода этого фильма. Фильм снимается под водой, в одном из плавательных бассейнов, в специально построенном подводном павильоне.

Плавательный бассейн. Отсек подводной лодки. Торпедные аппараты, юпитеры, матросы, старшины и прочие участники съемочной группы.

Режиссер (хлопает в ладоши). Внимание, братцы! Все готовы?

Голоса. Готовы, готовы...

Режиссер. Значит, так... Снимаем финальный эпизод. Для тех, кто не читал сценарий, напоминаю: лодка ле-

жит на дне, в корпусе пробоина, на пробоине сидит Аристарх Иванович *(показывает рукой)*. Настроение у всех бодрое, за жизнь никто не цепляется. Понятно?

Все. Понятно, чего там...

Режиссер. Ну, тогда начали.

Хлопушка. Вспыхивает свет.

Первый матрос *(тяжело дыша)*. Братцы, а дышится что-то тяжело...

Второй матрос. Еще бы, кислороду на полчаса осталось...

Третий матрос. Да, братцы, кажись, амба!

Режиссер. Стоп!

Съемка останавливается.

Товарищи, я не понимаю, что за безысходность? Вы же герои, орлы, морские волки. Больше жизни! *(Сценаристу.)* Мне кажется, их надо чем-то занять. Что они могут делать перед смертью?

Сценарист. Э-э-э... Может, выпустить торпеду?

Режиссер. Куда, по рыбам?

Сценарист. М-да... Может, тогда выпустить стенгазету?

Режиссер. Уже лучше! Но хотелось бы что-нибудь действенное. Чтобы... Э-эх! Слушайте, у кого есть домино?

Ассистент. У меня.

Режиссер. Дайте им домино. *(Актерам.)* Значит, так! Вы ждете смерти и забиваете «козла», а вы, Сережа, будете балагуром, таким весельчаком. Больше шутите, остерите, не важно что. Потом все вырежем. Главное — создать настроение. *(Поворачивается к сидящему на пробоине.)* Аристарх Иванович, а от вас я не ожидал...

Аристарх. Чего?

Режиссер. Ну, вы же, голубчик, все-таки не в гамаке сидите, а на пробоине. Больше экспрессии! И потом, что вы курите?

Аристарх. «Кент»!

Режиссер. Послушайте, вы ж не на корабле НАТО. Курите «Приму»!

Аристарх. У меня от нее кашель.

Режиссер. Вот и хорошо. Кашляйте на здоровье. Вы же на холодном сидите. Ну, по местам! Начали!

Хлопушка. Свет.

Балагур (*стучит костяшкой*). А мы ему двоечку!..

Второй. Отдуплимся!..

Третий. По пяти!.. Братцы, а что-то дышится тяжело...

Четвертый. Еще бы, кислорода на полчаса осталось.

Балагур (*шутит*). Зато пищи на две недели!

Все смеются.

Третий. По азику!..

Второй. Беру конца.

Четвертый. Да, братцы, кажись, амба...

Балагур. Что, Трофимыч, боишься «козелком» помереть?

Общее веселье. Входит капитан.

Третий. Встать!

Все встают.

Капитан (*сидящему на пробоине*). Сидите-сидите, старшина. Вы на пробоине. Ну что, ребята, «козелка» забиваем?

Второй. Так точно, товарищ капитан, забиваем.

Четвертый. Морского, товарищ капитан.

Балагур. Море, море, море, море...

Все смеются.

Капитан. Значит, панике не поддаемся?

Балагур. А чего ей поддаваться? Пуцай она нам подается!

Смех.

Капитан (*неожиданно*). Товарищи матросы, положение серьезное! Лодка лежит на дне. Кругом одна вода...

Балагур. Вода, вода...

Капитан. Отставить!

Балагур. Виноват, товарищ капитан.

Капитан. У нас есть два выхода: всплыть или помереть. Какие будут соображения?

Все (*хором*). Помереть!

Капитан. Иного ответа я и не ждал... тем более что всплыть мы все равно не можем.

Пауза.

Капитан. Ну что, герои, как помирать будем?

Третий. Коли помирать, так с музыкой.

Капитан. Правильно, товарищ старшина второй статьи. Пусть враги видят!

Второй. Так они ж не видят.

Капитан. Так пусть знают! Давай, Сережа, нашу любимую...

Первый матрос *(задушевно и протяжно)*. А-а-а-сот-ки...

Все *(подхватывают)*. Кра-сот-ки, красотки, красотки кабре, ех! Вы созданы лишь для наслажденья...

Матросы качаются в такт музыке, передают по кругу последнюю папиросу.

Режиссер *(хлопает в ладоши)*. Стоп! Вот теперь другое дело. Ну хорошо, на сегодня хватит. *(Ассистентке.)* Давай, Таня, скажи, чтоб поднимали.

Ассистентка *(подходит к телефону)*. Алло! Степан Степаныч, можете поднимать... Чего?.. *(Растерянно кладет трубку. Режиссеру.)* Эдуард Семенович, у них это... трос перекосило.

Режиссер. Какой еще трос?

Ассистентка. Подъемный.

Режиссер. Ну и что?

Ассистентка. Не могут они нас поднять. Потерпеть просят.

Режиссер. Безобразие! Черт знает что!

Ассистентка. Вы не кричите.

Режиссер. Это еще почему?

Ассистентка. Передали, чтобы кислород сэкономили.

Балагур. Да, прямо, как в кино...

Капитан. Это переходит все границы! Я на спектакль опаздываю. *(Дышит, прислушивается.)* Кажется, дышать тяжелее стало, а? Не замечаете? Кислород кончается!

Режиссер. Вы можете реже дышать?

Капитан. Может, мне вообще не дышать?

Режиссер. Это было бы неплохо.

Третий (берется рукой за голову). Ой! Капает!

Капитан. Вода!

Балагур. Крутом вода!

Режиссер. Аристарх Иванович, немедленно заткните пробойну!

Аристарх. У меня съемочный день кончился. Сами за-
тыкайте за эти деньги.

Режиссер. Ах вы грязный, меркантильный поросенок!
Даже перед лицом смерти вы будете вымаливать лишнюю
трешку. Знайте, если нас поднимут, если поднимут...

Аристарх. Ничего, бог даст, не поднимут.

Режиссер. Врете, поднимут! Я буду в Главк звонить.
Я до самого доплыву! (Бросается к телефону.) Алло, алло!

Все. Что?

Режиссер. Связь прекратилась.

Балагур. Да... Ну прямо как в кино.

Резкий хлопок, свет гаснет.

Голос режиссера. Что это?!

Голос капитана. Софиты лопнули.

Голос режиссера. Товарищи, где вы? Я вас не вижу...

Голос сценариста. Безобразие, что вы меня за лицо
хватаете?

Голос режиссера. Я думал, это рыба.

Голос сценариста. Если я молчу, так я уже, по-вашему,
рыба?

Голос режиссера. Ой, мне плохо.

Голос балагура. Товарищи, режиссеру плохо. У кого
есть валидол?

Голос сценариста. У меня. Держите.

Голос режиссера. А-а! Что вы мне его в ухо тычете?

Голос сценариста. Простите, я думал, это рот.

Голос ассистентки. Хулиган, что вы делаете?!

Голос второго матроса. Извините, я искал спички.

Голос режиссера. Все, это конец.

Голос Аристарха. Вот и отмучились.

Вспыхивает свет. Немая сцена. Съемочная группа держит
на руках тело режиссера.

Ассистентка. Нас подняли, Эдуард Семенович, вы
слышите? Что делать?

Режиссер (приподнимаясь). Снимайте без меня. Но, главное, помните: за жизнь никто не цепляется! *(Падает на руки матросов.)*

Шайбу! Шайбу!

Спортивный репортаж
с любого первенства мира

Кабина радиокомментатора. Микрофоны, телефоны, наушники.

Доносятся крики: «Хейя! До-то-го! Шай-бу! Шай-бу!»

— Внимание! Говорит и показывает Стокгольм! Мы продолжаем рассказ о последнем матче мирового первенства СССР — Канада. Еще раз напоминаю, дорогие друзья: чтобы стать чемпионом мира, нашим спортсменам нужна была только победа, только победа шведов над чехами. И наши замечательные спортсмены ее добились. Большие, большие мастера своего дела.

Вот шайба у Мишакова, он врывается в зону канадцев. Бросок!.. В воротах, в воротах канадской сборной... Евгений Мишаков. А шайба, к сожалению, летит мимо. Интересно, что скажут судьи? Ну да, они ее не засчитывают. Мишаков поднимается со льда. Замечательный спортсмен, его очень любят в нашей команде. Он умеет все: и сварить суп, и починить ботинки, и я верю, что скоро Мишаков научится бросать по воротам.

Игра продолжается. Канадцы рвутся в нашу зону, но Рагулин умело применяет силовой прием. Кто-то из канадцев лежит. Кто же это? А-а, это судья. Досвистелся?... Очень необъективное судейство на этом чемпионате. Вот и сейчас судья ни за что удаляет Рагулина на две минуты. Рагулин что-то ему объясняет... Судья снова встает и удаляет Рагулина до конца встречи.

Канадцы снова в нашей зоне. Бросок! Еще бросок! Шайба в руках у Зингера. Молодец, Витя! Должен вам сказать, что сегодня утром в гостинице у Зингера пропали мыло и зубная щетка. Но, несмотря на это, он вышел на лед и защищает ворота. А свою зубную щетку ему отдал Борис Майоров, который здесь находится в качестве туриста, и эта щетка ему не нужна.

Меньше минуты до конца встречи. Только бы продержаться, только бы не проиграть. Восемь секунд, три, две... Сирена! Это победа, дорогие друзья! Мне остается только поздравить наших замечательных спортсменов с этим замечательным успехом. Передача была организована нашим замечательным радио и замечательным телевидением, а вел ее наш замечательный комментатор Николай Ян!

«Хочу всё спать»

В последнее время на многих предприятиях, заводах, в институтах стало модным проводить устные журналы «Хочу всё знать».

Чтобы помочь в организации этого мероприятия, а заодно показать, каким оно не должно быть, мы предлагаем читателям наш пародийный журнал, который называется «Хочу всё спать».

Ведущий. Дорогие товарищи, поскольку в зале уже сидят несколько человек, мы решили начать наш устный журнал. Остальные подойдут попозже. Наш журнал открывает врач-терапевт, член редколлегии медицинского журнала «Чтоб вы так жили». Тема его выступления — старость и ее постоянный спутник. Прошу вас.

Терапевт. Добрый вечер, товарищи! Тема нашей сегодняшней беседы... ну, этот, как его...

Ведущий (подсказывает). Склероз.

Терапевт. Да, и давно. Склероз — это очень опасная болезнь. Особенно часто он бывает у этих... ну, этих, которые все время думают...

Ведущий. У писателей?

Терапевт. Нет, у этих... читателей. При склерозе человек должен... должен... Я вам ничего не должен?

Ведущий. Нет.

Терапевт. А вы мне?

Ведущий. Тоже нет.

Терапевт. Странно, откуда же у меня деньги... Ну ладно... (Пауза, осматривается.) Где это я? Ах да, на устном журнале... Так вот, каковы симптомы склероза? Прежде всего — потеря этой... ну, как ее... полная потеря... Ну ладно. Есть и другие признаки. Потеря этого... Ну когда без удовольствия... ешь. Ну, вы понимаете! Так вот, если

полностью потеряно то, что я забыл, и нет этого, что без удовольствия, значит, у вас склероз. Как вылечить склероз? Очень просто. Мед, мед, мед. Только мед. В нем сила. Но увлекаться нельзя... женщинами. Они такой народ, от них все несчастья. Поэтому надо себя ограничивать. Одна ложечка меда мажется на это... натошак, и ешь его на здоровье, и тебе не страшен никакой диабет.

Вот и все, что я хотел рассказать. Ничего не забыл? Одним словом, товарищи, бойтесь ангины! Потому что нет ничего страшнее, чем ревматизм.

Ведущий. Большое спасибо.

Терапевт. За что?

Ведущий. За выступление.

Терапевт. А разве я выступал? Ах да... Ну тогда я пошел. Где у вас это?..

Ведущий. Выход?

Терапевт. Нет, бухгалтерия.

Ведущий. По коридору налево.

Терапевт. Мужская?

Ведущий. Нет, женская.

Терапевт. Ну, я пошла. *(Уходит.)*

Ведущий. Наша следующая страничка посвящена изобразительному искусству. Некоторые считают, что это искусство доступно не каждому. Это неверно. Сейчас благодаря художественной лотерее изобразительное искусство стало доступно каждому, у кого есть пятьдесят копеек. Итак, позвольте представить нашего гостя, скульптора-монументалиста.

На сцену выходит плечистый бородатый мужчина в вельветовых брюках, испачканных глиной.

Скульптор. Я, товарищи, скульптор-крупноформист. Создаю произведения весом пятьсот тонн и выше. Мои творческие орудия: лом, кирка, кувалда. В особо монументальных случаях применяю порох и динамит.

Некоторые критики упрекают меня в примитивизме. Попробовали бы эти горе-критики поработать кувалдой на восемнадцатиметровой высоте. Тут уж, как говорится, не до искусства. Тут бы живым остаться.

Мой творческий диапазон довольно широк. Я работаю над образами трижды Героев Социалистического

Труда, дважды героя этого же труда и даже над образами простых лауреатов Государственной премии.

Ведущий. Простите, пожалуйста, а над чем вы работаете сейчас?

Скульптор. Сейчас покажу.

Четыре человека с трудом вносят каменную глыбу.

Вы видите фрагмент из моей новой работы «Кочегар, читающий газету». Перед вами нога кочегара. Но уже по этой ноге видны незаурядный ум и огромное духовное богатство этого обобщенного образа. Думаю закончить работу еще в этом десятилетии, если, конечно, хватит порохи...

Ведущий. Благодарю вас. Разрешите от имени редколлегии нашего журнала пожелать вам дальнейших творческих успехов. (Смотрит в зал.) Товарищи, товарищи, куда же вы уходите? Подождите, у нас осталось всего две странички... Ну и ладно! Продолжаем наш устный журнал. Как вести себя в обществе? Этот вопрос волнует многих. Поэтому сегодня мы пригласили выступить у нас знатока хороших манер бывшую графиню Замойско-Завойскую.

Два человека выводят на сцену маленькую седую старушку.

Графиня. Милостивые... э-э... товарищи. Меня просили рассказать, как следует вести себя в обществе. Начнем со званого обеда. Каждый культурный человек, прежде чем идти на званый обед, должен подождать, пока его позовут. Одеваться к такому торжественному случаю можно по-разному. Фрак, смокинг, можно и сюртук, но ни в коем случае не в ковбойке. Хорошо захватить с собой букетик цветов для хозяйки: розы, гвоздики, пионы. Это не имеет значения. Главное, чтобы цветы не были бумажными.

Очень важно на обед прийти вовремя. Поэтому, если вы опаздываете, обязательно возьмите извозчика.

За столом следует вести легкую, непринужденную беседу, но при этом помните, что рыбу не едят ложкой, а фрукты не кладут в карман. Часто спрашивают: когда доедаешь суп, куда лучше наклонять тарелку — к себе или от себя? Как сказал один весьма культурный человек, это зависит от того, что вы собираетесь облить: себя или скатерть.

Культурный человек должен вставать из-за стола с желанием еще немного поесть. И чем культурней человек, тем больше это желание. Не принято уходить домой сразу после еды, но и не следует особенно долго засиживаться. Помните, что хозяйке надо рано вставать на работу, а она еще должна помочь лакею вымыть посуду.

Ведущий. Большое спасибо. *(Целует графине руку и провожает ее в кулисы.)*

Дорогие друзья! Наверное, многих из вас волнует вопрос: то ли мы пьем. К сожалению, люди часто пьют совершенно не то. Вы спросите: что же тогда то? Отвечу: это чай и кофе. Сейчас перед вами выступит наш гость, работник рекламы, который расскажет об этих замечательных напитках.

Работник рекламы. Чай — старинный русский напиток, завезенный к нам из-за границы. Но по-настоящему пить его начали только у нас. Первые упоминания о чае встречаются еще в старинных народных былинах. Например: «Ты меня, князь Володимир, чай, не помнишь». Чай настолько популярен, что послужил основой для целого ряда фамилий: Чайковский, Пайчайдзе, Нечаев и, конечно же, Бунчиков. Наиболее популярны следующие сорта чая: грузинский, узбекский, индийский, цейлонский и... с сахаром. Чай придает людям бодрость. Недаром в народе говорится: «Тот, кто утром чай гоняет, целый день не устает!»

Но разговор о чае был бы неполным, если бы мы не поговорили еще и о кофе.

Кофе — чудесный тонизирующий напиток. Родиной его считается Бразилия, но это ни о чем не говорит. Некоторые сорта кофе, например ячменный, желудевый и «Здоровье», произрастают только у нас.

Кофе — один из самых популярных напитков. Половина человечества по утрам пьет кофе. Другая половина — его варит.

Кофе пьют по-разному. Одни любят кофе с молоком, другие — кофе без молока, третьи — молоко без кофе.

Существует много сортов кофе. Бывает кофе бразильский, бывает «Арабика», бывает «Харари», бывает растворимый. Правда, растворимый бывает редко.

Для придания напитку аромата хорошо смешивать различные сорта кофе. Например, бразильский с «Арабикой» или с «Харари». Некоторые продавцы гастрономов считают, что лучше всего смешивать первый сорт кофе со вторым. Пейте кофе! Ибо тот, кто утром кофе пьет, может целый день не есть!

Ведущий. Ну вот, друзья, мы и подошли к нашей последней страничке. По традиции она посвящена эстраде. Сегодня у нас в гостях известный эстрадный коллектив «Вологодские ребята». В ближайшее время этот коллектив отправляется в зарубежную поездку с довольно острым, специально написанным репертуаром. И это очень хорошо. Мы не боимся выносить сор из избы. Пусть едут. Наша изба станет от этого еще чище.

На сцену выходит коллектив «Вологодские ребята» в экспортном исполнении. В сапогах, косоворотках и бабочках.

(Хором.) Частушки-критикушки!

Вологодские ребята,
Мы частушки вам споем.
И своей сатирой смелой
Кой-кого мы попробем.

Я шеф-повару столовой
Учинил большой скандал:
Дал салат мне из омаров, эх!
Майонез к нему не дал.

Этой осенью путевку
В Сочи я не мог достать.
Видно, снова мне придется, ох!
В Монте-Карло отдыхать.

Я вчера свою сынишку
Очень крепко отругал.
Пятый год уж шалопая, ух!
А Гомера не читал.

Моя Нюрка рассердилась,
Бросила в окно колье.

А колье пробило крышу, ах!
В моем личном «Шевроле».

Мы свои частушки пели,
Ну не в бровь, а прямо в глаз.
Ведь сатире настоящей, эх!
Путь всегда открыт у нас.

Раскланиваются.

Ведущий. Дорогие друзья! Поскольку в зале никого не осталось, я думаю, что очередной выпуск нашего журнала «Хочу всё спать» можно считать закрытым. Всего хорошего! Спокойной ночи.

Феномен природы

Ведущий. Дорогие друзья! В нашей печати уже сообщалось об удивительной женщине, обнаруженной в селе Вилюево. Это Роза Беляшова, которая обладает редким даром — она видит руками. Прежде чем предоставить ей слово, мне хотелось бы вкратце пояснить, что такое ручное зрение.

Как известно, человеческая рука имеет пять пальцев. Две руки — десять, три — пятнадцать и так далее. Глаз в отличие от руки не имеет пальцев. Ни один глаз, ни два, ни три, ни так далее. Получается удивительная вещь: глаз без пальцев видит, а рука — нет. Очевидно, в случае с Беляшовой мы имеем дело с чрезвычайно чувствительной кожей такого качества, которое пока еще недоступно нашим кожевенным заводам. Но это, как говорится, дело большой химии.

Я думаю, у нас будет такой порядок работы: сначала я предоставлю слово Розе, а потом она продемонстрирует свои исключительные способности. Если у кого-нибудь возникнут вопросы, попрошу задавать их в письменном виде. И обязательно подписываться. Потому что все равно мы узнаем.

А теперь я предоставляю слово Розе Беляшовой.

Роза (заученно). Дорогие товарищи! Мне очень волнительно выступать перед вами. С чего начать, думаю я?

Начну, пожалуй, с автобиографии. С обычной биографии нашей простой замечательной женщины. Со своей.

Родилась я в селе Вилюеве, на берегу реки Вилюйки, в самом центре Вилюйского края. Раньше там были могучие леса, прозрачные реки. Теперь всего этого уже нет. Родилась я в семье простого охотника. Отца у меня не было, а матерью с детских лет стала для меня пионерская организация. И эта мать направила меня в детский дом, который я окончила с золотой медалью.

В семнадцать лет я бросила школу и поехала учиться в город, в институт междугородных отношений. Когда я его закончила, передо мной открылись сто дорог. Но я выбрала ту, которая ведет обратно в родное село, на родную Вилюйщину.

Знания полученные в институте, мне очень пригодились. Я стала дояркой. И за короткий срок сумела получить от каждой коровы в среднем за месяц по сто пятьдесят килограммов навоза.

Там же в колхозе я познакомилась с замечательным комбайнером Петром Басенко, мастером золотые руки. Он так переоборудовал свой комбайн, что первые полдня собирает на нем пшеницу, а вторые — гонит из нее же саомгон. Мы быстро поняли, что друг без друга нам не обойтись, и вскоре поженились. Конечно, мой муж не обладает таким замечательным даром, как я: он не видит руками. Зато он слышит ногами.

Ведущий. Товарищи, у многих может возникнуть вопрос, почему Розиного мужа нет на нашей встрече. Дело в том, что он недавно купил новые туфли, натер себе ногу и в настоящее время плохо слышит...

Роза. В заключение хочу сказать, что пока я единственная женщина, которая видит руками, но наступит время, когда это будут уметь многие. Когда каждый второй будет видеть руками, каждый третий — двигать ушами, а каждого пятого будут давать аванс каждому десятому!

Ведущий. Ну вот, дорогие товарищи... А теперь, я думаю, мы можем перейти непосредственно к опытам. Прошу вас...

Ассистент подходит к Розе, берет платок и завязывает ей глаза.

Попрошу тишину в зале! Роза должна сосредоточиться. Сейчас я буду показывать различные предметы, а Роза с завязанными глазами будет их называть. Вы готовы?

Роза (разминает пальцы). Готова.

Ведущий (берет спичечный коробок). Итак, что у меня в руке? (Пауза. Ведущий трясет коробок, в коробке гремят спички.)

Роза. Спички.

Ведущий. Правильно! (Берет стакан с ложечкой, встряхивает, ложечка гремит.) А теперь?

Роза. Стакан.

Ведущий. С чем?

Роза. С ложечкой!

Ведущий. Верно. Теперь несколько усложняем опыт: вот два стакана: один пустой, в другом вода. Где вода?

Роза (опускает пальцы в стаканы, вынимает, думает, показывает). Вода в этом!

Ведущий. Замечательно! Теперь, товарищи, переходим к наиболее сложному опыту.

Ассистент выносит плакат с буквами.

Сейчас Роза с завязанными глазами будет называть буквы, которые я ей показываю, (Берет указку.) Приготовьтесь, начали! Какая это буква!

Роза. А!

Ведущий. Эта?

Роза. Б.

Ведущий. Эта?

Роза. В.

Ведущий. А эта?

Роза. Г.

Ведущему передают из зала записку.

Ведущий (читает). Тут, товарищи, ко мне поступила записка. Некоторые зрители сомневаются в объективности наших опытов. Они утверждают, что я показываю буквы в алфавитном порядке. Ну что ж, сейчас я буду показывать буквы вразброд, а чтобы вы вообще не подумали, что Роза подглядывает, попрошу погасить свет.

Свет гаснет, полная темнота.

Ведущий (в темноте) Какая это буква?

Роза. И.

Ведущий. А эта?

Роза. Ж.

Ведущий. Эта?

Роза. Мягкий знак!

Ведущий. Достаточно.

Вспыхивает свет.

Теперь, я думаю, вы убедились, что Роза действительно видит руками. Разрешите от вашего имени поцеловать эту удивительную руку, точнее, этот глаз, который столько повидал на своем веку.

Евгений ЕВТУШЕНКО

Левый крайний

Я рос спортивным
человеком.
Я был то стоппером,
то беком,
Когда со Столпером
и Беком
Играть случалось
мне в футбол.
С трибун орали:
«Женька, шайбу!»
И, чтоб уважить
эту шайку,
Я становился
возле штанги
И забивал красивый гол.
В футбол играл
я с колыбели,
В Париже, Дели, Коктебеле.
Сводил болельщиков с ума.
И парижанки,
коктебелки
Со мной дружили,
как те белки,
Которым, в сущности,
до феньки
Футбол на станции Зима.
В моих ударах с ходу,
с лета
От русской песни было
что-то.

И раздвигались ворота,
Судья хватался за штаны,
Когда кричал голкипер
«Челси»:

— Евгений,
Я клянусь вам честью,
Что уважаю ваши песни,
Спросите у моей жены.

Да, были люди в наше время.
Они в добавочное время,
Прочтя мое стихотворенье,
Играли в «стенку» головой.
Плохая им досталась доля.
Но, впрочем,
хватит о футболе.

Теперь я знаю —
в вашей воле
Послать меня на угловой.

Николай ТРЯПКИН

Костромские страдания

...Эй, сюда, сюда, подруги,
Через буги, через вути...
.....
...Ах ты, курочка-цыпурочка с Калуги,
Ах ты, кралечка со всею Костромой!
Не хотите ли — сыграю буги-вуги?
Это, знаете ль, из Африки самой.

Дайте гусельки, спою об интуристе,
По-простому расскажу вам напрямик,
Как заехал к нам в деревню мистер Твистер
Примированный камаринский мужик.

Он, антихрист, дергал девушек за клипсы,
Фулюганничал, цитировал меня,
Каждой бабе возле бани делал книксен:
Не хочется ль, мол, пройтись в зелена?

Ах ты, барыня-сударыня-чувиха,
Выбирай себе товары по душе!
Аж зашлася сватья баба-повариха,
Увидавши чемоданчик-атташе:

— Ах ты гой еси, майн либер, футер-муттер,
Ай лав ю меня без загса полюбить?!
Аль приехал к нам из Африки на хутор
Специально, чтобы бабочек ловить?

Фу-ты, ну-ты, лапти гнуты, мама-папа,
Воленс-ноленс, по-простому говоря!
И в сердцах его послала «мэйд ин Джапан»,
Что понятно и ежу без словаря.

Петр ВЕГИН

В созвездии Вегина

Мальчики были паиньками,
Стали однажды
папеньками.

Ловят свою жар-птицу,
Чтоб под горчицу съесть.

Девочки были
маленькими,
Стали случайно маменьками, —
А потому, художники,
Кушайте то, что есть.

Да здравствует
мисс Евангелие!
В Ливадии или в Англии.
Если часы подводят —
Надо их подвести.

Похожий на спаниеля,
Беседует с пани Элей

Баскетболист из «Жальгириса»,
Хрупкий, как травести.

Курортные автоматика,
Хрипящие, как астматика,
Я без тебя, любимая, —
Как без монокля Швейк...
Туманное Шереметьево,
Диспетчер, пошире меть его,
Чтоб белошвейку шуйскую
Я одарил, как шейх.

О городские папеньки,
Не надо нам ставить памятники,
А рядом с бульваром Рождественским,
Разбейте Вегинский сквер.
Стою под звездой московской
На площади Маяковского
С томиком Вознесенского —
Андреевский кавалер.

Юрий КУЗНЕЦОВ

Елки — не игрушки

Я пил из черепа отца...

Декабрь зловещий подходил
К черте другого дня,
И сын у матери спросил:
— Где елка у меня?

— Пойди дорогой на закат
И сердце успокой,
Где ждет тебя твой старший брат
Под гробовой доской.

Где «баю-бай» поет метель
Из стали и свинца,
С корнями выдернешь ты ель
Из черепа отца.

— Иди, — ему сказала мать.
И хлеб с вином дала. —
Иди, тебя я буду ждать, —
И тут же умерла.

— Прости, родная сторона,
А я тебя простил. —
Он выпил горького вина
И ногти отрастил.

И в нем священный огонь взалкал,
Ведя его судьбу,
Он днем повозку слез толкал,
А ночью спал в гробу.

И там, где стала ночь светла,
Где филин звал гостей,
Там ель могильная росла
Одна среди костей.

Как смерть, он к елке подлетел,
Вонзил в нее металл
И волк от страха околел,
А заяц дуба дал.

Он через тысячу дорог,
Через озера слез
Приполз домой без рук, без ног
И елочку принес.

Она в гирляндах из костей
На праздник к нам пришла...
... И много, много радости
Детишкам принесла.

Валентин ПИКУЛЬ
Ботфорты всмятку

Василий Никитич Татищев (1686—1750 гг.), хотя и был некоторое время однофамильцем другого Александра — Радищева, но в то же время, будучи астраханским губернатором, род свой, по рассказам очевидцев, вел от Гогенцоллернов-Зигмарингенов и посему в дальнейшем повествовании участия принимать не будет за недостатком места.

К месту сказать, к тому времени, когда автор «Истории Российской с самых древнейших времен» благополучно почил в обозе, Гришке Потемкину (1739—1791 гг.) аккуратно стукнуло одиннадцать лет, и не мог он, как я, прочесть в учебнике истории для 7-го класса, что впоследствии станет он Григорием Александровичем, генералом-фельдмаршалом, фаворитом императрицы Екатерины II, а после присоединения Крыма получит титул светлейшего князя Таврического. Ходили, правда, слухи, что Светлейшим прозвали его за фонарь под глазом, который ненароком поставил князю его тезка граф Орлов (1734—1783 гг.) — лицо без определенных занятий. И будто бы первым пустил обидное словцо русский академик с бусурманской фамилией Рихман (1711—1753 гг.), убитый за это электрическим шаром. Впрочем, недолго оплакивала соплеменника императрица Екатерина II — немецкая принцесса Софья Фредерика Августа (1729—1796 гг.).

...Хороши в августе теплые июльские ночи, да уж больно скоротечны, как теплое течение Гольфстрим. И гуляет в поле Гуляйполе (г. с 1938 г. — в Запорожской области), покамест не развиднеется, а уж коль посветлело вдали — верный признак: мчится Светлейший, — и тогда прощай казацкая вольница, садись на корабли кронштадтские и руби саблями поганых янычар, коренных жителей Оттоманской империи.

...Встав с оттоманки, Гришка Орлов, генерал-фельдцейхмейстер, зевнул, почесался, поцеловал в губы императрикс и стал канючить:

— Мамка, дай миллиард до получки. Алехан отдаст.

...Отдавал богу душу граф Никита Иванович Панин (1718—83 гг.). Он сидел в масонской ложе анатомического театра, и на груди его тускло поблескивал тайный мальтийский орден. За окном шло строительство нового здания Коллегии иностранных дел, и было слышно, как перекидывались задорными шутками-прибаутками финские строители — вольные каменщики.

...На Каменном острове Екатерина II в ночь под Рождество не ложилась спать. Дождавшись, когда фрейлины и фавориты ушли к заутрене, она достала из перламутрового шкафчика бриллиантовую, засиженную мухами, чернильницу и, умакнув перо, села продолжать переписку с Вольтером:

«Милый батюшка, Мари Франсуа Аруэ. И пишу тебе письмо. Нету у меня ни отца, ни маменьки, только ты у меня, мин херц, остался. Христом Богом тебя молю, возьми меня отседа. Пропадающая моя жизнь, хуже собаки всякой. Не говорю о челяди — генералиссимус Суворов-Рымникский стал забывать, как звать-величать государыню. Шлет депешу за депешей: «Виктория, матушка, Виктория!..»

...Получив письмо, великий вольнодумец и вольтерьянец отбил язвительную телеграмму: «Возьми себе шубу, да не было б шуму».

...А шум на Руси стоял великий.

Пьяный Радзивилл, будучи в нетрезвом состоянии, в одиночку дрался со всеми железными канцлерами.

...Трещали такие трескучие морозы, что птицы падали на лету, подстреленные охотниками до рябчиков.

...Граф Аракчеев (1769—1834 гг.) командовал на плацу будущему императору Павлу: «На первый-второй рассчитайся!»

...Очередной фаворит шумел в покоях императрицы, требуя внеочередного повышения жалованья за ненормированный рабочий день.

...И шумели, шумели нескончаемые пиры. Сосед поил соседа, а на закуску подавали иноземные диковинки: английские пикули и парижскую клубнику. Пикунки и клубнички в то время было много. Это сейчас они идут по талонам за макулатуру.

Юрий НАГИБИН

Заявка на киносценарий

В кадре на фоне камышей титры:

«Путешествие из Люксембурга в Москву».

Вступают скрипки. Где-то за кадром на мотив Равеля поет дичь. Она поет торжественное болеро раннему среднерусскому утру. Из камышей, грациозно держа в зубах подранка и чему-то потаенно улыбаясь, выходит поджарая породистая такса, чем-то похожая на царевну Несмеяну.

«Несмеяна, ко мне», — командую я, и она грациозной трусцой приближается к автору этих слов. Зябко позванивая медалями и сиренево мерцая смуглыми, с лукавой сумасшедшинкой, цыганскими сумерками в древних татарских очах, она, грациозно грассируя, произносит по-французски:

— Пуркуа па, месье? Шерше ля фам*.

Наплыв. Крупным планом.

Из глубины салона на меня ласково смотрела Сикстинская мадонна. Она была без ребенка и в своей скромненькой, от Диора, форме бельгийской авиакомпания «Сабена», как будто бы только что сошла с замечательной картины художника Рафаэля, поющей торжественное аллегро-модерато счастливой матери-одиночке. Я невольно залюбовался неброскими статьями этой фламандской Гретхен и, замечтавшись, мысленно уже примерял ее на роль Дарьи, героини моего будущего, еще не выстраданного мной сценария, но с грустью подумал вдруг, что сейчас опять в моде профессиональные артисты.

Между тем милая хозяйка салона что-то смущенно произнесла по-немецки, и по выражению ее лица я понял, что пора расстегивать пристяжной ремень. Многоместный лайнер, чем-то похожий на чайку из кинофильма «Чайки умирают в гавани», грациозно подруливал к конструктивно изящному зданию Люксембургского аз-

*Проснитесь, гражданин, конечная. Самолет дальше не пойдет. Просьба освободить салоны.

ропорта. Бог весть, увидимся ли еще когда-нибудь с тобой, Марианна, чем-то похожая на Клеопатру?

Голос за кадром. Странное вообще впечатление производит на русского человека этот Люксембург. Видимо, по закону единства противоположностей столица Великого герцогства с ее магазинами, кафе и тротуарами совсем не похожа на столицу Бирмы с ее исторически сложившимся неприятием катания на тройках и уж ничего общего не имеет с Киото — древней столицей Страны восходящего солнца с ее гейшами, рикшами и мойщиками окон. Нет, нет. Домой!

В кадре восход солнца, камыши.

На фоне вулкана Фудзияма из конструктивно изящного здания Клязьминского пансионата грациозно выходит красивый элегантный мужчина в болотных сапогах, чем-то ужасно отдаленно где-то кого-то напоминающий.

Конец

Юлий КРЕЛИН

Ну-ка отними

Из жизни хирургов

Было три часа ночи, когда в разгар операции заведующего хирургическим отделением Глеба Максимовича Кошкина вызвал к себе главврач. «Опять по поводу лампочек в туалете», — подумал он, размыываясь. Кабинет главного был увешан медицинскими плакатами и призывами: «Отложение солей — болезнь не сахар», «Ячмень — болезнь века», «Если у вас чешется правая рука — это к экземе», «Развернем борьбу за совмещение нескольких операций на одном рабочем месте!»

Главврач был немолод — злые языки утверждали, что он давал клятву Гиппократу. Это был человек с лисьими глазами, козлиной бородкой и заячьей губой. По выражению его лица Глеб Максимович понял, что разговор будет не из приятных. И действительно, главный устроил ему разнос, накричал на него, и накричал, в общем-то, по делу. Месткомовской проверкой было установлено, что в хирургическом отделении не все было в порядке:

нянечки недостаточно хорошо были знакомы с последними публикациями в специальных зарубежных изданиях, медсестра Старухина позволила себе явиться на работу без маникюра, а ординатор Спасокукоцкий (однофамилец известного хирурга) опять в назначении спутал капельницу с клизмой.

Все, что говорил главврач, было справедливо. Если бы не этот его тон и не чернильница, которой он запустил в Кошкина в конце разговора.

Выйдя из кабинета, Глеб Максимович почувствовал себя плохо. Его слегка знобило, болела голова, першило в горле. Опытный врач, он понимал, что о консервативном лечении не может быть и речи, и попросил своего зама Лешу Пирогова (однофамильца великого хирурга) быстро прооперировать себя, но, по возможности, сохранить ногу.

3 часа 27 минут. В операционной собрался экстренный консилиум. Академики, члены-корреспонденты и просто светила, перебивая друг друга, решали, как быть, вспоминали аналогичные случаи из своей практики:

— А вот, говорят, утюгом хорошо...

— стакан перцовки с пургеном — и утром как рукой снимет.

— Приезжает муж домой из командировки, а у жены — Паркинсон...

Петя Филатов (однофамилец великого офтальмолога):

— Настаиваю на обследовании глазного дна. По моему методу — с помощью акваланга.

Жора Амударьян (однофамилец Рубена Сырдарьяна из 6-й больницы, ларинголог):

— Кто сказал «а-а-а», должен сказать «бэ-э-э».

Дима Сперанский (педиатр, однофамилец):

— А я утверждаю, что детей нужно лечить точно так же, как взрослых, только лучше.

3 часа 32 минуты. Коллеги из Парижа, Токио, Сыктывкара прислали в необходимом количестве редкие препараты: аспирин, йод, красавку. Спецрейсом была доставлена кровь из Вены.

3 часа 33 минуты. Операционная заполняется звуками музыки. До Глеба Максимовича доносятся слова песенки «Нынче здесь, завтра там» и короткие команды Ле-

ши Пирогова своему ассистенту Юлию Крелину (однофамильцу известного писателя):

— Марлю, тампон, скальпель, спирт, огурец...

Разные судьбы

(Из серии очерков «Герой нашего времени»)

Герой нашего очерка летчик-испытатель Щеглов был из тех, о ком в народе говорят: «хоть и не ладно скроен, да крепко сбит». Сбит он был дважды: первый раз — в районе бывшего Свердловска, где его «Як-40» приняли за американский самолет шпион «У-2», второй раз — в районе острова Сахалин, когда из-за неисправности локаторов его вновь по ошибке спутали с корейским пассажирским «Боингом».

На этот раз по личному заданию начальника КБ испытания должны были завершиться успешно. Штурманом с ним летел заядлый кореш Ваня Стрельченко.

— ...Ну, поехали, — скомандовал командир.

— Чтобы дома не журылись, — ответил напарник, и оба крякнули...

Самолет лег на крыло, потом — на другое и взлетел на воздух.

— Земля! Земля!! Вижу земпо!!! — неожиданно закричал штурман Ваня нечеловеческим голосом. Земля была в двадцати метрах.

— Сам вижу, не слепой, — ответил Щеглов.

— Приказываю прыгать. В случае чего, встречаемся на площади Свободной России у Белого дома. А жене скажи, что люблю ее пуще соседки Гали, у которой пускай заберет премию за четвертый квартал, «командирские» часы и шоколад из гуманитарной помощи.

...Парашют раскрылся для него с новой, совершенно неожиданной стороны. «Ситуация штатная. Падение произойдет в заданной точке СНГ», — доложил Щеглов по системе УВЧ начальнику КБ.

...Заданную точку операторы КБ при помощи тайваньских компьютеров первого поколения вычислили за считанные недели. Спасательные отряды на вездеходах,

собачьих упряжках, мотоциклах и подводных лодках прочесывали метр за метром окрестности подмосковного города Ивантеевка. Первым обнаружил Щеглова австрийский горноспасатель Хюнтер Понтер на спортивном «Вольво».

...Впоследствии командир рассказывал:

— Первым делом надежно зарыв парашют и доллары, я отправился в ближайший Дом крестьянина, где и переночевал. Сначала я пытался прокормиться в местном буфете, а потом, чтобы сэкономить силы, перешел на нелегальное положение в доме простой крестьянки Тани, которой я объяснил, что я певец Валерий Леонтьев, скрывающийся от разъяренных поклонников. По ночам прятался в погребе, так как Танин муж не поверил в легенду с самого начала.

...На этом можно было и закончить очерк, но мы чуть было не забыли о заядлом кореше, плясуне и балагуре, бесшабашном штурмане Ване Стрельченко. К сожалению, его судьба сложилась не так благополучно. Во время катапультирования неожиданно налетевшие порывы ветра забросили его в далекую неведомую Швейцарию, где он сейчас имеет маленькую виллу на берегу озера и двух очаровательных малюток. Иногда к нему на уик-энд заезжает так и не избавившийся от чувства вины перед русским парнем австриец Хюнтер-Понтер.

Виктор МАТВИЙКО

Хенде хох

Ах чужбина ты, чужбина...

.....

Никого я, кроме Гейне,

Знать не знаю, дуралей!

.....

...И кисти рук, затянутых в перчатки,
Предназначались для скольженья карт.

.....

И память жмет, как будто снова

Нас одолела немчура.

Ах чужбина, ты чужбина,

Камамбер и адюльтер —

Да стенанья Лознгринга

В переводе Алигер.

Что он слышал, этот Гете,

О поэтах из низов,

Об одесском аперкоте

О колоде в пять тузов?

Только фрау, только медхен,

А по-русски — ни му-му...

Ты Оксана или Гретхен —

Я чего-то не пойму.

Всюду шпили, всюду шпильки,

Интернет и чуингам.

Не хотите ли по Рильке

Или, скажем, по рогам?

То ль Одесса, то ль Ривьера,

То ль Монако на дому.

Я-то здесь какого герра? —

Вот чего я не пойму.

Случай на молочном заводе

Д [REDACTED]
ва лейтенанта, Петров и Брошкин.

шли по территории молочного завода. Все было спокойно. Вдруг грохнул выстрел. Петров взмахнул руками и рухнул замертво. Брошкин насторожился. Он подошел к телефону-автомату, набрал номер и стал ждать.

— Аллю, — закричал он. — Аллю! Подполковник Майоров? Это я, Брошкин. Срочно вышлите машину на молочный завод.

Он повесил трубку и пошел к директору завода.

— Что у вас тут... стреляют? — строго спросил он.

— Да это шпион! — с досадой сказал директор. — Третьего дня шли наши рабочие и вдруг видят: сидит он и молоко пьет. Они побежали за ним, а он побежал и в творог залез.

— В какой творог? — удивился Брошкин.

— А у нас на дворе триста тонн творога лежит. так он в нем до сих пор и лазает.

Тут подъехала машина, из нее вышли подполковник Майоров и шестеро лейтенантов. Брошкин подошел и четко доложил обстановку.

— Надо брать, — сказал Майоров.

— Как — брать?! — закричал директор. — А творог?

— Творог вывозить! — сказал Майоров.

— Так ведь тары нет, — сокрушенно сказал директор.

— Тогда будем ждать, — решил Майоров, — проголодается — вылезет.

— Он не проголодается, — сказал директор. — Он, наверное, творог ест.

— Тогда будем ждать, пока весь съест, — сказал нетерпеливый Брошкин.

— Это будет очень долго, — вздохнул директор.

— Мы тоже будем есть творог! — улыбаясь, сказал Майоров.

Он построил своих людей и повел их на четвертый двор. Там они растянулись шеренгой у творожной горы и стали есть. Вдруг они увидели, что к ним идет толпа. Впереди шел пожилой рабочий в очках.

— Мы к вам, — улыбнулся он. — В помощь. Сейчас у нас обед — вот мы и пришли!

— Спасибо, — сказал Майоров, и его строгие глаза потеплели.

Дело пошло быстрее. Творожная гора уменьшалась. Когда осталось килограмм двадцать, из творога выскочил шпион. Он быстро сбил шестерых лейтенантов и понесся через двор, ловко уклонившись от наручников, лежащих на крышке люка. Брошкин кинулся за ним. Никто не стрелял. Все боялись попасть в Брошкина. Брошкин не стрелял, боясь попасть в шпиона. Стрелял только шпион. Вот он скрылся в третьем дворе. Брошкин скрылся там же. Через минуту он вышел назад.

— Плохо дело, — сказал Брошкин, — теперь он в масло залез.

Максим ГОРЬКИЙ

Мать

(Новая версия)

Михаил Власов — отец Павла, муж Ниловны.

Слесарь четвертого разряда, член КПСС, «ударник коммунистического труда» на фабрике имени Горького. Мастер спорта по боксу. Держался со всеми высокомерно. Каждый праздник кого-нибудь избивал. 1 мая и 7 ноября регулярно ходил на демонстрацию, так как свято верил в светлое будущее. Пьяный, возвращаясь домой после демонстрации, он ставил в угол красное знамя и садился ужинать. Выпив две бутылки «Московской», он сбрасывал посуду со стола и глухим голосом, наводящим тоску, выл песню «Мой адрес — не дом и не улица, мой адрес — Советский Союз».

После его смерти мать осталась с сыном. К Павлу стали приходить новые друзья. Они говорили непонятные слова: баксы, ломщики, кидала.

— Это очень хорошие люди, — объяснял Павел матери.

Потом он стал приносить домой газету «Правда» и разрезал ее ножницами на мелкие кусочки.

— Это я делаю «куклу», — говорил он матери.

Однажды вечером Павел домой не пришел. Его посадили. Но на следующий день мать заняла место своего сына на Киевском вокзале у обменного пункта.

Антон ЧЕХОВ

На деревню дедушке,

или Письмо Ваньки Жукова из Израиля

Милый дедушка, Константин Макарыч. Пишет тебе твой внучек из Израиля. Сюда завез меня мой папа, юрист по национальности. Живется мне здесь очень плохо. Дядя Абрам, у которого я учусь сапожному делу, тыкает меня во время обеда харей в фаршированную рыбу. Жена его, Сарра Исаковна, заставляет учить иврит. А вчера приходил ребе и сказал, что на днях будет делать мне обрезание.

Милый дедушка, если можешь, забери меня отсюда!

Николай ГОГОЛЬ

Невероятное происшествие

Почти по повести «Нос»

Однажды, проснувшись утром, отставной майор госбезопасности Ковалев, посмотревшись в зеркало, увидел, что на лице у него вместо носа совершенно гладкое место.

В то же утро нос его проходил таможенный досмотр в аэропорту Шереметьево-2.

Прошло три года. Нос сделал себе обрезание, получил вид на жительство в Израиле и ходит Гоголем по Тель-Авиву. А отставной майор госбезопасности Ковалев до сих пор не теряет надежды получить от него вызов.

Но он, как видно, оставил его с носом.

Вот такое невероятное происшествие имело место быть совсем недавно.

А вы говорите: летающие тарелки!

Михаил ЗОЩЕНКО

Куриная слепота

В [REDACTED]
ообще-то у нас кур уважают, любят их, особенно есть.

И в связи с этим вот такая история произошла с одной четой супругов. Надо, правда, сразу оговориться, что чета была не очень молодая. Скорее, даже пожилая. Одним словом, он был просто старик, а она помоложе, но тоже старуха.

И вот они, эти старик со старухой, решили на склоне своих лет обогатиться. И ничего лучше не придумали, как купить курицу. Они хотели ее использовать как средство производства. То есть хотели, чтобы она несла им яйца, а они чтобы их продавали и получали прибавочную стоимость почем зря. Другими словами, они, курицены дети, хотели через эту курицу стать капиталистами и пожить напропалую.

И вот что из этого получилось. Курица эта, не будь дурой, взяла и перепутала что-то в своем обмене веществ и вместо простого снесла им золотое яйцо с 583-й пробой.

Они, эти старик со старухой, обалдели, конечно, от счастья и хотели это золотое яйцо тут же продать, а на вырученные деньги загулять под старость лет, если еще успеют. Но бабка оказалась такая проныра, что предложила деду продать это яйцо не целиком, а по кускам, чтобы выручить побольше денег.

Дед по дурости своей согласился, и стали они это яйцо разбивать. Сначала дед бил, бил — не разбил. Потом баба била, била — не разбила. Тогда позвали они слесаря-водопроводчика Мишку. Мишка прибежал со своим зубилом и раздолбал это яйцо за милую душу на мелкие кусочки.

И дед с бабкой стали продавать эти кусочки. Вот тут-то их и накрыли. А почему? Потому что проба-то была только на одном кусочке, а на других кусочках никакой пробы отродясь и не бывало. Кукиш там был, а не проба. И получилось, что они вместо обогащения получили поражение в правах с конфискацией всего имущества, включая и эту несчастную курицу.

А если бы они, скажем, это яйцо сдали как найденный ими клад, то им по закону четверть яйца отпилили бы, и будь здоров. И курица цела, и дед с бабкой сыты. Живи, как говорится, и радуйся, дурья твоя голова!

Исаак БАБЕЛЬ

Мишка Рябой

Мишка Рябой жил на Привозе. Об чем может думать человек с кличкой Рябой? Об том же, об чем думает человек с любой кличкой. Об том, чтобы заработать на хорошую жизнь.

У Мишки Рябого было на Привозе свое дело. Нет, это были не лошади, это были куры.

— Моня, — говорила ему жена Маня, — с этих кур мы можем иметь только ничего. Мы с них не разбогатеем.

Но если ему, Мишке Рябому, что-то ударит в голову, можете поверить: шишка от этого удара обязательно останется.

Куры неслись регулярно. Маня продавала яйца, но Мишка ждал, что какая-нибудь из этих проклятых кур снесет-таки золотое яйцо. Ему почему-то так казалось. Он об этом когда-то слышал. В детстве ему рассказывали сказку, а он принял ее всерьез.

Они с женой еле сводили концы с концами, и над ними смеялся весь Привоз. Вместо того чтобы воровать или хотя бы грабить, они с женой высиживали яйца.

— У человека должна быть мечта, — говорил Мишка Рябой, и он верил в свои слова. Он любил жену и хотел ей устроить светлое будущее уже сегодня.

Однажды утром он позвал ее в курятник и согнал с насиженного места рябую, как и его кличка, курицу. В пуху

и помете лежало золотое яйцо величиной с куриное.

Маня потеряла сознание и больше не приходила в него до вечера. Мишка отнес золотое яйцо назад ювелиру.

— Ну что, — спросил ювелир, — оно принесло вам счастье?

— У человека должна быть мечта, — упрямо сказал Мишка, — и она должна сбываться.

— Да, — сказал ювелир, — но, к сожалению, мечта одного человека чаще всего сбывается у другого.

Он положил золотое яйцо в футляр, и только после революции, когда яйцо реквизировали, ювелир понял, что оно было поддельное.

Он недолго смеялся над теми, кто его реквизировал. Наутро ювелира расстреляли за спекуляцию.

Инна Савельева (р. 1941)

Нота эмира Аршин-Малаланского
в Министерство обороны
Российской Эмирации

С [REDACTED]
Совершенно секретно*

8-го дня месяца рамадана

О досточтимый министр дел военных Российской Эмирации! Да благословит тебя Аллах за поставленную нам самоходку гаубичную «САМОХА 7—40». Не было еще такого мощного и смертоносного орудия на земле моего маленького, но свободного эмирата. Оно сеет трепет и ужас в сердцах соседей наших.

Имея скорость до 80 км в час, самоходка 6 раз в сутки пересекает территорию Аршин-Малалана от границы до границы, согласно технической характеристике свободно переходя русла рек глубиной до 5 метров (надо, однако, отметить, что от сотворения земли Аллахом воды в наших реках не водилось). При проведении учебных маневров гаубица самоходки стреляет со скоростью 96 снарядов в минуту и, при дальности поражения до 24 км, уже обеспечила создание мертвой буферной зоны между нашей страной и соседними эмиратами шириной в один эмират (1 эм).

Таким образом, даже в ходе учебных стрельб у Аршин-Малалана практически не осталось потенциальных противников, не считая Соединенных Штатов Америки, которые, по данным разведки, без всякого повода с нашей стороны готовят против нас операцию «Ураган в Малалане».

* Материал, по ошибке доставлен автору фельдъегерской связью МИД РФ.

Гаубичные стрельбы проходят настолько успешно и благополучно, что ни один снаряд, слава Аллаху, не упал на нашу святую землю и не причинил ей вреда, за исключением незначительных фактов общего характера:

1. Все солдаты регулярной армии и население эмирата поражены полной глухотой.

2. От сотрясения и звуковых волн эмирский дворец на 1,5 метра погрузился в барханы.

3. При канонаде вода из бассейна в гареме частично выплескивается и уходит в песок, а оставшаяся поступает на охлаждение орудия.

4. Восемнадцать из моих жен Аллах послал досрочные роды.

5. Телевизионное изображение на экранах страны дрожит и двоится.

6. Практически нереально прокормить экипаж самоходки, который составляет 8 человек, что чуть не вдвое превышает всю армию эмирата.

7. Замечательные технические характеристики самоходки позволяют брать на борт запас топлива на 800 км, что истощило нефтяной потенциал страны.

8. Супервысокая скорость стрельбы за неделю исчерпала почти весь боезапас арсенала.

9. Отработка поражения цели в темноте сбивает все трудоспособное население с ночного биоритма.

10. Соседние два эмирата неожиданно добровольно сдались в плен, и страна не имеет возможности поселить и прокормить пленных.

В связи с вышеизложенным, предлагаем в рамках договора о военной взаимопомощи взять на себя мероприятия по дальнейшей эксплуатации самоходки гаубичной «САМОХА 7—40» и обращаемся со следующей просьбой:

1. Ввести в строй еще одну нефтяную скважину с целью удвоения добычи топлива и построить нефтеперегонный завод на северном участке пляжа.

2. Чтобы обеспечить регулярную доставку снарядов и питания для орудийного расчета, оборудовать военный аэродром на заднем дворе эмирского дворца.

3. Вывезти в Сибирь сдавшиеся в плен два эмирата на срок до подписания конвенции.

4. Оказать военную помощь и взять на себя отражение американской агрессии и операции «Ураган в Малалане».

5. И, наконец, для максимальной стабилизации обстановки в регионе передислоцировать самоходку гаубичную «САМОХА 7—40» в приграничный район России, наиболее приближенный к эмиратам, и вести учебные стрельбы на территории поставщика военной техники.

Да благословит Аллах ваше министерство и да ниспошлет благоденствие всей стране! Мир дому вашему!

Эмир Аршин-Малаланский

P. S. А ну ее к Аллаху, эту вашу «САМОХУ»!

Александр КУШНЕР

Неудавшаяся обедня

Два священника с графом Оргасом
Обращаются как с керогазом...

Два священника, скинувши рясы,
Развернув монастырскую снедь,
Захотели на графе Оргасе
Свою скудную снедь разогреть.

Они ставят на графа кастрюлю,
На живот сковородку кладут
И, усевшись в сторонке на стуле,
Преспокойно горячего ждут.

Но напрасно служители культа
Будут ждать разогретый паек —
Граф скончался вчера от инсульта,
И не варит его котелок.

Все прощаются о графом Оргасом.
Внятно слышится горный хорал.
Он теперь уже не керогазом,
А, скорей, холодильником стал.

Юлиан СЕМЕНОВ

Мы помним чудное мгновенье

17.17.194... (17 часов 17 минут 17 секунд...)

Штирлиц обладал сведениями, что знание — сила. Именно это помогло ему оставаться человеком среди волков, для которых человек человеку — и волк и вол. Он много знал. А много будешь знать — скоро состаришься. Так, кажется, говорят у русских. И Штирлиц чувствовал себя устаревшим. Ведь он с утра до вечера был обязан смеяться, ходить в бассейн, кататься на машинах, пить коньяк, играть в теннис, нравиться женщинам, кушать бланманже, посещать варьете, ловить форель, носить смокинг — словом, он был обязан вкалывать. По большому счету. На полную катушку. Не переводя дыхания.

Вот и сейчас, засучив рукава, Штирлиц напряженно развалился в кресле. Опять раут. Стол до того заставлен едой, что делалось тошно. Вышколенный слуга неискренне согнулся перед ним:

— Персики, герр?

— Мытые? — машинально спросил Штирлиц по-русски и в то же мгновенье каким-то большим чувством разведчика понял, что промахнулся. И точно — на него в упор смотрел единственный стеклянный глаз лисы Флюгера.

Информация к размышлению (Флюгер): поросенок он самый настоящий, больше никто.

...Штирлиц запомнил, где видел этот загадочный нордический характер раньше, но, что видел, мог сказать точно, даже не глядя на него, как, не глядя, пригласил его к столу.

— Бельгия?

— Индия.

— Турция?

— Греция.

— Матка Боска?

— Миль пардон.

На мгновенье Штирлицу даже показалось, что они говорят на разных языках.

И опять вышколенный слуга неискренне согнулся — на этот раз перед Флюгером:

— Персики, герр?

— Почему? — неожиданно спросил Флюгер по-русски, и Штирлиц все понял без слов.

— Сороковой?

— Сороковой.

— Пушкинская?

— Елисеевский.

— Три?

— Четыре.

И на мраморных ступеньках дворца Принцессеншарлоттенбюстен Сысой Сысоевич с Абельмановки пожал руку Максиму Максимычу с Семеновской. А в углу устало улыбнулся слуга двух господ — их французский друг кюре Пюре, который временно оказывал бошам медвежью услугу.

Булат ОКУДЖАВА

Дневник кавалергарда

(По мотивам романа «Свидание о Бонапартом»)

...До двадцати пяти годков я токмо и занимался тем, что пуще огня боялся смерти. А потом меня начали преследовать болезни, закрутилась бесконечная маета по лекарям, и уже недосуг было помнить о косой. Болезни возникали с такой частотой, что я еле успевал заносить их истории в свой скорбный лист.

1 июля. Вступил радикулит. Его я честно заработал в седле. Причиной тому — положенная на седло вышитая мелким бисером подушечка, подаренная на прощание героически захваченной мною в полон парижской шансонеткой Сюзанной Гофрэ. При расставании со мной сия представительница сего прекрасного пола столь обильно рыдала, что подушечка сделалась сырой от слез. От этой сырости — присутствие радикулита.

2 июля. Сегодня хотел было лихо вскочить на коня, да помешали мои шпоры — шиловидные разрастания кост-

ной ткани в области пяточного бугра.

3 июля. Вступили дрожащие руки. По всей вероятности, это связано у меня тесными узами с гипертонией. Повышенное давление я героически заработал во время перехода Суворова через Альпы; вернувшись в родовое имение Капельки, безвозмездно передал его дражайшей половине своей Варваре Францевне, а та перед скоропостижной кончиной возвратила его мне.

4 июля. Я человек могучего здоровья — недавно перенес паралич на ногах.

5 июля. Появился жирок на брюшке. В каких героических передрыгах подхватил — не ведаю.

6 июля. Согласно установлению уездного лекаря, у меня имеется вода в колене, воспаление шейных позвонков, наследственная мигрень. Однако мне по-прежнему силу давать некуда, и я готов хоть сей секунд, несмотря на хроническую инфлюэнцу, отправиться на тайное свидание о кем-нибудь из тронутый распадом семьи Бонапартов, если не с Наполеоном, то по крайней мере с Жозефиной.

Юрий НИКУЛИН

Я внушаю доверие

(По мотивам мемуаров «Почти серьезно...»)

Однажды мы снимали кинокомедию «Пес Балбес в бутылку полез». Роль Балбеса исполняла овчарка по имени Тыква. Она познакомила меня со своим хозяином Эдуардом Сергеевичем, которого в группе называли просто Потапычем. Через минуту мы с ним подружились, а к моменту выхода на экран последней серии были уже на «ты». Однако с Тыквой контакта долго не получалось.

Однажды, когда Шуйдин гастролировал на даче, я для установления контакта пригласил Тыкву вместе с ее хозяином пожить в гардеробной старого цирка. Она согласилась.

Через несколько дней сижу в своей новой квартире, как вдруг раздается стук в дверь. Открываю — Тыква. Да не одна — верхом на ней хозяин. Тыква прошла в комна-

ту, усадила его в кресло, потом взяла меня зубами за шиворот и отнесла в гардеробную старого цирка.

По пути я понял, что наконец сумел внушить ей доверие: есть хозяин, а она все-таки пришла за мной. До конца съемок Тыква оказывала мне доверие, и при каждом проявлении доверчивости мое сердце переполнялось актерской гордостью.

«Вот, — думал я в перерыве между дублями, — у нее имеется породистый хозяин с хорошей родословной, который сейчас ничем не занят, лежит на диване, попыхивает сигареткой, но не ему, а мне, простому артисту, доверила она жить в гардеробной старого цирка, чистить ей по утрам зубы мелом, а медали — зубным порошком, трижды в день варить похлебку, потом колоть кости, подстригать когти, стирать подстилку, расчесывать шерстку, водить на прогулку, исполнять перед сном колыбельные клоунады...»
Здорово эта сука меня любила!

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Вариации на темы мультфильма «Ну, погоди!»

Травят Зайца!
 Веками травят.
 Травят в Африке
 и в Австралии.
 В Лотарингии
 и в Эльзасе
 Травят Зайца!..
 Травят Зайца!
 Несет цианистым!..
 Кто посмел
 быть инициатором?..
 Проклинаю
 того мерзавца!
 Травят Зайца!

Заяц был юн и неопытен. Он выскочил на поляну, ослепительно белый, как трусики св. Инессы. Гни, Косой!

Блещет фикса.
Хрустит манишка.
Волк страшон,
как анатомичка.
Вы рискнули б
с таким связаться?..
Травят Зайца!..
Морфинист,
доходяга, циник.
Грудь в наколках
и лапы в пышках.

Вот он, срам твой,
цивилизация!
Травят Зайца!..

Волку было под сорок. Он был безнадежно сер, как макинтош лондонского дальтоника. Атас, Косой!..

Травят Зайца!
Да как старательно!
Травят в прессе,
в кино, по радио.
В баснях, в пьесах,
в экранизациях
Травят Зайца!..
Травят Зайца!
Смотреть противно!..
Травят бомбами
и тротилом.
Безработицей, гриппом,
засухой
Травят Зайца!

Вспоминаю свой фотопортрет на страницах парижского «Фигаро». Самодовольная физиономия в заячьем малахае. Прости, Косой!

P.S. Он, усталый, лежал в снегу.
Полуангел. Полурагу.

Булат ОКУДЖАВА

Вариации на тему сказки
Корнея Чуковского
«Муха-цокотуха»

Ах, бывают всякие
в жизни карамболи,
Дивные события,
странные дела!..

На обычной улице,
а не в чистом поле
Муха — представляете? —
денежку нашла!..
Что случилось с Мухой,
резвой хохотушкой?..
Муха — не поверите! —
сделалась иной!
Не вульгарной Мухой,
а пикантной Мушкой
Над прелестным ротиком
Е.Карамзиной.
Ах, как это весело,
ах, как это глупо,
Ах, какое счастье,
ах, какой кошмар! —
Возле — представляете? —
Аглицкого клуба
Заприметил барышню
доблестный Комар!
Был он смел до одури
и красив до жути,
В звании поручика
и в расцвете сил,
И к тому же в юности
был замечен в смуте:
Графа Аракчеева
лично укусил.
Ах, какой любовью
встреча увенчалась,
Ах, того не выразить
кистью и пером!
Муха — представляете? —
тут же обвенчалась
С ихним благородием
оним Комаром!
Праздновали в среду,
накануне Пасхи.
Сколько было сказано
спичей и острот!

Целый вечер кушали
рыбу по-гишпански,
Целый вечер спорили,
прав ли Дидерот!..
Ах, какие славные
прежде были пьянки
Вист и философия,
нега и азарт!..
...Было это в Питере.
В доме на Фонтанке.
В щелке под обоями.
Много лет назад.

Юрий ЛЕВИТАНСКИЙ

Вот начало фильма. Дождь идет.
Муха вдоль по улице идет.

Крупный план. Усталый профиль Мухи.
Ей за тридцать. Она не в духе.

В том, как она курит и острит,
Чувствуется скепсис и гастрит.

Дальше в фильме вот что происходит:
Муха в луже денежку находит.
Магазин. Изделия из фаянса.
Еле слышный запах декаданса.

Крупный — невозможно крупный план:
В голове у Мухи зреет план.

За прилавком — грустный продавец.
Неврастеник. Умница. Вдовец.

В том, как он берет у вас червонец,
Чувствуются Чехов и Чюрленис.

Просмотрев предложенный товар,
Муха выбирает самовар.

Продолжение фильма в том же духе.
Муха дома. Мы в гостях у Мухи.

Том Хемингуэя. Бюст Вольтера.
Сиротливый привкус адольтера.

Тонкая французская игра:
Муха в ожидание Комара.

Он приходит. Он снимает плащ.
Он провинциален и ледащ.

В том, как он стыдится сантиментов,
Чувствуется бремя алиментов.

Тихо. Он молчит. Она молчит.
Самовар тем более молчит.

Он вздыхает. Муха понимает.
И из шкафа чашки вынимает.

Пьют без разговоров. Молча пьют.
Общий план. Всеобщий неуют.

За окном, в мерцанье сонных луж
Чувствуется острый Клод Лелюш.

Из цикла «Таганка-75»

Евгений ЕВТУШЕНКО

Мне говорил портовый грузчик Джо,
Подпольный лидер левого движенья:
«Я плохо понимаю по-русски, Женя,
Но знаю, что Таганка — хорошо!»

Потягивая свой аперитив,
Мне говорил знакомый мафиозо:
«Таганка, Женя, это грандиозно!»

Мадонна, мне бы этот коллектив!..»

Душою ощущая ход времен,
Забитая испанская крестьянка
Сказала мне по-русски: «О, Таганка!
Проклятый Франко, если бы не он...»

Звезда стриптиза, рыжая Эдит
Сказала, деловито сняв рейтузы:
«Ты знаешь. Женья, наши профсоюзы
Считают, что Таганка победит!..»

О том же, сохраняя должный пыл,
Мне говорили косвенно и прямо —
Рабиндранат Тагор, и Далай-лама,
И шахиншах... фамилию забыл...

Поскольку это шло от естества
И делалось отнюдь не для блезира, —
Спасибо вам, простые люди мира,
За ваши безыскусные слова!

Меня пытал главарь одной из хунт,
Он бил меня под дых и улыбался:
«Ну что, таганский выкормыш, попался?
А ну, положи блокнот и стань во фрунт!..»

Таганка, ты подумай, каково
Мне сорок лет играть со смертью в прятки!
Но я смолчал. Я сдюжил. Все в порядке.
Они про вас не знают НИ-ЧЕ-ГО!

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Таганка, девочка,
Пижонка, дрянь!..
Что ты наделала,
Ты только глянь!..

О Апокалипсис
Всея Москвы!..
Толпа, оскалившись,
Крушит замки!..

Даешь билетики!..
А им в ответ:
«Билетов нетути,
Физкультпривет».

Такое скопление людей я видел только трижды в жизни: во время студенческих волнений в Принвич-Виллидж, на фресках Сикейроса и в фильмах Бондарчука...

Очкарик в свитере,
Второй Кювье, —
О, как вам свистнули
По голове!..

Лоллобриджидочка,
Чернявый бес, —
Вы были в джинсиках,
А стали — без!..

Филолог с Запада,
Заморский гость, —
Где ваши запонки,
А также трость?..

Знаменитости стояли особняком. Банионис кричал: «Я — Гойя!» Ему не верили. Все знали, что Гойя — я...

Кассирша в ботиках
И в бигуди
Вопит: «О Господи,
Не погуби!»

Ату, лабазники!
Ату, рвачи!..
Как ваши блайзеры
Трещат в ночи!..

Пусть мир за стеночкой
Ревет в бреду!..

...Сижу, застенчивый,
В шестом ряду.

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Может, это прозвучит
Резко,
Может, это прозвучит
Дерзко,
Но в театры я хожу
Редко,
А Таганку не люблю
С детства.

Вспоминается такой
Казус,
Вспоминается такой
Случай...
Подхожу я как-то раз
К кассе,
Эдак скромно, как простой
Слуцкий.

Говорю, преодолев
Робость, —
А народищу кругом —
Пропасть! —
Мол, поскольку это я,
Роберт,
То нельзя ли получить
Пропуск?..

А кассир у них точь-в-точь
Робот,
Смотрит так, что прямо дрожь
Сводит:

— Ну и что с того, что ты —
Роберт?
Тут до черта вас таких
Ходит.

Вот же, думаю себе,
Дурни!
А в толпе уже — глухой
Ропот!
Да сейчас любой олень
В тундре
Объяснит вам, кто такой
Роберт!

В мире нет еще такой
Стройки,
В мире нет еще такой
Плавки,
Чтоб я ей не посвятил
Строчки,
Чтоб я ей не посвятил
Главки.

Можно Лермонтова знать
Плохо,
Можно Фета пролистать
Вкратце.
Можно вовсе не читать
Блока,
Но всему же есть предел,
Братцы!..

Я хочу опять войти
В моду,
Я за ваш театр горой
Встану.
Если надо, я набыю
Морду
Даже другу Бабаджа-
няну!

Я приду к нему, войду
Гордо,
Подойду к нему, скажу
Прямо:
«Я пришел набить тебе
Морду
За себя и за того
Парня!»

Это только я на вид
Бравый,
А внутри я — ого-го! —
Гневный,
Это только я на вид
Правый,
А внутри я глубоко
Левый.

...Но меня, чтоб я не стал
Драться,
Проводили до дверей
Группой...
Я Таганку не люблю,
Братцы,
Нехороший там народ,
Грубый.

Предисловие автора

Мри эти пародийные пьески написаны в разные

годы. «Мария» — в 1970-м, на излете «героической» советской драматургии, «Вера» — в 1982-м, в ее «чеховско-экологический» период, «Калгановна, или Трое мужчин в исподнем» — отклик на появление современной драматургической чернухи.

В.Ж.

Мария

Полярный полдень. Тихо в поселке Смирном. Тихонько поскрипывают льдины. Лишь в палатке профорга экспедиции Марии Аверьяновны Паничевой мерцает слабый свет. Лежа на козлах, Мария вырезает себе аппендицит. Ей ассистирует только что приехавший из центра Ефрем Бабачев. Он держит зеркало.

Мария. Ты, Ефрем, держать будешь как надо или зайчиков пускать?

Ефрем. А не надо шуток мне, Мария. Вчера в крайкоме Примасов ребром ладони вопрос поставил. Не будет льда — беда. Ты же умная женщина, Мария, должна понять: стране лед нужен — серебряное золото!

Мария. По старинке хозяйствуешь, Ефрем... По-дедовски. Задним умом вы там в крайкоме крепки.

Ефрем. Хозяйство у вас огромное, ресурсы неограниченные. Если не держать народ в кулаке...

Мария. Опоздал, Ефрем Фрегатич! Нынче не удержишь народ в кулаке. Смеются люди, когда их в кулак пытаются зажать.

Смеются. А не таким ты был в войну, Ефрем, не таким.

Затемнение. В свете прожектора идут навстречу друг другу молодые Ефрем и Мария.

Мария. Ефрем!

Ефрем. Мария! Кончится война, Маша, — учиться пойду. Сначала в третий класс. Грамоту освою. Считать научусь До семнадцати. Большим человеком хочу стать!

Мария. Красивый ты, Ефреша, и мечта у тебя красивая. За мечту ты мне и люб.

Пролетает пуля.

Ефрем. Пулю пымал! Горячая.

Мария. Как чувство наше!

Снова наши дни.

Мария. Пулю эту сохранила я, Ефрем. Не меня обманул ты — мечту свою обманул. Отрезаю тебя, Ефрем Бабачев, лишний ты в жизни, как отросток этот, лишний.

Мария заканчивает операцию. Входит радист метеостанции Митя Клоакушкин.

Клоакушкин. Мария Аверьяновна! Там льдину отгрызает, а пришить нечем... Сами знаете, как со снабжением у нас.

Мария. Ничего, Клоакушкин, пришьем. Я шов распушу.

Мария и Клоакушкин выходят. В смятении мечется Ефрем Бабачев по сцене. Да, это его, Ефремова, вина, что на далекую полярную экспедицию вовремя не завезены нитки! Не пришьют льдину — уйдет она в океан, примет ее в недра свои Ледовитыгч — и пить стране теплое шампанское. Думай, Ефрем, крепко думай!

Ефрем. Будут нитки, будут! Я носок распушу!

Ефрем выбегает, входит доктор.

Доктор. Хозяева! Врача вызывали? О! Аппендикс чей-то. Опять без меня управились.

Со двора слышны крики.

Митя. Мария Аверьяновна! Да куда ж вы нагая! Застудитесь!

Мария. Ничего Клоакушкин, я баба жаркая!

Доктор (смотрит за окно). Нет, никогда так называемым господам Шульцам да Смитам не понять наш характер.

Митя. Прострочили, Мария Аверьяновна?

Мария. Намертво, друг мой, намертво.

Доктор. Никогда!

Конец

Вера

Действующие лица:

Вера — лесничая, 36 лет.

Игорь — ее сын, 45 лет.

Андрей — его сын — 60 лет.

Белобров — директор комбината, практически бессмертен.

Силантий — 12 лет со строгой изоляцией.

Сторожка Веры. При свете горящей тайги хозяйка дочитывает роман «Анна Каренина».

Вера. Какая сильная, какая потрясающая книга! Как хотела бы я повторить подвиг Анны.

Входит Белобров. Садится. Долго молчит.

Белобров. Позвольте войти?

Вера. Входите, если не шутите.

Белобров. Этим не шутят, Вера.

Остается сидеть. Входит Игорь.

Игорь. Это я, мать.

Вера. Не говори глупостей, сынок. Это я, твоя мама, а ты мой большой глупый сын. Отчего ты сидишь, уронив сильные руки на натруженные колени?

Игорь замечает Белоброва.

Игорь. Кто это?

Вера. Это Белобров. Он вместо отходов спустил в реку всю готовую продукцию своего комбината и скоро предстанет перед судом.

Белобров. Да. Люблю я вашу маты!

Вера. Что за постоянный треск за окном?

Входит Андрей.

Андрей. Это я поджег тайгу.

Игорь. Глупо.

Входит Силантий. Садится, долго сидит.

Силантий: Пустите погреться.

Вера (указывает за окно). Тогда вам туда.

Андрей. Сейчас займется сторожка.

Силантий. Чем?

Андрей. Пламенем.

Игорь. Дымно здесь. Не курите, Силантий. (Теряет сознание.) Я куда-то потерял сознание.

Вера. Возьми мое!

Это конец первого акта. В дальнейшем все зависит от Силантия: если он заметит ружье, неосторожно поставленное Андреем между колен Белоброва, может что-то произойти, если нет – пусть пеняет на себя.

Калгановна, или Трое мужчин в исподнем

Федор — приходит из тюрьмы.

Исмаил — приходит с работы.

Фалагей — приходит из армии.

Рейган — кот.

Калгановна (коту). Родить-то я его родила, в каком месте — помню, а каким — не упомяну. А кушать в те поры мужчинам и женщинам нечего было — было раскулачивание. И тебя бы раскулачили. Пришел бы активист, глянул на твоих котенят: «Хто такие?» А ты ему: «Это мои котеняточки, ношенные-береженные». А он тебе:

«Врешь, кулек кулацкий! Это твои работники!» Дернул бы с-под тебя подстилку для нужд народного хозяйства, а тебя в Сибирь отправил. Был бы ты сибирский кот. Пей молоко, Рейган, пей не вороти личико. А у меня молочка не было. Корой детеныша моего кормила. Вот пошла я за корьем, а там заяц деревце дерет. Я его за живот поймала: «Отдай пропитание, белая голова!» Он недобрыми глазами посмотрел и отдал. И где теперь тот заяц, где сынок мой роженный — не ведаю.

Входит Федор.

Федор. Буду у тебя тут жить.

Калгановна. А живи. Строение прочное.

Федор. Денег тебе платить не стану.

Калгановна. Да и на што? У меня пенсия шестнадцать рублей и бутылка молочная не сдана.

Федор. А может, ты старая старуха, умрешь, освободишь помещение?

Калгановна. Может, и умру. Тогда ты Рейгана моего корми. Он по строгому режиму пищу кушает.

Федор. Накормлю. Я сам со строгого режима.

Входит Исмаил.

Исмаил. Калгановна, у тебя соли есть?

Калгановна (Федору). Это нехристь Исмаил. Рабочий человек. Любит кушать соленое.

Исмаил. Соль любит.

Калгановна. А зачем тебе всегда ко мне ходить, ноги бить? Ты тут, около солонки, и живи. А твою комнату мы заколотим.

Исмаил. И то.

Федор. Соль еще есть бертолетова, английская и в колленках. Я ее добывал.

Исмаил. Из коленок?!

Федор. Из недр земли. Добывал, когда наказание отбывал.

Входит Фалалей.

Фалалей. У вас случайно не сдается помещения для уволенного в запас из рядов Советской Армии?

Калгановна. Живи. Ты молодой человек. Тебе жить надо.

Фалалей. У меня есть начатые консервы и гражданская профессия — оконченное парикмахерское училище.

Федор. У нас бы тебе цены не было.

Калгановна. Рейгана мне к лету подкоротишь. Потееет животное.

Федор. Отвернитесь, мужики.

Фалалей и Исмаил. Зачем?

Федор. Калгановну хочу убить. Обещала помереть, а сама все существует.

Фалалей. Во! А я на ней, неживой, на прическах потренируюсь!

Калгановна. Правильно. Мертвый волос хорошо растет. (Федору). Ты чем меня порешишь?

Федор. Да никак не решу.

Исмаил. Если соли человеку долго не давать, человек сам окончится. Человек без соли не может.

Калгановна. Вот я утюжок в полотенчику завернула. До свиданьица всем.

Все. Будь здорова, бабушка!

Федор убивает ее.

Фалалей. Волосяной покров не испортил?

Федор. Все аккуратно.

Исмаил. Рейган ожеребился! Раз-два-три... Двенадцать щенков.

Фалалей. Вот бы Калгановна обрадовалась. Ну ничего, я ее зато красиво уложу.

Исмаил. В гроб?

Фалалей. Не. Голову ей уложу.

Федор. Надо нам теперь жить дружно. На нас большая ответственность — двенадцать живых существ.

Исмаил. Зачем двенадцать? Тринадцать! Рейган-то!

Федор. Его тоже надо убить.

Фалалей. Для ча?

Федор. Чтобы котят труднее растить было. Ступай за водой, Фалалей, кота утопить, а котят с Калгановной обмыть.

Исмаил. Правильно.

Федор. Трудно. Страшно. Да только в трудностях и очищается и осознает себя человек.

Фалалей и Исмаил (опуская Рейгана в ведро). Только в трудностях!

Конец

Два подражания русским эзопам

(Совместно с Е. Вербиным)

1. Бонвиван и мызник

Один приезжий Бонвиван,
Что путь держал к швейцарским кислым водам,
Спасаясь от дождя и непогоды,
На мызу завернул изящный свой рыдван.
Брыластый Мызник, распрягая цуг,
Был щеголем через лорнетку спрошен:
— Как ты, мой друг, дородный и хороший,
Проводишь дней своих мужской досуг? —
И, оглядев обширный скотный двор,
Конюшню и овин, курятник и свинарник,
Где грудились скоты, продолжил разговор:
— Уж ли лишь этим тварям ты напарник? —
Лукавый Мызник, оправляя брыль,
Ответил с важной миной эскулапа:
— Мой косподин, а фам не кофориль,
Сдесь у меня есть кой-какая папа —
С поклоном отведен к ночлегу Бонвиван,
Но гонит купидон ленивого морфея,
Влекомый запахом мастики и шалфея,
Амуришник покидает свой диван.
На полупальцах движучись сквозь тьму,
Ведомый тягой к продолженью жизни,
Он ищет бабу, нужную ему,
Что «папою» назвал брыластый Мызник.
Блаженный миг настал. Повесы цель близка,
Увенчаны Парисовы исканья, —
Во тьме он слышит робкое дыханье,

И нежных персей мнится трепыханье,
И мощных лядвий мнится колыханье,
И за наградой тянется рука...
Стыдливый дерзким сброшен прочь покров...
Вдруг свет свечи... Ошибка! Роковая!
В ночной рубаше, в колпаке, зевая,
Промолвил Мызник, папу укрывая:
— Не трогай папу. Папа нестороф.
Воистину среди чухонских мыз
Любой подстерегает нас сюрприз.
Мораль проста: не хочешь инциденту —
Не доверяй акценту.

2. Перс и Утконос

Смердящий перс, завидев утконоса,
Решил такой задать ему вопрос:
— Я перс. Ты отчего же утконос? —
Не выдержав подобного допроса,
Австралий сын нырнул в свою нору,
Где сел за сочинение доноса.
И начал так:
«В свидетели беру
Почтенную ехидну, кенгуру,
И прочую летающую особь.
Почто же ты, вонючий сын Алжира,
В то время как я мирно яйца нес,
Лишил меня указанного мира,
Спросив меня, почто я утконос?
Я требую к ответу лиходея,
И, дабы он отныне не грешил,
Прошу звериный суд, чтобы злодея
Сумчатый волк яиц его лишил».
Звериный суд, прочтя сию депешу,
Немедленно обрезанца призвал,
И сам себя когтистой лапой теща,
Арабского туриста вопрошал:
— Почто же ты, виновник инцидента,
Наш посета зеленый континент,

Обидел украшение контингента
В неподходящий для него момент?
И то, что не дал ты ему снести,
Я волку прикажу твое съести!
(Меж тем сумчатый, раздувая сумку,
Зубчатой пастью в нетерпенье хрумкал.)

Ответчик в страхе было рот отверз,
Уже предсмертным исходя смерднем,
Но был предупрежден предупреждением:
— Он утконос. А ты почто же перс? —

В недоуменье мусульманин смолк,
Достойного не находя ответа...

Тут сумчатый за дело взялся волк,
И все, что надо, было вмиг отъето...

Мораль проста:
тревожно наше время,

Плодятся утконосы-стукачи,

И коль не хочешь кончить жизнь

в гареме —

молчи.

Кайф пойман

Крутой детектив

Я [REDACTED]
агент иностранной разведки Джон Кайф.

Родился по заданию ЦРУ. Обучался в лучшей разведшколе одной неизвестной империалистической державы, находящейся на территории Соединенных Штатов Америки. Я в совершенстве владею 14 языками, телепатией, йогой и каратэ, умею соблазнять женщин на расстоянии, стрелять из указательного пальца, пистолета, зажигалки, авторучки, пуговицы (из всех четырех дырок сразу), а также плевками тушить фитили, бикфордовы шнуры, костры и небольшие пожары.

Год назад от шефа своей разведшколы я получил следующее задание.

Первое: незаметно проникнуть на территорию СССР, пересечь на трамвай и под видом дипломника, окончившего технический вуз, устроиться на работу в научно-исследовательский институт НИИБУМБУМ.

Второе: прилежно работая в институте, за год или два выяснить, что проектирует этот институт. Сколько людей в нем работает.

Благодаря отлично оформленным документам я действительно быстро устроился на работу. И пока моими потерями были только самострельные пуговицы, которые мне в первый же день оторвали в трамвае,

Поскольку первую неделю мне не поручали никакой работы, я сам потихоньку начал расспрашивать всех служащих о том, что они проектируют. Но они этого точно не знали сами. Тогда я решил воспользоваться телепатией и перехватить мысли главного инженера. Но он

весь день разгадывал кроссворд и думал, что это за птица из пяти букв, которая живет в Южной Баварии, яиц не несет, но из них выводится. Причем, думал он так напряженно, что мой сеанс закончился перенапряжением моего мозгового телепатического центра и я навсегда потерял способность к телепатии, хотя точно знал, что эта птица — петух! От отчаяния я решил посчитать служащих в институте и стал ходить по комнатам, но это оказалось бесполезно, потому что все остальные служащие тоже ходили по комнатам. И у меня получались явно завышенные данные, потому что многих я уже посчитал по 9 раз!

Тут я был встречен начальником своего отдела, который вдруг сказал:

— Хватит без толку шляться по коридорам! Пора заниматься делом! Завтра поедешь на картошку!

Я спросил его, что это значит — «поедешь на картошку»?

Он меня переспросил:

— Ты что, придурок или из Америки приехал?

Я так перепугался, что сказал: «Я придурок!» — и срочно связался с шефом, который меня успокоил и объяснил, что «поехать на картошку» в СССР означает условное название сельскохозяйственных работ, во время которых колхозники помогают работникам умственного труда собирать урожай.

Поскольку, учась в разведшколе, я как-то ни разу «на картошку» не ездил, я очень боялся, что мое неумение обращаться с ней вызовет подозрение на фоне тех, кто обучался этому в различных научно-исследовательских институтах много лет. Поэтому я очень старался, работал без перекуров, за что в первый же день был избит коллегами по полю. Их было пятнадцать человек. Я хотел применить против них семь приемов маоши и восемь — иока-гири, но не успел... был применен неизвестный прием, который один из нападающих назвал «рессора от трактора «Беларусь». С тех пор я стал прихрамывать на обе ноги и перестал владеть приемами каратэ.

По окончании сельскохозяйственных работ я снова не смог приступить к выполнению своего задания, пото-

му что меня тут же послали как молодого специалиста на строительство институтской подшефной недостройки! Где я работал два с лишним месяца третьим учеником четвертого мастера по укладке кирпичей шестого сорта со знаком качества.

Невероятным усилием воли я взял себя в руки и даже попытался, не тратя времени зря, выяснить секрет новой бетономешалки с программным управлением и сложнейшей коммутационной перфокартой. Я спросил мастера-наладчика о порядке ее работы, на что он мне ответил:

— Слухай сюда! Положь колдобину со стороны загогулины, а сам где-нибудь приляжь рядышком, подальше... Потому как она в это время шмяк, тудыть, сюдыть, елки точеные, ерш твою медь... И ждешь, пока остынет. Остыло — подымаесси, вздыхаеешь... Осторожненько вздыхаешь, про себя! Шобы эта дылда не рванула, и бегишь за угол за чекушкой! Потому как пронесло!

Записанный мною за мастером порядок работы бетономешалки был немедленно передан мною в центр. Восемь недель опытейшие шифровальщики бились над ним, но так и не смогли разгадать, что означает научный термин «ерш твою медь!».

Я тоже не успел этого выяснить, потому что прямо со стройки меня забрали на курсы английского языка, с которых я был отчислен за неуспеваемость, потому что преподаватель не понимал моего чистого английского произношения.

За остальные три месяца пребывания на работе я пять раз посещал овощную базу, четыре раза — народную дружину, где сначала мы хулиганов ловили. А как мы их поймали, так они нас бить начали.

За это время я стал в принудительном порядке членом добровольного общества бега босиком по снегу под названием «Стопами Суворова!». А также обществ: НИРС, ВОИР, ШПД, ВКК, ЁКЛМН и КУКИШ! От такого количества общественной работы у меня начались невыносимые головные боли, но бюллетень врач не выписал, так как, прослушав мою грудную клетку, живот и голову, установил диагноз «плоскостопие»! И надел на меня орто-

педические сапоги, в которых я не могу ходить даже с костылями.

Я пытался покончить жизнь самоубийством. И лег на рельсы неподалеку от Ярославского вокзала. Но поезд из Владивостока опаздывал на 18 часов, и я так замерз, что вынужден был пойти в гастроном, чтобы согреться на семь рублей, оставшихся от моей последней зарплаты после уплаты всех членских взносов.

Там, выпив, я рассудил трезво. Поскольку я потерял все средства к существованию, не выполнил ни одного пункта задания, позабыл все знания, полученные мною в разведшколе, у меня оставался только один выход — сдаться!

Выпив для храбрости еще немного, я подошел на перекрестке к первому попавшемуся милиционеру и сказал ему, что я иностранный резидент. На что он мне сказал:

— Раз ты резидент, то мы тебя сейчас и отправим в резиденцию!

И отправили меня в вытрезвитель, где я сейчас и нахожусь и пишу эту объяснительную записку, а главное — прошу настоятельно учесть, что я иностранный резидент, хочу добровольно сдаться, и поэтому меня надо срочно переправить в соответствующее заведение...

Резолюция директора вытрезвителя на объяснительной записке: «Гражданин, называвший себя иностранным резидентом, действительно попал к нам не по адресу. И был переправлен нами в соответствующее заведение, где теперь и пребывает в одном номере с Наполеоном, Александром Македонским и астронавтом с Альфа-Центавры, который прилетел к нам, чтобы купить пленки с записями песен Бюль-Бюль-оглы».

Приказ:

«Всем сержантам, старшинам, лейтенантам, капитанам, майорам, полковникам, умело сыгравшим роли научных сотрудников, колхозников, строителей, врача-ортопеда, учителя английского языка, за создание невыносимых условий работы и жизни опаснейшему разведчику Джону Кайфу объявить благодарность!!!

Именными песочными часами наградить машиниста скорого поезда «Владивосток — Москва», а также повы-

силь в звании старшего лейтенанта, так убедительно сыгравшего роль рессоры трактора «Беларусь»!»

Задание выполнено! Кайф пойман! Если и дальше мы будем так работать, мы их всех изведем, товарищи!

Людмила ПЕТРУШЕВСКАЯ

Выбранные места из букериады

Вот такую я сценку написала с полным критицизмом в свой адрес и с полной объективностью...

У [REDACTED] моляю вас, не читайте этого никогда, никогда!

Меня звали на бренной земле Анна, я никому не желала зла, всех любила и вела себя как английская королева.

Но четыре аборта на полставки исключительно по причине безумных и чистых надежд плюс два стакана чая с сахаром и с мордобоем плюс солнышко мое с ненаглядной попкой плюс отчаянье на продавленном диване плюс два гонорара к майским и октябрьским, которые тут же ушли на такси, — это же сумасшедшая цифра!

А тут еще в мою святая святых входит без спросу один хмырь, кодовое название — читатель. После признаний в любви, коварных комплиментов и клятв в верности до гроба этот типичный искатель московской прописки с гнилыми зубами и задатками педераста оскорбительно намекает, что весь этот ад, этот кошмар, эта попытка душевная становятся под моим пером устойчивым литературным приемом. Я спорить не стала, потихоньку позволила от дуры соседки и сдала негодяя прямо в Кашенко, где ему самое место.

— Господи! — возопила я. — Годами не видеть в жизни ничего, кроме крошечного ужаса! Должна же, должна, должна быть за это какая-то награда!

Фридрих ГОРЕНШТЕЙН

...Мне уготована иная судьба — жениться на России, на этой тысячелетней изнасилованной вдове.

Зовут меня Гоша Иудышев, и для начала я должен, по-видимому, подробно и обстоятельно рассказать, когда и в каких исторических условиях я родился. Если быть совершенно точным, родился я еще в прошлом веке, и жизнь мне дал известный в ту пору беллетрист Ф.Д., вытащивший меня на свет из моего подполья. События, тогда со мною происшедшие, хорошо известны, и напоминать о них здесь я не считаю нужным. Однако для полного осуществления и разрешения идеи мне, признаюсь, все-таки не хватало места, которое я получил лишь сто лет спустя после того, как благодетель мой писатель Ф.Г. с присущей ему щедростью предоставил в полное мое распоряжение около восьмисот пятидесяти страниц романного текста.

Из своей петербургской каморки я перебрался в провинциальное общежитие, где, живя экономно, избегая мясных и рыбных консервов, воздерживаясь до поры от покупки черного двубортного костюма, стал терпеливо ждать, когда мир завертится вокруг меня, как вокруг своей оси. К этому, однако, не было никаких видимых оснований, и мне пришлось изрядно помаяться, пока великодушный автор не перевел меня в столицу, где я сделался осведомителем компетентных органов. Свою деятельность я осуществлял в тайных кружках, которые специально для меня были переброшены из времен «Бесов» во времена хрущевской «оттепели». Впрочем, впоследствии события, к коим я оказался причастен, были оценены как художественное пророчество, не важно чье — Ф.Д. или Ф.Г.

Между тем мне стали на каждом шагу плевать в лицо, и в соответствии со своим литературным архетипом (Иуда, Свидригайлов, Смердяков) я вознамерился свести счеты с жизнью путем самоубийства. Но автор отговорил меня от подобного шага и убедительно попросил дотянуть в качестве зловеще-символического художественного образа хотя бы до того времени, когда будет учреждена Букеровская премия.

Владимир МАКАНИН

«Для объема надо копать в сторону».
— «В какую?» — «В какую хочешь. Это
все равно. Но не вглубь...»

Было время, когда лаз расширился, и туда полезли все кому не лень. Но потом дыра снова стала узкой, и в нее теперь попадают только по персональным приглашениям оттуда. С оплатой пролаза в обе стороны.

Ключарев заполняет таможенную декларацию и кладет ее в нагрудный карман рядом со списком покупок, которые необходимо сделать там.

Ключарев лезет. Ему трудно. Грунт твердый. Столько сочинителей уже пользовались этим сюжетным ходом, но он по-прежнему остается негладким. И фразы идут такие шершавые, царапающие — читателю тоже нелегко будет пробираться.

Наверху сейчас худо. Телефоны-автоматы выведены из строя, в магазинах ничего не купишь, транспорт ходит нерегулярно. Да еще в автобус может ворваться внезапно группа людей и разуть всех, кто в «Саламандре». У Кабакова в «Невозвращенце», правда, было еще покруче: там уже по Москве никто без собственного «калашника» не ходил. Но Ключарев об этом не слышал: с кабаковским персонажем там он не встречался — а в Москве кто кого когда видит? В общем, наверху царит типичная антиутопическая картина темного будущего.

А внизу — и врачи приличные, и лекарства, и магазинчиков полно, и все открыты.

Ключарев лезет.

Но на этот раз внизу его ждет неприятная неожиданность. Никто не говорит по-русски. С витрин книжных магазинов исчезли книги о Ключареве.

Наверное, это сон. Ключарев пытается себя ущипнуть и вдруг понимает свою ошибку. Он лез туда, а премия теперь присуждается здесь. Он устал, он может опоздать. Но, собрав последние силы, он лезет вверх.

Владимир СОРОКИН

— Друзья, без паники, без паники! — Ребров встал, подошел к Александре Олеговне. — Мама, у нас для тебя есть подарок, который ты должна получить в уходящем 1990 году.

— Что это за подарок?

— Без суеты! — Ребров встал позади старушки. — Мама, закрой глаза.

Старушка закрыла глаза. Ольга взяла ее за левую руку, Штаубе за правую, Ребров вынул из кармана удавку, надел на шею Александры Олеговны.

Над русским лесом и поднятой целиной плыли облака заре навстречу. Позади остались клятва, жатва и битва в пути, но беспокойные сердца бились до конца. Иудышев не спеша достал из кармана белого халата пачку концептов, распечатал ее, нажал на гашетку и перевел структуру в режим соцарта.

— Были, конечно, неувязки, но все-таки мы астафьевских обставили, — с веселой хитринкой в усталых глазах проговорил он. — Верной оказалась установка на яросвет, перемат и капиталистическое. Премия Букера будет за нами.

Сидевшие у костра Анна, Лида, Ключарев и Лизавин дружно зааплодировали. Решено было по такому случаю устроить сабантуй. Открыли сундучок с Милашевичем, нацедили из старика литр крови, чокнулись. Закусили неприличным.

Дожевывая копченый орган, Иудышев вдруг помрачнел и судорожно выпалил:

— Но есть информация, что засевшие в сферах вредители намереваются сдернуть с романа «Сердца четырех» завесу легендарности и таинственности.

— Как? — растерянно пролепетала Лида.

— А так. Опубликуют его — и все.

— Это гадко! — воскликнула Анна. — Надо же все-таки быть порядочными людьми.

Ключарев заплясал вокруг костра, выкрикивая:

— Мене, альфа, текел, бета, фарес, си-бемоль, бир манат, пуэр, веспер, твою мать!

— Тешип охолп отсорп никорос! — вторил ему Лизавин.

Из леса показался читатель.

— Хватайте его! — приказал Иудышев. — Знаешь, сволочь, что мы сейчас с тобой сделаем?

— Опять публично испражняться станете? — грустно спросил читатель.

— Хуже! Мы тебе дырку в голове просверлим, и туда...

— Да не боюсь я, — с неожиданной дерзостью отпарировал читатель. — Я боюсь только одного: когда мне скучным чтением все мозги заси... загрязняют. А ваши чернушные надуманные кошмары все равно бледнеют перед простой уголовной хроникой.

— Огоны! — скомандовал Иудышев.

Автоматными очередями были скошены сотня читателей, три десятка номинаторов и жюри во главе с Латуниной.

А персонажи сами собой растворились в зимнем воздухе: 6, 5, 4, 3, 2, 1, 0.

Анатолий РЫБАКОВ

Те еще годы

(По мотивам романов «Дети Арбата»,
«Тридцать пятый и другие годы»)

1

Толя Демократов не знал, знает ли Сталин обо всем этом. Утром его следователя Федора Дубаренко вызвало к себе начальство и сказал:

— Слушай, Федь, пора кончать с Демократовым.

— Но он же не раскалывается.

— Если сегодня дело не будет закрыто, завтра раскалывать будем уже твою дубовую голову.

На допросе Дубаренко протянул Толе заранее заполненный форменный бланк: «Являясь, как и все паршивые интеллигенты, врагом народа, я...»

— Я этого никогда не подпишу. — сказал Толя.

— А твоей подписи и не надо, — злорадно хмыкнул следователь. — Неопытен ты, Демократов. Пляди-ка: вот твой конспект лекций в институте, переданный нам твоим дружкой, литературным критиком. Чьей рукой написано?

В Толином конспекте была фраза: «Растет производ-

ство стали на душу населения». Кто-то красным карандашом подчеркнул слова: «стали на душу», первые два слова соединил красной линией, а на слове «душу» красным же карандашом поставил ударение — так, что вышло: «СТАЛИНА ДУШУ».

— Теперь нам известно, — сказал следователь, — что ты имел преступный замысел задушить товарища Сталина. Но мы вовремя твои действия пресекли.

2

Таля не знала, где теперь Толя. Встревоженная, она заглянула к соседу по квартире.

— Не волнуйся, Талечка, — сказал Антон Павлович, сняв пенсне, — разве ты не слышала слова товарища Сталина о том, что жить стало лучше и веселее?

— Да врет этот ваш товарищ Сталин как сивый мерин, — вспыхнула Таля. — Разве вы не видите, как попирается социалистическая законность, какие злодеяния совершены в ходе коллективизации и индустриализации?

Антон Павлович надел пенсне, выглянул в коридор, и, убедившись, что там никого нет, прошептал:

— Да мне и самому не по душе этот культ личности, эти нарушения ленинских норм партийной жизни...

Умные герои романа в те еще годы все знали и понимали.

3

Сталин не знал, что о нем думают Толя и Таля. ОН размышлял о роли личности в истории. Вот, например, Юлий Цезарь — мужик вроде толковый, но какую глупость сморозил! Зачем объявил себя императором и отменил республику? ОН так не поступит. ОН создал свое, советское самодержавие, но называться оно будет по-другому. Народу вовсе не нужно знать того, что знает ВОЖДЬ. А этот чудовищный прокол с Брутом, в результате которого Цезаря прокололи кинжалом! ОН бы сделал все иначе и гораздо умнее. Брута надо было заблаговременно отправить в Ленинград, провести там АКЦИЮ, а потом даже можно было бы назвать именем Брута несколько городов империи. Эх, Юлька, Юлька!

А Польша Бонапарт? Ведь ту же самую ошибку повторил: не терпелось ему, видите ли, назваться Наполеоном Первым. Важно стать не первым, а единственным. Вот и Николашка — он хоть и Первый был, но в политике абсолютный дилетант. Совершенно провалил дело с декабристами! ОН бы на его месте не растерялся: надо было организовать так, чтобы Пестель вел процесс Рылеева, потом Каховский — процесс Пестеля и так далее. Гневные слова писателей во всех газетах. Пушкина бы заставить выступить с осуждением. Вообще с Пушкиным слишком цацкались. Ну, мастер он, но ведь организационно-творческих способностей никаких. А вот Фаддея Булгарина мало к работе привлекали. ОН бы вообще собрал несколько таких Фаддеев и поставил бы их командовать всеми писателями...

В кабинет вошел Паскудышев и положил на стол какую-то бумагу. Сталин прочел, и в глазах его мелькнула злоба. Легким движением руки он схватил тяжелую вазу со своим портретом и бросил в голову Паскудышеву. Осколки разлетелись по ковру.

— Дурак! — сквозь зубы процедил Сталин. — Сколько раз повторять: не надо составлять доносов на писателей. Они сами писать умеют.

Паскудышев, шепча: «Спасибо, товарищ Сталин», — пополз к дверям. А Сталин еще долго не мог преодолеть раздражения. Ведь это же ЕГО писатели, других у НЕГО нет. Церковь у нас от государства отделена, а вот литература присоединена к государству, и не кем-нибудь, а ИМ самим. Эти писатели настоящие патриоты, они будут ЕМУ верны и через двадцать, и через пятьдесят лет. Они придумают что угодно, найдут причину всех бед в ино-родцах, в Хрущеве, в западной музыке, в журнале «Огонек», но о Сталине дурного слова не скажут.

Да с такими писателями ЕМУ ничего не страшно!

Виктория ТОКАРЕВА

На фоне эпохи

(По мотивам рассказа «Первая попытка»)

Она родилась уже после коллективизации и индустриализации, в период культа личности и сплошных репрессий. Ее называли в духе времени — Карла-Марла.

Но так она была записана только в паспорте, а все знакомые называли ее просто и понятно — Кака.

С детских лет Кака оценивала людей по принципу престижности. Ее первой любовью в ясельном возрасте был старичок-вахтер из соседнего подъезда, носивший китель такой же, как у Иосифа Виссарионовича Сталина. Но Иосиф Виссарионович в 1953 году ушел в мир иной, и вскоре его сурово заклеил Никита Сергеевич. Кака разлюбила и вождя, и вахтера. В период «оттепели» она вышла замуж за молодого преуспевающего журналиста, которого звали Никитой. Однако как-то осенью и Никиту Сергеевича, и просто Никиту уволили с работы. Журналисту-неудачнику пришлось покинуть свою квартиру и свою кровать, а на его месте спустя некоторое время оказался плотный бровастый функционер по имени Леонид.

Все женщины без исключения делятся на две группы. Первая группа — это женщины порядочные, вторая — женщины, которые нравятся мужчинам. Я, увы, принадлежу к первой группе, Кака — ко второй, но все-таки мы подружились, и однажды Кака даже заглянула в мою малогабаритную квартиру. Меня дома не оказалось, и Кака ушла, прихватив с собой банку черной икры, банку бразильского кофе, томик Кафки, а также моего мужа, лежавшего на диване с этим томиком в руках.

Правда, через две недели она позвонила по телефону и, не поздоровавшись, сухо сообщила, что икра, к сожалению, уже съедена, кофе выпит, Кафка подарен мастеру из автосервиса, а вот муж цел и я могу забрать его обратно. Я съездила за мужем на такси, но через день он исчез опять. За две недели он узнал, что есть на свете еще кое-что, кроме умных книжек и моей пресной духовности. Наверное, он до сих пор ищет женщину, похожую на Каку.

Но и у Каки к тому времени начались мелкие неприятности. Леонид спился и попал в спецлечебницу для высокопоставленных алкоголиков. Кака сразу оформила с ним развод и стала подыскивать себе приличного старичка вроде находившегося тогда у власти Константина Устиновича. Однажды она ворвалась в кабинет дряхлого застойного министра по кличке Скелет и встала у окна. Приближалась весна 1985 года, и в кабинет попал солнечный луч, осветив роскошный бюст Каки. Министр поднял глаза и обалдел. Он прожил долгую жизнь, встречался со Сталиным, имел внуков и правнуков, но даже не догадывался, что в жизни существует такое.

Скелет тут же женился на Каке и устроил ее в престижный институт, где она мгновенно сколотила мафию и моментально защитила диссертацию о половом воспитании мужчин разного возраста. Но Скелета «ушли» на пенсию, а в институте Каку опередила крепкая и опасная соперница — молодая, года, кажется, пятьдесят первого, имевшая еще более эффектный бюст и к тому же побывавшая в Америке. От горя Кака умерла, и единственным для нее утешением были похороны на престижном кладбище, место на котором она успела пробить еще в годы могущества Скелета.

Я приехала туда, положила на могилу цветочки; все-таки мы были приятельницами и даже короткое время имели одного мужа на двоих. Навсегда простившись с Какой, я быстро вышла из кладбищенских ворот, за которыми уже вовсю шла перестройка.

Юнна МОРИЦ

Классика вьюги свистит по утрам у фрамуги,
Муза мороза поет в тишине заоконной.
Сколько отваги — проснуться в блаженном испуге
Елкой зеленой, в лесу новогоднем рожденной!

Вмиг заиграли оркестры вселенской метели,
«Баюшки-бай!» — напевает мне Муза влюбленно.
Сколько улады — уснуть в этой снежной постели!
Зайцы и волки кружатся у елки зеленой.

Кто это там на лошадке спешит мохноногой?
Что за молчальник в сочельник по лесу елозит
И, одержимый одною мыслишкой убогой,
Под корешок меня рубит и к дому подвозит?

Дудки! Локтями ветвей всех гостей я раздвину,
Стол опрокину, хрустальным уставленный хламом,
Резко отрину дурацкую их крестовину
И закричу жизнерадостным праздничным хамам:

«Как вы посмели меня из объятий метели
Вызвать для цели столь мелкой и столь
принужденной?»

Мне ли сиять для того, чтоб вы пили и ели, —
Ели зеленой, в лесу новогоднем рожденной?»

Всех огорошив таким невозможным вопросом,
Плюнув с верхушки в молочно-кисельные реки,
К братству веселому леса с крещенским морозом
Я возвращаюсь и там размещаюсь — навеки.

В критическом лесу,
или Новые прочтения старой сказки

Виктор ШКЛОВСКИЙ

Не о себе

Начну с конца.

В искусстве концы не сходятся с концами, потому что
конец — это всегда начало.

Сначала в «Красной шапочке» не было счастливого
конца, но автор написал его, потому что так было надо.

Об этом есть у Толстого.

Время выбирает цвет шапочки, и нас тоже выбирает
время.

Заново пишутся Библия, «Декамерон», «О теории про-
зы». На «Красную шапочку» сочиняются новые пародии.

И на меня написано много пародий, но все они не-
удачны.

Не получилась и эта.

Меня пытаются передразнить, начиная каждую фразу с нового абзаца.

Но этого мало.

Надо заполнить пространство между абзацами собственной судьбой, и для этого нужно жить, а не пародировать жизнь.

Можно ходить по комнате, размахивая руками, как крыльями, но это не будет полетом. Нельзя летать, ступая ногами по земле.

В литературе много пешеходов. Они думают, что идут вперед, а на самом деле это жизнь проходит мимо них.

Не пишите пародий.

Учитесь летать.

Юрий ЛОТМАН

Оценки по поведению

В многоуровневой иерархической структуре густого темного леса отчетливо выделяется оппозиция «Красная Шапочка — Серый Волк» с полной парадигмой противопоставлений (красное — серое, шапочка — хвост, хищность — вегетарианство, симпатичность — отвратительность). Здесь мы имеем дело не с одним текстом сказки, а по крайней мере с двумя поведенческими текстами, обусловленными различными социальными кодами и семиотическими нормами.

Поведение Красной Шапочки отличается высокой структурной сложностью и семантической плюралистичностью. По отношению к своей матушке она выступает как дочь, по отношению к бабушке — как внучка, а в аспекте связи с Серым Волком — как случайная знакомая. На протяжении сказки мы наблюдаем рост семиотичности, повышение социально-знаковой роли действий героини. Так, если поначалу она появляется как носитель корзины с пирожками, то, будучи съеденной Серым Волком, она предстает уже носителем высоких духовных идеалов (добавим, что ношение в быту шапочек красного цвета, по свидетельству ряда современников, воспринималось как знак известного вольномыслия).

Было бы крайне ошибочно осуждать Красную Шапочку за чрезмерную «разговорчивость», за ту «откровенность», с которой она передает Волку информацию о нахождении бабушки, о способе открывания двери. За всем этим стоит сознательная установка: Красная Шапочка пользуется контекстом непринужденной светской беседы для пропаганды среди серых волков новых, еще не ведомых им представлений и знаний.

Что же касается поведения Серого Волка, то оно характеризуется крайней бедностью регуляторов, фатальной предсказуемостью процессов. Оно актуализирует, по сути дела, одну-единственную стратегию - пищеварительную.

Анализ семиотической природы жестов и поступков, сложных отношений между текстом и внетекстовой реальностью дает основание определить поведение Красной Шапочки как хорошее, а поведение Серого Волка — как плохое.

Магдалина

А [REDACTED]
теперь, товарищи, давайте получим удовольствие

от этой картины. Встаньте пошире, чтобы всем было видно. Тебе сколько лет, мальчик? Пятнадцать? Отвернись, тебе еще рано смотреть такие вещи! Внимание! Я начинаю!

Центральное место в творчестве так рано ушедшего от нас Эль Греко по праву занимает полотно площадью полтора квадратных метра — «Кающаяся Мария Магдалина». На холсте Магдалина изображена в необычном ракурсе, на берегу моря. Невольно возникает вопрос: что она здесь делает в такое позднее время? Она здесь откровенно кается.

Художники с давних пор обращались к образу прекрасной грешницы. Но все их Магдалины калялись как-то неубедительно. Без огонька! Совсем в другой, оригинальной манере кается Мария Магдалина у Эль Греко. Сразу видно, что она глубоко раскаивается в содеянном! «И как это меня утраздило?!» — как бы говорит Мария. И ей как бы веришь.

В правом верхнем углу мы видим ветку с листьями. Листьев ровно пятнадцать. Желающие могут меня проверить! Ну? Тринадцать?! Вот народ! Вчера еще было пятнадцать!

Так. А теперь перенесемся в левый верхний угол. Перенеслись? Там сразу в глаза бросаются три птички. Кое-кто на Западе полагает, что это колибри, но наши ученые опознали в них диких уток!

И, наконец, в центре кульминационное пятно — сама Магдалина! Эль Греко умышленно расположил Марию смо-

трящей в сторону. Она не может смотреть людям в глаза. Ей стыдно! Поэтому она вынуждена смотреть влево. И если зайти слева, то можно встретиться с Магдалиной глазами, и тогда ей становится так стыдно, что ее лицо краснеет.

Распущенные как попало волосы говорят нам о распущенности Марии в прошлом. Но правая рука уже полностью прикрывает трепетную грудь. Значит, в Магдалине заговорила-таки совесть!

Известно, что Эль Греко рисовал в ужасные времена господства испанской инквизиции. В те годы на кострах горело немало способной молодежи. Поэтому никто не смел открыто думать, рисовать, лепить. И большие художники вынуждены были прибегать к аллегориям. Прибежал к ним и Эль Греко. Магдалина не просто крупная женщина с хорошей фигурой, как это может показаться неискушенному зрителю. Нет! Каждая черточка на картине незаметно для себя бросает вызов испанской инквизиции.

Даже пейзаж за спиной Магдалины написан не только ради того, чтобы как-то заполнить свободное от Марии место, — эти промозгло-серые, опостылевшие коричневые тона кричат об ужасных условиях, в которых жили простые, никому не нужные испанцы!

На всех картинах художнику удавались глаза. Особенно хорош у Магдалины правый глаз. Ниже, под глазом, хорошо виден рот, из которого доносится немой вопрос.

Давайте дружно взглянемся в нежное тело, написанное в теплых тонах. Да, Мария девушка не из рабочей семьи! На руках ни одной царапины, тем более мозоли! Трудно придется Магдалине в дальнейшей жизни.

На коленях у Марии лежит книжка и чей-то череп. Сейчас трудно сказать, кто позировал художнику. Над этим придется поломать голову нашим искусствоведам.

Слева от черепа мерцает графин с какой-то жидкостью. Что это? Вода, вино или другой яд? Неизвестно! Но вкус приятный.

В целом картина поражает своей чистотой. Белоснежные кружева, покрывало поверх Магдалины — все это говорит нам о тяжком труде испанских прачек, день и ночь стирающих белье испанской знати, погрязшей в роскоши, вине и женщинах.

Таким образом, можно рассматривать «Кающуюся Марию Магдалину» как суровый документ той далекой эпохи. Документ, подписанный талантливой рукой Эль Греко, замечательного художника, умершего в 1614 году, не дожившего до правильного понимания своей картины триста шестьдесят лет.

...узнать о Фоме Петровиче...
и не всегда жалуюсь на свою память, сабита...
вспомни рассказывать вам

...
...
...
...
...
...

...
...
...
...
...
...

...
...
...
...
...
...

...
...
...
...
...
...

...
...
...
...
...
...

...
...
...
...
...
...

...
...
...
...
...
...

...
...
...
...
...
...

...
...
...
...
...
...

...
...
...
...
...
...

Николай ГОГОЛЬ

Человек из Миргорода

М [REDACTED]
как и хочется взять да и рассказать вам

что-нибудь этакое. Чтобы запомнилось на всю жизнь. Только вот знать бы, что именно. А если я и сам толком не знаю, что бы вам такое рассказать, то вам-то, любезные читатели, и подавно знать неоткуда. Вы, верно, думаете, что я прикидываюсь, что мне нечего вам рассказывать. А куда там прикидываться, когда еще минуту назад и не думал даже рассказывать вам что бы то ни было...

А вот возьму да и расскажу вам о Фоме Петровиче Крутотрыщенко. Вы его не знаете, да и откуда вам его знать. Разве у вас хватило бы сил запрячь коня. Оставить дома полногрудую жинку и ехать сколько потребуетсЯ до самого Миргорода. А ехать вам пришлось бы верст тридцать, не меньше. По дороге, сплошь покрытой народом, спешащим по разным делам, а все больше на ярмарку.

Эх! Что за чудо эта ярмарка! Вся окрестность опутана яркими цветастыми узорами из пестрой людской толпы, телег, до краев наполненных товаром, испуганно орущего или лениво жующего домашнего скота. И все это расположено под изумительно голубым океаном, поднявшимся над землей и застывшим так. Облака уплыли куда-то далеко, чувствуя здесь свою неуместность.

Вот рядом с полотняными лотками, под которыми развешены красные ленты, серьги, оловянные и медные кресты и дукаты, обнимаются парубки с дивчинами.

Вот торгуются не на жизнь, а на смерть немолодой хозяйин с чуприной и черноголовый подвижный цыган.

А мелодия ярмарки! Крик, гогот, брань, шум, мычание, блеяние, рев — все сливается в один нестройный мотив.

Что это я вам рассказываю о ярмарке? Будто вы и без меня о ней не знаете. Вот о ком вы действительно ничего не знаете, так это о Фоме Петровиче Крутотрыщенко. Кто же теперь — при нынешних ценах! — поедет в Миргород, чтобы узнать о Фоме Петровиче. Если даже я, хоть и не всегда жалуюсь на свою память, забыл, с чего это я решил рассказывать вам про Фому Петровича. Но коли уж решил, то деваться некуда — надо рассказывать.

В Миргороде Фому Петровича каждый знает. Останови любого сорванца и спроси его — он вам все про Фому Петровича расскажет. Так вам же наверняка недосуг ехать в Миргород и останавливать пробегающего мимо сорванца. Вам лишь бы ко мне приставать с расспросами о Крутотрыщенко.

Фома Петрович всегда, сколько я его помню, имел лет около пятидесяти. Женат он никогда не был. Впрочем, сколько мне помнится, никто и не соглашался выйти за него замуж. «Нашел дуру», — говорили невесты.

Фома Петрович, сколько я его помню, роста был исполинского и силу имел соразмерную. Он сам катался на лодке, гребя при этом веслом искуснее гребца, стрелял дичь не хуже любого охотника и неотлучно следил за косарями, знал наперечет число гарбузов и ковунов на баштане, брал пошлину по пяти копеек с воза, проезжающего через его греблю, без посторонней помощи влезал на дерево и трусил груши, бил ленивых своею страшною рукой и ей же подносил стопку горилки. Почти одновременно он бранился, красил пряжу, бегал на кухню делать квас, варил медовое варенье и хлопотал весь день и весь день поспевал.

Если бы вы хоть раз увидели Фому Петровича, вы бы сразу его узнали. Он бы еще и рта раскрыть не успел. Только взглянули бы — и сразу бы поняли: Фома Петрович. Красные, как жар, шаровары, синий жупан, яркий цветочный пояс, при боку сабля и люлька с медною цепочкою по самые пяты — запорожец, да и только!

А какой плясун был Фома Петрович! Ай какой плясун! Станет, вытянется, поведет рукою молодецкие усы, бряк-

нет подковами — и пустится! Да ведь как пустится: ноги отплясывают, словно веретено в бабьих руках; что вихорь, дернет рукою по всем струнам бандуры и тут же, подпершись в боки, несется вприсядку; зальется песней — душа гуляет.

К тому же он горячо любил своего племянника, которого никогда не видел и видеть не хотел, и тщательно собирал для него деньги, которые не упускал случая спустить все до копейки.

У меня сохранилось письмо, которое Фома Петрович отправил племяннику в Великороссию с полком из Могилевской области.

«Любезный племянник!

Посылаю тебе пять пар нитяных карпеток, что это такое, представления не имею, но это не имеет никакого значения, поскольку они давно пришли в негодность. К тому же хотел отправить тебе четыре рубашки из тонкого холста, но в последний момент передумал.

Я уже в годах, и поскольку все прошедшие года имел удовольствие тебя не видеть, то не хотел бы лишать себя этого удовольствия и в дальнейшем.

Многолюбящий тебя
дядька Фома Петрович.

Чудесная в огороде у меня выросла репа: больше похожа на картошку, чем на репу».

Что вы еще хотите, чтобы я вам рассказал про Фому Петровича? Любил он, чего греха таить, потешить прибауткой. Пуще всего его донимали дивчины и молодницы: покажись он им только на глаза — «Фома Петрович! Фома Петрович! Фома Петрович! А нуте яку-нибудь страховинну казочку! А нуте, нуте!..» — тара-та-та, та-та-та, и пойдут, и пойдут!

И рассказывает Фома Петрович о чертях, ведьмах, о всяческой нечисти, утопленницах, летающих гробах и заколдованных местах. Так рассказывает, что оторопь берет и мурашки до пяток.

А какие друзья и знакомые были у Фомы Петровича! Один другого лучше, талантливей, богаче, известней. И не одного не обходил Фома Петрович своим вниманием.

Как-то поехал он в Петербург, в котором знал только Александра Сергеевича по фамилии Пушкин (Пушкин в то время в Петербурге жил), у него и остановился. А в знак признательности за два нелегких проведенных в гостях года подарил Александру Сергеевичу на память вот эти строки:

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей утасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит —
Я не хочу печалить вас ничем.

А Александр Сергеевич, видимо предчувствуя, что не увидит какое-то время Фому Петровича у себя в гостях, подарил ему сюжет о мертвых душах. А Фома Петрович подарил этот сюжет мне, когда гостил у меня.

Вот рассказываю вам я о Фоме Петровиче и думаю: ну что за память у меня, невозможно сказать, что за дрянь. Хоть говори, хоть не говори — все одно. Ведь все, что я вам рассказал, не имеет к Фоме Петровичу Крутотрыщенко никакого отношения. Ведь я вам рассказывал об Иване Федоровиче Шпоньке. И к Фоме Петровичу это не имеет никакого отношения. Но если вы хотя бы это из всего мною тут рассказанного уразумеете, и то польза будет. Не зря, значит, я тут перед вами распинался. А если бы не эта чертова память, так я бы вам точно рассказал о Фоме Петровиче Крутотрыщенко. Но тут уж, как говорится, делать нечего: о ком рассказано — о том рассказано. Значит, вам суждено знать об Иване Федоровиче Шпоньке, а не о Фоме Петровиче Крутотрыщенко. И большая к вам просьба: хоть вы-то ничего не перепутайте.

Методическое пособие
для начинающих фермеров

(Подготовлено коллективом
НИИ химических удобрений и ядов)

Гумно

Кто в детстве не прохаживался по гумну?

Вряд ли сыщется такой. По гумну любили гулять Чехов и Вересаев, Достоевский и Куприн, Горький и Таривердиев. Известно, что на гумно ступала нога снежного, или так называемого доисторического, человека.

Ранним летним утром, когда восходящее солнце золотит верхушки деревьев, а на листьях подорожника горит крупными изумрудами роса, хорошо мелкой рысью проскакать по гумну... Вдали, похожие на украинские хаты, вздымаются стога, ласточки заводят в поднебесье свою неумолчную песнь, а ты идешь по гумну, и гумно раскрывает перед тобой свои секреты

Много прекрасных, вдохновенных строк посвящено русскому гумну. Но есть еще гумно французское и английское. Славится в мире также австралийское и новозеландское гумно.

Вспомним строки поэта: «Гумнистый цвет твоей губной помады...» А сколько преданий посвящено гумну! Однажды охотник, целый день бродивший по лесу в поисках добычи, прилег отдохнуть на гумне. Ему приснился сон. Он увидел, как по гумну прыгает заяц.

Бессчетное количество тайн хранит гумно. Тайну выпаса и тайну вклада.

Бескрайне и необъятно наше гумно. Редкая птица долетит до его середины. Выйдешь, бывало, крикнешь: «Чу, гумно! Дай ответ!» Молчит, не дает ответа.

Вот какое оно, наше отечественно гумно! Прав был поэт, воскликнув: «Гумно! Как много в этом звуке!»

Таким гумном можно гордиться. Сравниться с гумном по степени популярности среди населения может только жито.

Жито

Пришла осень, и внимание общественности привлекло жито. Словно могучие волны катятся по полю туда-сюда, если налетит хулиган ветер. То-то славно детишкам прятаться среди сочных, крепких стеблей.

Жито издревле почитаемо в народе. Ни хлеба, ни кваса, ни даже экспортного маргарина невозможно произвести без жита.

По степени калорийности жито превосходит разве что солод.

Солод

Уже само название говорит, что без солода невозможно обойтись при засолке помидоров и огурцов, а также лесного или выращенного в теплице гриба. В местах, где на полянах, желая понравиться красавицам тетеркам, токуют глухари, — тут и ищи крепкий, ядреный солод. Прежде чем отправиться в пивбар или просто на концерт, сорвите две-три веточки солода и вставьте в петлицу пиджака — это придаст вашему досугу неизъяснимое наслаждение.

Главный соперник солода в подобных культурных мероприятиях — лебеда.

Лебеда

Пляньте на уходящую вдаль проселочную дорогу... По обе стороны от нее разметало ветви причудливое растение. Но это не лебеда, а чертополох. Лебеда же укромно примостилась в тени мясистых листьев подорожника, заботливо ластится к его сильному стволу. Так юная невестушка жметя к завидному свату или свидетелю жениха.

В узорчатых листьях лебеды много питательных веществ, а из ее сока можно синтезировать искусственный

каучук. Известны случаи, когда во время уборочной страды иглами шиповника или шипами кактуса бывали проколоты шины тракторов. Именно с помощью отвара, сдобренного настоем собственной слюны, трактористы задраивали пробойны в колесах и с честью выходили победителями в битве за урожай.

А уж для крохотных птичек колибри нет большего счастья, чем посвистать в раскидистой зелени лебеды.

В части наиболее эффективного использования в народном хозяйстве лебеду оттеснит на второй план, пожалуй, только мотыга.

Мотыга

Кто из влюбленных парубков или солидных, в летах, мужиков не называл свою ненаглядную избранницу «мотыгой»? А ненаглядные избранницы разве не называли своих коханных «мотыгальниками»? Так уж издавна повелось среди наших предков, в колхозах и совхозах, а теперь и на индивидуально-личностных фермерских хозяйствах.

Мотыга, злак из семейства пасленовых, была завезена к нам в середине прошлого века из Дании, куда в свою очередь попала из Америки, откуда ее доставил на своих парусниках Христофор Колумб. Культура эта хорошо приживается в средне-подзолистых почвах Подмосковья, может вызревать также на болотах, среди рисовых и лотосовых плантаций.

Широко известен исторический факт, когда повар хотел с помощью мотыги лишить жизни президента Соединенных Штатов, в услужении у которого работал, но покушение было вовремя предупреждено спецслужбами, и повар во время следующих попыток вынужден был прибегать к помощи оглобли.

Оглобля

Собственно, само растение носит название «гло», «о» — это междометие, которое, как правило, предшествует произнесению наименования растения вслух, последние

же три буквы выражают наше к нему отношение. О-гло-бля произрастает исключительно на гумне. От побегов льна, гречихи и конопли о-гло-блю легко отличить хотя бы по характерному запаху, который во время цветения распространяется далеко за пределы гумна. Собственно, по запаху гумно и находят среди прочих угодий.

Также на гумне хорошо приживаются и идут в рост фикусы и березы, а китайские огурцы, пересаженные на его плодородную почву, поражают своими размерами.

Последнее время многие гумна переданы под строительство двух-, трех- и четырехэтажных коттеджей. Здесь теперь слышен визг пилы и стук топора. Поистине неисчислимы дары, которые несет людям гумно. Будем же еще бережней хранить наши гумна, жита, солода, мотыги и лебедушки — неиссякаемый источник наслаждения и бездонный кладезь благосостояния людей!

Опыт рецензии на бухгалтерский отчет о командировке

Вчитываемся в краткие суховатые строки. И с первой же погружаемся в мир интересного человека, чувствуем биение пульса сегодняшней жизни.

Взять хотя бы самое начало! Множество квитанций за телефонные переговоры с самыми различными городами и селами. Уже из этих показательных деталей видно, сколь основательна подготовительная работа, сколь широк круг интересов автора отчета. Он входит в контакт с мебельной фабрикой на Орловщине, консервным заводом в Кобулет, силосно-откормочной базой в далекой степи. Невольно задаешь себе вопрос: зачем ему все это? Тем более ни к мебели, ни к консервам, ни к силосу его служба не имеет ни малейшего отношения.

Столь интригующая завязка, безусловно, подстегивает интерес, заставляет читать отчет и дальше с неослабным вниманием.

Ждешь ответа на возникшие у тебя вопросы. Но дальше новая загадка: железнодорожный билет Москва—Минводы и авиационный — Минводы—Ашхабад (В то

время как в командировочном удостоверении ясно указано: пункт назначения — Хабаровск.)

Сочными, яркими мазками рисует автор подробности пребывания в Ашхабаде, зримо воссоздает выпуклые образы официантов и администраторов гостиниц, таксистов и работников спецмедслужбы. Мы как бы переносимся на восточный базар, чувствуем колорит гостеприимного симпозиума дантистов-спелеологов, вдыхаем аромат шашлыков и дынь. И невольно закрадывается сомнение: а не дантист ли он? Не мебельщик ли краснодеревщик?

Да, богат и сложен внутренний мир нашего современника!

Из Ашхабада путь автора лежит через Каракумы — к Иссык-Кулю. Здешные впечатления не в пример беднее: квитанция за починку ботинка, этикетка с хлопчатобумажных носков, ценники на творог... К ним приложены билеты в зоопарк и комнату смеха. В подобном контексте своеобразно воспринимается квитанция за проезд зайцем на теплоходе «Шота Руставели». С неподдельным интересом следишь за все возрастающим к отчету документов именно такого характера.

После этого кажутся скучноватыми накладные на отгрузку и получение мандаринов, без которых, как выяснится позже, автору нечего было делать в Хабаровске. Рыба — за мандарины... Так в отчет властно врывается производственная тема, а заодно приоткрывается завеса над, казалось бы, необъяснимыми зигзагами прослеженного нами маршрута.

В кратких заметках трудно поведать обо всем, что встречаешь в этом глубоко личном свидетельстве очевидца и участника описываемых событий. И все же ясно видно: перед нами характер целеустремленный, сильный, не ведающий сомнений перед трудностями. Умение устроиться в гостинице в номере по рубль пятьдесят шесть за сутки говорит о несомненном и глубоком знании жизни, понимании ее скрытых от непосвященных глаз законов и закономерностей.

Автор не поучает, не подсказывает — и все же исподволь подводит нас к своему глубоко личному ответу на вечные вопросы. И вывод его сформулирован достаточно четко в итоговой сумме расходов.

Однако можем ли мы согласиться с таким итогом?

Вероятно, результат нуждается в существенной корректировке. А именно: с какой стати учреждение должно брать на себя расходы по содержанию стенографистки, в которой не было никакой нужды? В праве ли мы оплачивать беспересадочный перелет из Тюмени в Ялту и обратно (хотя и должны при этом выразить благодарность за неприложение авиабилета Ашхабад—Тюмень?)

Отсутствие в отчете талончиков на постельные принадлежности в поезде Махачкала—Свердловск свидетельствует о том, что не все сюжетные линии автор осмысливает в полной мере, доводит до логического завершения. Немотивированной выглядит и оплата аренды финской бани ценой семьдесят пять рублей за сутки.

И все же, отвлекаясь от подобных частных, следует сказать: работа проделана большая и значимая. Весомость ее ощутима при попытке взять вес отчета толчком или рывком. Следует признать: это психологически верный документ, обобщивший обширный фактический материал и отмеченный живым аналитическим складом ума. Именно в связи с этим и во избежание распространения подобного рода мастерства и опыта представляется проблематичной передача дела в товарищеский суд.

В данном конкретном случае, на наш взгляд, лучше будет ограничиться административным взысканием, а также удержанием из зарплаты определенной суммы, размеры которой в настоящее время уточняются.

Анатолий РЫБАКОВ

Люди «Магнето»

Не спеша разломив папиросу, ОН набил табаком

короткую трубку, закурил, медленно прошелся по ковру, еле слышно ступая мягкими сапогами без каблучков.

Как могло произойти, что проиграло «Магнето»? Ведь они же знали, что ОН — болельщик «Магнето». Мало того, от НЕГО исходило указание, чтобы выиграло именно «Магнето». Заговор? Прямой выпад? Дали понять, что в спорте побеждает сильнейший? Это позиция дезертиров. ОН всегда так считал. Спорт неотделим от политики. Разве то, что происходит на поле, главное? Собственно, игра — только результат закулисной борьбы, поединка влияний и воли сильных мира сего... Воли ЕМУ не занимать. Это все понимают. Иначе не смирились бы с тем, что тренеры остальных команд, кроме «Магнето», были обвинены в неспортивном поведении и расстреляны. «Тренера нет — и команды нет», — это ЕГО любимый афоризм. Однако проигрыш «Магнето» говорит о том, что враги засели внутри команды. Пропустить четыре мяча вместо намеченных двух — явный выпад. Кто рекомендовал ЕМУ нынешнего голкипера? Ах ну да, ну да, как ОН мог забыть... ОН ведь никогда ничего не забывает. И они скоро это почувствуют...

ОН подошел к столу и нажал на кнопку. Тут же открылась дверь, и вошел секретарь.

— Соедините меня с тренером «Магнето», — сказал ОН, неторопливо шагая вдоль стола.

— Тренер вчера осужден решением «тройки» на десять лет без права переписки, — доложил секретарь.

— Тогда с начальником команды.

- Он отправлен на поселение.
- Тогда соедините с голкиперам.
- Голкипер убит при попытке к бегству.
- Кто-нибудь там остался? — ОН сердито замер на-
против секретаря.
- Нет, команда расформирована, майки изъяты, а
труссы сданы на спецхранение.
- ОН слегка поморщился:
- Кто распорядился?
- Народный комиссар вашей безопасности.
- Вечно он торопится... Мы с него еще спросим. Со
всей революционной строгостью спросим. А пока отме-
ните приговор относительно тренера как ошибочный,
возвратите в Москву, пригласите ко мне и не забудьте из-
виниться перед человеком. Люди — это самое дорогое,
что есть в нашем замечательном спорте. Я так считаю.

Людмила ПЕТРУШЕВСКАЯ

Сам-друг

Я очень умная. И всегда была умная, когда еще выступала: так по-умному проводила болевые приемы сопернице, что она тут же начинала пузыриться слюной и ладонью колошматить по татами — дескать, отпусти. Но потом я сглупила: выскочила замуж за Юджина, гениального фигуриста, которого я скрутила удушающим приемом слева, только он оказался бисексуалом и сбежал от меня к Валерке, а я осталась сам-друг с Викешей на руках, от четвертого брака. После я отдала Викешу в интернат для дебилов — он и есть дебил, потому что его отец, бывший теннисист, пил по-черному, — и еще выступала три сезона, пока не стала колотиться, нюхать и колесить. Жить мне осталось всего ничего, так нагадала моя подруга Ариша, которую не пустили на первенство в Болгарию, и она с горя начала встречаться с Гаврюхой, которого выгнали из команды за допинг. Мы каждый вечер у нее собираемся сам-семь: Юджин с Валеркой, я, Гаврюха, Ариша, Пыльник — бобслеист, битый-перебитый, у которого то и дело отстегиваются протезы рук и ног, и его новая деваха Эль-

вира, конькобежка, славящаяся тем, что даже в постели не снимает коньков. И это всех мужиков дико возбужда-
ет. Мы поем, пьем и куролесим, пока не приходят соседи с милицией, но мы и их приглашаем к столу и к постелям, и они тут же остаются. Ничего, вырастет Викеша, я его заберу из дебильного интерната, выучу на боксерского рефери и тогда уже спокойно загнусь. Я же умная. И у нас в компании все такие.

[illegible][illegible]

Иосиф БРОДСКИЙ

Куда подальше

Пусть и вправду. Постум, курица не птица,
но с куриными мозгамихватишь горя.
Если выпало в Империи родиться,
лучше жить в глухой провинции у моря.

Позвонила мелкозвенная баба.
Говорила о понятии «семь сорок».
Я сидел и выражался очень слабо.
Ненавижу дилетанток-режиссерок.

Наконец она ушла курить на кухню.
Телефон у них с супругом свято место.
Я решил, что уже скоро трубку бухну
(или трахну — это, правда, неизвестно).

Поступая в категорию бессмертных,
я давно хотел сказать своим знакомым:
не звоните мне, ведь я звонков ответных
не приемлю в понимании совковом!

Покрываюсь восхитительнейшим потом,
потому что где-то рядом бродит муза.
Я, конечно, сообщил ей: мекум порто*,
но глупа она, как жидкая медуза.

* Omnia mea mecum porto — «Все свое ношу с собой», сказал древнегреческий философ Биант.

Прет мысли мне товарищ из парткома,
говорит, что все стихи мои читает.
Это, братцы, 40 лет уж мне знакомо.
Интересно, где он их приобретает?

Пробегусь сейчас до Финского вокзала,
а потом еще в Европу до обеда...
Что? Семь сорок? Как меня ты напугала!
Я же даже в Абу-Даби не поеду.

Из цикла
«Зима! Крестьянин, торжествуя...»

Белла АХМАДУЛИНА

Двадцатый мой

Я помню, как с небес день декабря двадцатый
смиренно в свой черед сошел, лилов и синь...
Нет, нет, сиренев он и смят, как лист тетрадный! —
мой разум поврежден влаченьем этих зим.

Но вот спешит сих мест извечный обитатель —
им снег уже почат, искрист и жестковат;
весьма коняга тощ; на сирость дровень глядя,
о боже мой, шепчу, чего ж торжествовать?

Как мне снести сей бред? Но все коню прощу я —
столь мне любезны те, кто обновляет путь! —
пока инверсий вдоль плетется, снег почуя,
его крылатый брат по ямбам как-нибудь...

Из цикла
«Exegi monumentum...»

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Баллада о моем памятнике

Слава — это хорошо.

Лестно.

Тут недавно мне звонить

стали:

Выбирайте, говорят,
Место —
Будем памятник большой
Ставить.
Говорят, что вроде час
Пробил,
И уже такое
 есть в плане,
Что написано внизу:
«Роберт»,
А над этим
 я стою,
В камне.
С удивлением я их
 слушал:
Мол, готов уже эскиз в гипсе...
Мне он, этот монумент,
 нужен,
Извините, как козе
Клипсы!
Говорить начистоту если,
Если попросту сказать,
 прямо —
Не затем я сочинял
 песни,
Чтобы ставили
Того
Парня.
Я писал, чтоб за зимой этой
Загадали
 воробыи в лужах,
Чтобы было за весной —
Лето,
Чтобы легче было
 жить
 людям,
Чтобы полною дышать
Грудью,
Не канючить
 на одной
 ноте.

В общем, если монумент
Будет,
Вы запомните: я был
Против!

Расул ГАМЗАТОВ*

Из восьмистиший

Вельможный бай, зазря себя не славь
И спесью не смеси седые горы:
Ты хоть до неба памятник поставь —
О нем в ауле и не вспомнят скоро.

Но если здесь поэт бывал в гостях —
На всех предметах надписи читая,
Джигит лишится чувств, и век спустя,
Скакун заржет, а дева зарыдает.

Николай ДОРИЗО

Инстинкт и разум

Инстинкт пчелы, упрямо ткущей соты,
Скворцов, домой летящих по весне, —
Великий разум матери-природы.
Он иногда снисходит и ко мне.

Поэт не может с ямбом распротиться
Он больше не умеет ничего.
Поэт — не насекомое, не птица,
А все ж инстинкты есть и у него:

Он пишет, когда снег ложится наземь,
Когда весной густеет рощи сень...
И лишь порой к нему приходит разум.
В такие дни не пишет он совсем.

* В числе прочего — автор цикла «Надписи на предметах».

Из цикла
«Дверью зажало башку мужику»

Вот скорый поезд с Москвы до Баку.
Дверью зажало башку мужику.
Поезд поехал. Мужик побежал.
Долго я взглядом его провожал...

Иосиф БРОДСКИЙ

В декабре пустолиственном, где
совершается резкий обрыв путей,
ведущих пьяные поезда, вездеходы
и прочих стальных зверей,

человек или, может, совиный страх
ночи, суффиксов, запятых,
с головой, зажатой в тугих тисках
двери, бежит по пескам слепых,

синих, беспочвенных шпал и рельс,
напоминающих дня эрзац,
как проводник нас зовет на рейс,
тут запятая, пробел, абзац.

Игорь ГУБЕРМАН

Чья бежит за поездом фигура
С головой, зажатой меж дверей?
Это просто русская культура
И полудопущенный еврей.

Иван ЖДАНОВ

Оголяется светом упрямая тень абсолюта,
параллельно пространству лежит, извиваясь, дорога.
Одиноким Харон улыбается горько и люто:
этот поезд последний, и поздно завидовать Богу...
Голова опрокинута, двери сияют короной.
Ты к вагону прибьёшь, словно щит на ворота Царьграда,
а Харон неизбежен, как черная тень телефона.
И закрытые двери — всего лишь преддверие ада.

Григорий ОСТЕР

Первый полезный совет

Если вам случайно поезд
Прищемил дверьми башку,
Машиниста не зовите,
Не кричите что есть сил.
А спокойно вслед бегите,
Вдоль по насыпи бегите,
Потому что очень скоро
Тоже будет остановка,
Где вы сможете сойти.

**Краткий алфавитный указатель
пародируемых литераторов**

АКСЕНОВ Василий Павлович
(р. 1932). Прозаик.
с. 309, 384

АЛИГЕР Маргарита Иосифовна
(1915—1992). Поэтесса.
с. 239

АНДРЕЕВ Леонид Николаевич
(1871—1919). Прозаик, драматург.
с. 38

АНТОКОЛЬСКИЙ Павел Григорьевич
(1896—1978). Поэт, переводчик.
с. 69, 131, 196, 282

АСАДОВ Эдуард Аркадьевич
(р. 1929). Поэт.
с. 392

АХМАДУЛИНА Белла (Изабелла) Ахатовна
(р. 1937). Поэтесса.
с. 269, 289, 373, 517

АХМАТОВА (Горенко) Анна Андреевна
(1889—1966). Поэтесса.
с. 18, 67, 70, 159, 170

БАБЕЛЬ Исаак Эммануилович
(1894—1940). Прозаик, драматург.
с. 90, 152, 453

БАГРИЦКИЙ (Дзюбин) Эдуард Георгиевич
(1895—1934). Поэт.
с. 139

БАЛТЕР Борис Исаакович
(1919—1974). Прозаик.
с. 310

БАЛЬМОНТ Константин Дмитриевич
(1867—1942). Поэт, переводчик.
с. 17, 23, 30, 47, 51, 56, 164

БЕДНЫЙ Демьян (Придворов Ефим Алексеевич)
(1883—1945). Поэт.
с. 58

БЕЗЫМЕНСКИЙ Александр Ильич
(1898—1973). Поэт, драматург.
с. 197

БЕЛОВ Василий Иванович
(р. 1932). Прозаик.
с. 326

БЕЛЫЙ Андрей (Борис Николаевич БУГАЕВ)
(1880—1934). Поэт, прозаик, переводчик.
с. 24

БЛОК Александр Александрович
(1880—1921). Поэт.
с. 169, 192

БОКОВ Виктор Федорович

(р. 1914). Поэт.

с. 388

БРОДСКИЙ Иосиф Александрович

(1940—1996). Поэт, переводчик, эссеист.

Лауреат Нобелевской премии.

с. 515, 520

БРЮСОВ Валерий Яковлевич

(1873—1924). Поэт, переводчик.

с. 31, 49, 50, 56

БУКИН Николай Иванович

(1916—1996). Поэт.

с. 318

БУНИН Иван Алексеевич

(1870—1953). Поэт, прозаик, переводчик.

Лауреат Нобелевской премии.

с. 19, 158

ВАСИЛЬЕВ Сергей Александрович

(1911—1975). Поэт.

с. 201, 226

ВЕГИН Петр Викторович

(р. 1939). Поэт.

с. 437

ВЕРТИНСКИЙ Александр Николаевич

(1889—1957). Поэт, композитор, артист.

с. 167

ВЕСЕЛЫЙ Артем (Кочкуров Николай Иванович)

(1899—1938). Прозаик.

с. 98

ВИНОКУРОВ Евгений Михайлович

(1925—1993). Поэт.

с. 209, 297

ВОЗНЕСЕНСКИЙ Андрей Андреевич

(р. 1933). Поэт.

с. 209, 270, 287, 325, 357, 463, 468

ВОЙНОВИЧ Владимир Николаевич

(р. 1932). Прозаик.

с. 311, 328

ВЫСОЦКИЙ Владимир Семенович

(1938—1980). Поэт, актер, автор и исполнитель песен.

с. 409

ГАБРИЛОВИЧ Евгений Иосифович

(1899—1993). Прозаик, киносценарист.

с. 96

ГАЛИНА (Ринкс-Мамошина) Глафира Адольфовна

(1870—1942). Поэтесса, прозаик, детская писательница.

с. 52

ГАМЗАТОВ Расул Гамзатович

(р. 1923). Аварский поэт и прозаик.

с. 519

герман Юрий (Георгий) Павлович

(1910—1967). Прозаик.

с. 120

ГИППИУС Зинаида Николаевна

(1869—1945). Поэтесса, прозаик, критик.

с. 26

ГЛАДИЛИН Анатолий Тихонович
(р. 1935). Прозаик.
с. 312

ГОГОЛЬ Николай Васильевич
(1809—1852)
с. 451, 502

ГОРБОВСКИЙ Глеб Яковлевич
(р. 1931). Поэт.
с. 360
ГОРЕНШТЕЙН Фридрих Наумович
(р. 1932). Прозаик.
с. 488

ГОРОДЕЦКИЙ Сергей Митрофанович
(1884—1967). Поэт, прозаик.
с. 25, 51, 165

ГОРЬКИЙ Максим (Пешков Алексей Максимович)
(1868—1936).
с. 20, 36, 63, 450

ГРИБАЧЕВ Николай Матвеевич
(1910—1992). Поэт, прозаик.
с. 132, 393

ГУБЕРМАН Игорь Миронович
(р. 1936). Поэт, прозаик.
с. 520

ГУМИЛЕВ Николай Степанович
(1886—1921). Поэт, критик.
с. 160

ДОЛМАТОВСКИЙ Евгений Аронович
(1915—1994). Поэт.
с. 225

ДОРИЗО Николай Константинович
(р. 1923). Поэт.
с. 298, 352, 519

ДРУНИНА Юлия Владимировна
(1924—1993). Поэтесса.
с. 133, 189, 241

ЕВТУШЕНКО Евгений Александрович
(р. 1933). Поэт, прозаик.
с. 241, 287, 299, 371, 395, 435, 467

ЕСЕНИН Сергей Александрович
(1895—1925). Поэт.
с. 72, 167, 193

ЖАРОВ Александр Алексеевич
(1904—1984). Поэт.
с. 60, 71, 133, 146

ЖВАНЕЦКИЙ Михаил Михайлович
(р. 1934). Прозаик, драматург.
с. 401

ЖДАНОВ Иван Федорович
(р. 1948). Поэт.
с. 521

ЖУРАВЛЕВ Василий (Вильгельм) Андреевич
(р. 1914). Поэт.
с. 394

ЗАБОЛОЦКИЙ Николай Алексеевич
(1903—1958). Поэт, переводчик.
с. 76

ЗАДОРНОВ Михаил Николаевич
(р. 1948). Прозаик.
с. 348

ЗАЙЦЕВ Борис Константинович
(1881—1972). Прозаик.
с. 64

ЗАХОДЕР Борис Владимирович
(р. 1918). Поэт, переводчик, детский писатель.
с. 134

ЗИНОВЬЕВА-АННИБАЛ Лидия Дмитриевна
(1865—1907). Прозаик, драматург.
с. 32

ЗОШЕНКО Михаил Михайлович
(1884—1958). Прозаик, драматург, детский писатель.
с. 87, 112, 161, 452

ИВАНОВ Всеволод Вячеславович
(1895—1963). Прозаик.
с. 127, 151

ИНБЕР Вера Михайловна
(1890—1972). Поэтесса.
с. 147

ИСКАНДЕР Фазиль Абдулович
(р. 1929). Поэт, прозаик.
с. 271

КАБАКОВ Александр Абрамович
(р. 1943). Прозаик
с. 353

КАЗАКОВ Юрий Павлович
(1927—1982). Прозаик.
с. 313

КАЗАКОВА Римма Федоровна
(р. 1932). Поэтесса.
с. 372

КАМЕНСКИЙ Василий Васильевич
(1884—1961). Поэт.
с. 57, 159

КАРБОВСКАЯ Варвара Андреевна
(р. 1908). Прозаик.
с. 235

КАТАЕВ Валентин Петрович
(1897—1986). Поэт, прозаик, драматург.
с. 97

КИРСАНОВ Семен Исаакович
(1906—1972). Поэт.
с. 58, 135, 198, 293

КОРЖАВИН (Мандель) Наум Моисеевич
(р. 1925). Поэт.
с. 302

КОРНИЛОВ Борис Петрович
(1907—1938). Поэт.
с. 84, 110

КОЧЕТОВ Всеволод Анисимович
(1912—1973). Прозаик.
с. 249

КРЕЛИН Юлий Залманович
(р. 1931). Прозаик.
с. 443

КРИВИН Феликс Давидович
(р. 1928). Поэт, прозаик.
с. 322

КУЗМИН Михаил Алексеевич
(1872—1936). Поэт, прозаик, критик.
с. 27

КУЗНЕЦОВ Юрий Поликарпович
(р. 1941). Поэт, переводчик.
с. 320, 347, 438

КУНЯЕВ Станислав Юрьевич
(р. 1932). Поэт, переводчик, критик.
с. 211

КУШНЕР Александр Семенович
(р. 1936). Поэт.
с. 387, 458

ЛАВРЕНЕВ Борис Андреевич
(1891—1959). Прозаик, драматург.
с. 411

ЛАСКИН Борис Савельевич
(1914—1983). Прозаик, фельетонист.
с. 218, 230

ЛЕВИТАНСКИЙ Юрий Давидович
(1922—1996). Поэт, переводчик.
с. 322, 324, 363, 466

ЛЕРМОНТОВ Михаил Юрьевич
(1814—1841)
с. 281

ЛИХОДЕЕВ Леонид Израилевич
(1921—1994). Прозаик, фельетонист.
с. 232

ЛОТМАН Юрий Михайлович
(1922—1994). Литературовед.
с. 497

ЛУГОВСКОЙ Владимир Александрович
(1901—1957). Поэт.
с. 72, 148, 199, 222

ЛЫСЦОВ Иван Васильевич
(1936—1995). Поэт
с. 295

ЛЬВОВ (Маликов) Михаил Давидович
(1917—1988). Поэт.
с. 272

МАКАНИН Владимир Семенович
(р. 1937). Прозаик.
с. 489

МАНДЕЛЪШТАМ Осип Эмильевич
(1891—1938). Поэт, прозаик.
с. 171

МАРИЕНГОФ Анатолий Борисович
(1897—1962). Поэт, прозаик.
с. 93

МАРКОВ Сергей Николаевич
(1906—1979). Поэт, прозаик.
с. 238, 399

МАРТЫНОВ Леонид Николаевич
(1905—1980). Поэт, переводчик.
с. 272, 301

МАРШАК Самуил Яковлевич
(1887—1964). Поэт, переводчик, детский писатель.
с. 109, 211, 273

МАТВЕЕВА Новелла Николаевна
(р. 1934). Поэтесса.
с. 284, 366

МАТВИЙКО Виктор Николаевич
(р. 1952). Поэт
с. 447

МАЯКОВСКИЙ Владимир Владимирович
(1893—1930). Поэт, драматург.
с. 74, 166, 194

МЕЖИРОВ Александр Петрович
(р. 1923). Поэт, переводчик.
с. 213, 289, 367

МИХАЛКОВ Сергей Владимирович
(р. 1913). Поэт, драматург, детский писатель.
с. 200, 223, 290

МОЛЧАНОВ Иван Никанорович

(1903—1984). Поэт.

с. 77

МОРИЦ Юнна Петровна

(р. 1937). Поэтесса.

с. 346, 351, 495

НАГИБИН Юрий Маркович

(1920—1994). Прозаик, киносценарист.

с. 442

НАДСОН Семен Яковлевич

(1862—1887). Поэт.

с. 29, 164

НАРОВЧАТОВ Сергей Сергеевич

(1919—1981). Поэт, прозаик.

с. 136, 301

НИКУЛИН Юрий Владимирович

(1921—1997). Артист цирка, киноактер, режиссер.

с. 461

ОЛЕША Юрий Карлович

(1899—1960). Прозаик, драматург.

с. 91

ОКУДЖАВА Булат Шалвович

(1924—1998). Поэт, прозаик, автор и исполнитель песен.

с. 275, 361, 460, 464

ОРЕШИН Петр Васильевич

(1887—1938). Поэт.

с. 85

ОСТЕР Григорий Беницианович
(р. 1947). Поэт, кинодраматург, детский писатель.
с. 521

ОШАНИН Лев Иванович
(1912—1996). Поэт.
с. 237

ПАСТЕРНАК Борис Леонидович
(1890—1960). Поэт, прозаик, переводчик.
Лауреат Нобелевской премии.
с. 79, 175, 201, 345

ПАУСТОВСКИЙ Константин Георгиевич
(1892—1968). Прозаик.
с. 121, 244

ПЕТРУШЕВСКАЯ Людмила Стефановна
(р. 1938). Прозаик, драматург.
с. 487, 513

ПИКУЛЬ Валентин Саввич
(1928—1990). Прозаик.
с. 440

ПОЖЕНЯН Григорий Михайлович
(р. 1922). Поэт.
с. 371, 398

ПОПЕРЕЧНЫЙ Анатолий Григорьевич
(р. 1939). Поэт.
с. 319

ПОПОВ Валерий Георгиевич
(р. 1939). Прозаик.
с. 448

ПРИМЕРОВ Борис Терентьевич
(1938—1995). Поэт.
с. 391

ПРИШВИН Михаил Михайлович
(1873—1954). Прозаик.
с. 245

ПРОКОФЬЕВ Александр Андреевич
(1900—1971). Поэт.
с. 80, 111, 137

ПРУТ Иосиф Леонидович
(1900—1995). Драматург, сценарист.
с. 246

РАДИМОВ Павел Александрович
(1887—1967). Поэт.
с. 81

РАТГАУЗ Даниил Максимович
(1868—1937). Поэт.
с. 31, 49

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ Роберт Иванович
(1932—1994). Поэт.
с. 216, 283, 303, 364, 517

РОМАНОВ Пантелеймон Сергеевич
(1884—1938). Прозаик.
с. 88

РОСЛАВЛЕВ Александр Степанович
(1883—1920). Поэт, прозаик.
с. 32

РУКАВИШНИКОВ Иван Сергеевич

(1877—1930). Поэт, прозаик.

с. 28, 53

РЫБАКОВ Анатолий Наумович

(1911—1998). Прозаик, детский писатель.

с. 491, 512

САМОЙЛОВ Давид Самойлович

(1920—1990). Поэт, переводчик, эссеист.

с. 291, 358, 369, 396

СВЕТЛОВ Михаил Аркадьевич

(1903—1964). Поэт, драматург.

с. 86, 240, 276

СВИФТ Джонатан

(1667—1745). Английский писатель, политический деятель.

с. 291

СЕВЕРЯНИН (Лотарев) Игорь Васильевич

(1887—1941). Поэт.

с. 61, 68, 166, 191, 344

СЕЛЬВИНСКИЙ Илья (Карл) Львович

(1899—1968). Поэт.

с. 59, 81, 138

СЕМЕНОВ Юлиан Семенович

(1931—1993). Прозаик.

с. 459

СИДОРОВ Валентин Митрофанович

(р. 1932). Поэт, прозаик.

с. 398

СИМОНОВ Константин (Кирилл) Михайлович
(1915—1979). Поэт, прозаик, драматург.
с. 242, 262, 306

СКИТАЛЕЦ (Петров) Степан Гаврилович
(1869—1926). Поэт, прозаик.
с. 19

СЛУЦКИЙ Борис Абрамович
(1919—1986). Поэт, переводчик.
с. 285, 305

СМЕЛЯКОВ Ярослав Васильевич
(1913—1972). Поэт.
с. 213, 277, 304

СМИРНОВ Сергей Васильевич
(1913—1992). Поэт, баснописец.
с. 214, 365

СОКОЛОВ Владимир Николаевич
(1928—1997). Поэт.
с. 279

СОЛОГУБ (Тетерников) Федор Кузьмич
(1863—1927). Поэт, прозаик.
с. 41

СОЛОУХИН Владимир Алексеевич
(1924—1997). Поэт, прозаик.
с. 215, 219, 228, 308

СОРОКИН Владимир Георгиевич
(р. 1955). Прозаик.
с. 490

СОСНОРА Виктор Александрович
(р. 1936). Поэт.
с. 367

СОФРОНОВ Анатолий Владимирович
(1911—1990). Поэт, драматург.
с. 261

СТОЛИЦА (Ершова) Любовь Никитична
(1884—1934). Поэтесса.
с. 67

ТВАРДОВСКИЙ Александр Трифонович
(1910—1971). Поэт.
с. 281

ТИХОНОВ Николай Семенович
(1896—1979). Поэт, прозаик.
с. 115, 140

ТОКАРЕВА Виктория Самойловна
(р. 1937). Прозаик.
с. 494

ТОЛСТОЙ Алексей Николаевич
(1883—1945). Поэт, прозаик, драматург.
с. 116

ТОЛСТОЙ Лев Николаевич
(1828 — 1910)
с. 34

ТРЯПКИН Николай Иванович
(1918—1998). Поэт.
с. 296, 364, 436

ТЫНЯНОВ Юрий Николаевич
(1894—1943). Прозаик, литературовед.
с. 118

ТЭСС (Сосюра) Татьяна Михайловна
(1906—1983). Прозаик.
с. 260

УВАРОВА Людмила Захаровна
(1918—1990). Прозаик.
с. 400

УТКИН Иосиф Павлович
(1903—1944). Поэт.
с. 82, 146

ФАДЕЕВ Александр Александрович
(1901—1956). Прозаик.
с. 99

ФЕДОРОВ Василий Дмитриевич
(1918—1984). Поэт.
с. 390

ФОКИНА Ольга Александровна
(р. 1937). Поэтесса.
с. 389

ФОФАНОВ Константин Михайлович
(1862—1911). Поэт.
с. 61

ХОДАСЕВИЧ Владислав Фелицианович
(1886—1939). Поэт, переводчик, критик.
с. 108

ЧАРСКАЯ (Чурилова) Лидия Алексеевна
(1875—1937). Поэт, прозаик, детская писательница.
с. 65

ЧЕРНЫЙ Саша (Гликберг Александр Михайлович)
(1880—1932). Поэт, прозаик, детский писатель.
с. 165

ЧЕХОВ Антон Павлович
(1860—1904)
с. 34, 451

ЧУЕВ Феликс Иванович
(1948—1999). Поэт.
с. 321

ЧУКОВСКИЙ Корней Иванович
(1882—1969). Поэт, литературовед.
с. 128, 314

ЧУЛКОВ Георгий Иванович
(1879—1939). Поэт, прозаик, литературовед.
с. 15

ШАТУНОВСКИЙ Илья Миронович
(р. 1923). Прозаик, публицист.
с. 233

ШКЛОВСКИЙ Виктор Борисович
(1893—1984). Прозаик, литературовед, критик.
с. 126, 262, 496

ШУКШИН Василий Макарович
(1929—1974). Прозаик, кинорежиссер, актер.
с. 217

ШИПАЧЕВ Степан Петрович
(1898—1980). Поэт.
с. 200, 386

ЭРЕНБУРГ Илья Григорьевич
(1891—1967). Поэт, прозаик, публицист, переводчик.
с. 149, 162

Литературно-художественное издание

Литературная пародия

АНТОЛОГИЯ САТИРЫ И ЮМОРА РОССИИ XX ВЕКА

Том девятый

Редактор-корректор *Е. Остроумова*
Компьютерная верстка *А. Филиппов*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 15.09.2000.
Формат 84×108 ¹/₃₂. Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,56.
Тираж 10 000 экз. Заказ 5680.

ЗАО «Издательство «ЭКСМО-Пресс»
Изд. лиц. № 065377 от 22.08.97.

125190, Москва, Ленинградский проспект,
д. 80, корп. 16, подъезд 3.

Интернет/Home page — www.eksmo.ru
Электронная почта (E-mail) — info@eksmo.ru

Книга — почтой:

Книжный клуб «ЭКСМО»

101000, Москва, а/я 333. E-mail: bookclub@eksmo.ru

Оптовая торговля:

109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2

Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля:

Магазин «Академкнига»

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1

Тел./факс: (095) 932-74-71

ООО «Унитрон индастри». Книжная ярмарка в СК «Олимпийский».
г. Москва, Олимпийский проспект, д. 16, ст. м. «Проспект Мира».
Тел. 785-10-30. E-mail: bookclub@cityline.ru

Дистрибьютор в США и Канаде — Дом книги «Санкт-Петербург»
Тел.: (718) 368-41-28. Internet: www.st-p.com

ISBN 5-04-005978-7

9 785040 059782 >

АООТ «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

*Самое яркое событие
в литературной жизни
России 2000 года!*

**АНТОЛОГИЯ САТИРЫ И ЮМОРА
РОССИИ XX ВЕКА
В 50 ТОМАХ**

*Вышли в свет
восемь томов серии*

- т.1 АРКАДИЙ АРКАНОВ**
- т.2 ВИКТОР ШЕНДЕРОВИЧ**
- т.3 «САТИРИКОН»
И САТИРИКОНЦЫ**
- т.4 ЕВГЕНИЙ ШВАРЦ**
- т.5 ИГОРЬ ИРТЕНЬЕВ**
- т.6 ГРИГОРИЙ ГОРИН**
- т.7 ВЛАДИМИР ВОЙНОВИЧ**
- т.8 ЮЗ АЛЕШКОВСКИЙ**

кий Иван Бунин Александр Куприн
О.А. Д'Ор Грритцхен Александр Блок
ский Михаил Нустынин Евгений Венский
Аркадий Бухов Константин Липскеров
Масс Арго Улья Ульф Евгений Петров
тер Наперная Владимир Жабоков Виктор
Казарновский Сергей Васильев Ян Сашин
Морис Слободской Александр Раскин
юв Зиновий Наперный Зорий Левитанский
арев Бенедикт Сарнов Станислав Рассадин
великс Ефимов Греликс Ефимов Владимир
Владимир Владин Виктор Рубанович
ий Иосиф Липкин Алексей Нянов
атолий Житницкий Виктор Завадский
Зысоцкий Александр Курляндский Аркадий
Вадим Дабужский Лион Измайлов
Филатов Вадим Жук Михаил Задорнов
Альтов Теннадий Попов Андрей Яхонтов
ий Виктор Мендерович Евгений

Владимир Короленко Иннокентий Анненский
Александр Измайлов Авель Петр Нильский
Сергей Торный Саша Черный Корней Чуковский
Дон Аминадо Александр Архангельский
Александр Орлит Михаил Зощенко Владимир
Александр Розенберг Александр Гринкель Эстер
Николай Акимов Сергей Швецов Юрий Ка
Никита Богословский Владимир Лифшиц
Наталья Ильина Бронислав Кежун Сергей Смирн
Владлен Бахнов Владимир Волин Назар Наз
Борис Козлов Павел Хмара Юрий Шанин
Войнович Аркадий Арканов Тригорий Торин
Зиновий Вальшонок Леонид Карабчевский
Виталий Резников Евгений Вербин Ана
Александр Иванов Марк Розовский Владимир
Хайт Борис Брайнин Валерий Попов
Инна Савельева Александр Хорт Леонид
Владимир Новиков Новелла Матвеева Семен
Михаил Казовский Дмитрий Храповицкий
Лесин

нский Иван Бунин Александр Куприн
ий О.Л. D'Op Гритцен Александр Блок
овский Михаил Пустынин Евгений Венский
Аркадий Бухов Константин Липскеров
ир Масс Арго Улья Ильф Евгений Петров
ер Наперная Владимир Набоков Виктор Ардов
Казарновский Сергей Васильев Ян Сашин
иц Морис Слободской Александр Раскин
ионов Зиновий Наперный Юрий Левитанский
азарев Бенедикт Сарнов Станислав Рассадин
Греликс Ефимов Греликс Ефимов Владимир
ин Владимир Владин Виктор Рубанович
ский Иосиф Липкин Алексей Нянов
Анатолий Житницкий Виктор Завадский
р Высоцкий Александр Курляндский Аркадий
Вадим Дабужский Лион Измайлов
Грилатов Вадим Жук Михаил Задорнов
н Альтов Теннадий Попов Андрей Яхонтов
цкий Виктор Мендерович Евгений

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАРОДИЯ

Призыв

Ты кроши, кроши, кроши
Хлебушек на снег,
Потому что воробей
Ест как человек.

Григорий Корин

Ты пиши, пиши, пиши,
Сочиняй весь век,
Потому что пародист
Тоже человек.

Он не хочет затянуть
Туже поясок.
Для него твои стихи —
Хлебушка кусок.

Ты пиши и мой призыв
Не сочти за лесть,
Потому что пародист
Тоже хочет есть!

Александр ИВАНОВ